

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ОБЩЕСТВА: ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

*Под общей редакцией доктора социологических наук,
профессора Титаренко Л.Г.*

Основан в 2004 г.

Выпуск VIII

Брест 2011

Сборник научных трудов содержит результаты исследований ученых по проблеме трансформационных и интеграционных процессов, проявляющихся в Беларуси и других европейских странах. Анализируются различные аспекты данных явлений: экономический, политический, культурно-образовательный, экологический и др.

Сборник трудов кафедр социально-гуманитарных наук.

Редакционный совет:

Яцкевич Я.С. – доктор философских наук, профессор (Беларусь)

Титаренко Л.Г. – доктор социологических наук, профессор (Беларусь)

Варич В.Н. – кандидат философских наук, доцент (Беларусь)

Попко О.Н. – кандидат исторических наук, доцент (Беларусь)

Поплавский Тадеуш – доктор, профессор (Польша)

Плева Альфред – доктор, профессор (Германия)

Рецензенты:

Б.М. Лепешко, доктор исторических наук, профессор

А.А. Горбацкий, доктор исторических наук, профессор

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Абраменко Е.Г.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь

Проблема становления и развития политического института парламентаризма является одной из важнейших тем в исследованиях процессов демократизации. Т. Карл и Ф. Шмиттер выделили четыре модели перехода к демократии в зависимости от сочетания главных параметров: ведущих акторов в процессе перехода (элиты или массы) и стратегии переходов (компромиссные или силовые) [1, с. 13 - 14]. Одним из самых успешных является «*пакетированный*» переход, основным принципом которого является соглашение между правящей элитой и оппозицией. При данном варианте частичная либерализация происходит до распада режима и продолжается вместе с процессом демократизации. Примерами «пакетированного» перехода являются Польша и Венгрия.

В Польше развитие демократии сопровождалось чередой кризисов: общественно-политических и социально-экономических, следствием чего стало формирование различных форм общественной деятельности, которая не зависела от официальных властей, еще в 70-х гг. XX в. Началом следующей стадии развития общественно-политического конфликта стало создание независимого профсоюза «Солидарность» в 1980 г. Однако трансформация политической системы произошла не вследствие массового движения, которое происходило в начале 80-х гг. XX в., а путем постепенной передачи всей полноты власти оппозиции.

В Венгрии в период правления Я. Кадара, по сравнению с другими Центрально-восточными европейскими государствами, было наибольшее продвижение по пути рыночных реформ. Кроме того, Венгрия отличалась наибольшим либерализмом среди стран региона. В значительной степени это являлось следствием событий 1956 г., после подавления которых экономическое и общественно-политическое развитие частично проходило в результате выполнения требований оппозиции, которая смогла сохранить некоторое влияние (хотя и в очень ограниченном виде). С конца 70-х гг. XX в. в Венгрии начался процесс возрождения гражданского общества, появились профсоюзы, а вслед за ними и организации политического характера. К середине 80-х гг. оппозиция организационно оформилась в Венгерский демократический форум.

Таким образом, особенностями общественно-политического и экономического развития данных государств в отличие от других стран Центральной и Восточной Европы стали сохранение элементов гражданского общества, параллельное функционирование социалистической экономики и некоторых элементов частного сектора, а также существование сильной оппозиции, представленной «Солидарностью» в Польше и «Демократическим форумом» в Венгрии, и достаточно мощных реформаторских сил внутри правящей партии (группа «демократических реформаторов» Венгерской социалистической рабочей партии во главе с И. Пошагаи и М. Неметом и реформаторское крыло Польской объединенной рабочей партии под руководством В. Ярузельского).

Одной из главных особенностей транзита в Польше и Венгрии, которая обусловила его эволюционный характер, явилось создание «круглых столов». В работе данных институтов принимали участие как представители коммунистических, так и оппозиционных партий, а также профсоюзов и Костела в Польше; вновь созданных «исторических» (существовавших в межвоенный период) партий и общественных организаций в Венгрии. Заключение соглашений «круглых столов» по таким важным вопросам, как

изменение государственного устройства, формирование правового фундамента для развития гражданского общества, многопартийности и свободных альтернативных выборов в законодательный орган стали в данный период началом глубокой политической трансформации в данных государствах.

Следующий вариант транзита – «реформистский», когда осуществление реформ связано с мобилизацией снизу. К этому варианту транзита относится Чехословакия, так как становление демократии и плюрализма происходило здесь вследствие актов гражданского сопротивления.

Особенностью ситуации в Чехословакии было то, что экономический кризис не был очень острым, а диссидентское движение выдвигало в большей степени не политические, а правозащитные и экономические требования. В 70-е гг. оформляются различные общественные объединения на основе гражданских инициатив и петиций в поддержку свобод граждан и прав человека. Крупнейшей среди них являлась «Хартия-77». В дальнейшее время возникли гражданские инициативы по проблемам экологии, защиты мира, международных отношений и т.д. В 70-80 гг. XX в. в Чехословакии шел процесс не только формирования относительно независимых объединений, но и оформлялись горизонтальные связи между ними. В 80-х гг. XX в. в Чехословакии, под влиянием либерализация в Польше и Венгрии, а также перестройки в СССР, начался новый подъем общественно-политической активности (после весны 1968 г.). Осенью 1989 г. в государстве начался политический кризис, положивший начало политической трансформации.

В начальной стадии движение в Чехословакии носило спонтанный характер, отсутствовали политические программы и лозунги. В ноябре 1989 г. представителями различных организаций и движений был создан «Гражданский форум» (союз оппозиционных сил Чехии) и «Общество против насилия» в Словакии. Данные организации призывали к гражданской и политической активности, а также смогли сохранять ненасильственный и мирный характер революционного протеста. Общественное движение быстро приобрело массовый характер, вследствие чего применение насилия со стороны властей стало неэффективным. Правящая (Коммунистическая партия Чехословакии) быстро утратила свое влияние и оказалась в политической изоляции, так как члены Народного фронта постепенно переходили на сторону оппозиции.

Отличительной особенностью политической трансформации в Чехословакии, Венгрии и Польше явилось то, что данный процесс возглавила новая политическая элита, а не представители прежнего режима.

К стратегиям переходов, носящим силовой характер, относятся «революционный» переход в Румынии и «навязанный» переход в большинстве стран постсоветского пространства и Болгарии. Примером «навязанного» варианта перехода является демократизация в СССР. К началу 80-х гг. XX в. во всех сферах жизни наблюдались застойные явления. Диссидентские группы не были массовыми и организованными. Поэтому демонтаж прежнего режима явился инициативой реформаторского крыла правящей элиты. На XXVII съезде КПСС в 1986 г., на XIX Всесоюзной конференции КПСС в 1988 г. были определены основные направления социально-политических и экономических реформ. Политическая реформа предполагала передачу всей полноты власти от КПСС к Советам. Помимо этого, предполагалось дополнение представительной демократии прямой через проведение народных референдумов. Так же в качестве формы непосредственной демократии рассматривался и Съезд народных депутатов. Однако политическая система эволюционировала лишь в направлении разграничения полномочий партийного аппарата и государственных органов. Процессы демократизации советского общества носили поверхностный характер, следствием чего стало ослабление государственности.

В Болгарии массовая организованная оппозиция не сформировалась. Первые неформальные организации которые появились к к.80-х гг. XX в., были разнородными по составу, разобщены и не смогли образовать консолидированную силу, которая могла бы свергнуть существующую власть. Поэтому осуществление политической реформы начала Болгарская коммунистическая партия (БКП) в лице реформаторского крыла во главе с П. Младеновым и А. Лукановым. Трансформация политических структур началась после отставки 10 ноября 1989 г. Т. Живкова с постов генерального секретаря Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии (ЦК БКП) и председателя Государственного совета. На пленуме ЦК КПБ в декабре 1989 г. был взят курс на осуществление политических реформ, направленных на демонтаж командно-административной системы, а на внеочередном съезде партии зимой 1990 г. была принята политическая декларация. Ее основными положениями являлись: 1) создание правового государства на основе верховенства закона и гарантий прав человека; 2) разделение властей; 3) парламентская демократия; 4) многопартийность и свободные выборы; 5) содействие становлению гражданского общества и др.

В результате начавшейся либерализации в государстве за короткий период сформировалась оппозиция, которую возглавил Союз демократических сил, возобновили деятельность «исторические» партии, а БКП постепенно потеряла многих своих союзников, которые заявляли о своей независимости (профсоюзные и молодежные организации, Отечественный фронт, Болгарский земледельческий союз). Тем не менее, необходимо сказать, что Болгария являлась единственной среди стран Центральной и Восточной Европы, где коммунисты победили на первых свободных парламентских выборах.

В Румынии переход к демократии начался с насильственного свержения коммунистического режима. Существовавшая система личной власти Н. Чаушеску поддерживалась репрессивной политикой и исключала какое-либо инакомыслие. К началу демократизации в Румынии не было общественных объединений и групп оппозиционной направленности, которые могли бы в будущем стать основой для формирования политических партий. Политика, проводимая Н. Чаушеску, привела к глубокому экономическому кризису и внешнеполитической изоляции Румынии. В таких условиях ненасильственные способы изменения существующего порядка исключались. Попытка силой усмирить начавшиеся 15 декабря 1989г. массовые выступления была безуспешной. Именно народные массы стали основной движущей силой революции в Румынии, впоследствии к ним присоединились военные и часть партийной элиты. Ликвидация прежнего режима произошла в течение нескольких дней. Власть оказалась в руках Фронта национального спасения (ФНС), в состав которого вошли представители «второго эшелона» номенклатуры и военные. Необходимо отметить существенную роль в процессе транзита законодательных и представительных органов. Они в большинстве случаев становятся местом, где достигается согласие между элитами о стратегиях демократических изменений. Парламенты сыграли центральную роль в принятии новых демократических конституций, которые определили новые формы государственного устройства, а также в выработке направлений социально-политических и экономических реформ.

Тем не менее, на данном этапе нельзя преуменьшать значение парламентов, так как становление и развитие политического института парламентаризма является более длительным процессом. В большинстве стран ЦВЕ (исключая государства Балканского региона) и Прибалтики парламентаризм утвердился достаточно быстро, что объясняется социокультурными предпосылками, а также стремлением вступить в Евросоюз. В подавляющем большинстве постсоветских государств процесс становления

и развития политического института парламентаризма сопровождается определенными сложностями ввиду отсутствия традиций.

В переходный период в значительной части стран Центральной и Восточной Европы утвердился форма парламентской (Венгрия, Латвия, Словакия, Чехия, Эстония), а также смешанной (Болгария, Литва, Польша, Румыния, Словения) республики.

В большинстве стран постсоветского региона, образовавшихся в результате распада СССР, в начале перехода доминирующая тенденция была другой и состояла в приоритете смешанной формы правления. В процессе утверждения поста президента, которому подчинялась исполнительная власть, парламенты начали терять влияние, а их лидеры – возглавлять властный истеблишмент. Для постсоветского региона характерно противостояние таких ценностей, как демократия и сохранение стабильности. Данное явление объясняется двойной трансформацией: политической – созданием плюралистической политической системы; экономической – переходом к рыночной экономике, а также обретением независимости. Разрушение единого многонационального государства, дезинтеграция прежних связей, усиление конфликтности оказали существенное влияние на происходящие преобразования. Данные условия вызвали необходимость увеличения полномочий президента, что было закреплено в Конституциях России, Грузии, Армении, Украины, Казахстана, Беларуси и др.

Необходимо отметить, что в настоящее время имеет место расширение полномочий парламента на постсоветском пространстве: революционным путем как на Украине, в Киргизии и Грузии и эволюционным, через модернизацию «сверху», как в Армении и Казахстане.

По результатам исследований Евробарометра, в 2010 г. доверие национальным парламентам по сравнению с 2008г. упало на 1 % в Чехии и Словакии, 2% в Эстонии, 4% в Литве, 5% в Румынии, 6% в Польше, 9% в Латвии, 10% в Хорватии, 13% в Словении. Поднялось доверие к законодательным органам только в Болгарии – +19% и Венгрии – +1%. При этом следует учитывать, что уровень недоверия национальным парламентам в указанных странах составляет более 60% [2, 3].

На постсоветском пространстве парламенты не пользуются высоким доверием граждан. Так, по данным опросов «Евразийского монитора», в 2010г. одобряли деятельность парламента 30% опрошенных в России, 13% в Украине, 28% в Молдове, 34% в Армении, 45 % в Киргизии (исключением являются только Казахстан – 63%). Данное положение можно объяснить тем, что для постсоветского пространства характерна ориентация в большей степени на главу государства. Уровень позитивной оценки Президента по данным на 2010 г., составил в России – 70%, в Армении – 56%, Казахстане – 95%, Киргизии – 59%, в Молдове – 28%, в Украине – 29 % [4].

Законодательная власть, по сути, скрыта от граждан, она проявляется только в форме законов, которые не всегда работают. Персонафицированность власти главы государства, его прямое взаимодействие с избирателями, приводит к тому, что именно эта власть воспринимается как реальная и правящая. Падение значения национальных парламентах стран Центральной Европы связано со вступлением в Евросоюз. Полномочия законодательных органов постепенно сокращаются в пользу правительства.

Список цитированных источников

1. Карл, Т.Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) / Т.Л Карл, Ф. Шмиттер // Полис. – 2004. – № 4. – С. 6–27.
2. Евробарометър 69. Обществено мнение в Европейския Съюз. Пролет 2008. Национален доклад България [Електронен ресурс]. – 2008. – Режим достъпа: http://www.ec.europa.eu/public_opinio/archives/eb/eb69/eb69_bg_nat.pdf //

3. Дифференциация показателей социального самочувствия и политической лояльности населения стран постсоветского пространства (по результатам межстрановых исследований проекта «Евразийский монитор» // Евразийский монитор [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/files/197/file/110304.pdf>.

4. Table of rezalts standart Eurobarometer 72 [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb72/eb72_anx_vol1.pdf.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТИВНО-СУБЪЕКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Акинчиц И.И.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

По мере развертывания глобализации в научной литературе все чаще и чаще утверждается, что она представляет собой естественно-исторический процесс развития в экономической, политической, информационной, культурной сферах на современном этапе мировой истории. Глобализация охватывает все земное пространство и интегрирует его в единую целостную систему. Данный процесс набирает силу и обороты путем создания и укрепления транснациональных структур и институтов, сосредотачивающих колоссальные ресурсы, а также международных финансовых корпораций, контролирующих денежные потоки. В результате развертывания этого процесса спонтанно формируется определенное единство мира (см. 1).

На наш взгляд, такой подход к оценке глобализации страдает односторонностью. Естественно-исторический процесс развития общества – это повторяющаяся, существенная связь явлений общественной жизни, характеризующая поступательное развитие истории. В общественной жизни действие законов проявляется в виде тенденций, т.е. законы определяют генеральную линию развития общества. Они не охватывают и не предопределяют случайности и отклонения. Но именно через них необходимость пробивает себе дорогу как закон. Вместе с тем законы развития общества – это законы исключительно деятельности людей, а не нечто внешнее по отношению к этой деятельности. Люди творят историю при материальных и духовных предпосылках, унаследованных от предшествующих поколений. Естественно, опираясь на объективно существующую закономерность, они находят в самой действительности источники и силы для ее преобразования. Такие личности, партии, классы, массы действуют активно, особенно в переломные эпохи.

Возрастание роли субъективного фактора в истории составляет важнейшую сторону исторического процесса. Глобализация – это историческая веха, крупный поворот истории. В процессе глобализации решающее значение в преобразовании общественных отношений приобретает субъективный фактор. Ведь необходимо своевременно решать назревшие жизненно важные проблемы всего человечества. Среди них следует, в первую очередь, назвать обеспечение мирных условий для развития всех народов; преодоление ныне возрастающего разрыва в экономическом уровне и доходах на душу населения между развитыми и развивающимися государствами путем ликвидации их отсталости; устранение голода, нищеты, неграмотности на всей планете. К ним же относится прекращение «демографического взрыва» в развивающихся странах и «депопуляции» в развитых державах, предотвращение загрязнения окружающей среды, обеспечение дальнейшего экономического развития человечества возобновляемыми и не возобновляемыми природными ресурсами, предотвращение отрицательных последствий совершенствования техники и технологии. Глобальность обозначенных проблем вытекает не только из их «общепланетарности»; но и из того, что они не могут быть полностью разрешены в рамках отдельных государств или даже географических регионов. Они также не могут решаться изолированно одна от другой.

Глобализация не является лишь объективным следствием техноэкономического развития, создания информационных сетей, формирования единого всепланетарного рынка. Глобализация – это также не только спонтанный процесс становления единой цивилизации, разделяющей так называемые общечеловеческие ценности. В современных условиях уже нельзя говорить о каких-либо сугубо объективных процессах, протекающих независимо от субъективного фактора в истории. Глобализация представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного, объективно-субъективный процесс. Его важнейшей чертой является то, что его инициируют и проводят в жизнь транснациональные круги США, Евросоюза и Японии. Они стремятся реализовать свои экономические интересы за счет интересов других государств. Эти круги навязывают остальному миру «западную модель» общественного развития, прежде всего посредством финансовых рычагов пытаются «подогнать» политические и государственные структуры иных стран под эту модель. В первую очередь они используют в этих целях международные финансовые институты – МВФ, ВТО, Международный банк (см. 2).

Эти и другие финансовые организации, предоставляя кредиты странам, не входящим в «золотой миллиард», одновременно оказывают на них политическое давление. Так, МВФ, выделяя кредиты Армении, Украине, Молдове и некоторым другим республикам бывшей великой державы, поставил условие непризнания ими суверенитета Абхазии и Южной Осетии, отказа от установления с ними дипломатических отношений. После президентских выборов 19 декабря 2010 года в Беларуси тот же МВФ отказал в кредите нашей республике, и ей пришлось размещать евробонды в размере 800 млн. долларов США под 8,95 % годовых сроком на семь лет для того, чтобы обеспечить нормальное функционирование хозяйственного механизма. Более того, после этого Евросоюз исключил Беларусь из «восточного партнерства». Он же вместе с США принял решение об оказании финансовой помощи непримиримой оппозиции в размере 87 млн. долларов. Данные решения были обусловлены тем, что Беларусь не приняла западной модели развития экономики, обеспечивающей большие преимущества странам «золотого миллиарда». Беларусь отказалась также от западной модели демократии, превращающей нашу республику в «банановую», в придаток держав-лидеров глобализации.

Во многих работах, посвященных данной проблеме, отмечается, что глобализация началась уже в XV столетии, когда формировались капиталистические общественные отношения, осваивалось географическое пространство за пределами Европы и происходила его европеизация. Важной чертой начального этапа глобализации было образование крупных национальных государств и их обширных колониальных владений. Тогда европейцы выступали в роли субъекта, были движущей силой, а остальные народы – лишь объектом процесса глобализации. Современный вектор социокультурного развития, создания информационных сетей также направлен в сторону образования «больших пространств». Но в отличие от начального этапа сегодня отчетливо проявляется тенденция выхода экономических систем за рамки национально-территориальных образований. Если раньше главную роль играла Западная Европа, то сегодня гегемоном выступает лишь одна сверхдержава – США. Именно эта страна пытается навязать остальному миру свою версию глобализации и под маркой транснационального финансово-правового регулирования перераспределить мировые ресурсы и доходы в свою пользу.

Такая политика США обусловлена прежде всего тем, что эта сверхдержава после распада СССР не имеет достойного противовеса в современном мире. Евросоюз, несмотря на многочисленные официальные заявления его лидеров о самостоятельной внешней политике, действует в основном по американским рецептам. Об этом на-

глядно свидетельствует его политика на Ближнем Востоке, присутствие его военного контингента в Ираке и Афганистане, а также отношение этого сообщества к событиям начала 2011 года в Тунисе, Египте, Йемене и других арабских государствах. То же самое можно сказать о политике Евросоюза в отношении Беларуси после последних президентских выборов в нашей республике. Во всех случаях Европейский Союз постоянно следует в кильватере политики США.

Китай сможет выступить в качестве противовеса США лет через 10-15, Бразилия, Индия и Россия – где-то лет через 15-20. А до тех пор одной сверхдержаве будет удаваться проводить глобализацию по собственному сценарию. Анализ происходящих мировых событий позволяет сделать вывод, что ныне американцы осуществляют перманентный штурм планеты, причем используя при этом различные формы, такие как оказание материальной «помощи», политико-дипломатическое давление, «анти-террористические компании» и т.д. США конструируют собственную систему регуляции общепланетарного развития, которая в определенной мере учитывает интересы их союзников, прежде всего стран-членов НАТО, но не соответствует объективным тенденциям глобализации. Следовательно, вместо того, чтобы трансформировать всю планету в одну целостную коммуникационную систему, в которой все регионы были бы равноправны и постоянно совершенствовались, США вместе с другими государствами «золотого миллиарда» действуют в целях сохранения status quo.

Таким образом, с одной стороны, в условиях системной трансформации современного общества объективно создаются огромные возможности решения проблемы бедности многих регионов планеты, а с другой – в результате субъективного устремления стран «золотого миллиарда» и в силу политической инерции прошлого эта проблема все более и более углубляется. Следует при этом подчеркнуть, что чем больше вовлечена та или иная страна, не входящая в «золотой миллиард», в сферу его интересов, тем большим становится разрыв между уровнем жизни населения этой страны и развитых государств. Так, только за вторую половину XX столетия этот разрыв между пятью беднейшими и пятью богатейшими государствами возрос в следующей пропорции: 1:30 и 1:75 (3). В первом десятилетии XXI века доход на душу населения понизился более чем в 100 бедных странах. Сейчас диспропорция между бедными и богатыми государствами постоянно увеличивается. Но если бы все страны выровнялись, например, по уровню потребления энергоресурсов на душу населения с США, то, согласно подсчетам экспертов ООН, потребовалось бы еще 2,6 таких же планет. А газ и нефть были бы выкачаны из недр планеты только за одно десятилетие (4). В данном случае отчетливо проявляется механизм воздействия субъективного фактора на объективные условия, обратного влияния надстроечных элементов (политики, идеологии и т.д.) на естественно-исторический процесс. Причем такое влияние направлено на вестернизацию мирового процесса, на замедление темпов общественного прогресса.

Что можно противопоставить «глобализации по-американски»? Прежде всего следует отметить, что глобализация не означает создание общепланетарного сообщества с единым центром управления экономическими процессами, регулирования финансовых потоков, формирования культурных связей и информационных сетей. В процессе глобализации могут и должны образовываться союзы, содружества и т.д., которые были бы в состоянии обеспечивать самодостаточное функционирование и развитие каждого государства, входящего в такое образование. Экспертами ООН подсчитано, что экономически наиболее эффективным может быть союз, включающий государства с общей численностью населения 250 млн. человек. Если он будет меньшим, то станут экономически невыгодными межгосударственная специализация и кооперирование производства, а если большим, то резко возрастут расходы на транс-

портировку продукции, сырья и т.д. Разумеется, такие государства, как Китай и Индия, могут сами по себе быть самодостаточными и эффективно развиваться. Нынешнее превосходство США над этими странами обусловлено прежде всего преимуществом американцев в инновационно-технологической и информационно-коммуникативной сферах. Благодаря этому США демонстрируют всему миру свою силу. Однако уже в ближайшее время Китай, а затем и Индия и по вышеуказанным показателям поднимутся до уровня США. Об этом наглядно свидетельствует динамика роста их ВВП, разработка и внедрение нанотехнологии и т.д.

Еще одним противовесом «глобализации по-американски» может быть образование восточнославянского союза или содружества. К сожалению, весь славянский мир вступил в XXI век раздробленным и обессиленным, испытывающим разрушительное внешнее воздействие. Для того чтобы окончательно не оказаться на периферии и занять достойное место в мировой социальной структуре, восточным славянам необходимо объединение и инновационная стратегия развития. Это станет возможным при условии резкого возрастания роли субъективного фактора. Следует создать союзное государство, способное противостоять волюнтаристским устремлениям, направленным на утверждение моноцентрической геополитической структуры. При этом надо учитывать, что США изначально настроены против создания восточнославянского союза. Евросоюз никогда не будет считать православные восточнославянские народы своими. Для исламского мира мы также чужие. Набирающие мощь азиатские «тигры» в конечном итоге будут видеть в славянах конкурентов, а не союзников. Поэтому народы Беларуси, России, Украины и Казахстана (где половина населения – славяне) должны осознать, что они находятся перед альтернативным выбором. Они объединятся и образуют собственный центр развития или же поочередно превратятся в «этнографический материал» для сильных мира сего. С учетом общности исторического развития, культурной близости, сохранившихся научных и промышленно-технологических связей Россия должна стать центром восточнославянского союза. Однако для того, чтобы выйти из-под контроля транснационального капитала и в разумных пределах дистанцироваться от него, нынешним лидерам этой страны и других восточнославянских государств необходимо проявить сильную волю и провести прямую антизападную мобилизацию.

Таким образом, несмотря на то, что глобализация представляет собой многофакторный синергетический процесс образования экономических, коммуникационных, информационных и других сетей, охватывающих всю планету, мир не должен стать моноцентрическим во главе с США. Моноцентризм противоречит логике развития общества. Напротив, по мере развертывания глобализационных процессов мир все более и более будет становиться полицентрическим и оказывать непосредственное воздействие на ускорение общественного прогресса. Поэтому нельзя согласиться с теми учеными, которые стоят на позициях социального пессимизма. Нельзя подменять идею прогресса идеей циклического круговорота (О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин) или же внешне нейтральным понятием «социальное изменение» (А. Бенуа, М. Фуко, К. Ясперс). Вместе с тем нельзя согласиться и с теми учеными, которые утверждают, что глобализация в конечном итоге приведет к образованию единой планетарной культуры (Ф. Фукуяма, С. Хантингтон). В полицентрическом мировом сообществе не может быть единой культуры, ибо в нем всегда имеются различные социальные нормы, духовные ценности, а также совокупности отношений между людьми. Разумеется, нельзя единый социальный мир делить на множество изначально изолированных, лишенных тесных отношений культур. Однако, исходя из многообразия форм культуры различных народов и обществ, нельзя также абсолютизировать любую культуру, стоять на позициях культурного диффузионизма.

В заключение следует отметить, что Республика Беларусь, став суверенным государством, разработав стратегию устойчивого развития, провозгласив многовекторность внешней политики, может более успешно развиваться в составе восточнославянского союза. Белорусское общество имеет большой интеллектуальный потенциал, служащий основным фактором его конкурентоспособности. В Беларуси формируется гражданское общество. Основную роль в этом процессе играет государство, поскольку именно оно определяет политику защиты национальных интересов, решает вопросы гарантии прав граждан, намечает главные направления реформирования экономики и т.д. Правда, слабость национальной идеи, аморфный характер политических партий, специфика менталитета населения делают данный процесс более длительным и трудным. Вместе с тем избранная стратегия позволит нашей республике занять достойное место в восточнославянском общесоюзном государстве и сообща активно участвовать в международном разделении труда. Только при условии сплоченного и крепкого союза восточнославянских государств можно успешно решать возникающие в процессе глобализации проблемы. Решающая роль в этом деле отводится субъективному фактору.

Список цитированных источников

1. См.: Бабосов, Е.М. Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века / Е.М.Бабосов. – Мн.: Право и экономика, 2005. – 230 с; Яскевич Я.С. Системная трансформация общества и глобализация: экономические, информационные и социокультурные измерения // Системная трансформация общества: исторический опыт, современность и перспективы. – Брест, 2007. – С. 64–68; Truchalińska B. Aksjologia przeszłości jako źródło modeli alternatywnych // Bezpieczeństwo człowieka a wartości. – Siedlce, 2010. – S. 25–35.
2. Кирвель, Ч.С. Эпоха глобальных перемен и перспективы развития восточнославянских народов // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII do XXI wieku. – Kraków, 2007. – S. 174.
3. Уткин, А.Н. Вектор глобальных перемен. Анализ и оценка основных факторов мирового политического развития // Политические исследования, 2000. – № 1. – С. 43–44.
4. Уткин, А.И. Мировой порядок XXI века / А.И.Уткин. – М.: Алгоритм, 2001. – 216 с.

НОРМЫ МОРАЛИ В БРАЧНО-СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Андрияшко М.В.

Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь

В процессе эволюционирования, наполнения новым содержанием и отказом от прежних догм, семья и соотношение ролей ее участников или членов рассматривались под разным углом и в разных пропорциях. Например, М.В. Довнар-Запольский указывал, что для мужчины считалось абсолютно зазорным и совершенно недопустимым выполнение «женской работы», под которой, в частности, понималось: «<...> доставать из печи пищи <...>; достать из сундука белья, хлеба или сала перед отправлением в дорогу <...>» [1, с. 19].

Вместе с тем под давлением времени и объективно меняющихся условий, семья, закончив свое развитие как закрытая социальная система, стала наполняться содержанием, характерным для открытых социальных систем: с одной стороны, семья как самостоятельная единица стала пониматься, например, как самостоятельный субъект права, с другой стороны, семья стала рассматриваться как участница динамично развивающегося института общественных отношений – социального партнерства. По словам Ф.С. Тумусова, «социальное партнерство – одно из важных звеньев соединения коллективных и индивидуальных интересов» [2, с. 160].

Возлагая на семью ответственность за воспитание детей, законодательство признаёт семью субъектом права, способным нести такую ответственность под страхом применения семейно-правовых санкций. Так, ответственность семьи за воспитание детей предусмотрена, например, ст. 17 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» [3], которая называется «Ответственность семьи за ребенка». Ст. 65 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [4] указывает, что на семью возлагается ответственность за воспитание и содержание детей, их защиту. Абзац 1 п. 1 ст. 30 Гражданского кодекса Республики Беларусь [5] допускает возможность судебного ограничения дееспособности гражданина, если он ставит свою семью в тяжёлое материальное положение вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами либо психотропными веществами.

Практика показывает, что при алкоголизме одного из супругов семья перестает выполнять должным образом свою главную функцию – воспитание детей. А.М. Нечаева, оценивая причины распада семей и направления защиты семьи, отмечает, что «непосредственный каждодневный контакт с родителем-алкоголиком превращается в опасный для несовершеннолетнего, его здоровья, воспитания источник» [6, с. 41].

Отметим, что в 2009 г. лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, совершено 30 539 преступлений, 237 394 лица были привлечены к ответственности за распитие алкогольных напитков в общественном месте либо появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, с 2006 по 2009 год от случайных отравлений алкоголем погибло около 10,5 тыс. жителей республики. Наряду с ростом алкогольной смертности возросло число лиц, состоящих на наркологическом учете по причине: 1) алкоголизма, – на 6,3% (с 171 103 в 2006 г. до 181 833 в 2009 г.), в том числе женщин – на 36,7% (с 27 417 до 37 483 соответственно); 2) употребления алкоголя с вредными последствиями, – на 23,5% (с 69 945 в 2006 г. до 86 368 в 2009 г.), в том числе женщин – на 44,5% (с 10 823 до 15 644 соответственно), несовершеннолетних – на 3,2% (с 16 828 в 2006 г. до 17 372 в 2009 г.) [7].

Опыт большинства стран мира свидетельствует, что антиалкогольная государственная политика должна быть направлена на защиту жизни и здоровья граждан, укрепление демографической безопасности, заботу о подрастающем поколении. «Область нравственных и демографических характеристик семейных отношений» в качестве актуального положения, с которым связано дальнейшее реформирование семейного законодательства», – отмечает Н.Н. Тарусина, и с ней соглашается А.М. Нечаева [8, с. 121].

Статья 1 КоБС, перечисляя задачи брачно-семейного законодательства, говорит о руководстве моральными принципами при правовом регулировании отношений по укреплению семьи [4]. Исследователи указывают, что «моральное начало усилено» [9, с. 36] в нормах действующего КоБС, и при этом ссылаются на содержание ст. 16 КоБС в части сокращения срока регистрации брака, ст. 18 КоБС в части снижения брачного возраста, ст. 35 КоБС в части недопущения расторжения «брака во время беременности жены и до достижения ребенком возраста трех лет без письменного согласия другого супруга на расторжение брака при условии, что он проживает совместно с ребенком и осуществляет родительскую заботу о нем, за исключением случаев, когда отцовство по отношению к ребенку признано другим лицом или по решению суда сведения о муже как об отце ребенка исключены из записи акта о рождении ребенка» [9, с. 36].

О силе нравственных императивов и влиянии норм морали на брачно-семейные отношения, а также о взаимодействии морали и права в рамках семейного права пишут многие исследователи, в числе которых Ю.А. Королев, А.М. Нечаева, Е.М. Ворожейкин. Так, Ю.А. Королев, исходя из того, что брачно-семейные отношения регулируются правовыми и нравственными нормами, отмечает: «Приведение брачно-семей-

ного законодательства в соответствие с нравственными требованиями общества является шагом на пути укрепления семьи и развития отношений в ней» [10, с. 178]. А.М. Нечаева отмечает, что «в области семейных отношений, касающихся несовершеннолетних детей, налицо правовое оформление норм сугубо нравственного порядка <...>» [11, с. 28]. Е.М. Ворожейкин указывает, что «семейные отношения регулируются не только нормами права, но и нормами морали» [12, с. 271]. Коллектив авторов (А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский), рассматривая схожие черты и отличительные особенности норм морали и права, указывает на то, что «при применении норм права нередко является обязательной нравственная оценка личности (при решении вопроса об оставлении ребенка у родителей, лишении родительских прав и т.д.)» [13, с. 231]; «нормами права допускается возможность для молодых матерей отказаться от новорожденных и передать их на воспитание в приюты. Нравственность же подобные поступки однозначно осуждает» [13, с. 232]. З.В. Ромовская отмечает, что «в семейном праве не существует обязанности, которой не соответствовала бы обязанность нравственная. Поэтому любое противоправное поведение является одновременно и поведением аморальным» [14, с. 47]. В целом характеризуя взаимодействие правового и морального регуляторов, А.Б. Венгеров указывает, что «Нравственные нормы подкрепляют правовые <...>, и наоборот, нарушение правовых норм влечет за собой, как правило, и моральное осуждение» [15, с. 308].

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г., вступивший в силу 14 сентября 1999 г. [4], продолжил традиции, заложенные в принятых в эпоху советской власти брачно-семейных кодексах, в части закрепления норм об опеке и попечительстве и других формах устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, дополнив перечень существовавших форм новыми.

Список цитируемых источников

1. Довнар-Запольский, М.В. Очерки обычного семейственного права крестьян Минской губ. / М.В. Довнар-Запольский. – М.: Типо-лит. К. Александрова, 1897. – 79 с.
2. Тумусов, Ф.С. Семья и постиндустриальная цивилизация / Ф.С. Тумусов // Вопросы философии. – 2001. – № 12. – С. 153 – 163.
3. О правах ребенка: Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-XII; в ред. Закона РБ от 10 нояб. 2008 г., № 451-3 // Нац. реестр правовых актов РБ. – 2008. – № 277. – 2/1547.
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Закон РБ, 9 июля 1999 г., № 278-3; в ред. Закона РБ от 15 июля 2010 г., № 166-3 // Нац. реестр правовых актов РБ. – 2010. – № 183. – 2/1718.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон РБ, 7 дек. 1998 г., № 218-3; в ред. Закона РБ от 16 июля 2010 г., № 172-3 // Нац. реестр правовых актов РБ. – 2010. – № 184. – 2/1724.
6. Право и защита семьи государством / Е. Г. Азарова [и др.]; редкол.: проф. В.П. Мозолин, проф. В.А. Рясенцев (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1987. – 184 с.
7. О Государственной программе национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма на 2011–2015 годы: постановление Совета Министров РБ, 11 янв. 2011 г., № 27 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 8. – 5/33153.
8. Нечаева, А.М. Н.Н. Тарусина. Очерки Российского семейного права. Ярославль: Министерство общего и профессионального образования РФ, 1999; Н.Н. Тарусина. Семейное право: уч. пособие. – М.: Проспект, 2001 / А.М. Нечаева // Государство и право. – 2002. – № 3. – С. 121-122.
9. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / С.М. Ананич [и др.]; под ред. В.Г. Тихини, В.Г. Голованова, С.М. Ананич; Нац. центр зак-ва и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 680 с.
10. Королев, Ю.А. Семья, государство, общество / Ю.А. Королев. – М.: Юрид. лит., 1971. – 192 с.
11. Нечаева, А.М. Семейное право: курс лекций / А.М. Нечаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2002. – 320 с.
12. Ворожейкин, Е.М. Семейные правоотношения в СССР / Е.М. Ворожейкин. – М.: Юрид. лит., 1972. – 336 с.
13. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; под общ. ред. А.Ф. Вишневского. – 2-е изд., исправ. и доп. – Минск: Тесей, 1999. – 560 с.

14. Ромовская, З.В. Защита в советском семейном праве / З.В. Ромовская. – Львов: Вища школа, 1985. – 180 с.

15. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов / А.Б. Венгеров. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Баранов А.М.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь

Использование исключительно *технократического* подхода в исследовании трансформаций современной социально-экономической системы не допустимо, поскольку не учитываются творчество, изобретательство, антропогенная активность трудовых ресурсов как субъектов научного познания, происходит учёт исключительно технических, инженерных операций. Современные исследователи выделяют следующие методологические концепции изучения информационной экономики (табл. 1) [1].

Таблица 1 – Методологические подходы исследования информационной экономической системы

Направления и подходы	Представление об информационной экономической системе	Предмет исследования и полученные результаты
1	2	3
Структурный М. Порат, Ф. Махлуп, Т.П. Николаева, Т.А. Селищева	Информационная экономика – система взаимосвязанных экономических секторов (производственных отраслей и инфраструктуры), в которой доминирующей является сфера информационно-технологического производства	Изучение влияния сферы информационного и информационно-технологического производства на экономику. Сфера информационного и информационно-технологического производства пронизывает все секторы экономики и способствует размыванию границ отраслевой специализации экономики
Функциональный В.Л. Тамбовцев, Т.П. Николаева, Б.В. Корнейчук, Ф. Эванс и др.	Информационную экономическую систему связывают с функционированием рынка	Механизм функционирования рынка информации. Механизм функционирования рынка товаров и услуг в условиях обладания экономическими агентами асимметричной информацией о товаре. Механизм деконструкции традиционных форм взаимодействия
Технико-технологический Р.М. Нижегородцев С.Ю. Глазьев, Ю.В. Яковец	Информационная экономика – комплекс отраслей, связанный с производством научной информации и информационных средств, продуктов и технологий	Пятый технологический уклад является переходным, поэтому становление информационного общества закончится с распространением шестого технологического уклада
Организационный М. Кастельс, С.А. Дятлов, И.А. Лазорев, И.А. Стрелец, А.Д. Урсул, Г.С. Хижа, А.Б. Курицкий	Информационная экономика – системно организованная многоуровневая информационная среда, в которой осуществляется взаимодействие хозяйствующих агентов, находящихся в любой точке пространства	Новые формы, способы взаимодействия экономических агентов, особенно сети структур, глобализация потоков: финансового и информационного; глобализация рынков. Возможность функционирования гибких производственных систем. Управление организациями сменяется управлением процессами.

Продолжение таблицы 1

1	2	3
Виртуальный Ж. Бодрийяр, Д. Иванов	Виртуальная экономика (экономика образов) – экономика, в которой институционализованные практики замещаются компьютерными симуляциями	Виртуализация институционального строя, вызванная симуляцией базовых элементов комплекса норм: товара, инновации, труда и платежеспособности. Создание новой концепции цены как образа стоимости (императив виртуального производства). Образ фирмы обладает стоимостью, поэтому обращается на фондовом рынке. Деньги персонализируются и становятся образом платежеспособности.

Научно-технический прогресс (НТП) тесно связан с социально-экономической динамикой развития общества, при этом в центре данного трансформационного процесса находится сам человек, выступающий в качестве объединяющей силы эволюции цивилизации. Соответственно, целесообразной представляется новая методология научного исследования, основу которой может составить *предлагаемый нами комплементарный метод информационно-антропогенного анализа*, базирующийся на положении о том, что любые социоэкономические процессы *не возможны без участия информации и человека*.

В основе всех взаимодействий в мире лежит движение энергии и материи. Но с философской точки зрения, движение атомов как частиц материи определяется не только энергией, оно определяется показателем количества движения или *величиной импульса*, который представляет собой *вектор направления*. Именно *вектор направления* приводит к упорядочению движения атомов и способствует трансформации энергии, в том числе её перехода из одного состояния в другое. Чем выше данная упорядоченность, тем более сложные и эффективные системы могут создаваться.

Известный теоретик информационной экономики *Р.М. Нижегородцев* полагает, что «информация есть мера всех вещей, и всякий объект, материальный или идеальный, существует постольку, поскольку он несёт ... информацию», «всякое явление несёт на себе информацию о своей сущности» [2, с. 43–45]. С нашей позиции, под воздействием накопленной индивидуумом информации возникает направленное движение, в результате которого образуется форма, являющаяся, по сути, тоже информацией. Так, например, строитель при постройке дома не просто укладывает кирпичи, он стремится скомбинировать их в определенной последовательности и придать результату определённую форму, при этом цель его работы – именно форма материи, т. е. информация. Так, современный исследователь информационной экономики *А. Демин* утверждает, что «для выполнения работы энергетические возможности должны сопровождаться возможностями информационными и всякий процесс труда есть процесс информационного взаимодействия» [3, с. 23].

Таким образом, *труд всегда подразумевает интеллектуальную, подвластную только человеку, трансформацию накопленных в обществе информации и знаний*. Конечно, в процессе труда расходуется и энергия, и материя, но в данном случае энергия, как и материя, – вторична и представляет собой только условие труда, но не его цель. Это означает, что *труд является информационно-антропогенной категорией*. Использование любого средства труда подразумевает использование информации/знаний: так, даже применение простого молотка опирается на закон распределения давления в зависимости от площади; принцип рычага, закон *Ньютона* и др.

Нельзя не вспомнить *К. Маркса*, который в своей фундаментальной работе «Капитал» рассматривал два вида труда – *абстрактный, связанный с расходом «челове-*

ческой рабочей силы в физиологическом смысле», «лишенный какой бы то ни было формы...» [4, с. 55–57], и конкретный, связанный с созданием детерминированных потребительских свойств продуктов труда, т.е. формы, структуры. Таким образом, ещё К. Маркс определил взаимосвязь энергетических и информационных проявлений в экономике. В его понимании «конкретный труд становится формой проявления своей противоположности, абстрактного человеческого труда» [4, с. 68].

Таким образом, информационно-антропогенный компонент по умолчанию интегрирован в любые социоэкономические процессы. Обмен, производство, распределение, потребление любых материальных объектов (в том числе и в аграрной, и в индустриальной экономике) так или иначе, его включают. Следовательно, по нашему мнению, необходима корректировка главного, целевого объекта экономики знаний. Все экономические категории (прибыль, рента, доход и т.д.) – это понятия информационно-антропогенные, поскольку они есть специфические результаты человеческой деятельности, а интегрирующей основой последней является информация. Так, прибыль – это не только финансовые средства, которые экономической механизм распределяет на увеличение производства необходимого товара, но и информация о вероятности повышения спроса при понижении цены до уровня себестоимости.

Эволюция современной экономической системы представляет собой не стихийный, а программируемый и управляемый человеком процесс. Нельзя не согласиться с К. Марксом: «Идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу» [5, с. 132]. Такого же мнения придерживаются и современные теоретики информационной экономики С. Дятлов («Все социально-экономические понятия и реальные социально-экономические объекты есть порождение человеческой личности» [6]) и К. Келли («Основой новой экономики является технология, но фундаментом для неё служат человеческие отношения») [7].

Таким образом, все социоэкономические процессы мы предлагаем определять через затраты на интеллектуальное моделирование, т.е. векторное преобразование информации (в том числе и о веществе) в знание, материальный объект и др. С нашей позиции, интеллектуальное моделирование существует и в случае примитивного физического труда, но его доля в затратах труда чрезвычайно мала.

В процессе труда мы создаём знания, позволяющие сэкономить труд других людей благодаря интеллектуальному моделированию. Таким образом, с нашей позиции стоимость сэкономленного труда:

$$C_e = C_i + C_l, \quad (1)$$

где C_i – стоимость интеллектуального моделирования;

C_l – совокупная стоимость затрат общественного труда на обучение индивида. Как писал К. Маркс, «благо имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлён, или материализован человеческий труд. Как же измерять величину её стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда...» [4, с. 47].

По мнению известного теоретика постиндустриального общества Д. Белла, когда знание в своей систематической форме вовлекается в практическую переработку ресурсов (в виде изобретения или усовершенствования) именно знание, а не труд выступает источником стоимости [8].

С нашей позиции, стоимости вне труда не существует, но труд сам по себе неразрывно связан с информацией. Раскроем с помощью комплементарного метода информационно-антропогенного анализа стоимость интеллектуального моделирования:

$$C_i = C_v + C_n + C_k + C_p + C_d, \quad (2)$$

где C_v – стоимость интерперсональных взаимодействий людей в процессе создания благ;

C_n – стоимость навигации, т.е. поиска необходимого ментального материала, информации;

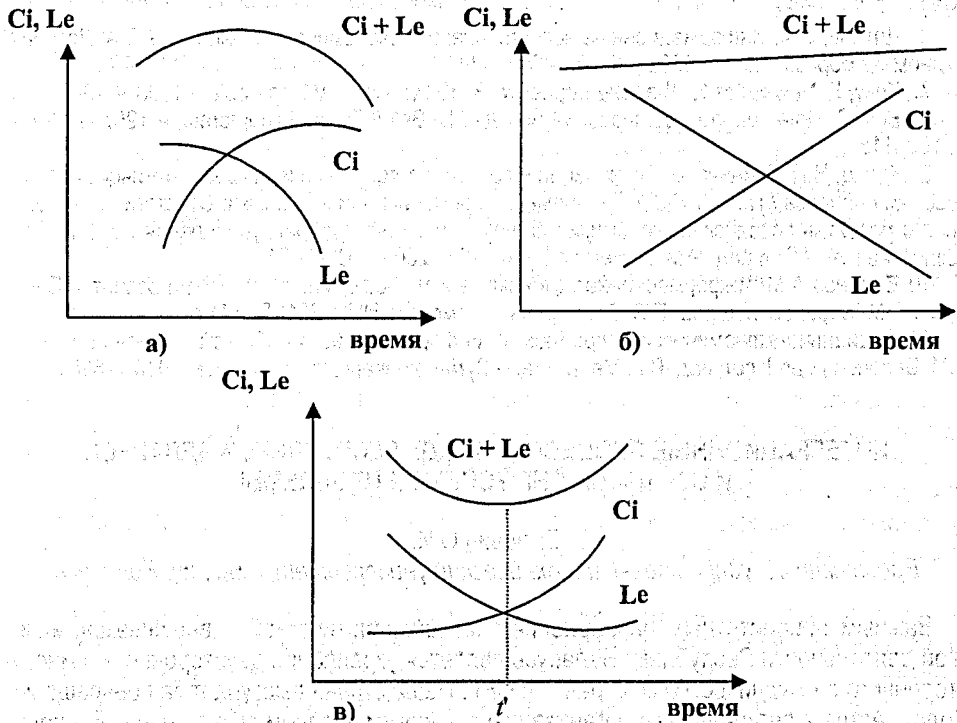
C_k – стоимость использованных в процессе моделирования знаний;

C_p – полная стоимость преобразования энергии в процессе труда, создающая технологические предпосылки исследования (включает стоимость затрат энергии в технологическом цикле + стоимость применения информации об энергии и её использовании и др.);

C_d – стоимость созданных знаний.

Наибольшей сложностью является определение стоимости созданного продукта интеллектуального моделирования – знания (C_d), который может быть определён только эмпирическим путём.

Используя подход, предложенный Н.П. Кохно, полагаем, что возможны три основных варианта эффекта экономии труда с помощью интеллектуального моделирования: с возрастающей отдачей (рис. 1 а), с постоянной отдачей (рис. 1 б) и с убывающей отдачей (рис. 1 в). Если эффект экономии будет проходить с возрастающей отдачей (рис. 1 а), то экономически выгодными окажутся крайние (по оси времени) состояния, когда будет превалировать либо материальное, либо полностью интеллектуальное производство. В случае постоянной отдачи интеллектуализация с течением времени окажется либо постоянно экономически невыгодной (рис. 1 б), либо постоянно экономически выгодной. Это зависит от направления линии функции издержек совокупного труда: либо на убывание (рис. 1 б), либо на возрастание. При наличии убывающего типа отдачи (рис. 1 в) замена труда интеллектуальным моделированием будет экономически целесообразной лишь до момента времени t [9].



а) с возрастающей отдачей; б) с постоянной отдачей; в) с убывающей отдачей.
 Рисунок 1 – Варианты изменения затрат труда, отражающие характер экономии труда с помощью интеллектуального моделирования

Так отмечал и *К. Маркс*, по мнению которого «...повышение производительности труда заключается в том, что доля живого труда уменьшается, а доля прошлого труда увеличивается, но увеличивается так, что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается... следовательно, количество живого труда уменьшается больше, чем увеличивается количество прошлого труда» [4]. Описанное положение соответствует варианту (рисунок 1 в), в частности левой части графика, расположенной между осью ординат и t .

Эволюция производительных сил цивилизации определяется не только объёмом и качеством накопленных знаний, но и уровнем развития методов интеллектуального моделирования [10-11]. Степень интеллектуального моделирования научных знаний обусловлена важнейшими потребностями общества – информационными. Соответственно воспроизводство, обучение людей *качественному интеллектуальному моделированию* является главным фактором социально-экономической эволюции!

Список цитированных источников

1. Баранова, Н.В. Теоретико-методологические аспекты формирования информационной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Н.В. Баранова; Урал. ин-т экон.-ки, управл. и права. – Челябинск., 2008. – 26 с.
2. Нижегородцев, Р.М. Информационная Вселенная: Информационные основы экономического роста / Р.М. Нижегородцев. – Москва-Кострома, 2002. – 174 с.
3. Демин, А. Информационная теория экономики: макромодель / А. Демин. – М.: Комкнига, 2007. – 352 с.
4. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. – Т. 12. – 880 с.
5. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. – 1955. – Т. 2. – 652 с.
6. Дятлов, С.А. Информационные аспекты анализа экономических явлений / С.А. Дятлов // Экономика образования. – 1999. – № 3. – С. 31–44.
7. Kelly, K. New Rules for the New Economy / K. Kelly. – N.Y.: Viking Adult. – 1998. – 192 p.
8. Bell, D. Notes on the Post-Industrial Society / D. Bell // The Public Interest. – 1967. – № 7. – P. 102–118.
9. Кохно, Н.П. Технические инновации в производстве: смысл и макроэкономические предпосылки процесса / Н.П. Кохно // Проблемы информационной экономики: Стратегия инновационного развития российской экономики: сб. науч. тр. / Ин-т проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН / Под ред. Р.М. Нижегородцева. – М., 2008. – С. 69–71.
10. Баранов А.М. Информационная экономика и трансформация стратегий развития Беларуси / А.М. Баранов; под ред. Б.В. Сорвинова. – Гомель: ЦИИР, 2010. – 174 с.
11. Социально-экономические проблемы информационного общества: монография / А.М. Баранов [и др.]; под ред. Л.Г. Мельника. – Сумы: Университетская книга, 2010. – 896 с.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И СТРАНАМИ СНГ: УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ

Билевич О.И.

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Важным приоритетным направлением внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь является укрепление двустороннего и многостороннего сотрудничества со странами СНГ. Наша страна выступает за превращение Содружества в региональную организацию с высоким уровнем экономической и политической интеграции. Белорусские представители активно участвуют во встречах руководителей государств и правительств, работе координационных органов СНГ (Меж-

парламентской Ассамблеи, Совета министров иностранных дел, Совета министров обороны, Межгосударственного экономического комитета и др.). Столица республики город Минск является местом нахождения исполнительных и координационных органов СНГ.

Республика Беларусь подписала и ратифицировала важнейшие уставные документы СНГ, в том числе его Устав. Однако Содружество в силу различных интересов государств-членов и центробежных процессов на постсоветском пространстве не смогло стать эффективным инструментом согласования интересов и создания сплоченного политико-экономического сообщества. В рамках СНГ возникли региональные группы государств по интересам (Союз Беларуси и России, Центрально-Азиатский союз, ГУУАМ – Союз Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдовы). В 1999 г. из Договора о коллективной безопасности стран СНГ, заключенного в 1992 г. в Ташкенте, вышли Азербайджан, Грузия и Узбекистан. На новый срок Ташкентский договор продлили Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. Украина отказывается участвовать в политических и военных интеграционных мероприятиях Содружества. Учитывая существенные расхождения между государствами-членами относительно дальнейших перспектив развития Содружества, Совет глав государств узаконил концепцию разноскоростной интеграции на просторах СНГ. Признано, что экономическое направление является на сегодняшний день наиболее перспективным в развитии СНГ.

Белорусское руководство выступает за повышение эффективности деятельности органов СНГ, их реорганизацию с целью оперативного принятия решений и создания действенного механизма по контролю за выполнением принимаемых решений. Программа реформирования СНГ и позиция Беларуси в отношении этой организации были изложены Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в его заявлении от 25 ноября 1997 г.

Интересы Беларуси в рамках СНГ заключаются в создании полноценной зоны свободной торговли. Это будет способствовать формированию в рамках Содружества полноценной рыночной инфраструктуры, развитию в будущем общего экономического пространства, основанного на свободном перемещении товаров, услуг, рабочей силы и капиталов. Зона свободной торговли будет содействовать более плавному и равноправному вхождению стран Содружества в мировую систему хозяйства, вступлению во Всемирную торговую организацию, развитию сотрудничества с другими международными организациями. Основные внешнеполитические и внешнеэкономические интересы Республики Беларусь в рамках Таможенного союза пяти государств заключаются в создании на основе этого союза единого экономического пространства.

Развитие политических отношений РБ со странами СНГ можно рассмотреть, проанализировав эволюцию политических отношений с момента их установления и до настоящего времени. Дипломатические отношения между РБ и Азербайджанской Республикой установлены 11 июня 1993 г. Посольства двух стран открыты в г. Минске и г. Баку в 2006 г. 17–18 октября 2006 г. состоялся официальный визит Президента Азербайджана в Беларусь, в ходе которого подписан первый документ на межгосударственном уровне – Договор между РБ и Азербайджанской Респ. о социально-экономическом сотрудничестве до 2015 г.

В марте 2007 г. осуществлен рабочий визит в Азербайджан Премьер-министра Беларуси, в ходе которого утверждены мероприятия по выполнению Программы долгосрочного социально-экономического сотрудничества между РБ и Азербайджанской Республикой, являющиеся неотъемлемой частью упомянутого Договора. 1–3 мая 2007 г. проведен ответный визит Президента Беларуси в Азербайджан, в ходе которого главами государств подписан Договор о дружбе и сотрудничестве. 11–13 ноября 2009 г. состоялся второй официальный визит Президента Азербайджана в Беларусь.

В настоящее время успешно развиваются торгово-экономические отношения между РБ и Азербайджанской Респ., заключены договоры о поставке азербайджанской нефти в РБ.

Дипломатические отношения между РБ и Респ. Армения установлены 11 июня 1993 г. В сентябре 2001 г. в г. Ереване открыто Посольство РБ. Посольство Респ. Армения в РБ функционирует с 1993 г. Между странами подписано более 55 соглашений различного уровня. В 2000 г. состоялся обмен визитами на уровне глав правительств. В мае 2001 г. в ходе официального визита Президента Республики Беларусь в Республику Армения подписан Договор о дружбе и сотрудничестве, который ратифицирован парламентами обеих стран. В июне 2002 г. состоялся официальный визит в Беларусь Президента Республики Армения. В марте 2009 г. состоялся рабочий визит Президента Республики Беларусь в Республику Армения.

26–27 ноября 2009 г. Президент Армении посетил Беларусь с рабочим визитом, в рамках которого принял участие в заседании Межгоссовета ЕврАзЭС на уровне глав государств и в работе саммита Международного союза электросвязи «Соединим пространство СНГ».

Обобщив вышеизложенные факты, можно прийти к выводу, что белорусско-армянские отношения развиваются довольно плодотворно.

Дипломатические отношения между РБ и Респ. Казахстан установлены 16 сентября 1992 г. основополагающим документом, определяющим направления и перспективы развития отношений между двумя странами, является Договор о дружбе и сотрудничестве между РБ и Респ. Казахстан, подписанный 17 января 1996 г. в г. Минске. РБ и Респ. Казахстан ведут активный политический диалог. На регулярной основе проходят встречи президентов и премьер-министров Беларуси и Казахстана в рамках СНГ, ЕврАзЭС и ОДКБ. В 1999 г. прошел визит Президента Республики Беларусь в Казахстан, в 2000 году состоялся официальный визит Президента Республики Казахстан в Беларусь. В декабре 2004 г. Казахстан с рабочим визитом посетил Президент Республики Беларусь. В мае 2005 г. прошел официальный визит Президента Республики Беларусь в Республику Казахстан.

25–26 ноября 2009 г. состоялся официальный визит Президента Республики Казахстан Назарбаева Н.А. в РБ. Достигнуты договоренности сосредоточить усилия на развитии новых форм сотрудничества, в том числе взаимного привлечения инвестиций и современных технологий, производственной кооперации. В ходе визита подписан План совместных мероприятий на 2010–2011 годы по реализации Программы экономического сотрудничества между Респ. Казахстан и РБ на 2009–2016 годы (дорожная карта развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества).

Дипломатические отношения между РБ и Кыргызской Республикой были установлены 21 января 1993 г. Республика Беларусь и Кыргызская Республика поддерживают активный политический диалог. На регулярной основе проходят встречи президентов и премьер-министров Беларуси и Кыргызстана в рамках СНГ и Евразийского экономического сообщества. Официальные визиты Президента Кыргызской Республики в Республику Беларусь состоялись в январе 2001 г. и в ноябре 2006 г. В октябре 2008 г. состоялся ответный официальный визит Президента Республики Беларусь в Кыргызскую Республику. В июле 2009 г. Президент Республики Беларусь принял участие в неформальном саммите глав государств СНГ в Кыргызстане. В ноябре 2009 г. состоялась двусторонняя встреча президентов Беларуси и Кыргызстана в рамках заседания Межгоссовета ЕврАзЭС в Минске. Договорно-правовая база двусторонних отношений включает более 30 международных договоров и соглашений. Основополагающими документами являются Договор об основах межгосударственных отношений от 29 декабря 1991 г. и Договор о дружбе и сотрудничестве от 27 ноября 2006 г.

Дипломатические отношения между Республикой Беларусь и Республикой Молдова установлены 19 ноября 1992 г. Между государствами заключено около 60 двусторонних международных договоров, регулирующих вопросы договорно-правовых отношений. В сентябре 1995 г. состоялся официальный визит в Молдову Президента Республики Беларусь. В июне 2000 г. проведен визит Президента Молдовы в Беларусь. В октябре 2009 г. в рамках заседания Совета глав государств СНГ состоялась встреча Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко с временно исполняющим обязанности Президента Республики Молдова Гимпу М.Ф. В 2008 и 2009 гг. состоялись двусторонние встречи премьер-министров Беларуси и Молдовы в рамках саммитов глав правительств СНГ в г. Минске, г. Кишиневе, г. Астане.

В феврале 2010 г. осуществлен визит в Республику Беларусь молдавской правительственной делегации во главе с заместителем Премьер-министра и Министром экономики Республики Молдова. В ходе визита состоялась рабочая встреча Премьер-министра Республики Беларусь с руководителем делегации Молдовы, проведено очередное заседание Межправительственной Белорусско-Молдавской комиссии по вопросам торгово-экономического сотрудничества, подписан двусторонний Договор об экономическом сотрудничестве на 2010–2013 гг.

Дипломатические отношения между РБ и Респ. Таджикистан установлены 5 сентября 1996 г. Посольство Респ. Таджикистан в г. Минске открыто в феврале 1997 г. РБ дипломатического представительства в Таджикистане не имеет. Между Беларусью и Таджикистаном подписано 32 международных договора. Основополагающими документами являются межгосударственный Договор о дружбе и сотрудничестве и Соглашение о свободной торговле. В апреле 2000 г. состоялся официальный визит Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в Респ. Таджикистан. В июле 2001 г. Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон посетил Беларусь с ответным визитом.

По большинству международных вопросов, в том числе по наиболее важным направлениям работы ООН, позиции сторон совпадают.

Дипломатические отношения между Республикой Беларусь и Туркменистаном установлены 21 января 1993 г. В июле 2002 г. в г. Ашхабаде открыто Посольство Республики Беларусь. Посольство Туркменистана в Республике Беларусь функционирует с июня 1995 г. В целях активизации двустороннего сотрудничества в мае 2002 г. проведен первый официальный визит Президента Республики Беларусь в Туркменистан. В ходе визита подписаны Договор между РБ и Туркменистаном о дружбе и сотрудничестве, Соглашение между РБ и Туркменистаном о долгосрочном сотрудничестве в области поставок в Туркменистан сельскохозяйственной, автомобильной, автобусной и другой техники, а также ряд других соглашений. Обмен официальными визитами на высшем уровне состоялся в 2009–2010 годах (июнь 2009 г. – официальный визит Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в Туркменистан, январь 2010 г. – ответный официальный визит Президента Туркменистана Бердымухамедова Г.М. в Республику Беларусь). Договорно-правовую базу двустороннего сотрудничества составляют 32 международных соглашения.

Дипломатические отношения между Республикой Беларусь и Республикой Узбекистан установлены 21 января 1993 г. Посольство РБ в Узбекистане функционирует с мая 1996 г. Между Беларусью и Узбекистаном подписано 35 международных соглашений. Основополагающими документами, определяющими двустороннее политическое и экономическое сотрудничество, являются Договор между РБ и Респ. Узбекистан об основах межгосударственных отношений, Декларация об укреплении дружбы и сотрудничества между РБ и Респ. Узбекистан, а также Соглашение о торговых от-

ношениях между РБ и Респ. Узбекистан, Договор между Респ. Узбекистан и РБ об экономическом сотрудничестве на 2008–2017 годы.

В декабре 2000 г. в рамках заседания глав государств СНГ состоялась встреча Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко с Президентом Республики Узбекистан И.А. Каримовым, на которой были обсуждены основные вопросы развития двустороннего сотрудничества. Республика Беларусь и Республика Узбекистан взаимодействуют в рамках ООН и других международных организаций.

Дипломатические отношения между РБ и Украиной установлены 27 декабря 1991 г. Посольство РБ в Украине функционирует с октября 1993 г. Между Беларусью и Украиной заключено более 160 двусторонних международных договоров. Основополагающими документами, регулирующими двустороннее политическое и экономическое сотрудничество, являются Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, Соглашение о свободной торговле. На протяжении 2008–2009 годов белорусско-украинские политические отношения развивались достаточно динамично.

Истекший период характеризовался интенсивным двусторонним диалогом на высшем уровне. В январе 2009 г. Президент Республики Беларусь провел рабочий визит в Украину, 6 мая 2009 г. Главы государств встретились в г. Гомеле, 9 октября 2009 г. состоялась двусторонняя встреча в г. Кишеневе во время Совета глав государств СНГ. 5–6 ноября 2009 г. прошел официальный визит Президента Республики Беларусь в Украину. В июне 2009 г. состоялся рабочий визит в Украину Премьер-министра Республики Беларусь. Проведена серия встреч первых заместителей премьер-министров Беларуси и Украины; в том числе, в рамках заседаний Межправительственной белорусско-украинской смешанной комиссии по вопросам торгово-экономического сотрудничества. Украинская парламентская делегация в главе со спикером Верховной Рады Украины В.Литвиным совершила 29–30 июня 2009 г. официальный визит в Беларусь. В рамках визита состоялась встреча В.Литвина с Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

22–23 ноября 2009 г. в г. Киеве прошла очередная трехсторонняя встреча Министров иностранных дел Беларуси, Украины, Литвы; в ходе которой были обсуждены вопросы взаимодействия в рамках инициативы ЕС «Восточное партнерство». 24–25 февраля 2010 г. состоялся рабочий визит Президента Республики Беларусь в Украину для участия в церемонии инаугурации избранного Президента Украины В. Януковича, в ходе которого были обсуждены вопросы дальнейшего развития взаимодействия двух стран по приоритетным направлениям сотрудничества в различных сферах. В настоящее время белорусско-украинские отношения развиваются динамично, на взаимовыгодной основе.

СНГ для Республики Беларусь – объективная реальность, способная преодолевать трудности социально-экономической трансформации государств постсоветского пространства, поэтому республика Беларусь заинтересована в развитии всего позитивного, что достигнуто Содружеством. В тоже время белорусское руководство стремится к большей масштабности торгово – экономических интересов: создание на территории Содружества зоны свободной торговли, необходимой для формирования полноценной рыночной инфраструктуры, обоснованной на свободном перемещении товаров, рабочей силы и капиталов.

Список цитируемых источников

1. Часноўскі, М.Э. Гісторыя знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь. – Брэст: БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2008.
2. Сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь [“Электронный ресурс”]. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/>

ДИНАМИКА МЕНТАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Бодак М.С.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В зависимости от сложившегося менталитета народ обладает определенной восприимчивостью к тому или иному типу идеологий, культурных норм, политических ценностей. Формируясь в ходе длительного исторического развития этноса, менталитет определяет национальный характер, национальную модель экономического и социального поведения, а ментальные конструкции являются основополагающими особенностями национальной культуры. Наличие устойчивых особенностей национального менталитета не означает, что он представляет собой неизменную сущность. В исторической реальности национальный менталитет меняется. Специфика механизма его изменения заключается в наложении новых смысловых конструкций, их сосуществовании в национальном сознании с традиционными составляющими, способствовавшими выживанию в предыдущие эпохи.

Понятие менталитета широко используется в современной политической науке. Интерес политологии к особенностям национального менталитета обусловлен его несомненным влиянием на политическую жизнь, политическую культуру общества, результаты социальной трансформации. Если попытаться дать характеристику этому неоднозначному понятию, то менталитет представляет собой умонастроение, особый духовный склад ума, источник мышления, мироощущения, мировосприятия, идеологии, веры; особенность индивидуального и общественного сознания людей, их жизненных целей, моделей поведения; индикатор специфических черт социализации человека и социальных групп, их самобытности и суверенности; способ видения мира, устойчивые рациональные и эмоциональные, логические, чувственные, правовые и ценностные воззрения, устойчивые мысли и образы, обобщенные и распространенные представления о политических реалиях, ценностях и идеалах.

Менталитет выступает как характеристика состояния уровня и направленности сознания, его способности к усвоению норм, принципов и ценностей жизни, к адаптации в условиях социальной среды, воздействию на нее, к воспроизводству опыта предшествующих поколений, отношения к политической и социальной реальности, политическому курсу, к властным структурам и политическим организациям.

Для менталитета характерны подсознательный характер реагирования и высокая устойчивость, неподатливость населения воздействию со стороны государства и социальных институтов, если последние пытаются в корне изменить его образ жизни, социальные и культурные условия. Национальный менталитет – этногенетически запрограммированное восприятие мира, регулирующее мировоззрение народа и влияющее на его поведение. Особенности менталитета наиболее ярко проявляются в стрессовых ситуациях, когда возникает «конфликт целей».

Формирование особенностей менталитета белорусов происходило в основном в условиях этатизации политической системы, исключительно в полиэтническом поликультурном, полиязыковом, поликонфессиональном социуме, в переплетении разнообразных поликультурных взаимовлияний. Показательно, что уже прабелорусы отличались некоторыми локальными характерологическими особенностями. Свидетельствами этого являются длительная борьба не только полоцких князей, но и населения Полоцкого княжества за свое самоуправление, более значительное сохранение элементов язычества в мифологии, обрядах и повседневном быту широких народных слоев. При этом у прабелорусского населения практически отсутствует оригинальный

героический эпос, воспевающий наступательность и готовность к территориальной экспансии.

Перипетии в истории этноса, в частности конфессиональные пертурбации и вооруженные столкновения, радикальная трансформация его государственности в течение длительного времени повлекли перемены в самосознании и отразились на менталитете. В белорусском менталитете появляется такая черта, как "тутэйшасць", затрудняющая самоидентификацию по причине того, что народ одновременно подвергался двум разнонаправленным влияниям – российскому имперскому и польскому католическому. В XIX в. положение меняется, когда пути народных масс и шляхетской интеллигенции расходятся, и можно говорить о разных типах самоидентификации, даже о разных типах менталитета – белорусского "крестьянского" и колонизированного шляхетского.

Устойчивыми традиционными чертами менталитета белорусов с той поры принято считать: самоидентификацию себя на бытовом и психологическом уровне как особого социально-этнического целого – "мужиков-белорусов"; локальный характер самоидентификации, "тутэйшасць" как привязанность к "малой родине", одновременно выражающую социально-политическую и национальную индифферентность, "памяркоўнасць" народного характера, выразившаяся в долготерпении и жизнестойкости белорусов, но часто граничащую с покорностью обстоятельствам, конформизмом, некоторым фатализмом и настороженностью в отношении радикальных изменений; упорство в повседневном труде, трудолюбие белорусов, привычку добиваться успехов собственными силами и стараниями (без надежды на поддержку "сверху", ибо таковой не было никогда); слабую выраженность личной и коллективной инициативы, связанную с традиционным консерватизмом; терпимость и толерантность, которая еще со времен ВКЛ отличала белорусов как в личных отношениях, так и по отношению к другим народам, конфессиям, к людям с иными идейно-политическими убеждениями, нередко переходящую в общественный конформизм; преобладание элементов общинной психологии и одновременно неприятие крайних индивидуалистических позиций, недоверие к большим искусственно созданным коллективам, руководимым некой "глобальной идеей"; тенденцию к заниженной культурной и этнической самооценке, что помешало оформлению национально-культурной самоидентификации и в последующем времени способствовало формированию уничижительного отношения ко всему белорусскому.

Проблему при анализе белорусского менталитета составляет размытость этнического самосознания, произрастающая из исторически полиэтнического состава населения. Уже со времени существования Великого княжества Литовского на территории Беларуси, кроме белорусов, литовцев, русских, жили и украинцы, и евреи, и татары. Многие исследователи полагают, что у основания белорусского этноса стояли балты и славяне. Чертами, унаследованными от балтов, они считают белорусскую сдержанность, флегматичность, трудолюбие, от славян – гостеприимство, доброжелательный нрав, долготерпеливость и мягкосердечие. Многоконфессиональность и миролюбие белорусов порождают в менталитете такую черту, как толерантность, терпимость к иноверцам, иноземцам, к инакомыслящим в принципе.

Специфика Беларуси в том, что культивированию "тутэйшасці" способствовало само геополитическое положение, когда осознание себя не русскими, не поляками, а "тутэйшымі" было пассивным способом защиты самобытности, а также сохранения жизни во время войны. В результате русско-польских столкновений народ был искусственно разорван на две части. Такое положение вещей не могло не отразиться на самосознании и менталитете белорусов. Белорусский литературный язык и элитарный пласт культуры были надолго утрачены, но развивалась культура белорусской

деревни. Это определило такую существенную черту белорусского менталитета, как крестьянский характер культуры, что стало причиной некоторого национального «комплекса неполноценности», о котором с тревогой пишут многие исследователи. Причины этого явления в наши дни – социополитические: долгая жизнь в окружении более сильных и активных народов, долгие столетия отсутствия собственной государственности.

Однако белорусский народ обладает и конструктивными качествами, которые могут послужить катализаторами пробуждения его национального духа. Это разумное, спокойное умение взвесить реальную ситуацию и сделать из нее трезвые выводы, самокритицизм и умение признать достоинства других народов, и добрый юмор, который во все времена помогает преодолевать трудности.

Как отмечалось выше, с изменением исторических условий национальный менталитет меняется. Становление суверенного белорусского государства, совпавшее с трансформацией общественно-политического строя, вызвало к жизни необходимость формирования нового типа взаимоотношений власти и общества, переосмысления накопленного опыта модернизации, создания новой белорусской модели развития. Все эти процессы, усугубившиеся мировым экономическим кризисом, не оставили неизменными базовые ценности белорусского общества, затронули его ментальные конструкции. Так, понятия рыночной экономики, социального правового государства, демократизации общественных отношений ещё недавно считались инновационными в ментальных структурах белорусского сознания, соотносясь исключительно с западными ментальными особенностями. Считалось, что типичного белоруса с русским сближают моральные качества (доброта и душевность), а с европейцем – деловые (дисциплинированность и исполнительность), что европейцы в понимании белорусов – «трудолюбивые жмоты». Но рациональность, расчетливость и меркантилизм, которые главенствуют на Западе, можно наблюдать и в новых ментальных структурах современных белорусов.

Философ А. Зиновьев подчеркивал, что важнейшее отличие российской цивилизации от западной заключается в неординарном сочетании индивидуально-личного («я») и социального («мы») начал в общественном бытии людей. У европейцев «я» доминирует над «мы», способствуя развитию у них таких качеств, как расчетливость, практицизм, склонность к добросовестности в деле, чувство превосходства над другими народами, способность к самодисциплине и самоорганизации. Очевидно, что люди, менталитет которых формировался в условиях свободной рыночной конкурентной экономики, культивировали данные качества для выживания в ситуации незащищенности, когда государство минимизировало своё вмешательство в социальную жизнь. Иначе обстоит дело у народов, формирование менталитета которых протекало в условиях этатизации политической системы, постоянного патроната, опеки государства над обществом. В менталитете таких людей сформировалось абсолютное доверие государству в решении вопросов дальнейшего выбора пути развития, в обеспечении их благосостояния.

По мнению некоторых исследователей, на современном этапе в Беларуси сложилась ситуация, когда население страны в массе своей не имеет представления о том, в каком направлении следует развиваться белорусскому обществу. Белорусский менталитет заставляет простого жителя республики остановиться на своеобразном перекрестке и ждать, какой путь предложит государство на этот раз. В истории каждого народа бывают подобные ситуации, но сегодня нерешительность сопровождается страхом. И это не просто страх перед выбором и неизбежными изменениями, а страх как элемент национального самосознания, когда боятся многого: нищеты, безработицы, общественного порицания, болезней, начальства. Наблюдается тенденция к появлению новых страхов. Среди наиболее острых опасений сегодня на первое место вышел страх девальвации.

Социальные опасения могут привести к дистанцированию от государственной власти: В заключительном слове Президента А.Г. Лукашенко на IV Всебелорусском народном собрании была четко сформулирована позиция главы государства: "Теперь мы должны прямо и честно сказать людям, что дальнейший рост качества их жизни будет зависеть от личного труда и предприимчивости". Провозглашая 2011 год "Годом предприимчивости", руководство страны, шестнадцать предыдущих лет неуклонно формировавшее у белорусов чувство защищенности государством, предлагает отказаться от неэффективных в современной ситуации ментальных конструктов. Предприимчивость должна стать неотъемлемой частью белорусского менталитета, что будет способствовать развитию общественно-политических и экономических отношений в стране, устранив препятствия на пути дальнейшего развития республики как независимого государства.

Список цитированных источников

1. Министерство статистики Беларуси [Электронный ресурс]. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.president.gov/Minstat>

АСЭНСАВАННЕ ЗРУХАЎ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТОРЫІ Ў МАСТАЦКІМ МЫСЛЕННІ

Борсук Н.Н.

Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт, г. Брэст, Беларусь

У мастацкай літаратуры як у люстэрку адбіваюцца людскія настроі, стан народнага самапачування, мары, надзеі нашых сучаснікаў. На сённяшні дзень у нас няма нейкага іншага віду мастацтва, роўнага літаратуры па магчымасцях духоўнага выхавання асобы. Мяняюцца часы. Безумоўна, усе змены, што адбываюцца ў грамадстве, адбіваюцца і ў літаратуры, асабліва гэта датычыцца ўспрымання пэўных гістарычных падзей, імён і г.д. Па гэтай прычыне асэнсаванне зрухаў мастацкага мыслення як выявы беларускай гісторыі – адна з надзённых праблем літаратуразнаўства.

Феномен беларускай літаратуры бачыцца ў тым, што яна за кароткі тэрмін стала ўплавалася з перадавымі літаратурамі свету (напрыклад, літаратура лужыцкіх славян складалася толькі пасля перамогі над фашыскай Германіяй, у 40-50-я гады XX ст.). М. Багдановіч у артыкуле «Забыты шлях» пісаў: «За восем-дзесяць год свайго праўдзівага існавання наша паэзія прайшла ўсе шляхі, а пачасці і сцэжкі, каторыя паэзія еўрапейская пратапывала болей ста год... Сентыменталізм, рэалізм, натуралізм, урэшце, мадэрнізм – усе гэтае, іншы раз нават у іх рожных кірунках, адбіла наша паэзія, праўда, найчасцей бегла, няпоўна, але ўсё ж ткі адбіла» [2, с. 287]. Зразумела: без падзвіжніцкай дзейнасці пісьменнікаў XVIII і XIX ст. (К. Марашэўскага, М. Цяцёрскага, В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча і інш.) беларуская літаратура такіх поспехаў не дасягнула б. Нагадаем пастанову польскага сейма 1696 г., якая забараняла ўжыванне беларускай мовы ва ўсіх сферах грамадскай і культурнай дзейнасці краіны, і ўказ расійскага імператара Мікалая I ад 18 ліпеня 1840 г., паводле якога забаронена выкарыстанне нават самой назвы Беларусь. Узнікненне новай беларускай літаратуры (XIX ст.) было звязана з пытаннем адносін да мовы як мовы народных нізоў. Зварот В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча, Я. Чачота да беларускай мовы быў актам грамадзянскай мужнасці.

Невыпадкава напалоханая шквалам народнага гневу царскай ўлады пасля рэвалюцыі 1905-1907 гг. адмяняюць указ 1840 г. У літаратуры гэтага перыяду дамінавала нацыянальна-адраджэнцкая праблематыка, творы дапамагалі самаідэнтыфікацыі беларуса. У гэты час у літаратуру прыходзяць Я. Купала, Я. Колас, М. Багдановіч, Ш. Ядвігін, З. Бядуля, А. Гарун, К. Каганец, М. Гарэці і інш. – пісьменнікі з розным светапо-

глядам, але ўсіх іх яднала імкненне аддаць сілы, каб родная Беларусь заняла «свой пачэсны пасад між народамі» (верш Я. Купалы «Маладая Беларусь»).

Працэс вобразнага ўспрымання тагачаснай рэчаіснасці быў даволі няпростым і пасля таго, калі Беларусь атрымала дзяржаўнасць і ўлады змаглі ўдзяліць літаратуры належную ўвагу. Літаратурнае пакаленне 20-х гадоў заявіла аб сабе з'яўленнем дзвюх новых плыняў: бураленнай (тэрмін упершыню ўжыў А. Александровіч) і ажыўленскай (тэрмін прапанаваў А. Бабарэка). У выніку ўзнікла два гуртка маладых паэтаў – «Маладняк» (1923 г.) і «Узвышша» (1926 г.), якія пазней перараслі ва ўсебеларускія літаратурныя аб'яднанні паэтаў і пісьменнікаў. Паводле дадзеных, колькасць сяброў «Маладняка» дасягнула менш чым праз год 500 чалавек [5, с. 7]. Для беларускай літаратуры гэта астранамічныя лічбы. Яны сведчаць аб масавым далучэнні людзей да літаратуры. На жаль, некаторыя з маладнякоўцаў за заклікавай лозунгавасцю, рыторыкай, пафасам услаўлення рэвалюцыі не заўважылі важнасці вырашэння такой гуманістычнай мэты, як аднаўленне, сцвярджэнне чалавечай годнасці беларусаў. Вось чаму М. Чарот па-купалаўску сцвярджаў: «Пацерпім няшчасця бяз ліку мы, / Каб толькі назвацца людзьмі» [7, с. 67].

Узвышшаўцы ўслед за М. Багдановічам сваю мэту бачылі ва ўключэнні беларускага ў сусветнае, агульналюдскае. Яны з самага пачатку адмовіліся ад рабскай пераймальнасці, правінцыйнай замкнёнасці, імкнуліся да творчых вышынь, марылі аб стварэнні літаратуры, як узвышша, «якое ўгледзяць вякі і народы» [1, с. 172]. Невыпадкова, калі пачаўся наступ камунізму на нацыянальным фронце, першымі былі арыштаваны, высланы самыя таленавітыя беларускія пісьменнікі, сябры «Узвышша», – Я. Пушча, А. Бабарэка, У. Дубоўка і інш. Страх, разгубленасць прымусілі пісьменнікаў, якім пашчасціла застацца па-за кратамі, знішчыць свае творы альбо славіць у іх савецкую рэчаіснасць («Ляўкоўскі цыкл» Я. Купалы). Жыццё беларускіх пісьменнікаў ператварылася ў суцэльную трагедыю. Да 1938 г. было рэпрэсавана 128 членаў Саюза беларускіх пісьменнікаў. Засталося 14 з тых, хто пісаў па-беларуску [5, с. 3].

Вялікая Айчынная вайна стала самым трагічным выпрабаваннем грамадскай свядомасці беларускага народа. Да высокага гонару беларусаў, беларускіх пісьменнікаў засведчыў, што ўсе сілы яны сфакусіравалі на абароне сваёй свабоды і свабоды Радзімы, што ў выніку і вызначае этнас як самастойны народ: «За няволю, за кайданы / Рэжце гітлерцаў паганых, / Каб не ўскрэслі век яны» (верш Я. Купалы «Беларускім партызанам»).

Палітычная структура дзяржавы не змянілася за час вайны. Пасля Дня Перамогі прагназуемай дэмакратызацыі не адбылося. Зноў пачаліся рэпрэсіі супраць нацыянальна свядомай інтэлігенцыі. У контррэвалюцыйнай дзейнасці быў абвінавачаны міністр асветы рэспублікі П. Саевіч. У другой палове 40-х – пачатку 50-х гадоў пісьменнікі не маглі належным чынам праявіць сваю грамадзянскую актыўнасць, выявіць творчую індывідуальнасць. Іх прымушалі кіравацца партыйнымі ўстаноўкамі. Напрыклад, тэатральны рэпертуар кантралявала партыйнае кіраўніцтва ў адпаведнасці з пастановай ЦК УКП(б) «Аб рэпертуары драматычных тэатраў і мерах па яго паляпшэнню» (1946 г.). Перавага аддавалася п'есам са стандартнымі сюжэтамі, схематычнымі персанажамі, пазбаўленым канфліктаў (згодна з існуючай тэорыяй бесканфліктнасці). Сатырычна-выкрывальны пафас камедыі К. Крапівы «Мілы чалавек» не зразумелі тагачасныя кіраўнікі. У выніку п'еса была названа «безыдэйнай», а аўтару ставілася ў віну скажонае ўяўленне пра савецкую рэчаіснасць [6, с. 209]. Барацьба за «чысцінку» тэатральнага рэпертуару пазбаўляла магчымасці ўключаць ў яго замежныя творы, якія быццам бы адмоўна ўплываюць на тагачаснага глядача. І толькі А. Макаёнку (п'еса «Выбачайце, калі ласка», 1953 г.) і К. Крапіве (артыкул «Канфлікт – аснова п'есы») удалося выціснуць тэорыю бесканфліктнасці з літаратурнай практыкі.

Пасля перамогі ваенна-камандны стыль яшчэ больш умацаваўся. Калі з вайны вярнуліся афіцэры і салдаты, яны занялі амаль усе кіруючыя пасады ва ўсіх сферах дзейнасці, у тым ліку, і ў культурнай. Невыпадкова ў беларускім фальклоры таго часу ярка адлюстравалася і замацаваўся вобраз кіраўніка сярэдняга звяна ў салдацкім фрэнчы.

З сярэдзіны 50-х гадоў пачалі ярка выяўляцца новыя тэндэнцыі ў развіцці беларускай літаратуры. Насілі яны супярэчлівы характар. З аднаго боку быў пакладзены пачатак ліберальным рэформам, якія ўвайшлі ў гісторыю пад назвай "хрушчоўскай адлігі". Прымаліся важныя рашэнні па вызваленні духоўных сфер жыцця ад скажэнняў эпохі сталінізму. Пачалася пасмяротная рэабілітацыя дзеячаў літаратуры, якія загінулі ў час масавых рэпрэсій, было наладжана выданне твораў раней забароненых твораў (П. Галавача, М. Гарэцкага, С. Баранавых, М. Зарэцкага, У. Галубка і інш.). Праз часопіс "Маладняк", якому ў 1957 г. быў нададзены статус органа Саюза пісьменнікаў Беларусі, у літаратуру прыйшла вялікая плыяда паэтаў, дзяцінства якіх было аблалена вайной і якія адметна ўспрымалі навакольны свет. У пісьменніцкім асяроддзі з'явіліся новыя імёны (А. Вяцінскі, Я. Янішчыц, А. Разанаў, Н. Мацяш, Е. Лось, В. Зуёнак, Р. Барадупін, Г. Бураўкін і інш.); разгарнулася дыскусія пра месца пісьменніка ў жыцці грамадства.

У новых умовах пісьменнікі адчулі патрэбу ў неабходнасці паглыбіць мастацкую канцэпцыю чалавека ў сваіх творах, якая непасрэдна звязана з філасофска-мастацкім асэнсаваннем праблем быцця. У гэты час адметную ролю пачынае іграць філасофская лірыка, у якой у інтэлектуальна-эмацыянальным ключы асэнсоўваецца сутнасць такіх катэгорый, як жыццё і смерць, дабро і зло, прастора і час.

Паэты імкнуцца ўшчыльняць наблізіцца да людскіх думак, пачуццяў. Працэс паглыблення гуманістычных асноў паэзіі абумовіў яе лірызацыю. Грамадскае і асабістае гарманічна паядноўваюцца: "Беларусь – мая маці і мова, паветра і хлеб! Гэта ўзважана сэрцам, на нервах расстаяных дарог..." (верш А. Вялюгіна "Прызнанне ў любові").

Незадаволенасць напісаным па шаблонах ідэалагічных устаноўках прыводзіць да з'яўлення вершаў ліра-сатырычнага зместу, у якіх арганічна спалучаюцца страсны маналог і выкрывальны змест (вершы "Прыстасаванцы", "Анкета" П. Панчанкі, "Паэты" К. Кірэенкі, "Дачнікі" М. Танка).

З другога боку, працэс дэмакратызацыі грамадскага жыцця інтэнсіўна супраджаўся працэсам звужэння сферы ўжывання беларускай мовы. Выкладанне ў школах, вузах пераводзілася на рускую мову, бо, згодна афіцыйнай прапагандзе, у будучым камуністычным грамадстве адбудзецца зліццё нацый, а іх моў – у адзіную сусветную мову: "Сцвярджаюць гісторыкі і мовазнаўцы, / Што паступова сціраюцца грані нацый / І, нібыта як перажытак, / Аджыць павінна абавязкова / Мова маці маёй – беларуская мова..." (верш Р. Барадупіна "Мая мова").

Я. Брыль (аповесць "На Быстранцы"), І. Шамякін (раман "Крыніцы") паказалі, што працэс перабудовы грамадскага жыцця быў непаслядоўным. Любыя адхіленні ад афіцыйна вызначаных пастаноў падлягалі разбору ў партыйных органах і асуджэнню.

У. Караткевіч у вершы "Вадарод" адным з першых папярэдзіў, што атам – гэта магутная, але небяспечная сіла. Уладзімір Сямёнавіч імкнецца прадухіліць экалагічную катастрофу. А між тым яго абвінавацілі ў чорнай меланхоліі, безнадзейнасці [4, с. 23-24]. Былі арганізаваны канферэнцыі абураных чытачоў, напісаны гнеўныя лісты ў Саюз пісьменнікаў. Ні сам У. Караткевіч, ні яго аднадумцы не маглі супрацьстаяць кампаніі, якая разгарнулася вакол імені пачынаючага творцы. У. Караткевіч болей не мог заставацца ў Оршы (родны горад) і пераехаў ў Маскву. Экалагічная праблема, якую ён акрэсліў ў 50-я гады ў беларускай паэзіі, была з цягам часу асэнсавана як агульназначная для сучаснасці і будучыні не толькі ў паэзіі (П. Панчанка "Не люблю я слова "пакарыцель"..."), але і ў прозе (В. Карамзаў (раман "Пушча"), В. Казько (раман "Не-

руш"), А. Жук (аповесць "Паляванне на Апошняга Жураўля"), драматургіі (А. Петраш-Кевіч "Соль") і інш.

Культ асобы быў асуджаны, але сістэма кіравання засталася ранейшай, што давала магчымасць такім як сакратар райкома Бародка, старшыня калгаса Махнач, завуч школы Арэшкін (героі рамана І. Шамякіна "Крыніцы") хутка прыстасавацца. Дарэчы, названы твор І. Шамякіна адзін з першых у нашай літаратуры з адметным адмоўным героем. Тым не менш, і ў творах гэтага пісьменніка ("Сэрца на далоні", "Атланты і карыятады") выразна адчуваецца ідэалагічная тэндэнцыянасць, арыентацыя на паспешлівае канструяванне так званага новага чалавека ў сацыялістычным грамадстве.

Новыя сацыяльна-палітычныя ўмовы спрыялі аднаўленню тэмы гістарычнага мінулага беларускага народа, якая фактычна была забаронена пасля 20-х гадоў. Важная месца ў яе развіцці належыць У. Караткевічу (раманы "Каласы пад сярпом тваім", "Хрыстос прыязмліўся ў Гародні", "Чорны замак Альшанскі"). Творы беларускага аўтара прыйшліся не даспадобы прадстаўнікам афіцыйнай крытыкі [4, с. 125]. Яны не маглі пагадзіцца з актыўнай грамадзянскай пазіцыяй мастака, які галоўным героем рамана "Каласы пад сярпом тваім" зрабіў не селяніна, нахштальт Корчака, а князя, прадстаўніка старажытнага роду Алеся Загорскага. Пісьменнік праўдзіва паказаў, што інтарэсы і імкненні беларускага дваранства і нізоў супадалі. Традыцыі У. Караткевіча ў адлюстраванні нацыянальнай гісторыі знайшлі сваё развіццё ў прозе В. Іпатавай, У. Арлова, В. Чаропкі, Л. Дайнекі і г.д.

На працягу 60-80-х гадоў з'явіліся творы, у якіх асэнсоўваліся падзеі Вялікай Айчыннай вайны. Важна, што аўтары – непасрэдныя ўдзельнікі падзей (Я. Брыль, А. Адамовіч, І. Навуменка, В. Быкаў і інш.) і пісьменнікі, якія перажылі яе ў дзяцінстве (В. Казыко, І. Пташнікаў, І. Чыгрынаў і інш.). Адметнае месца займае раман Я. Брыля "Птушкі і гнёзды", у якім фашызм выкрыты знутры, з яго вытокаў, вачыма ваеннапалоннага. Пафіласофску заглыблена асэнсоўваецца ваенная тэма ў прозе В. Быкава. Сваіх герояў ён ставіць перад выбарам: выжыць альбо памерці, каб не страціць чалавечай годнасці. Творы беларускага пісьменніка нараджаліся пад вялікім ідэалагічным ціскам. В. Быкава абвінавачвалі, што ён з няправільных пазіцый піша пра вайну, прыніжае гераізм савецкіх воінаў. Па камандзе галоўных тады партыйных ідэолагаў М. Суслава, М. Зімяніна і "спецыяліста па беларускай літаратуры" ў Аддзеле прапаганды ЦК КПСС У. Сеўрука былі арганізаваны калектыўныя пісьмы-пратэсты ветэранаў, камсамольцаў, незадаволеных быкаўскім адлюстраваннем вайны [3, с. 247]. Аповесць "Мёртвым не баліць" было загадана ніколі не друкаваць. І гэта нягледзячы на тое, што твор ужо выйшаў у перакладзе на іншыя мовы свету.

З 1985 г. ў грамадска-палітычным жыцці краіны пачынаюцца чарговыя змены. Час "перабудовы" падарыў людзям права на свабоду слова, свабоду мыслення як адзнаку пэўнай рэалізацыі творчага патэнцыялу і выяўлення індывідуальных магчымасцей мастака ў яго памкненнях да спрадвечнай гармоніі, магчымасць адкрыта гаварыць праўду аб сваёй гісторыі і сучаснасці. Як у жыцці, так і ў літаратуры пасля атэістычнай д'ябальшчыны адраджаюцца імя і слова Бога (творчасць Р. Барадуліна, Г. Тварановіч-Сеўрук, І. Багдановіч і інш.). Менавіта ў гэты час па-новаму, дзякуючы творчасці П. Панчанкі, загучала тэма пакаяння. Ва ўсім былым СССР і БССР цяжка знайсці другога паэта, хто б здольны быў узяць віну на сябе за той стан, у якім апынулася Беларусь у канцы 80-х гадоў, хто б так шчыра каляўся, хоць сам асабіста ні ў чым не быў вінаваты. "То я ўрасціў няўмек і гультаяў. / Застой. / Крадзёж... / Я не збярог Купалу, / Мову не збярог. / Мне літасці няма і даравання. / Канцаецца апошня з дарог, / Век ядзерны пачаў сваё рыканне" (П. Панчанка "Паэма сораму і гневу").

Адначасова час перабудовы прыйшоў у жыццё людзей дысгармонію, хаос, інфляцыю духоўнасці, эпідэмію жорсткасці, насілля, абьякавасці. І. Шамякін, В. Быкаў і інш.

ніколі, як і Я. Купала, Я. Колас не прытрымліваліся тэорыі дыстанцыі. Письменнікі не жадалі чакаць, покуль у краіне ўсё супакоіцца, стабілізуецца. Яны ішлі і ідуць па гара-чых слядах, пішуць творы пра наша сучаснае жыццё, паказваюць яго такім, якое яно ёсць. Проза В. Быкава карысна чытачу ў практычным плане, бо, на вялікі жаль, беларусы – “бесхрыбетная нацыя” (апаবাদанне “Народныя мсціўцы”) і, на наш сорам, вызначаюцца вялікай зацятасцю ў барацьбе са сваімі (прытча “Хвастаты”).

Цяжка прагназаваць, у якім накірунку будзе развівацца надалей беларуская літаратура. Адно зразумела даволі пэўна: ёй – быць. Не маюць рацыі тыя крытыкі, якія лічаць, што нацыянальная літаратура ўступіла ў паласу стагнацыі. Хутчэй, гэта час адаптацыі письменнікаў да новых рэалій жыцця (двухмоўе, перапынілася дзейнасць па прапагандзе письменніцкай працы, раскол у Саюзе письменнікаў, у незваротнае мінулае адышла практыка дзяржаўнай падтрымкі і пратэкцыянізму ў адносінах да людзей творчых прафесій і г.д.).

Заслуга беларускіх письменнікаў у асэнсаванні зрухаў беларускай гісторыі бяспрэчна. Па-першае, яны абапіраюцца на даўно закладзены падмурак нацыянальнай літаратуры: на традыцыі М. Багдановіча, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Гарэцкага і г.д. Па-другое, беларускія письменнікі выразна ўсведамляюць запатрабаванні нашага сучасніка, не ігнаруюць той факт, што чытач, далучаны да каштоўнасцей сусветнай літаратуры, прагне твораў філасофскага напаўнення. Па гэтай прычыне наша літаратура не столькі адлюстроўвае рэчаіснасць, колькі, няхай і суб'ектыўна, пераасэнсоўвае, вытлумачвае жыццё сучасніка. Па-трэцяе, у літаратуры захавалася сістэма вучобы і падтрымкі письменнікаў-пачаткоўцаў. Па-чацвёртае, беларуская проза мае сваю нацыянальную спецыфіку. Народныя звычаі, этыка, мараль складаюць унутраную сутнасць героя. Па-пятае, станоўчасць характару вызначаецца не ідэальнасцю, а звычайнасцю, тым, што павінна сцвердзіцца ў жыцці як норма.

Список цитированных источников

1. Адамовіч, А. Беларускае літаратурна-мастацкае згуртаванне “Узвышша” / А. Адамовіч // Шляхам гадоў: Гіст.-літ. зб. / Уклад. Я. Янушкевіч. – Мн.: Маст. літ., 1993. – С. 158–204.
2. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. Т.2: Маст. проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды. – 600 с., [4] л. іл.
3. Быкаў, В. Доўгая дарога дадому. Кніга ўспамінаў / В. Быкаў. – Мн.: ГА БТ “Кніга”, 2002. – 544 с.
4. Верабей, А.Л. Абуджаная памяць: Нарыс жыцця і творчасці У. Караткевіча. – Мн.: Маст. літ., 1997. – 256 с.
5. Мельнікава, З.П. І ў новым свеце пройдзе ўсё...: дамапложнік па гісторыі беларускай літаратуры XX ст. / З.П. Мельнікава, К.М. Мароз. – Брэст: Выд-ва БрДУ ім. А. Пушкіна, 1999. – 120 с.
6. Семяновіч, А. А. Гісторыя беларускай савецкай драматургіі / А. А. Семяновіч. – Мн.: Выш. шк., 1990. – 294 с.
7. Чарот, М. Выбранае / М. Чарот. – Мн.: Маст. літ., 1982. – 185 с.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК МНОГОФАКТОРНЫЙ ПРОЦЕСС

Вайнилович Э.Г., Фалевич М.К.

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

В настоящее время все большее количество философов, социологов, историков придерживаются точки зрения о том, что на современном этапе развития человечества формируется единая цивилизация на всей планете.

Укрепление этой идеи в науке и общественном сознании способствовало осознанию глобализации социальных и культурных процессов в современном мире. Этимология термина «глобализация» связывает его с латинским термином «глобус», т.е. Земля, Земной шар, и означает общепланетарный характер тех или иных процессов.

Но прежде всего глобализация связана с интернационализацией всей общественной деятельности на Земле. Эта интернационализация означает, что в современном мире все человечество входит в единую систему социально-культурных, экономических, политических и иных связей, взаимодействий и отношений.

Таким образом, в современную эпоху, по сравнению с прошлыми историческими эпохами, неизменно возросло общепланетарное единство человечества, которое представляет собой принципиально новую суперсистему, связанную общей судьбой и общей ответственностью. Поэтому считается правомерным говорить о становлении единой цивилизации и необходимости нового планетарного стиля мышления.

Такой подход обнаруживается в концепциях «постиндустриального общества», «технологической эры» американских социологов Д. Белла, З. Бжезинского, А. Тоффлера и др. Эти концепции акцентируют внимание на том факте, что всякий технологический переворот приводит к глубоким изменениям не только в производительных силах общества, но и во всем образе жизни людей. Как отмечал основатель международного исследовательского центра «Римского клуба», изучающего перспективы человечества перед лицом современных глобальных проблем, А. Печчеи, истинная проблема человеческого вида на данной ступени его эволюции состоит в том, что он оказался полностью не способным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые сам внес в этот мир. Расчеты ученых показывают, что техномасса, производимая человечеством за один год, составляет 10^{13} - 10^{14} , а биомасса, производимая на суше, — 10^{23} . Из этих расчетов следует, что уже сейчас человечество создало искусственную среду, которая в десять раз продуктивнее естественной среды. Искусственная среда постепенно и неотвратно наступает на естественную и поглощает ее, и это один из важнейших факторов, обуславливающих постановку перед человечеством экологических проблем.

На рубеже XX-XXI вв. стало очевидно, что противоречия между нарастающими потребностями общества и сравнительно ограниченными возможностями биосферы ставят под угрозу дальнейшее существование человека. Только в последней четверти XX века ученые отмечают активное сокращение площади естественной экосистемы (0,5-1,0% в год на суше), истощение озонового слоя (1-2% в год), рост эрозии почв, подъем уровня океана (1-2 мм в год), быстрое исчезновение многих биологических видов, ухудшение качества жизни, рост числа заболеваний, связанных с разрушением экологической ниши человека и загрязнением окружающей среды, и т.д. Человечество, преследуя одностороннюю прагматическую цель при использовании природы, стремительно приближается к глобальному экологическому кризису.

Однако характер современного развития цивилизации — развитие за счет будущих поколений — затрагивает не только экологические, но и экономические, технологические, социальные аспекты, привнося явную проблемность и конфликтность. Поляризация богатства и бедности на планете является одной из отрицательных сторон глобализации и связана с колоссальными различиями в положении стран. Издержки глобализации сказываются, прежде всего, на тех странах, у которых худшие стартовые условия модернизации, неравные условия торговли, доступа к рынкам капитала, к ноу-хау. Те же страны, которые занимают наиболее сильные конкурентные позиции, способны ограждать свои интересы, прибегая к двойным стандартам, к избирательности в применении принципа прозрачности. Странам, нуждающимся в кредитах, инвестициях, навязываются строгие сценарии и условия.

Наряду с многочисленными проблемами глобализация открывает новые возможности. Направленная по пути пренебрежения допустимых нагрузок на Землю и людей, глобализация порождает естественный конфликт. Важно и возможно превратить её в развитие, позитивно воспринимаемое людьми. Глобализация приобретает позитив-

ные направления во взаимосвязи с устойчивостью. Ведь устойчивое развитие, с самого начала, было, глобальной концепцией. Участие более 160 стран в конференции ООН по окружающей среде и развитию показывает, что возникшие проблемы не остаются региональными проблемами, они имеют глобальное значение и вызывают необходимость анализировать ситуацию сразу на двух уровнях – локальном и глобальном. Это, по мнению О. Дольфюса, следует из парадигмы: единство мира возникает из взаимодействия локальных ситуаций.

Повторение развивающимися странами (3/4 населения мира) пути развития небольшого числа стран, достигших высокого уровня благосостояния, невозможно – планета Земля этого не выдержит. Этот вывод можно проиллюстрировать следующим образом. На долю 20% наиболее богатой части населения планеты приходится 83% мирового дохода, а на долю остальных 80% населения – 17%, при чём на долю 20% беднейшей части населения мира – всего 1,4%. Разрыв между 20% наиболее богатых и 20% беднейших непрерывно растёт (30:1 в 1960 г., 60:1 в 1990 г. и к концу 2000 г. – 100:1), что ведёт к соответствующему нарастанию социального напряжения. Чтобы устранить данный факт путём быстрого экономического подъёма 4/5 мира до уровня богатой части населения мира, надо (если остановить доход богатой части на том же уровне) увеличить доход 4/5 планеты в 20 раз. Только один этот пример способствует скептическому восприятию тенденций устойчивости в развитии мирового сообщества, придавая ей характер утопии.

Однако устойчивое развитие не будет очередной политической кампанией, если наполнить его конкретным содержанием. Принятие взаимосвязи между устойчивостью и глобализацией позволит использовать новые диапазоны действий и новые политические образцы, в которых больше ответственности, демократии, соопределения. Разработка национальной стратегии устойчивого развития позволяет снижать очевидную критическую планку проявлений глобальных тенденций в экономике, в сфере культуры и информации. Национальная стратегия даёт возможность ответить на вопрос: как сделать теорию практикой; показать, как устойчивость проходит через все сферы жизни. Таким образом, конкретные программы лишают абстрактности понятие «устойчивое развитие».

Понятие устойчивости появляется при переходе системы (природной; антропогенной) из одного состояния в другое, характеризуется способностью сохранять определенные свойства в течение времени и противостоять внешним воздействиям без изменения этих свойств или приспособляясь к ним. Устойчивое развитие предполагает не смену таких состояний, а создание и планирование таких условий (учитывающих воздействие всех внешних факторов), при которых система, достигнув состояния устойчивости, уже не переходила бы в другие состояния. Поэтому важно определение критериев, позволяющих определить, устойчиво состояние или нет, достигнуты ли пороговые значения.

По определению Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию, устойчивым является развитие, обеспечивающее потребности современного общества без ущерба способности будущих поколений обеспечивать свои потребности. Очевидно, что предметом беспокойности являются человеческие потребности, а общий смысл стратегии устойчивого развития сводится к определению предпосылок и условий неопределенно длительного существования человечества, когда предполагается таким образом, удовлетворять потребности людей, чтобы это не вело к деградации биосферы, не ущемляло интересы будущих поколений.

Несмотря на то, что большая часть потребностей присущи человеку в силу генетических и физиологических факторов, существуют ситуации, в которых трудно определить, идет ли речь о потребности или о желании. То, что в одном случае оказывается

потребностью, в другом случае можно квалифицировать как желание. Характер каждого отдельного человеческого запроса различен у разных народов, в разных культурах и в различных географических регионах.

При анализе обеспечения основных потребностей человека используются различные показатели. Одним из первых предложенных способов является показатель физического качества жизни (ПФКЖ), разработанный Моррисом Дэвидом Моррисом в 1979 году. Индекс основан на трех переменных, имеющих одинаковый вес при формировании конечного показателя. Эти переменные – детская смертность, уровень грамотности взрослого населения и продолжительность жизни. За последнее время разработчиками были предложены следующие формулы, позволяющие сравнивать и определять развитие различных государств:

- Гольдштейн, 1985; Рэм, 1985 – потребление калорий, потребление протеина, продолжительность жизни, уровень детской смертности, укомплектованность медицинского персонала, набор в начальные школы, уровень грамотности взрослого населения; удельный вес суммы общего дохода беднейших 40% населения;

- Вайгель, 1986 – условия существования (пища, вода, воздух, температура тела, сон, механизмы общественной защищенности); образованность (общение, неофициальное образование); общественные условия (свобода мнения, свобода собрания);

- Лондон и Уильямс, 1988 – количество человек на одного врача, потребление калорий, продолжительность жизни, затраты на благосостояние, детская смертность (из индекса физического качества жизни), уровень грамотности взрослого населения, продолжительность жизни (из индекса чистого уровня общественного прогресса) – 41 показатель;

- Гесс, 1989 – индекс человеческих потребностей (ВНП/члв., потребление энергии/члв., ежедневный запас калорий/члв., уровень детской смертности, уровень грамотности взрослого населения, доступ к питьевой воде, ежегодный уровень инфляции, темпы роста городского населения, темпы увеличения рабочей силы, личная свобода);

- Стоукс и Андерсон, 1990 – уровень детской смертности, общий уровень смертности, набор в общеобразовательные школы, детская смертность в возрасте 1 года, ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 1 года;

- Программа развития ООН, 1990-1996 – индекс развития человеческого потенциала: продолжительность жизни, уровень образованности (включая показатели грамотности и школьных наборов), реальный ВВП/члв.

Таким образом, осознание мировой общественностью того факта, что путь, по которому идет цивилизация, вызывает неконтролируемые изменения экосистемы и климата Земли и ставит под угрозу будущее человечества, привело к тому, что в этих условиях широкую значимость приобрела идея перехода к устойчивому развитию общества (стабильное, сбалансированное социально-экономическое развитие общества в пределах хозяйственной емкости биосферы, обеспечивающее эффективную динамику благосостояния нынешнего поколения и способность будущих поколений удовлетворять собственные потребности).

Переход к устойчивому развитию – весьма сложный, долговременный и многофакторный процесс достижения равномерного взаимодействия между обществом и окружающей средой. Этот процесс затрагивает фактически весь комплекс внутренних проблем долгосрочного развития страны, включая инвестиционную политику, вопросы изменения структуры потребления, рационального использования и воспроизводства природных ресурсов, экономической и социальной политики. В целом успех в продвижении к устойчивому развитию определяется уровнем развития общества, включая экономические возможности, технологическое переоснащение и безусловно региональный подход.

Концепция устойчивого развития в контексте регионального развития не может гарантировать необходимые изменения, не предусматривая учет ряда факторов, специфических для региона: природных, социально-экономических, этнических и т.д. Региональный уровень управления предусматривает принципиально иные подходы по сравнению с общенациональным, государственным, как в разработке, так и в реализации программ и планов социально-экономического развития. Исходя из концепции устойчивого развития, региональный уровень может включать все параметры жизнедеятельности в рамках конкретной территории, не ограниченной административным делением, а обусловленной объективно существующими параметрами развития, предполагая не изоляцию региона от других областей и регионов, а создание наиболее комфортных условий жизнедеятельности населения. Активный обмен материальных, духовных, культурных ценностей с иными ценностями может и должен осуществляться исходя из общенациональной стратегии устойчивого развития государства.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Варич В.Н.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В современном мире формируется новый тип социальной реальности – информационное общество, предпосылкой и условием становления которого являются возникновение и совершенствование электронных средств массовой коммуникации. Впервые о возрастании значимости информационно-коммуникационных технологий в социальной жизни заговорили теоретики постиндустриального общества в 60-х годах XX в., однако о роли и функциях различных форм передачи информации рассуждают и представители других направлений социально-философской и культурологической мысли. Так, известный канадский культуролог М. Маклюэн называет новый тип социальности, который возникает в эпоху электронных средств связи, информационным социумом и отмечает его специфику в сравнении с предшествующими этапами развития коммуникативных средств. В его интерпретации весь исторический процесс – это последовательная смена качественно различающихся средств коммуникации. На первом этапе (в эпоху «дописьменного варварства») преобладает устная коммуникация, а индивид органически связан с общиной и не мыслит свое существование вне этой связи. Второй этап (эпоха «кодификации») характеризуется распадом единого общинного сознания, причем орудием разложения становится письменность, которая прерывает естественную коммуникацию и непосредственную связь индивида с коллективом. В дополнение к этому появление печатного станка разрушает чувственный баланс в восприятии мира, переводя его почти исключительно в черно-белую визуальную плоскость. Наступление третьего этапа связано с развитием электронных средств передачи звука и изображения, которые избавляют человека от тирании печатного слова и крайних проявлений рационализма. С точки зрения Маклюэна, вначале телеграф, телефон, радио и кино, а затем телевидение и компьютерные средства связи восстанавливают полихромное и полнокровное восприятие мира. Человек включается в событие непосредственно в момент получения информации о нем, а рациональный подход к осмыслению окружающего мира сменяется чувственными образами с яркой эмоциональной окраской. Моментальная связь превращает мир в «глобальную деревню», наполняет жизнью символы коллективного бессознательного, делает восприятие ситуативным. Немедленное информирование максимально широкой аудитории обеспечивает сосуществование в сознании человека всех факторов внешней среды (как природной, так и социальной) и индивидуального опыта. И если

развитие печатной техники привело к появлению публики, которая при всей своей внешней монолитности состояла из отдельных индивидов с собственной точкой зрения, то электронная техника формирует социальную массу с усредненным восприятием мира [см. 1].

Анализируя развитие западной культуры в XX в., один из теоретиков постиндустриального общества Э. Тоффлер в книге «Третья волна» в свою очередь выделяет три этапа («волны») развития цивилизации. Первая, аграрная, «волна» находит выражение в преимущественном развитии земледелия, примитивном разделении труда, наличии жестко разграниченных каст (сословий), авторитарной власти, аскриптивном статусе социализации и децентрализованной экономической жизни. Существенными признаками обществ второй, индустриальной, «волны» являются массовое промышленное производство, разветвленное общественное разделение труда, разрушение границ между сословиями, развитие демократических форм правления, дескриптивный статус социализации и централизованная экономика. В обществах третьей, постиндустриальной, волны ведущая роль переходит к информационно-коммуникативным технологиям, которые воздействуют на все социальные структуры и институты, а также на сознание и поведение индивидов. По мнению Тоффлера, новая цивилизация уходит от стандартизации, синхронизации, централизации и концентрации; создает специфическое мировоззрение и способы отношения к пространству и времени; разрабатывает свою логику и причинно-следственные связи. Это новое общество Тоффлер называет информационным и указывает его существенные признаки: 1) происходит ускорение экономического развития при непосредственной зависимости экономики от информации и знания; 2) основной единицей обмена являются информационные средства; 3) ведущую роль в экономике играют компьютерные системы, которые заменяют промышленные действия манипуляциями с информацией; 4) бюрократия знания уступает место свободным потокам информации с нарастающим богатством и разнообразием организационных форм; 5) управление экономическими и социальными процессами предполагает компьютерный мониторинг и моделирование на фоне постоянного роста знания; 6) новые экономические отношения развиваются одновременно и параллельно на локальном и глобальном уровне; 7) информация воспринимается не только как товар, но и как катализатор социального и индивидуального развития; 8) человек из пассивного потребителя культуры превращается в активного производителя ее возможностей – аудитория сама манипулирует информационными средствами, в силу чего происходит дифференциация и сегментизация массовой культуры [см. 2].

Д. Белл раскрывает специфические черты постиндустриального общества, в котором возрастает роль информационных технологий. В статье «Социальные рамки информационного общества» он отмечает, что в нем происходит переход от индустриальной к сервисной экономике; в технологических инновациях решающее значение приобретает кодифицированное теоретическое знание; новые «интеллектуальные технологии» превращаются в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений. Если труд и капитал были основными переменными в индустриальном обществе, то в постиндустриальном обществе главными составляющими становятся информация и знания. По словам Белла, применение электричества как источника света, энергии и коммуникации существенно расширило социальные связи и вызвало к жизни массовое общество. «В этой связи можно сказать, что компьютер является инструментом управления массовым обществом, поскольку он есть механизм обработки социальной информации, громадный объем которой растет почти экспоненциально в силу расширения социальных связей» [3, с. 333].

Выделяя в качестве основных социальных инфраструктур транспорт, энергетику и коммуникации, Д. Белл утверждает, что принципиальные изменения в первых двух и

вряд ли возможны в обозримом будущем. По его мнению, действительно важные социальные изменения будут вызваны все более глубокой реорганизацией способов коммуникации между людьми, которые в конечном итоге вызовут к жизни новые формы досуга, революцию в системе образования, перемены в расположении городов, а также более широкие возможности национального планирования.

У. Дайзарт справедливо отмечает, что становление информационного общества по масштабу происходящих социальных изменений сопоставимо лишь с появлением книгопечатания, однако социокультурные последствия развития новой информационно-коммуникативной среды наступают незамедлительно: «... современная технология ускоряет темпы изменений не столько тем, что сокращает период до момента своего воздействия на общество, сколько тем, что систематически расширяет области воздействия – политические, экономические и культурные» [3, с. 345]. При этом нельзя не заметить, что уровень, сложность и скорость изменения информации не соответствуют биологическим способностям отдельного человека и организационным возможностям отдельных корпораций или политических партий, поэтому достаточно очевидно, что «при всем своем могуществе технологические и экономические силы сами по себе не обеспечат социальных условий, при которых коммуникационные и информационные ресурсы максимально эффективно служили бы нашим потребностям» [3, с. 353].

Анализируя особенности информационного общества, западные футурологи обращают особое внимание на ускорение темпов социального развития и «умножение реальности» в общественном и личном сознании – коренные изменения в представлениях о скорости, времени и формах существования. А. Тоффлер отмечает, что общество будущего поражено «болезнью перемен», а одной из главных его примет можно считать восприятие реальности как временной, не имеющей значения. Современное общество не только весьма склонно к переменам, но и изменяет свои базовые приоритеты: стабильность, долговременность, прочность лишаются своего ценностного статуса, а на смену им приходят удобство, беспроблемность и новизна [см. 4]. Происходит перестройка основных принципов западной культуры: стандартизация и единые идеологии уступают разнообразию и идеологическому плюрализму; осуществляется децентрализация и фрагментация структурных отношений во всех сферах культуры; выстраивается новая социальная иерархия, элементами которой являются многофункциональные ситуативные ячейки. Ускорение темпов развития и беспрерывные новации ведут к утрате культурной преемственности, к размыванию единых консолидирующих установок и распадению культурного единства на множество атомарных субкультур, вызывая ощущение безвременья и неопределенности. Иначе говоря, бурное развитие информационных технологий и связанных с этим социальных трансформаций находят выражение в мультиплицирующем многообразии экономических, социальных, политических и духовных форм; общество сталкивается с проблемой множественности собственного бытия, в котором равноценно и равноправно сосуществуют различные культуры с собственными целями и идеалами. «Многогранность бытия и возможностей его истолкования поставила перед субъектом проблему выбора среди разнородных и противоречивых фактов и явлений тех, которые в наибольшей степени отвечают его поиску смыслов и значений», – отмечает Л.В. Баева [5, с. 226].

В таких условиях оказывается востребованной способность личности к выбору и ее творческая функция, получающая приоритет над собственностью и социальным статусом. Однако переориентация возможна и от упоминавшейся Э. Фроммом установки «иметь благо» к установке «обладать информацией», которая является более действенным средством для контроля и господства отдельной личности. Этот культурный сдвиг вовсе не означает гуманизации общества и всестороннего развития личности, при котором низшие потребности подчиняются высшим. Негативные соци-

альные эффекты массовой коммуникации были подвергнуты всестороннему и проницательному анализу в произведениях французского представителя постмодернизма Ж. Бордийера, который убедительно показал, что современная коммуникационная среда формирует инертную социальную массу («молчаливое большинство»), не способную ни на осознанное социальное действие, ни на продуцирование новых идей, ценностей и смыслов. Бесперывно фонтанирующая информация охватывает все проявления частной и публичной жизни, при этом информационный поток является беспорядочным и принудительным. Будучи включенной в этот поток, личность утрачивает реальность собственного «Я» и включается в гиперреальность пространства коммуникации, в котором любой объект лишается содержания и превращается в совокупность эффектов, «экстаз коммуникации». Любое событие в современной информационной среде открывается всевозможным толкованиям, хотя ни одно из них не улавливает его смысла, так как вероятными оказываются все причины и все последствия. Реакцией на такое состояние является не отказ от старых ценностей и не «переоценка ценностей», а чрезмерное обострение и крайнее выражение всего относительного, конечного и функционального [см. 6]. Важнейшей чертой современного мировоззрения можно считать поэтому отсутствие единой парадигмы и утверждение множественности, временности и локальности бытия, лишённого какого бы то ни было основания.

На рубеже XX и XXI веков становится очевидным открытое противостояние и взаимное влияние традиционной и инновационной моделей общественного развития. Воздействие, которое оказывают традиционные культуры на технократическое общество, охватывает по преимуществу духовную сферу, в то время как внедрение инновационных практик затрагивает экономическую жизнь традиционных народов, но не их духовную жизнь. Тем не менее наглядной приметой нынешней эпохи является нивелирование и усреднение форм существования и понимания мира на фоне повсеместного распространения ценностей западного мира, экстравертивного и экспансионистского по своей сути. При этом усиление взаимосвязей в общечеловеческом масштабе не приводит к единству социума и взаимопониманию внутри него, а массовое общество не перерастает в единый гармоничный организм, в котором на смену идеологии потребления пришла бы высокая духовность. Субъект современного информационного общества ориентирован на перемены и быструю адаптацию к ним в стремлении к обладанию все большим количеством информации, в сравнении с которой дом, семья, работа становятся менее значимыми факторами. Современный человек весьма коммуникативен, но его многообразные и многоплановые контакты (онлайн или оффлайн) не могут быть интерпретированы в терминах любви или дружбы: «Ослабление социальных связей, возможность активно жить, работать, заниматься творчеством без поддержки рода, клана, семьи, друзей, неизбежно будет способствовать развитию чувства одиночества и поиска выхода из него» [5, с. 234]. Информационный поток становится самостоятельным явлением, который отчуждается от субъективного источника и оказывается способным подчинять себе сознание и поведение отдельного человека. Темпы прироста информации и ее влияние на аксиологический статус современного общества таковы, что возникает необходимость в развитии самого субъекта информации и становлении новых форм его активности и новых мировоззренческих ориентиров. Этот процесс сопровождается неизбежной трансформацией ценностей и ценностных ориентаций, а также перестройкой ценностной иерархии на личностном и социальном уровнях. Динамика современной жизни, тяготеющая к сверхскоростям, не позволяет сформироваться устойчивой системе ценностей, поэтому новое видение мира, по всей видимости, будет характеризоваться возобновляющимися переоценками ценностей и разрывами с прошлым.

Список цитированных источников

1. Маклюэн, М. Галактика Гуттенберга. – М., 2005.
2. Тоффлер Э. Третья волна // Апокалипсис смысла: сборник работ западных философов XX-XXI веков. – М., 2007.
3. Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
4. Тоффлер, А. Шок будущего. – М., 2002.
5. Баева, Л.В. Ценности изменяющегося мира: Экзистенциальная аксиология истории. – Астрахань, 2004.
6. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства. – Екатеринбург, 2000.

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕНДЕРНЫХ ПРОБЛЕМ

Винокурова С.П.

Белорусская государственная академия искусств, г. Минск, Беларусь

Трансформационные процессы, протекающие в обществе, затрагивают социальную сферу, сферу духовных ценностей, представленных культурой. В частности, демократические преобразования в обществе по-новому высветили гендерные проблемы в системе образования.

Для Республики Беларусь как самостоятельного государства результаты происходящих перемен в этой области достаточно очевидны. Заключен ряд международных соглашений, предписывающих развивать международное сотрудничество в образовательной и культурной сферах по общепринятым образцам. Среди этих документов Великая хартия университетов в Болонье (1986 г.), Болонская декларация (1999 г.), Пражское коммюнике (2001 г.). Республика Беларусь присоединилась к процессу унификации ступеней высшего образования, принятых в Европейском регионе.

Образование является одним из ключевых факторов современного социально-экономического развития и относится к так называемому человеческому капиталу. Установлено положительное влияние знаний на экономический рост общества в целом, успешное участие в конкуренции на будущих рынках труда и продвижение по службе конкретного работника. Полученное образование свидетельствует о способности работника к обучению и потенциальному стремлению к продолжению учебы и повышению квалификации. Социологические опросы подтверждают, что ценности образования (профессии) входят в первую тройку жизненных ценностей как у мужчин, так и у женщин.

Что касается образования женщин, то общественное движение за предоставление женщинам права получать образование наравне с мужчинами, развернувшееся в России и СССР в XIX-XX веках, к настоящему времени достигло своей цели. Современная женщина не только имеет доступ к образованию, в том числе и высшему, но и успешно учится, имеет возможность получить несколько профессий, повысить квалификацию, чтобы обеспечить свою жизнь и достойное будущее своих детей.

Отличительной особенностью образования, рассмотренного с позиций гендерного подхода, является то, что современные женщины стремятся к более глубокому уровню и всестороннему профессиональному образованию. Отдельные исследователи говорят о некой «революции притязаний» женщин, связанной с ростом их потребностей и стремлением занять более высокую социальную позицию. В результате такой экспансионистской направленности интересов женщин отдельные профессии стали им принадлежать практически монопольно. Так, в торговле, общественном питании, а также в сфере финансов и кредитов доля женщин составляет около 75%. При этом диапазон женских интересов в области профессиональной специализации неуклонно расширяется.

Гендерный баланс в образовательной сфере считается положительным фактором и для качества государственного управления. Так, по некоторым данным, в странах с более высоким представительством женщин в органах власти отмечается более низкий уровень коррупции [1]. Именно поэтому государственная политика многих стран направлена на обеспечение гендерного равенства. К настоящему времени более 160 стран ратифицировали Конвенцию 1979 г. о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Это свидетельство реальных сдвигов в понимании места и роли женщины в жизни общества. Вместе с тем ряд стран пока не сделали этого, и мировое сообщество все еще вынуждено констатировать тот факт, что ни в одном обществе женщины не располагают теми же возможностями, что и мужчины. Тем самым, достичь реального равенства полов в экономической, политической, социальной, культурной и семейно-бытовой области пока не удается ни одному государству.

Концепции и стратегии, направленные на решение гендерных проблем, отражают логику соответствующих государственных решений, закреплены соответствующими нормативно-правовыми документами, инструкциями, иными правилами и нормами, регулирующими социальные отношения в этой сфере. Организация образования женщин предполагает также создание соответствующей модели такого образования. При этом требования к модели женского образования достаточно прозрачны – образование должно гарантировать женщине реальную возможность последующей профессиональной реализации и обеспечивать выполнение социальных ролей, позволяющих ей сохранять биологическую и личностную аутентичность.

Не менее важным является разработка и реализация конкретных образовательных программ с учетом гендерного фактора. При этом необходимо учитывать, что гендерное образование представляет собой не просто систему предметов, определяющих новую дисциплину или совокупность дисциплин, но прежде всего – это новая философия образования, новый подход к образованию, обеспеченный правовой базой, социально-экономическими условиями, культурными традициями и предпочтениями.

Исследование действующих образовательных систем показывает, что они в основном воспроизводят традиционную иерархию, закрепляющую в обществе доминирующую позицию мужчин.

Анализ национальных стратегий гендерного равенства позволяет увидеть их отличительные особенности. Сравнивая международный опыт, можно констатировать, что различные государства движутся к этой цели теми путями, которые определяются особенностями национальных культурных традиций, спецификой политической ситуации, характерными качествами национального менталитета и др. Так, например, в Национальном собрании Франции доля женщин-депутатов традиционно невелика. Учитывая это, в 2000 г. в этой стране были приняты специальные законы, направленные на обеспечение равноправного представительства мужчин и женщин в политике. В Германии, напротив, в Бундестаге женщины занимают почти треть депутатских мест, хотя в этой стране для осуществления гендерного равноправия не делается ставка на положения закона или других нормативно-правовых актов. Решение данного вопроса здесь практически отдано в руки партий, каждая из которых действует в соответствии с собственными планами при определении доли женского представительства в депутатском корпусе.

Изучая состояние и динамику гендерных проблем в Беларуси, можно сделать вывод о том, что в республике предпринимаются серьезные попытки достичь реального равенства между мужчиной и женщиной в политической и социально-экономической сферах. В республике создана соответствующая правовая база, регулирующая эти вопросы. В частности, в статье 32 Конституции РБ 1994 г. (с изменениями и дополнениями) отмечено: «Женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и

продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья».

В республике успешно выполнена Республиканская программа «Женщины Республики Беларусь». Обеспечению гендерного равенства способствуют и свыше двух десятков нормативных документов, создан Национальный Совет по гендерной политике при Правительстве. Расширяется участие женщин в принятии политических решений, возросла численность женщин-депутатов.

В целях осмысления и выработки научно обоснованной политики в гендерной области в республике активизировалось проведение гендерных исследований, проведен ряд конференций и круглых столов. Издаются статистические сборники «Женщины и мужчины Республики Беларусь».

Одна из особенностей гендерного образования в Республике Беларусь связана с тем, что достаточно большая часть женщин – это жительницы села (на селе задействовано более 40% жителей республики). По многим объективным и субъективным причинам сельская женщина ограничена в доступе к образованию и профессиональной реализации. Образованность женщин на селе значительно ниже городских, и сельской женщине в значительно меньшей мере доступны учреждения для получения дополнительного образования и повышения квалификации. В деревнях сокращается количество центров образования: школ, библиотек, клубов. На селе имеется лишь несколько профессий для женщин: бухгалтер, доярка, полевод. В деревне не востребованы профессии, которые являются престижными для города. Из-за занятости имеются ограниченные возможности для самообразования. Невысокая заработная плата делает малодоступными источники информации, связанные с подпиской и покупкой периодических изданий и др. В результате, сельская женщина значительно хуже знает свои права, семейное и хозяйственное право, другое законодательство.

Понимая значимость гендерных проблем, Правительство Республики Беларусь, начиная с 1995 г., принимает и реализует Национальные планы действий по обеспечению гендерного равенства, рассчитанные на пять лет.

Основной задачей указанных планов является создание условий для обеспечения равных возможностей для мужчин и женщин, уменьшение разрыва между юридическим и фактическим их равенством во всех сферах жизнедеятельности. Планами предусматривается разработка комплекса мер по унификации и специализации образовательной подготовки с учетом гендерного фактора по пересмотру учебных и образовательных программ. Учебные программы предположительно будут дополнены темами, раскрывающими роль женщины в истории с позиции мифологии, религии, науки, политики. Обращаясь к недавнему прошлому советского периода, нельзя не отметить, что строго идеологизированная система образования, тем не менее, обеспечивала равноправие полов, в результате чего большинство граждан, имеющих высшее и специальное образование – женщины. Это способствовало повышению роли женщины в обществе, однако не поставило женщин наравне с мужчинами, особенно в структурах, где принимаются решения. Однако отношение общества к женщине, тем не менее, во многом сохраняется на уровне выработанных веками стереотипов. Все это отрицательно отражается на процессах демократизации общества, ограничивает масштабы создания гражданского общества.

В частности, в системе дошкольного воспитания в республике мужчины не работают вообще, поэтому все должности от рядовых сотрудников до заведующих дошкольными учреждениями дошкольного образования заняты только женщинами. В системе школьного образования республики трудится только 15-18% мужчин, однако мужчин-руководителей (директоров школ) более 70%, в то время как их заместители – в абсолютном большинстве женщины. Причины такого положения – недостаточная

престижность педагогического труда, низкая оплата труда учителей и распространенное мнение о том, что воспитание детей – дело в основном женское.

В системе высшего педагогического образования большинство преподавателей и студентов – женщины, однако, на руководящих должностях мужчины также занимают практически все посты. Социологический опрос, проведенный среди женщин-ученых Белорусского государственного университета, подтвердил, что сделать академическую карьеру женщине значительно сложнее, чем мужчине, и среди тех, кто имеет высокие научные степени и звания, процент женщин весьма невысок. Так, женщины составляют 46% профессорско-преподавательского состава, однако научную квалификацию среди них имеет меньше половины, а доктора наук составляют 4,6%. Всего 11 женщин в Белгосуниверситете заведуют кафедрами, среди деканов женщины отсутствуют.

Изучение статистических данных и результатов социологических опросов представляет доказательства того, что при широком доступе женщин к получению диплома о высшем образовании и практически одинаковых успехах в учебе не прослеживается равенство возможностей для реализации полученных знаний в сфере практической деятельности. Так, при приеме на работу зачастую женщины имеют значительно меньшие шансы быть принятыми, чем мужчины, и порой не могут найти применение знаниям, в которых специализировались. С возрастанием образовательного уровня число женщин заметно уменьшается. Так, в большинстве стран СНГ в вузах обучается женщин больше, чем мужчин, в аспирантуре уже преобладают представители мужского населения, в докторантуре – женщин еще меньше. Только 5% от общего числа защитивших докторские диссертации приходится на женщин. В Национальной Академии наук Беларуси за более чем 80-летнюю историю лишь одна женщина была избрана академиком. Только небольшая доля женщин-ученых получает индивидуальные и коллективные премии за результаты научного труда. Среди директоров нескольких десятков научно-исследовательских институтов Национальной Академии наук нет ни одной женщины, среди ректоров 44 вузов – только две в составе Правительства республики, среди министров – только 1 женщина.

Опросы выявляют несоответствие представлений, сложившихся в быденном сознании об образованной женщине, женщине-ученой, образу реальной женщины, работающей в образовании и науке, а также представлениям самих женщин о том, какой должна быть образованная женщина или женщина, работающая в сфере науки. В частности, в отличие от мужчин, женщины, как правило, ставят своей целью стать профессионалом, в связи с чем профессиональная подготовка и совершенствование в профессиональной сфере занимает в мотивации поведения женщин достаточно значимое место, в то время как мужчины целенаправленно делают карьеру. Соответственно карьера женщин делается сравнительно медленнее.

Причины сохраняющегося гендерного неравенства связаны с прочностью общественных стереотипов, закрепляющих за женщинами заботы и функции, связанные с воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства. Вместе с тем, по результатам опроса жительниц г. Минска (опрошено около 200 человек, из них почти половина – научные работники), более 60% женщин независимо от уровня образования отметили, что не ощущают гендерное неравенство, не замечают неравенства полов и не считают, что женщина имеет более низкий социальный статус.

Одна из причин невосребованности женщины в отдельных областях образования (и науки) связана с отсутствием социального заказа, а также с несформированностью рынка информации о самом образовании. В связи с чем, решения о вложении средств в образование зачастую принимаются в условиях отсутствия полноценной и достоверной информации о наличии образовательных структур и их возможностях в получении качественного образования в том или ином учебном заведении.

В РБ пока только отдельные вузы ввели в свои учебные программы курсы (спецкурсы) по гендерной проблематике. Вместе с тем, в республике уже несколько лет функционирует женский институт «Энвила», ряд женских организаций, женская партия «Надежда».

Так, женский негосударственный институт «Энвила» – пока единственное в Беларуси и СНГ высшее учебное заведение только для женщин (основан в 1994 г.). В настоящее время в институте обучается около 500 студентов. Одна из задач института – реализация модели гендерного обучения. Эта модель осуществляется как путем встраивания в профессиональное обучение блоков специальностей для женщин, так и через включение гендерного компонента в содержание общеобразовательных дисциплин. Так, в течение первых двух лет обучения студенты имеют возможность получить дополнительное образование по специальностям «Домашний воспитатель (гувернантка)» и «Секретарь-референт». В содержание учебного процесса введены спецкурсы, учитывающие специфику вуза. Это такие предметы гендерного типа, как «Введение в гендерные проблемы», «История феминизма», «Женщина в контексте культуры» и др.

Концепция женского образования реализуется через специальные исследовательские проекты. В частности в Минском центре гендерных исследований разрабатывается научно-исследовательская тема «Гендерное равенство в образовании», проводятся тематические научно-практические конференции.

В образованности женщин важную роль играет характер (специфика) полученных знаний. Результаты исследований в 45 развивающихся странах показывают, что средний показатель смертности детей в возрасте до пяти лет имеет прямую зависимость от показателей образованности матери. Для неграмотных матерей этот показатель равен 144 на 1000 живорожденных детей, если матери закончили начальную школу – 106 на 1000, если матери хотя бы какое-то время посещали среднюю школу – 68 на 1000 [2, 27].

Обсуждение в республике гендерных проблем способствует формированию критического мышления, умения распознавать и противостоять различного рода предрассудкам. Все это свидетельствует о том, что в Беларуси имеются благоприятные предпосылки изменения общества в направлении гендерной гармонии.

Список цитированных источников

1. Отчет о мировом развитии «Знания на службе развития». – М., 1999.

ПУТИ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

Вишневецкий М.И.

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, г. Могилев, Беларусь

Современное социально-гуманитарное образование как существенное дополнение специального образования расширяет кругозор работника, повышает его способность находить конструктивные решения жизненно-практических задач, в том числе и связанных с профессиональной деятельностью. Необходимость такого образования едва ли может быть убедительно оспорена. Вопрос состоит скорее в том, насколько оптимальна нынешняя его система в рамках первой ступени высшего образования или, иными словами, каково его качество и в чем состоят способы его повышения.

Современные науки о человеке и обществе представляют собой весьма сложные системы знаний, традиций, норм, организационных структур и т.д., и полного, исчерпывающего представления обо всем этом не имеют, как правило, даже успешно действующие специалисты. Идти по пути расширения объема социально-гуманитарного

блока высшего образования невозможно и нецелесообразно. Надо откровенно признать, что мы не располагаем – и не можем располагать – абсолютным философско-мировоззренческим, а равно и экономическим, политологическим, социологическим, в целом обществоведческим знанием. В этих условиях жесткое определение содержания социально-гуманитарных дисциплин лишено всякого смысла. Вместе с тем в каждой из таких дисциплин достаточно отчетливо выделяется ряд концепций, относительно которых подавляющее большинство специалистов сходятся в том, что их незнание ведет к невосполнимым пробелам в общем понимании данных дисциплин, а в конечном итоге к недостаточному пониманию бытия человека и общества в целом.

Этих базовых учений не так уж и много, и далеко не все они сформировались в последнее время. Разобраться в основаниях таких учений – означает постичь в главном историю и современное состояние соответствующей отрасли гуманитарно-обществоведческой мысли, а также получить исходные данные, позволяющие строить прогнозы на будущее. Притом каждая такая концепция имеет определенные философско-мировоззренческие предпосылки и некоторым образом влияет на другие социально-гуманитарные науки, на развитие духовной культуры общества в целом, а также на его практическую жизнь. Соответственно и освоение студентами философии имеет целью развернуть картину выдвижения и смены теоретико-мировоззренческих идей, которые оказали наиболее значительное влияние на развитие человечества, его культуры.

Современные ситуации в философии и в искусстве во многом похожи. Сегодня почти никто не пишет в стиле классики, но классические произведения ценятся очень высоко. Странно было бы встретить в книжном магазине произведения современного философа, создавшего новую всеобъемлющую систему понятий о человеке и мире его бытия. Но мы, как и прежде, внимательно вчитываемся в работы Канта, Гегеля, Маркса, не обязательно соглашаясь с ними, но оправданно ожидая, что их размышления, выводы и даже просто мнения окажутся поучительными. Нас не смутит при этом то обстоятельство, что мы имеем дело именно с мнениями – хорошо продуманными, но во многом вовсе не обязательными для человека, по-иному истолковывающего окружающую действительность. Все попытки придать тому или иному философскому построению исчерпывающую научную строгость и общеобязательность, а их было немало, оказываются безуспешными. Более того, строгая наука, на которую равнялись многие философы, за последнее время отчасти утратила былую безапелляционность, приблизившись тем самым к философии и искусству, а может быть, к жизни.

Религиозный ренессанс, наблюдаемый на постсоветском пространстве, а также утвердившаяся общедоступность самых различных видов информации, имеющей при этом почти неустранимую и для большинства пользователей вполне приемлемую фрагментарность и бессистемность, ведут к падению авторитета последовательного понятийно-логического мышления, в том числе и мировоззренческого. Повсеместно распространяется «детское» сознание и мировосприятие – легковверное, падкое на сенсацию и яркие картинки, не склонное к ответственному самоконтролю. В этих условиях миссия философии и ее высокая актуальность состоит в поддержании и, по возможности, развитии такого феномена культуры, как доказательность, последовательность и ответственность рефлексивной мировоззренческой мысли.

Угрозы и прелютствия на пути реализации данной установки исходят не только из внешних для философии форм духовной деятельности; они скрыты также в протекающих в ней самой процессах, укоренившихся подходах. Особенно наглядно это проявляется в сфере философского образования, которое весьма сложно привести к одобряемому всеми участниками состоянию. Философское образование по своей сути является мировоззренческим. Конечно, к формированию личности причастны и все другие ветви или подразделения образовательной деятельности. Но философия

здесь играет особую роль, ибо она вырабатывает средства и показывает образцы осуществления теоретического, понятийно-логического мировоззренческого синтеза.

Правда, эти образцы и реализованные в них средства весьма неодинаковы в различных философских направлениях и учениях. Если исходить из того, что стержневая проблема мировоззрения – это отношение человека и мира, и структурировать данное отношение, выделив в нем онтологическую, антропологическую, гносеологическую, праксеологическую, аксиологическую и иные, сопряженные с ними проблемы, то изучение философии можно было бы выстраивать как последовательное движение от одной такой проблемы к другой, предваряемое общими рассуждениями о сущности философии и о месте философии в системе культуры. Так, собственно говоря, и строится у нас философское образование. На этом пути сделано немало, но возникают и некоторые серьезные вопросы.

Необходимо прежде всего разобраться с основаниями отбора материала, полагаемого обязательным для изучения и знания студентами вузов. Данный вопрос решался легко и просто в те времена, когда существовала идеологическая монополия на мировоззренческую истину. Теперь этой непререкаемой определенности уже нет, но привычка к установлению таковой, кажется, осталась. Оправдать ее можно, например, ссылкой на то, что в строгих и точных науках есть четкие различия между истиной и заблуждением, наблюдается очевидный прогресс в познании соответствующих явлений. Такие науки закладывают основы для создания тех средств, использование которых позволяет людям достигать намеченных целей. На уровне средств прогресс действительно возможен, хотя его последствия далеко не во всем бесспорны. Но когда мы обращаемся к мировоззрению, речь идет уже не о средствах, а о целях.

В разное время, в разных условиях и у разных людей жизненные цели и установки тоже разные, что и выражается в специфике их мировоззрения. Многообразие философских учений выражает тот факт, что теоретическое мировоззрение претерпевает изменения со сменой социально-культурных обстоятельств и зависит от жизненной позиции его субъектов. Каждая новая философская концепция выражает под определенным углом зрения свою эпоху, ее духовный мир. Только последующий ход событий может выявить степень и формы влияния определенных философских учений и идей на историю, культуру. Переживаемая нами современность имеет корни, уходящие в далекое прошлое. Действительно современной является та философия, которая помогает людям выработать конструктивную ориентацию в мире их бытия. История философии свидетельствует о том, что некоторые идеи и подходы к решению мировоззренческих проблем, представлявшиеся долгое время чисто архивными феноменами, в новых обстоятельствах обретают неожиданную злободневность и плодотворность.

Сегодня мы с некоторым огорчением констатируем, что многие новейшие публикации по философии не блещут глубиной мысли и не выдерживают в данном отношении сравнения с философской классикой. Поскольку пути решения ключевых проблем нашего времени во многом не ясны, мы просто вынуждены обратиться к истории философской мысли в надежде на то, что там мы найдем поучительные примеры или подсказки. Поэтому можно утверждать, что основой современного философского образования является конструктивное освоение базовой философской традиции. С этим связан вопрос об оптимальной организации изучения курса философии, в частности, с обоснованностью выделения его модулей.

Всякая жесткая фиксация содержания, обязательного для изучения в курсе философии, лишена серьезных оснований. С этим по существу согласны составители действующей типовой программы по философии для вузов. В ней отмечается, что «учебная программа по дисциплине отражает специфику профиля вуза, специальности, собственных научно-методических предпочтений и профессионального опыта про-

фессорско-преподавательского состава» [1, с.8]. Тем не менее составители данной программы сочли возможным зафиксировать в ней такое выделение модулей курса философии, которое представляется не вполне оптимальным. Кроме введения и заключения, к таким модулям здесь отнесены онтология, философская антропология, теория познания и философия науки, социальная философия и, в одном ряду с ними, сразу после введения, «философия в исторической динамике культуры».

Тем самым предлагается сначала вкратце ознакомить студентов с историей философии, а затем еще четыре раза «пробежаться» по ней, обсуждая соответствующие общие проблемы философии. Краткость историко-философского введения не позволяет дать в нем сколько-нибудь последовательное освещение даже тех философских учений, значимость которых является общепризнанной, побуждая ограничиваться декларативными общими оценками и немногочисленными цитатами. В последующих модулях цитаты и фрагменты komponуются уже несколько по-другому, и все это вынужденно делается в крайней спешке, ибо на лекционную часть курса отводится 40 часов и 36 часов – на практические занятия. Надо ли удивляться тому, что после такого изучения философии студенты ее по существу не знают, и в преподаваемом магистрантам и аспирантам курсе философии и методологии науки все надо начинать с самого начала.

Полагаю, что состав модулей курса философии нужно изменить, приняв за основу выделение основных этапов развития философской мысли. Современный ее этап, начинающийся со второй половины XIX в., характеризуется специализацией подавляющего большинства философов на разработке одной-двух теоретико-мировоззренческих проблем, и здесь оправданным является выделение проблемно ориентированных модулей. Так, можно минимизировать издержки, связанные с фрагментарным освещением важнейших философских учений. Нынешний объем курса настоятельно требует оставить для обязательного изучения только очень ограниченное число концепций, значимость которых для истории мировой культуры не вызывает сомнений.

Учебные программы всех дисциплин социально-гуманитарного блока должны, во-первых, нацеливать на осмысление прошлого, настоящего и будущего в каждой из соответствующих областей научного познания; во-вторых, все они должны быть связаны между собой через отсылки, взаимообоснование и т. д. Надо решительно отказаться от обособленного преподавания данных дисциплин, ориентированного на максимальную полноту охвата содержания отраженных в них наук. Показателен пример интегрированного школьного курса обществоведения. В нем используются концептуальные представления и конкретные материалы из очень многих наук о человеке и обществе. Однако специфика учебно-воспитательного процесса в школе исключает строгое следование внутренней логике каждой из этих наук в погоне за безупречным академизмом.

Конечно, опыт средней школы невозможно механически перенести в высшую школу. Тем не менее нужно учесть, что нынешняя высшая школа уже не та, какой она была 30-40 лет тому назад. В те времена в вузы поступала сравнительно небольшая часть выпускников средних школ, и при приеме в вузы осуществлялся довольно строгий отбор, позволявший выделить и наиболее мотивированных на учебу, и наиболее подготовленных к ней абитуриентов. Студентам вузов можно было предложить напряженную образовательную программу, отсеивая тех, кто не способен или не желает ее выполнять. В наши дни высшее образование стало массовым, и в нем потребовалось выделить первую и вторую ступени. В определенном смысле действительно высшим становится образование на второй ступени (магистратура), а первая ступень едва ли может претендовать в полном объеме на этот особый статус. Данный тезис может показаться крамольным, но я уверен в том, что каждый из преподавателей вузов может привести сколько угодно примеров, подтверждающих его правильность. В связи с

этим надо открыто признать, что на первой ступени высшего образования невозможно и не нужно стремиться к исчерпывающей полноте научного содержания преподаваемых социально-гуманитарных дисциплин. Невозможно потому, что для этого нет и не будет достаточного объема учебных часов; не нужно в силу того, что на первой ступени современного высшего образования строгий академизм приобретает преимущественно внешний, формальный характер и не обеспечивает ни усвоения знаний, ни формирования зрелых личностных убеждений студентов. Благополучие в зачетных книжках и экзаменационных ведомостях далеко не всегда свидетельствует о действительно высоком качестве социально-гуманитарного образования в вузах.

В рамках уже сложившейся организации вузовского социально-гуманитарного образования произвести перемены, способствующие повышению его действительного качества. Необходимо приступить к разработке нового пакета учебных программ по дисциплинам данного цикла. Ближайшим образом необходимость этого обусловлена введением в школах интегрированного курса обществоведения, в котором присутствуют некоторые вопросы, традиционно изучаемые в вузах. Таких вопросов немного, но они есть, и дублирование школьной и вузовских учебных программ следует устранить. Путь продвижения к должному качеству высшего социально-гуманитарного образования видится в том, чтобы осуществить его действительную фундаментализацию, отобрав для рассмотрения в каждой из таких дисциплин основополагающие учения и идеи, показав их связи с другими научными положениями и идеями, раскрыв их философские и социокультурные предпосылки, а также жизненно-практические следствия, и передав для самостоятельного изучения студентами весь массив сопутствующих учений и детализаций. Философия при этом становится связующей дисциплиной, интегрирующей весь блок социально-гуманитарных предметов. Поскольку все элементы блока социально-гуманитарных дисциплин влияют друг на друга, необходимо в каждой из них выделить те учения и идеи, которые особенно значимы для других дисциплин этого блока и для культуры в целом. Через внутридисциплинарный отбор, взаимные оценки и последовательные приближения к общему согласию удастся, надо думать, отобрать то базовое содержание социально-гуманитарных дисциплин, без которого невозможна действительно современная образованность специалиста с высшим образованием.

Список цитированных источников

1. Философия: типовая учеб. программа для высш. учеб. заведений / Сост.: А.И. Зеленков и др.; под ред. А.И. Зелёнова, Я.С. Яскевич. – Мн.: РИВШ, 2008.

ПРАВДЗЕННЕ КАМАСАЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ КОСАЎСКАГА ПАВЕТА ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА ў 1921-1939 гг.

Гарматны В.П.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск, Беларусь

Паводле заключанай 18 сакавіка 1921 г. Рыжскай мірнай дамовы заходнебеларускія землі (у тым ліку і Косаўшчына) трапілі ў склад Польшчы (Другой Рэчы Паспалітай). Тэрыторыя Заходняй Беларусі ў адпаведнасці з агульнапрынятым у Польшчы адміністрацыйна-тэрытарыяльным уладкаваннем была падзелена на ваяводства, паветы і гміны [5, с. 86-87]. Плошча Косаўскага павета складала 3 561, 4 кв. км., колькасць насельніцтва – 83 696 чалавек (1931 г.).

Пасля Першай сусветнай (1914-1918 гг.) і Савецка-польскай (1919-1921 гг.) войнаў сельская гаспадарка краю была амаль цалкам разбурана, акрамя таго, ў аграрнай сферы назіраліся шматлікія перажыткі, самымі значнымі з якіх сталі малазямелле і

цераспалосіца – наяўнасць у селяніна некалькіх дробных зямельных надзелаў, размешчаных у даволі аддаленых мясцовасцях. З мэтай ліквідацыі перажыткаў і пераводу мясцовай сельскай гаспадаркі на рынковыя адносіны польскія ўлады праводзілі ў 1920-1930-я гг. аграрную рэформу, адною са складаючых частак якой стала камасацыя (хутарызацыя) – звядзенне ў адзін раскіданых невялікіх сялянскіх зямельных надзелаў і перанясенне сюды хаты і сельскагаспадарчых пабудоў. Закон аб ажыццяўленні камасацыі прыняты Сеймам Другой Рэчы Паспалітай 31 ліпеня 1923 г. [7].

Перад правядзеннем камасацыі мясцовыя ўлады складалі падрабязны план работ па яе ажыццяўленню, заключалі дамову з вызначаным землямерам аб тэрмінах і ходзе выканання патрабуемых работ, умовах аплаты выкананай працы і г.д. Пры ажыццяўленні хутарызацыі мясцовыя сяляне павінны былі абраць мясцовую раду (савет) ссялення (*rada uczestników scalenia*), акрамя таго, плаціць за камасацыю кожнага гектара, ў залежнасці ад якасці зямлі звычайна ад 15 да 20 злотых, за складанне праектаў і правадзенне меліярацыі і перанясенне дарог, утрыманне землеўпарадкачыкаў і г.д. [1, с. 136]. Паводле ацэнак тагачасных польскіх даследчыкаў для ажыццяўлення работ па камасацыі асобнай вёскі неабходна было як мінімум 2 гады, у першую чаргу для падрыхтоўкі нарматыўна-прававой і тэхнічнай дакументацыі па ссяленню.

Пры правядзенні камасацыі сялянскія зямельныя надзелы ацэньваліся ў грашовым эквіваленце з улікам класіфікацыі ворных зямель па паказчыках ураджайнасці, але, варта адзначыць, што многія заходнебеларускія сяляне былі незадаволены атрыманымі пры ссяленні зямельнымі надзеламі і накіроўвалі скаргі ў мясцовую ваяводскую зямельную ўправу, але на думку прадстаўнікоў польскіх улад, прашэнні сялян не адпавядалі рэчаіснасці і таму не заслугоўвалі ўвагі. Прадстаўнікі Палескай акруговай зямельнай управы (POUZ, PAUZ) на скаргі мясцовых сялян звычайна адказвалі, што “хто атрымаў грунты лепшай якасці, той атрымаў іх менш, а хто горшай якасці – той больш”, але ў цэлым пры правядзенні камасацыі ў 1921-1939 гг. сяляне вёсак Косаўскага павеата атрымлівалі зямельны надзел па грашовай вартасці прыкладна роўны страчаным.

Так, напрыклад, 20 лістапада 1929 г. селянін вёскі Здзітава Пескаўскай гміны Даніла Васілеўскі скардзіўся ў ПАУЗ, што атрымаў ворную зямлю за 8 км ад свайго жылля на так званых “Крэванскія карчы” (“Крывянскія карчы”) (2,5 км ад вёскі), быў незадаволены памерам свайго надзела і казаў аднавяскоўцам: “Забіце мяне, а на гэты хутар не пайду” [4, Арк. 38].

Селянін гэтай жа вёскі Гаўрыіл Жуковіч скардзіўся ў 1929 г., што пры камасацыі кожны селянін запісваўся, дзе хацеў бы атрымаць новы надзел, але сам Г. Жуковіч атрымаў зямлю зусім не ў тым месцы, дзе хацеў, у той жа час як усе ўдзельнікі рады ссялення атрымалі надзелы вельмі добрыя і там, дзе хацелі. Акрамя таго, землямер Мечыслаў Грынкевіч (*Mieczysław Hrynkiewicz*) паміж лугам Г. Жуковіча і лугам яго дачкі Ганны паставіў надзел Данілы Сычыка, што перашкаджала паспяховаму вядзенню асабістай сялянскай гаспадаркі. Усяго каля 20 мясцовых сялян падалі скаргу на няправільную ацэнку асабістых надзелаў і на якасць атрыманай зямлі, большую частку якой на працягу доўгага перыяду складалі паша і няўжыткі.

15 студзеня 1930 г. у вёсцы Здзітава адбыўся разбор скарг мясцовых сялян зямельным інспектарам Ромулусам Глінскім (*Romulus Gliniski*) з удзелам землямера Мечыслава Грынкевіча, рады ссялення, членаў класіфікацыйнай камісіі, скардзячыхся і здзітаўскага солтыса. У выніку слуханняў большасць сялянскіх скарг была прызнана неадпавядаючаю рэчаіснасці, але скарга Г. Жуковіча часткова задавальнялася: надзелы № 463 і 464 памяншалі ўладальнікаў – Ганна і Базыль Жуковічы з Данілам Сычыкам. На думку Р. Глінскага, сяляне пісалі свае скаргі пад уплывам трэціх асоб, якія не жадалі правядзення ў вёсцы камасацыі: святара мясцовай праваслаўнай царквы, былога са-

кратара гміны Хомск Драгічынскага павета і войта гміны Борка-Гішчыцкай Косаўскага павета [4, Арк. 297].

Незадаволеныя рашэннем зямельнага інспектара сяляне вёскі Здзітава працягвалі і надалей скардзіцца, з-за чаго праект камасацыі, зацверджаны ўладамі 14 красавіка 1930 г., так і заставаўся праектам. 19 красавіка 1931 г. сяляне азначанай вёскі звярнуліся ў ПАУЗ з просьбаю даць адказ, калі будзе канчаткова зацверджаны праект камасацыі, бо сяляне не ведаюць, што ім рабіць на сваіх атрыманых надзелах: ці засяваць іх вясною, ці рыхтаваць пад азімыя ці люпін, альбо навогул нічога не засяваць на новых надзелах. Па іх словах, чатыры п'ятых сялян вёскі Здзітава згодны на ссяленне, з пачатку правядзення камасацыі прайшло ўжо два гады, многія сяляне ўжо паспелі перабрацца на новыя надзелы і перанесці сельскагаспадарчыя будынкі.

16 мая 1931 г. сяляне вёскі Здзітава Васіль Даніліковіч і Тэадор Мартысевіч звярталіся са скаргаў да міністра сельскай гаспадаркі і сельскагаспадарчых рэформ Вітольда Станевіча з просьбаю незадаволіць несправядлівы на іх думку праект камасацыі вёскі, бо "і дзеці нашыя будуць памятаць гэтую крыўду".

Каля 80 гаспадароў вёскі Здзітава былі незадаволеныя праектам камасацыі і працягвалі скардзіцца. Так, напрыклад, 14 красавіка 1932 г. на пасяджэнні чарговай зямельнай камісіі па разглядзе скарг мясцовых сялян Гаўрыіл Жуковіч адзначаў, што з'яўляецца малазямельным гаспадаром, але пры камасацыі не атрымаў дадатковай зямлі, з-за чаго не можа паспяхова весці асабістую гаспадарку. Прадстаўнікі рады ссялення мелі на Жуковіча, па яго словах, вялікую злосць і таму далі яму вельмі мала ворнай зямлі.

Рыгор Чайчыц, селянін вёскі Здзітава, скардзіўся на несправядлівае надзяленне зямлёю, але член мясцовай рады ссялення Мікалай Ментуз адказаў яму на скаргу: "Чорт вас бяры, што вам дрэнна, а бы мне было добра". Р. Чайчыц пісаў, што яму "выдзелены хутар, дзе няма пашы, а лугі на адлегласці 3 км, адзін тапелец, дзе пасці жывёлу немагчыма. Прашу замяніць палову майго надзела на адну трэць надзела № 11 Антонія Чайчыца, сын якога быў солтысам і выбраў такі надзел, які хацеў".

14 студзеня 1930 г. падаваў скаргу ў ПАУЗ і атрымаў адказ, што справа будзе разгледжана на пасяджэнні камісіі, дзе кожны з удзельнікаў зможа абараніць свае інтарэсы. Прашу правесці агляд выдзеленага мне надзела" [4, Арк. 346].

Пасля таго, як заслухалі ўсіх скардзячыхся сялян азначанай вёскі, камісія на чале з старшынёю ПАУЗ Войцэхам Буйко (Wojcech Buuko) 14 красавіка 1932 г. паставіла праект камасацыі вёскі Здзітава агульнаю плошчаю 3 437, 0911 га зацвердзіць з некаторымі зменамі. Усе скаргі сялян засталіся незадаволенымі як незаслугоўваючыя ўвагі, але на гэтым сяляне не змірыліся і працягвалі скардзіцца далей, але ізноў жа амаль безвынікова [4, Арк. 349].

У 1934 г. 12 сялян вёскі і гміны Целяханы звярнуліся да ваяводскіх улад з просьбаю аб вызваленні ўсіх удзельнікаў хутарызацыі ад аплаты мерных работ і іншых выдаткаў, звязаных з камасацыяй. У сваім прашэнні сяляне падкрэслівалі, што "жыхары в. Целяханы першымі ў гміне падтрымалі хутарызацыю". Вяскоўцы адзначалі, што "гаспадаркі не маюць дадатковых сродкаў на аплату хутарызацыі, паколькі патрэбна пераносіць на новыя месцы жылыя і гаспадарчыя пабудовы, праводзіць дарагія меліярацыйныя работы. Уплыў на стан гаспадарак аказаў і сусветны эканамічны крызіс 1929-1933 гг., які значна падарваў магчымасці дадатковай падпрацоўкі на лясных промыслах з-за росту беспрацоўя, на продажы жывёл з-за падзення цэн". Пасля разгляду ўладамі прашэння 82 жыхары Целяхан атрымалі ільготы пры аплаце работ па камасацыі іх зямель [1, с. 138].

6 снежня 1937 г. сяляне вёскі Скураты Косаўскай гміны і павета Міхаіл і Уладзімір Капітанчыкі звярнуліся ў Палескі ваяводскі зямельны аддзел з просьбаю аб пагашэнні запазычанасці па аплаце за хутарызацыю зямель у сувязі з цяжкім асабістым матэ-

рыяльным становішчам: "Мы, ніжэйпадпісаныя землеўласнікі вёскі Скураты Косаўскай гміны і павета, складаем адну сям'ю і валодаем разам 4, 75 га ворнай зямлі і лугоў, знаходзячыся ў межах вёскі Скураты.

Просім ваяводскую ўправу аб пагашэнні нам аплаты за хутарызацыю зямель нашай гаспадаркі у сувязі з тым, што мы вельмі бедныя і маем вялікую запазычанасць, абцяжарваючую гаспадарку. А менавіта надзельных зямель, запісаных на Капітанчыка Міхаіла, маем толькі 1, 77 га, а іншыя 2, 98 га запісаны на Капітанчыка Уладзіміра і набыты праз былы Расійскі Сялянскі банк. Грошы за іх яшчэ не выплачаны па 30 злотых штомесяц на працягу (наступных) 57 гадоў. Акрамя таго, мы маем запазычанасць па крэдыту, атрыманай з Ашчуднай касы ў Косава-Палескім у суме 384 злотых.

Пры тым мы яшчэ павінны перанесці на хутары нашы бабудовы, якія спархнелі і патрабуюць поўнага рамонту і лесаматэрыялаў, на што мы не маем ніякіх сродкаў. Яшчэ раз пераканайце просім аб спісанні (з нас) аплаты за хутарызацыю нашых зямель. Спадзяемся, што ваяводства зверне ўвагу на нашу галечу і спіша гэтую запазычанасць".

У адказ на гэтую заяву 20 чэрвеня 1938 г. з Палескай ваяводскай зямельнай управы прыйшло паведамленне, што "ў сувязі з пададзенаю заяваю жыхароў вёскі Скураты па пытанню памяншэння памераў аплаты за хутарызацыю зямель і адтэрміноўкі ўнёскаў, прызначаных рашэннем павятовага старасты ў Косава-Палескім, просім паведаміць Капітанчыку Уладзіміру і Капітанчыку Міхаілу, што іх заявы застаюцца без задавальнення за адсутнасцю законных падстаў", але па аплаце за работы па камасацыі азначаным сялянам уладамі была прадастаўлена адтэрміноўка на 2 гады [2, Арк. 20].

У 1938 г. ў Палескі ваяводскі зямельны аддзел звярнуліся жыхары вёскі Скураты (Я. Бурвін, М. Шыманчык, С. Варывода, В. Казімірчык, М. Лушчык, М. Мажэйка, Р. Капітанчык і інш.) з просьбаю аб вызваленні ад аплаты на 2 гады за хутарызацыю зямель, у сувязі з тым, што "перасяленне ў новыя калоніі (сядзібы) патрабуе новага будаўніцтва, звязанага з вялікімі выдаткамі, а ў чэрвені адбыўся моцны град, які знішчыў 80% пасаваў і значна знізіў даходы сялян". Многія вясцоўцы ў заявах адзначалі свае цяжкія жыццёвыя абставіны, такія як вялікая сям'я, недахоп жывёлы і г.д. Напрыклад, Дзям'ян Мажэйка напісаў у сваёй заяве, што яго сям'я "складаецца з 7 чалавек, з якіх 4 – дзеці да 15 год, старэйшы сын – у войску. У гаспадарцы ёсць толькі 1 конь і 1 карова" [1, с. 139]. Па выніках разгляду камісіяй пададзеных просьб сяляне былі часткова вызвалены ад платы за ажыццяўленне хутарызацыі.

Выступаючы пад уплывам агітацыі прадстаўнікоў КПЗБ супраць камасацыі, сяляне праганялі ўрадавых чыноўнікаў і землямераў, знішчалі іх інструменты, цэлымі вёскамі ўступалі ў барацьбу з паліцыяй. Акрамя таго, паспяховаму правядзенню польскімі ўладамі камасацыі на тэрыторыі тагачаснага Палескага ваяводства перашкаджала дзейнасць некаторых леварадыкальна настроеных паслоў Сейма. Напрыклад, на пачатку чэрвеня 1930 г. пасол Іван (Ян) Грэцкі (пасольскі клуб БСРГ) даведаўся аб плануемым правядзенні камасацыі ў вёсцы Альшаніца і распачаў моцную акцыю пратэсту супраць яе асабіста і пры дапамозе мясцовай ячэйкі КПЗБ [3, Арк. 19, 20].

13 чэрвеня 1930 г. па выкананні распараджэння ПАУЗ у сувязі з узбуйненнем зямельных надзелаў прадстаўнікі Косаўскай павятовай зямельнай управы прыступілі да правядзення абмеру зямель сялян вёскі Альшаніца, аднак, як паведамляў намеснік павятовага старасты Станіслаў Рудніцкі (Stanislaw Rudnicki), у выніку падбухторвання мясцовых камуністаў і актыўнай дзейнасці сеймавага пасла Грэцкага 14 чэрвеня каля 50 жанчын і 20 мужчын з ліку мясцовых сялян, узброеныя кіямі і камянямі, не дапусцілі землямера да працы ў вёсцы па правядзенню хутарызацыі зямлі.

Толькі пасля таго, як паліцыя разганала выступленне сялян вёскі Альшаніца і павятовы стараста асабіста растлумачыў ім дакладны змест і мэты ўрадавай палітыкі

камасацыі, сяляне супакоіліся і нават 16 чэрвеня 1930 г. прыслалі сваіх рабочых для ажыццяўлення неабходных землямерных работ [5, с. 128-129].

Паводле справаздачы палескага ваяводы па стану на 1 красавіка 1937 г. у Косаўскім павеце была камасавана 21 вёска агульнаю плошчаю зямельных надзелаў у 30 781 га, што складала 26,9% ад патрабуемых работ. Да 1 красавіка 1938 г. польскімі ўладамі планавалася камасаваць у павеце яшчэ 17 вёсак плошчаю 23 317 га (20,4%) [6, с. 15].

Падводзячы вынікі, трэба адзначыць, што правядзенне польскімі ўладамі ў 1921-1939 гг. у Косаўскім павеце камасацыі садзейнічала ліквідацыі цараспалосіцы, вылілася ў насаджэнне эканамічна самастойных рынкова арыентаваных фермерскіх гаспадарак, спрыяла распаўсюджванню больш прадукцыйных форм арганізацыі працы і павышэнню ўраджайнасці зямлі, змяняла колькасць працадзён мясцовага сялянства, патрабуемых для апрацоўкі асабістага надзела, садзейнічала станаўленню капіталістычных адносін у сельскай гаспадарцы краю. Працэс хутарызацыі быў доўгім і складаным, бо польскім уладам неабходна было правесці вялікі аб'ём падрыхтоўчых работ і скласці патрабуемыя шматлікія дакументы. Заходнебеларускія сяляне спадзяваліся атрымаць пры ссяленні дадатковую ворную зямлю, але ў польскіх улад адсутнічаў запас свабодных зямель.

Спісак цытаваных крыніц

1. Гароды і раёны Берасцейшчыны. Гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён / У.В. Здановіч, С.П. Жлоба, А.І. Пашковіч [і інш.]; пад рэд. А.А. Гарбацкага. – Брэст: Брэсцкая друкарня, 2009. – 564 с.

2. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 1. – Воп. 6. – Спр. 1965. Рашення паветовых староств об определении размера оплаты за проведившиеся работы по хуторизации земель и заявления граждан о предоставлении отсрочек в выплате; сведения об имущественном положении просителей.

3. ДАБВ. – Ф. 1. – Воп. 9. – Спр. 1352. Донесение Косов-Полесского поветового старосты о деятельности депутата Белорусского рабоче-крестьянского депутатского клуба Грецкого Яна на территории Коссовского повета.

4. ДАБВ. – Ф. 60. – Воп. 1. – Спр. 1003. Дело об объединении земель деревни Здитово Песковской гмины Коссовского повета за 1929-1935 годы.

5. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Івацэвіцкага раёна / Уклад М.В. Банасевіч [і інш.]. – Мінск: БелТА, 1997. – 494 с.

6. Sprawozdanie wojewody Poleskiego na posiedzenie Rady wojewodzkiej w grudniu 1937 r. – Brzesc-nad-Bugom: Druk Związku Rezerwistów, 1937. – 78 s.

7. Ustawa z dnia 31 lipca 1923 r. o scalaniu gruntów // Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1923. – № 92. – Poz. 718. – S. 1050-1056.

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Домасевич И.В.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Сегодня перед отечественной наукой стоит задача дать собственную оценку дееспособности белорусской модели социально-экономического развития не только в сложившейся кризисный период, но и в прогностическом аспекте. Перед Республикой Беларусь, как, впрочем, и перед любой другой страной на постсоветском пространстве, стоит вопрос, в каком направлении трансформироваться – в индустриальном, развивая промышленность и сельское хозяйство, или в постиндустриальном – уделяя больше внимания развитию отраслей, формирующих интеллектуальные способности человека. Наступает время поиска новых рычагов воздействия на социально-экономическое развитие общества, и очевидным становится человеческий и социальный капитал, которые рассматриваются многими исследователями как ресурсы, которые могут быть использованы для социального и экономического развития.

Развитие человеческого потенциала определено как одно из приоритетных направлений программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы [1]. Инновационный путь развития экономики базируется прежде всего на человеческом потенциале. Талантливый и трудолюбивый белорусский народ – источник и носитель прогресса в государстве. Основа гармоничного развития нашего государства – баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью; создание материальной базы и системы стимулирования творческого развития работника и его высокопроизводительного труда; формирование психологии активного и добросовестного предпринимательства.

Потенциал человека – это потенциал государства, чем богаче человек – тем богаче страна. Белорусская земля может вместить, прокормить и обеспечить европейский уровень жизни гораздо большему числу людей, чем сейчас. Население республики заслуживает того, чтобы жить дольше и лучше. Поэтому главный приоритет – повышение уровня рождаемости при одновременном увеличении продолжительности жизни, большие и крепкие семьи, счастливое детство, полная возможностей и перспектив молодость, активная трудовая деятельность, приносящая достаток, обеспеченная и достойная жизнь в пожилом возрасте.

Основной целью социальной политики РБ является повышение уровня и качества жизни населения и создание условий для развития человеческого потенциала на основе повышения эффективности функционирования систем здравоохранения, образования, культуры и других видов деятельности, относящихся к сфере услуг. Направлениями реализации будут являться: повышение эффективности занятости населения на основе модернизации и ввода новых рабочих мест; постепенное приближение страны по уровню заработной платы к развитым европейским государствам; укрепление здоровья, увеличение рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни населения; повышение интеллектуального и культурного потенциала нации; улучшение качества и обеспечение доступности социальных услуг независимо от места жительства [1].

В начале 1960-х гг. XX в. возникла концепция человеческого капитала, включающего знания, навыки и другие свойства людей, которые дают индивидуальную экономическую и социальную выгоду. Навыки и компетенции приобретаются преимущественно посредством обучения и трудового опыта, но могут определяться и природными способностями. Некоторые аспекты мотивации и поведения человека, а также присущее ему физическое, эмоциональное и душевное здоровье также рассматривают как человеческий капитал. Определение человеческого капитала следующее: знания, навыки, компетенции и свойства индивидуумов, которые способствуют созданию личного, социального и экономического благосостояния [2].

Новые теоретические разработки обосновали концепцию человеческого, культурного, символического и социального капитала. Из многообразия форм капитала, предлагавшихся в социальных науках на протяжении последних десятилетий, наибольшую теоретическую проработку получила концепция социального капитала.

В научный оборот термин «социальный капитал» был введен Л. Хенифен (1916) и рассматривался как нематериальные активы, которые приобретают особую ценность в повседневной жизни людей. К таким нематериальным активам были отнесены добродетельность, дружелюбие, симпатии и социальные связи между отдельными индивидами и семьями, которые образуют социальную единицу. Использование социального капитала, по мнению Л. Хенифен, приносит личные и общественные выгоды, так как взаимодействие людей друг с другом способствует повышению общественного благосостояния.

Человеческий капитал рассматривает изменения в самом человеке как работнике. Социальный капитал рассматривает изменения в отношениях между людьми, кото-

рые способствуют экономическим действиям. Социальный капитал подобно физическому и человеческому способствует росту производительности труда. Группа работников, между которыми существуют отношения взаимопонимания и доверия, работает более слаженно и эффективно, чем та, где нет таких отношений.

Концепция «социального капитала» отличается от человеческого и физического капитала по ряду аспектов, поскольку она, во-первых, отражает в большей степени отношения, чем собственность отдельного индивидуума; является по преимуществу общественным благом, которое разделяется группой и создается посредством общественных инвестиций времени и усилий, но не в столь непосредственной форме, как человеческий или физический капитал.

Французский социолог П. Бурдьё связывал понятие социального капитала с членством в группе, которое обеспечивает поддержку в виде коллективного капитала, репутации. По мнению П. Бурдьё, социальный капитал создается из социальных обязательств и отношений и выступает как производный ресурс от взаимодействия наличных капиталов и межличностных отношений в социальных сетях. Его приобретение требует вложения определенных ресурсов (денег, образования, членства в организациях, репутации и т.п.). Социальный капитал приобретает еще большую ценность во взаимодействии с другими формами капитала. Как отмечает П. Бурдьё, через него обеспечиваются преимущества в доступе к экономическим, культурным, административным и человеческим ресурсам.

Конец XX века характеризуется интенсивными исследованиями относительно представлений о сущности, механизмах формирования и формах проявления социального капитала. Так, американский социолог Р. Путнам определяет социальный капитал как характеристики социальной жизни – сети, норма и доверие, которые побуждают участников к более эффективному взаимодействию с целью достижения общественно значимых целей. Р. Путнам в качестве специфической особенности социального капитала отмечает ориентацию на общественное благо, поскольку социальный капитал дает блага, которые не являются объектом конкурентной борьбы, так как все потребители пользуются ими, не уменьшая прибыли других.

Один из немногих специалистов по социальному капиталу в России, доктор социологических наук А.Т. Коньков определяет социальный капитал как совокупность структурно оформленных социальных отношений, основанных на взаимно разделяемых и подкрепляемых нормах, обязательствах и представлениях, использование которых позволяет получать доступ к разнообразным благам и повышать эффективность коллективной деятельности субъектов этих отношений.

А.Т. Коньков обосновывает вывод, согласно которому социальный капитал имеет как реляционный, так и структурный аспект. Реляционный аспект состоит в том, что социальный капитал является функцией социальных отношений: связи, основывающиеся на доверии и взаимности, способствуют продуктивной деятельности, могут приносить прибыль в виде разнообразных материальных и нематериальных ценностей. Структурный аспект заключается в том, что объем ресурсов, доступных индивидам через систему социальных связей, определяется их позициями в сети отношений, плотностью и конфигурацией их индивидуальных связей.

С точки зрения экономистов, социальный капитал представляет собой синергетический эффект, полученный в результате взаимодействия людей как элементов совокупной рабочей силы в процессе производства (имидж, корпоративная культура, престиж – на уровне организаций (фирмы) и как личностей вне процесса производства (традиции, культура – на уровне нации, государства).

В белорусской науке анализ социального капитала как научной категории, разработку его индикаторов, исследование социальных сетей как структурной основы соци-

ального капитала осуществил В.В. Сивуха. Системный анализ социального капитала, особенности его формирования и функционирования в Республике Беларусь осуществил научный коллектив под руководством С.Ю. Солодовникова.

Социальный капитал является не только социальным индикатором успешности осуществления политических и экономических реформ, но и выступает гарантом активизации усилий человека, группы, общества по реализации важных социетальных и индивидуальных ценностей. Входящие в понятие «социальный капитал» нормы и ценности социальных групп дают возможность их участникам действовать более эффективно [3, с. 132].

Коллектив белорусских ученых под руководством доктора социологических наук, профессора Ротмана Д.Г. определяет социальный капитал как социальные связи, которые могут выступать в качестве ресурсов и возможностей, используемых индивидами и сообществами. Его можно рассматривать как «социальный клей», который повышает сплоченность, позволяет мобилизовать дополнительные ресурсы отношений на основе доверия людей друг к другу и социальным институтам.

Таким образом, в качестве индикаторов социального капитала авторский коллектив выделяет: доверие к социальным институтам и властным структурам, характер взаимодействия и взаимоотношений с другими людьми и социальные связи, которые могут выступать в качестве ресурсов и возможностей, используемых индивидами [4, с. 112].

Экономические, социологические, политологические исследования показывают, что сообщества, основанные на доверии и сотрудничестве, способствуют реализации человеческого потенциала. В экономической литературе все шире признается тот факт, что социальные связи и доверие играют важную роль в поддержке экономического развития.

Представляется интересной попытка изучения социального капитала относительно вопросов формирования лидеров общественного мнения в современном белорусском обществе.

Список цитированных источников

1. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 03.12.2010. – Режим доступа: www.iac.gov.by
2. Грейбил, М.М. Социальный и человеческий капитал как факторы благосостояния и развития /... автореф. на соиск. степени канд. экон. наук. – Москва, 2003. – 31 с.
3. Солодовников, С.Ю. Социальный потенциал Республики Беларусь: теория, методология, практика / С.Ю. Солодовников; науч. ред. П.Г. Никитенко. – Мн.: Беларус. навука, 2009. – 303 с.
4. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д.Г. Ротман [и др.]; под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2009. – 231.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Жарикова А.А.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Сфера культуры рассматривается государством как одна из важнейших отраслей, формирующих человеческий капитал и совершенствующих его качество. Основной целью развития культуры в РБ является повышение ее роли в социально-экономическом развитии страны, формирование высокой духовности человека в соответствии с историческими, социальными и культурными ценностями белорусского народа и мировой цивилизации. Государственная политика в сфере культуры «нацелена на

сохранение самобытности белорусского народа и национальных традиций; возрождение и сохранение потенциала культурного наследия и его развитие; обеспечение доступности культурных ценностей широким слоям населения; защиту духовных, интеллектуальных и культурных ценностей; интеграцию в систему мировой культуры на правах равноправного участника глобальных культурных процессов» [1, п. 3.7].

Белорусская культура самобытна, имеет богатое наследие, множество талантливых художников, музыкантов, актеров, режиссеров и т.д. Она вобрала в себя множество традиций, созданных нашим народом. Мы обогатились культурными достижениями наших соседей с Востока и Запада и создали свой собственный фундамент, который подчеркивает уровень развития белорусской нации, дающий нам основание и, одновременно, обязанность создавать современную культуру в непрерывном развитии.

Современную социокультурную ситуацию в республике определяют факторы внутренней динамики (экономика, социально-политические преобразования, уровень образованности, урбанизация и др.), факторы исторического характера (традиции, поликонфессионализм, особенности становления белорусской государственности и др.), а также внешние (влияние мировой культуры, межгосударственные культурные контакты, глобализация и др.). Состояние белорусской культуры последнего десятилетия характеризуется наличием позитивных тенденций ее развития – принятием ряда законодательных актов по вопросам культуры, последовательной поддержкой сферы культуры и искусства руководством республики, сохранением научного и педагогического потенциала учебных учреждений культуры и искусства, увеличением сети учреждений культуры и постепенным обновлением их материально-технической базы, проведением значительного количества крупных мероприятий – фестивалей, конкурсов, выставок. Кроме традиционных международных музыкальных фестивалей «Славянский базар» в Витебске, «Минская весна», «Белорусская музыкальная осень», постоянную государственную поддержку получают Международный музыкальный фестиваль «Золотой шлягер», джазовый фестиваль, Международный театральный фестиваль «Белая вежа» и др. Особой популярностью в последние несколько лет пользуется проект ОНТ «Вечера в Мирском замке».

Активно развиваются международные контакты – Республика Беларусь сотрудничает более чем с 30-ю странами на основе договорных отношений, усиливаются региональные культурные контакты с иностранными государствами, особенно с Россией. На протяжении 2006-2010 гг. в Беларуси прошли Дни культуры Азербайджана, Армении, Израиля, Казахстана, Калининградской области, России, Карелии, Китая, Сирии, Таджикистана, Туркменистана. Проведены V Молодежные Дельфийские игры государств – участниц СНГ, Первый Фестиваль культур народов ЕВРАЗЭС.

В современных условиях государственная политика в сфере культуры реализуется на основе международных принципов, сформулированных в конвенциях ЮНЕСКО – Гаагской конвенции об охране культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954), об охране мирового культурного и природного наследия (1972), об охране нематериального культурного наследия (2003), об охране и стимулировании разнообразия форм культурного самовыражения (2005), а также законодательства Республики Беларусь. Среди основных законов – Конституция РБ (1994 с изменениями и дополнениями), Закон «О культуре в Республике Беларусь» (1991), Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г., Государственная программа «Культура Беларуси» на 2011-2015 гг. и др. Благодаря поддержке государства удалось сохранить и развить основные достижения в сфере культуры. В системе Министерства культуры насчитывается свыше 9 тысяч учреждений культуры и искусства. В стране действуют 147 музеев, 28 театров, 137 кинотеатров, 18 концертных организаций, 3 высших и 21 среднее специальное учебное заведение, 523 детские школы искусств.

Беларусь является одной из самых читающих наций в мире – в стране ежегодно выпускается 40 миллионов книг – по 4 книги на каждого жителя.

В условиях развития информационного общества разрабатываются и активно используются средства информатизации в сфере культуры. Компьютерами оснащены все высшие и средние специальные учебные заведения культуры и искусства, концертные организации, цирки, большинство театров и музеев, половина детских школ искусств и треть библиотек. Более тысячи учреждений отрасли имеют постоянный выход в Интернет, около 250 имеют сайты.

Значительным достижением в информатизации отрасли стало создание отраслевого банка данных учреждений культуры и внедрение его в Министерстве культуры и регионах. В основном сформирована нормативная база, регулирующая деятельность в сфере культуры.

Среди последних достижений в сфере культуры необходимо отметить формирование и публикацию Государственного реестра историко-культурных ценностей Республики Беларусь (включает около 5 тысяч объектов), создание банка данных об историко-культурном наследии Беларуси, что должно в значительной степени помочь решению проблемы реституции движимых культурных ценностей.

Отмечая значительные достижения государства в сфере культуры, необходимо признать, что уровень ее развития не в полной мере соответствует требованиям сегодняшнего времени. «В сфере общественной и деловой жизни культура еще не рассматривается как существенная парадигма развития. В обществе медленно осознается, что морально-духовные императивы, так же как экологические и экономические, являются судьбоносными при переходе к устойчивому развитию» [2, п. 3.7]. Это выражается в недостаточном финансировании отрасли, что сказывается на материально-техническом обеспечении учреждений культуры, обеспечении доступности культурных благ и услуг для населения, недостаточного использования потенциала белорусской культуры для формирования и укрепления положительного международного имиджа Республики Беларусь. Культурная составляющая в имиджевых коммуникациях государства содержит значительный ресурс эффективного позиционирования страны на международной арене. Позитивная репутация Беларуси в мире как страны с высоким духовно-моральным потенциалом общества, значительным уровнем развития всех форм самобытной традиционной и современной культуры будет содействовать авторитету государства и доверия к нему как к надежному партнеру и в других сферах жизнедеятельности – политике, экономике, праве, положительно будет воздействовать на инвестиционный климат, развитие международного туризма и др.

В соответствии с Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 г. и государственной Программой «Культура Беларуси» на 2011–2015гг. стратегической целью государственной политики в сфере культуры является развитие и эффективное использование культурного потенциала страны, обеспечение преемственности развития белорусской культуры одновременно с поддержкой культурных инноваций. Планируется проведение структурных преобразований организационно-хозяйственного механизма отрасли, разработка эффективного механизма финансирования культуры, новых форм ее экономической поддержки, продолжение работы по созданию цивилизованного рынка услуг, еще более активное включение в мировые процессы развития культуры. Одним из важнейших направлений в системе формирования эффективной модели финансового обеспечения отрасли является развитие механизмов частно-государственного партнерства – создание экономических, правовых и иных условий для стимулирования развития спонсорской помощи, средств меценатов путем налогового, таможенного и иных видов регулирования [3].

Реализация мероприятий Государственной программы позволит создать условия и государственные гарантии для духовного совершенствования общества в соответствии с общечеловеческими ценностями и традиционными ценностями народов Республики Беларусь, обеспечить максимальную доступность культурных благ и образования в сфере культуры, преодолеть диспропорции, вызванные различной степенью обеспеченности населения услугами сферы культуры в городской и сельской местности. Также будет содействовать формированию единого культурно-информационного пространства, интеграции белорусской культуры в мировой культурный процесс, формированию и укреплению позитивного культурного имиджа Республики Беларусь в стране и за ее пределами.

Данный проект свидетельствует о стремлении белорусского государства обеспечить сохранение и развитие национальной белорусской культуры, реализацию интересов граждан в сфере культурного развития, что будет содействовать воспитанию высокой моральности, патриотизма, толерантности и закреплению взаимопонимания в обществе, а также формированию престижа белорусской культуры в мире.

Национальная культура является одним из важнейших стратегических ресурсов государства, определяющих пути развития общества. Она сохранила свою уникальность и одновременно принадлежит к общеевропейскому культурному наследию и сегодняшнему дню мировой культуры.

В Республике Беларусь созданы благоприятные условия для всестороннего развития белорусской культуры, духовного совершенствования нации. Дальнейшее изучение и поиск новых подходов к развитию культурной сферы в современных условиях является приоритетной целью государственной политики Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Государственная программа «Культура Беларуси» на 2011-2015 гг. <http://www.kimpress.by/index.phtml?page=2&id=3484>

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ КАК ДИНАМИЧНО РАЗВИВАЮЩАЯСЯ СТРАНА В МИРОВОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Задружная И.В.

Международный институт трудовых и социальных отношений, г. Минск, Беларусь

Геополитическое положение Беларуси диктует необходимость поддержания и развития экономических, политических, культурных связей не только с Россией и другими странами СНГ, но и с государствами Европейского союза. Однако недостаточно высокий уровень производства наукоемкой продукции в Республике Беларусь и структура экспорта в значительной степени ограничивают возможность проведения многовекторной внешней политики на современном этапе.

Для Беларуси как европейского государства вхождение в европейское цивилизационное пространство означает интеграцию в мировое сообщество. Исторический опыт, культурные традиции, научно-технический, экономический и интеллектуальный потенциал Беларуси создают благоприятные предпосылки для ее развития в качестве европейского государства, полноценного участника всех европейских процессов. В настоящее время эти отношения можно охарактеризовать как «прохладное взаимопонимание». Сам факт таких отношений объясняется не идеологическими противоречиями сторон, а неприемлемостью для Беларуси западной политики «двойных стандартов».

Учитывая складывающееся положение, Беларусь пытается искать поддержку у новых стран-партнеров с целью выхода на новые рынки сбыта своей товарной про-

дукции и получения инвестиций (Китай, Индия, Куба, Венесуэла, Вьетнам, Ливан, Сирия, Иран). Эти государства не вмешиваются во внутренние дела республики и способны увеличивать взаимный товарооборот.

Желая видеть Беларусь равным членом мирового сообщества, мы должны помнить: потенциал и мощь любого государства базируются на его относительном превосходстве в четырех ключевых областях – экономической, военной, научно-технической и культурной. Причем последнюю стоит понимать именно как способность национальной культуры противостоять культурному влиянию извне и, более того, проникать вовне, привлекая чужеродное население [1, с.23].

Сегодня превосходство во всех ключевых областях имеют страны Запада, стремящиеся изменить существующий мировой порядок на свой лад. Без преувеличения можно сказать, что всем, чего Запад добился, он обязан поощрению личной инициативы и новым технологиям. Именно их разработка и внедрение помогают Западу расширить емкость своих рынков, удовлетворить потребности своего обывателя, вести геополитическую экспансию, все шире и шире выходить в космос – все, что угодно. Сегодня Запад силен и динамичен. Он сконцентрировал у себя в руках не только научно-техническую инициативу, но и наибольший на планете потенциал. Многие страны вынуждены лишь более или менее удачно приспосабливаться к реалиям, созданным в мире экономически развитыми странами.

Впереди оказались те, кто в середине столетия сделал ставку на наукоемкие отрасли. Здесь надо иметь в виду не только государства, но и ТНК. Большинство современных открытий делается в лабораториях тех или иных ТНК, либо по их заказам. В авангард человеческого развития вырвались такие области, как освоение космоса и все, что с этим связано, компьютерные и телеинформационные технологии, технологии воздействия на общественное сознание и психику, геновая инженерия и биотехнологии. Соответственно, на задворках цивилизации не остались те, кто акцентировали внимание и средства на отмененные области знаний. Дилемма выбора между некоторым поднятием своего жизненного уровня и ответственностью за крупные наукоемкие производства, проекты – это дилемма выбора исторической перспективы, дилемма выбора ценностей, проверка на наличие жизненной воли.

Дезинтеграция единого народнохозяйственного комплекса стала основным фактором экономического кризиса стран СНГ, определила его масштабы, глубину и продолжительность. По разным экспертным оценкам, на долю этого фактора пришлось от 40 до 60% спада производства. Общим последствием дезинтеграции для стран СНГ стали финансовая дестабилизация и галопирующая инфляция, где лидерство принадлежит Беларуси (за 1990-1995 гг. ИПЦ вырос в 43 тыс. раз). Экономика стран СНГ задыхаются от нехватки капитала и инвестиций. Бывший единый хозяйственный механизм разрушен, а попытки новых независимых государств построить устойчивые экономические отношения со странами Запада наталкиваются на непробиваемую стену антидемпингового законодательства, квот и прочих ограничений. Экономика каждой из стран СНГ нуждается в инвестициях для модернизации своей производственной базы, для элементарного сохранения остатков былого потенциала. Опять же, особенно остро бывшие советские республики ощущают влияние процессов глобализации в финансовой, экспортной, научно-технической (технологической) сферах. Те страны, как, например, Россия, Украина, Беларусь, где значительный производственный потенциал при всех его проблемах еще в той или иной мере сохранен, наиболее подвержены проявлениям глобальных кризисов.

Беларусь – единственная из стран ЦВЕ, которая не пошла по пути полной либерализации экономики и, как следствие, деиндустриализации. При такой насыщенности крупными промышленными предприятиями белорусское общество ориентировано как

бы, вовне – ведь никак не получится продавать внутри одной только Беларуси десятки тысяч тракторов, самосвалов, грузовиков, сотни тысяч тонн удобрений и пр. Беларуси, коль уж ей досталось такое сложное и ответственное наследство от СССР как крупная промышленность, чьи предприятия очень взаимосвязаны между собой, приходится прикладывать максимум усилий не в области реформ по литовскому или польскому образцу, а в области экспорта нашей промышленной продукции, даже, если это чревато инфляцией, нестабильностью внутреннего рынка и падением уровня жизни. Ведь от ситуации в крупной промышленности зависит и положение дел в сельском хозяйстве, зависит, наконец и социальная обстановка в республике, ведь порядка 1.3 млн. человек трудятся на промышленных предприятиях. Что будет, если Беларусь не сможет продавать или навязывать – для нас в сегодняшней ситуации большой разницы нет – свою промышленную продукцию в той же России? Что будет, если все эти люди в одночасье окажутся на улице? В этой связи не будет голословным утверждение, что то, что нужно МТЗ, МАЗу или любому другому белорусскому "гиганту", нужно и всей нации. Так сложилось, что белорусское общество едва ли не всецело зависит от успеха на внешних рынках, что состояние нашего общества зависит от состояния нашей промышленности. Мы не располагаем достаточным временем для размышления над иными вариантами, поскольку наша сегодняшняя ситуация сравнима с войной, и мы должны выживать [2, с. 12].

Белорусский феномен стоит рассмотреть подробнее, так как на сегодня Беларусь – это страна, которая сохранила крупное производство. В основе белорусского пути – специфичное советское наследство, доставшееся Минску. И главное – огромное для небольшой страны количество крупных промышленных предприятий. Если бы Беларусь пошла по стандартному восточноевропейскому пути реформирования – результат был бы не таким, как у всех. Беларусь вряд ли пережила бы шоковую терапию. Ведь здесь была несопоставимо выше концентрация производства и доля крупной экспортной промышленности, чем у соседей. Перед распадом СССР из Беларуси вывозилось около 80% всей производившейся промышленной продукции. Более того, белорусская экспортная промышленность была высококонцентрированной. В основном промышленные гиганты расположены в восточной части Беларуси – в Минске, в областных центрах и некоторых крупных городах – Новополоцке, Полоцке, Мозыре, Жодино, Жлобине и некоторых других.

Если бы в Беларуси в течение года-двух остановились крупные заводы, как это произошло в Польше, Болгарии, странах Балтии, Украине – социально-политические последствия были бы совершенно иными. На улице оказалось бы практически все население крупных городов. Программы малой приватизации не смогли бы за короткое время адсорбировать столь громадные массы населения. Для обеспечения социально-политической стабильности в таких условиях потребовалась бы грандиозная внешняя поддержка, сопоставимая по масштабам с поддержкой, оказанной со стороны западной Германии территориям бывшей ГДР. Только эти две страны пошли иным путем, отличным от стандартных реформ, проводимых в регионе. Однако на такую поддержку Беларусь рассчитывать, естественно, не может.

Отсюда главное отличие Беларуси от соседей – здесь невозможны рыночные реформы стандартного образца. Реформирование Беларуси заключается в адаптации к условиям рынка крупных промышленных предприятий. Все экономические пространства вокруг Беларуси – рыночные. Белорусские заводы в основном работают вне Беларуси на внешних рынках. Значит, сохранение крупного промышленного производства и означает проведение рыночных реформ.

Идеология, которая направлена против собственного крупного производства, будет конфликтовать с белорусскими реалиями и общественными настроениями. В ка-

кой бы форме антииндустриальная идеология ни выступала. Недавно этот конфликт выражался в неприятии белорусским обществом идеи шоковой терапии и национально замкнутой экономики. Сейчас все более остро встает проблема контроля над национальной экономикой в условиях усиления позиций в регионе европейского и американского капитала, корпораций, технологий.

Технический прогресс сливает человечество в единое целое. Границы – это уже не те традиционные границы. Информационные технологии и биотехнологии, как можно заметить, пересекают любые границы. Это уже невозможно остановить договорами наподобие прежних договоров о ядерном сдерживании, равно как и невозможно остановить распространение технологий обособлением, созданием моделей национальных государств, культивирующих традиционные ценности. Хотим мы того или нет, но чтобы не оказаться на задворках цивилизации, нужно стараться быть на гребне технологической волны.

Список цитированных источников

1. Гайдукевич, Л. Геополитический облик Республики Беларусь: состояние и перспективы // *Международное право и международные отношения*. – 2007. – № 3.

2. Воронов, К.В. Глобальная интересистема: эволюция, структура, перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2007. – № 1.

KSZTAŁTOWANIE WIZERUNKU ORGANIZACJI

Dr Jarosław Zalejski
Politechnika Białostocka

1. Wstęp

Idea wizerunku powstała w latach 50. dwudziestego wieku, lecz trudno stwierdzić, kto jest jego twórcą. Jako pierwszy koncepcję wizerunku poruszył P. Martineau. Zauważył on, że odbiorcami wizerunku są zarówno klienci jak i grupy publiczności jak akcjonariusze, pracownicy, pośrednicy, dostawcy oraz społeczności lokalne¹. Każda organizacja kreuje pewien wizerunek w sposób świadomy lub nieświadomy. Wpłynąć może na niego jakość oferowanych usług, czy też renoma, którą się ona cieszy. Najogólniej można powiedzieć, że wizerunek to sposób postrzegania nas przez innych. Każda instytucja chciałaby znaleźć swoje miejsce w świadomości klientów i stać się dla nich wiarygodną i cieszącą się zaufaniem organizacją, jak również, aby jej pracownicy identyfikowali się z tym, co robi, czym jest i dokąd zmierza.

Sens kształtowania wizerunku trafnie wyraża N. Geber stwierdzając, że „wprawdzie czyni przemawiają silniej niż słowa, ale czyni i słowa przemawiają oczywiście silniej niż tylko czyni; nie wystarczy działać w interesie publicznym – trzeba także zadbać, aby publiczność dowiedziała się o tym”². Wynika z tego, że aby budować sukces na rynku i zdobywać zaufanie opinii publicznej nie wystarczy zaoferować dobry produkt, po dobrej cenie, łatwo dostępny i dobrze wypromowany. Organizacje muszą komunikować się ze swoimi obecnymi i potencjalnymi segmentami rynku, co jest w praktyce realizowane także przez tworzenie określonego wizerunku firmy.

2. Definicja wizerunku

Słowo wizerunek (image) jest w języku potocznym bardzo popularne i spotyka się je w różnych kontekstach np. wizerunek marki, produktu, firmy, sklepu, osób, aktora, polityka itd..

¹ Dąbrowski, T.J. *Reputacja przedsiębiorstwa: tworzenie kapitału zaufania*. – Kraków: Oficyna Wydawnicza Wolters Kluwer Business, 2010. – S. 65.

² Wójcik, K. *Public relations od A do Z*. – Warszawa: Agencja Wydawnicza Placet, 1997. – T.1. – S. 48.

Pochodzi z łaciny i oznacza wzór, pierwowzór, odbicie, obraz, wizerunek. „Image to, własny i subiektywny obraz, który posiadamy o jakiejś sprawie, człowieku lub przedmiocie. (...) Nigdy nie jest on pojęciem statycznym i trwałym. Ulega zmianie wraz ze zmianą naszych poglądów, upodobań”³. Wizerunek nie musi pokrywać się z rzeczywistością, gdyż powstaje on w wyobraźni osoby mającej kontakt z firmą i zależy od jej subiektywnych oczekiwań, wyobrażeń, poziomu wiedzy, doświadczeń itp.⁴. Trzeba podkreślić, że oprócz klientów w otoczeniu organizacji występuje także wiele innych interesariuszy (stakeholders). Zwraca na to uwagę E. Cenker, stwierdzając, że „wizerunek przedsiębiorstwa jest swego rodzaju obrazem firmy w świadomości osób, które z nią się stykają w sposób bezpośredni (np. klienci) lub pośredni (ogólnie jako uczestnicy rynku)”⁵.

M. Trocki natomiast ujmując wizerunek jako „sposób w jaki widzą organizację różne społeczności: klienci, dostawcy, pracownicy, akcjonariusze, instytucje finansowe, rządowe, a także prasa, której wpływ na kształtowanie publicznego wyobrażenia o przedsiębiorstwie jest niepowtarzalny”⁶. Można zaryzykować stwierdzeniem, że tyle jest obrazów organizacji, ilu jej „obserwatorów”. Osoby, czy organizacje interesujące się instytucją i jej działalnością czynią to z przeróżnych powodów, kierując się przy tym różnymi wartościami. W rezultacie organizacja jest w ich świadomości różnie odbierana. Pozycja, to sposób w jaki jest ona widziana przez interesariuszy, pod względem: jej istoty, atrybutów w porównaniu z innymi podmiotami rynku, a szczególnie z konkurentami. Pozycjonowanie organizacji jest procesem umiejscowienia jej w umysłach interesariuszy⁷. Wizerunek pozwala na⁸:

- zjednanie opinii publicznej co do marki i organizacji,
- usunięcie anonimowości między producentem a odbiorcą,
- łatwiejsze porozumienie,
- wytworzenia korzystnego nastawienia do instytucji i jej poczyną.

Można, więc zaryzykować stwierdzenie, że na kształtowanie określonego wizerunku mogą wpływać następujące czynniki⁹:

- poglądy i przekonania obserwatora, które odzwierciedlają racjonalne przesłanki danego obiektu,
- osobowość obserwatora, dająca obraz emocjonalnym przesłankom oceny tego obiektu,
- społeczne otoczenie obserwatora obejmujące społeczne i kulturowe czynniki wywierające wpływ na postawy jego postawy i zachowania.

Istnieje zjawisko, które może stanowić zagrożenie dla organizacji. Jest to tzw. „fiksacja image”, czyli utrzymywanie się wizerunku powstałego w przeszłości, choć zmienił się rzeczywisty obraz organizacji. Wynika to z zakłóceń percepcji – jeżeli informacje nie odpowiadają wyobrażeniom, to człowiek ich nie akceptuje¹⁰.

Kształtowanie właściwego obrazu organizacji wiąże się z dogłębną analizą jej postrzeżenia przez otoczenie. Budowa wizerunku wymaga odpowiednich kompetencji i umiejętności identyfikacji potrzeb odbiorców oraz rozpoznawania ich zwyczajów i psychiki. Zasady kreowania wizerunku organizacji przedstawiono w tabeli 1.

³ Huber, Kurt. *Image czyli Jak być gwiazdą na rynku*. – Warszawa: Business Press, 1994. – S. 25.

⁴ Tarczydło, B. *Marketingowa koncepcja kształtowania wizerunku przedsiębiorstwa*, [w:] *Public relations - narzędzia przyszłości* (pr. zbior. pod red. Nauk. D. Tworzydło i T. Solińskiego). – Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Informatyki i Zarządzania, 2007. – S. 327.

⁵ Cenker, E. *Public relations*. – Poznań: Wydaw. Wyższej Szkoły Bankowej, 2002. – S. 42.

⁶ Trocki, M. (red.) *Nowoczesne zarządzanie w opiece zdrowotnej* / Instytut Przedsiębiorczości i Samorządności. – Warszawa, 2002. – S. 113.

⁷ Altkorn, J. *Wizerunek firmy* / Wyższa Szkoła Biznesu. – Dąbrówka Górnica, 2004. – S. 14.

⁸ Cenker, E. *Public relations*, dz.cyt., s. 42.

⁹ Baruk, A.I. *Postmodernistyczne koncepcje marketingu a marketing klasyczny*, TNOiK / Stowarzyszenie Wyższej Użyteczności. – Dom Organizatora. – Toruń, 2008. – S. 163.

¹⁰ Cenker, E. *Public relations*, dz.cyt. – S. 47.

Tabela 1 – Zasady kształtowania wizerunku organizacji

ZASADA	INTERPRETACJA
1. Jak najwcześniej rozpocząć komunikowanie z otoczeniem.	Im późniejszy kontakt, tym jest on trudniejszy i mniej efektywny, ponieważ często już istnieje obraz organizacji w rezultacie społecznego, spontanicznego odbioru faktów, co powoduje, że trzeba go korygować.
2. Ustalić czyste, konkretne realistyczne cele komunikacji.	Cele muszą wynikać ze zdefiniowania grup społecznych, na których odbiorze zależy zarządzającym.
3. Stworzyć własny styl.	Organizacja będzie rozpoznawalna i odróżniana, gdy jej wizerunek będzie wizualizacją jej własnego stylu, który powinien wynikać ze strategii i koncepcji jej osobowości.
4. Nie zaczynać od zera.	Uwzględniać wiedzę zdobytą podczas analizy bieżącego wizerunku organizacji i wykorzystać pozytywne dotychczasowe rozwiązania.
5. Nie ograniczać się tylko do analizy.	Uwaga powinna koncentrować się na kreatywności, poszukiwaniu nowych idei a nie tylko wynikać z analizy stanu.
6. Uszanować delikatną naturę świata wyobraźni.	Stosować metody stopniowych zmian a unikać „terapii szokowych”.
7. Docenić znaczenie każdego czynnika przekazu informacji o organizacji.	Każdy podmiot, obiekt czy wydarzenie ma wpływ na tworzenie wizerunku organizacji i od tego należy zacząć jego budowanie.
8. Przewidywać reakcję konkurentów.	Konkurencja może oddziaływać na nasz wizerunek, ponieważ jest on widoczny dla otoczenia.
9. W tworzenie wizerunku angażować wszystkich pracowników organizacji.	Budowa wizerunku powinna integrować wszystkie osoby zatrudnione w organizacji.
10. Mierzyć rezultaty odbioru wizerunku firmy w otoczeniu.	Wizerunek organizacji należy badać adekwatnymi metodami.

Źródło: Opracowanie własne na podstawie: Szymoniuk B., Wizerunek a system identyfikacji firmy, w: Komunikacja marketingowa. Instrumenty i metody, red. B. Szymoniuk, Warszawa 2006, s. 43-44.

W marketingowym ujęciu bardzo często utożsamia się kształtowanie wizerunku z procesem komunikacji, który jest z kolei zawężany do pojęcia promocja. Pogląd taki wyraża Ph. Kotler, stwierdzając, że do opracowania i budowania wizerunku, organizacje zatrudniają specjalistów od public relations. Mianem tym określa on działania związane z promocją i ochroną wizerunku organizacji czy jej produktów¹¹.

3. Rodzaje wizerunku

Wspomniano już, że wizerunek jest w swej istocie subiektywny. Zależy od punktu widzenia, doświadczenia czy emocji odbiorców. Wizerunek organizacji powstaje w umysłach poszczególnych jednostek, które wchodzi w skład różnych grup społecznych. Nie jest on jednolity i można wyróżnić kilka jego rodzajów:

- wizerunek rzeczywisty (lub obcy), który można zdefiniować jako rzeczywisty obraz firmy wśród stykających się z nią osób,
- wizerunek lustrzany (lub własny), będącym obrazem danej firmy wśród jej pracowników,
- wizerunek pożądany, który jest obrazem docelowym, określającym, jak firma chciałaby widzieć siebie lub jak uważa, że powinno ją widzieć otoczenie,
- wizerunek optymalny, będący optymalnym kompromisem pomiędzy trzema wymienionymi rodzajami wizerunku, który jest możliwy do realnego osiągnięcia w danych warunkach¹².

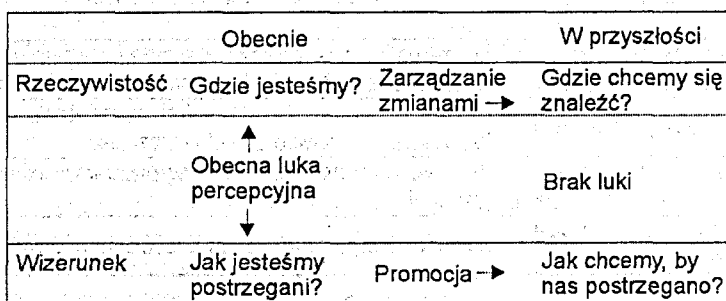
¹¹ Baruk, I.A. Postmodernistyczne koncepcje marketingowe a marketing klasyczny, dz. cyt. – S.163.

¹² Budzyński, W. Zarządzanie wizerunkiem firmy / Szkoła Główna Handlowa. – Warszawa, 2002. – S. 15.

Bywa, że wizerunek pożądaný jest on bardzo idealistyczny i trudny do zrealizowania. Jednak nie nale¿y z niego rezygnować. Powinien być traktowany jako cel, do którego organizacja dą¿y w długim okresie (10-15 lat). Z kolei w krótkim okresie czasu zadaniem organizacji powinno być osiągnięcie wizerunku optymalnego, dającego realną szansę powodzenia¹³. Poprzez zarządzanie wizerunkiem dana organizacja dą¿y do stworzenia określonego pożądanego wizerunku, który powinien zostać w organizacji dokładnie określony. Dzięki temu zmniejsza się luka percepcyjna (różnica między wizerunkiem rzeczywistym a pożądanym). Zostało to zobrazowane na rysunku 1.

Dodatkowo wizerunek można ująć w kilku innych płaszczyznach. I tak L. Kupiec i A. Augustyn wymieniają następujące jego typy:

- silny lub słaby - silny wizerunek - przedsiębiorstwo ma wyraźnie określone miejsce w świadomości otoczenia, jego obraz jest wyrazisty i spójny;
- pozytywny lub negatywny - pozytywny wizerunek - otoczenie ma w stosunku do przedsiębiorstwa pozytywne odczucia, wynikające z dobrych doświadczeń;
- aktualny i planowany - aktualny wizerunek - obraz taki, jaki jest widziany w chwili obecnej, a planowany to wizerunek docelowy¹⁴.



Rysunek 1 – Luka percepcyjna

Źródło: Gregory A., *Skuteczne techniki PR*, Gdańskie Wydaw. Psychologiczne, Gdańsk 2005, s. 18.

Warto wspomnieć, że E. Cenker wyróżnia również obok pozytywnego i, negatywnego wizerunku obojętny (neutralny): To oznacza, że osoba nie ma w stosunku do organizacji złych odczuć, jednak nie ma też powodu do dobrych odczuć. Jeżeli dużo osób tak określa wizerunek firmy, może to świadczyć, że jest on również słaby, gdyż firma nie ma wyraźnego miejsca w świadomości otoczenia.

Innym kryterium podziału wizerunku jest przedmiot, którego dotyczy. Można wyróżnić następujące jego rodzaje:

- wizerunek marki/produktu (brand image) - sposób postrzegania określonej marki,
- wizerunek grupy produktów (product image) - wyobrażenie o całej grupie dóbr,
- wizerunek oferty marketingowej (marketing image) - sposób w jaki ludzie postrzegają działania marketingowe danej firmy,
- wizerunek firmy/przedsiębiorstwa (company's image) – sposób, w jaki ludzie postrzegają daną firmę we wszystkich aspektach jej działania.
- wizerunek organizacji (corporate image) - sposób, w jaki firma jest oceniana ze względu na swe powiązania z otoczeniem, jako członek pewnej społeczności,
- wizerunek branży (branch image) - łączny obraz firm, organizacji i instytucji działających w danej branży¹⁵.

¹³ Rozwadowska, B. *Public relations. Teoria, praktyka i perspektywy*. – Warszawa: Wydawnictwo „Studio Emka”, 2006. – S. 57.

¹⁴ Kupiec, L. *Public relations / L. Kupiec, A. Augustyn; Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania*. – Białystok, 2004. – S. 33.

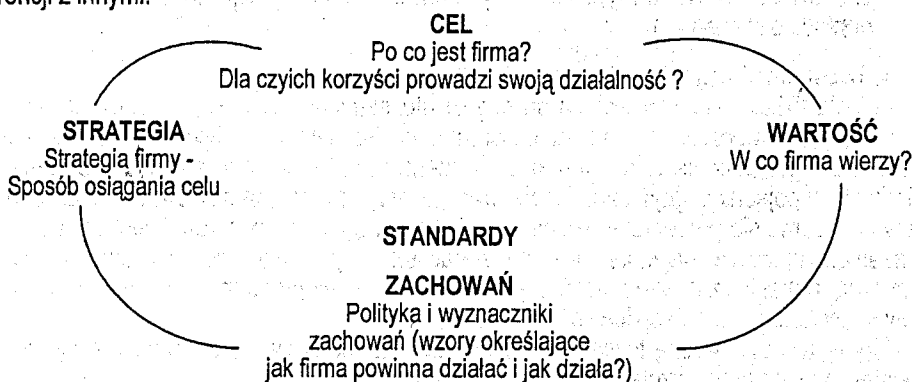
¹⁵ Tamże, s. 31-32.

Image organizacji jest złożony pod względem czynników wpływających na nastawienie otoczenia do organizacji i adresatów. W wizerunku organizacji obok otoczenia marketingowego trzeba uwzględnić środowisko wewnętrzne i społeczno-polityczne. W stosunku do każdego z tych środowisk organizacja może tworzyć inny wizerunek. W związku z tym, w PR kształtowane są przynajmniej trzy subsystemy image¹⁶.

Ważnym elementem mającym wpływ na wizerunek jest misja organizacji. Wyraża ona funkcję, którą przedsiębiorstwo chce spełniać dla otoczenia. Określa, jakie problemy, w jaki sposób i w jakim zakresie firma chce rozwiązywać. W dużych organizacjach misja jest drogowskazem, pokazującym na wiele lat, w jakim kierunku zmierza firma¹⁷. Można ją podzielić na cztery elementy, gdzie jeden wynika z drugiego, tj.: cel, wartość, strategia oraz standardy zachowania (patrz: rys. 2).

Cel – ukazuje przyczynę – powód, dla którego firma istnieje. Do czego jest potrzebna? Jeśli zostaną podjęte wszystkie wysiłki, to komu firma przyniesie korzyści? W jakim celu szef i jego pracownicy powinni robić więcej niż minimum?

Strategia – określa sposób osiągnięcia celu w konkurencji z innymi organizacjami. Jeśli np. celem jest kreowanie zdrowia, musimy wykazać jak możemy to zdrowie kreować w konkurencji z innymi.



Rysunek 2 – Model misji

Źródło: E. Pluta, *Public relations - Moda czy konieczność? Teoria i praktyka*, Twigger, Warszawa 2001, s.51

Wartość – to wierzenia i moralne przykłady, że możemy wprowadzić normy i standardy zachowań w organizacji.

Standardy zachowań – to określone poprzez zwyczaje i pracę, jak też normy panujące w organizacji, które są pomocne w decydowaniu o tym, co należy robić na co dzień.

Wizerunek organizacji posiada trzy podstawowe funkcje¹⁸:

- jest nośnikiem jakości produktu, jak również stanowi czynnik wpływający na podejmowanie decyzji dotyczącej wyboru oferty przez klientów. Można więc stwierdzić, iż dobrze wykreowany wizerunek o odpowiadających klientowi treściach pomaga w procesie decyzji o zakupie. Klient nie rozpatruje wszystkich dostępnych ofert, lecz na jego wyborów mają wpływ różne wyobrażenia;
- wizerunek stanowi również dodatkową korzyść klientom związaną, np.: z zaspokojeniem pewnej potrzeby „prestżu” korzystania z danej instytucji. W taki oto sposób wizerunek rynkowy pomnaża wartości oferowanego produktu (usługi) przez podwyższenie poziomu jakości w oczach klienta;

¹⁶ Wójcik, K. *Public relations od A do Z*, Tom I, dz. cyt. – S. 45.

¹⁷ Knecht, Z. *Public Relations w administracji publicznej*. – Warszawa: Wydawnictwo C. H. Beck, 2006. – S. 33.

¹⁸ Trocki M. (red), *Nowoczesne zarządzanie w opiece zdrowotnej*, dz. cyt. – S. 115.

- wizerunek jest podstawowym czynnikiem w realizacji strategii przywództwa jakościowego organizacji. Pomaga w różnicowaniu instytucji i jej produktów, a tym samym umacnia pozycję rynkową, przez co instytucja nawet, jeśli nie jest tak naprawdę lepsza od konkurencji, to może wykreować opinie o sobie jako o pierwszej w istotnej klientowi dziedzinie.

Wizerunek jest tak szerokim pojęciem, że nie sposób jest wymienić wszystkich jego części składowych, gdyż każdy detal, cecha, czy też informacja może być jego elementem. Najważniejszymi elementami każdej instytucji są¹⁹:

- jej tradycja, wielkość i zasięg działania, wiek,
- jakość oferowanych przez nią usług,
- zdolność finansowa, perspektywy na przyszłość,
- oferta świadczonych usług,
- polityka przedsiębiorstwa, a zwłaszcza polityka informacyjna, filozofia zarządzania,
- jakość kadry zarządzającej,
- jej wygląd zewnętrzny, wewnętrzny i zachowanie pracowników,
- zachowania na rynku i typowe formy zachowań dla instytucji (np: solidarność czy też dbałość o szczegóły).

4. Tożsamość organizacji i jej wyróżniki

Pojęcia tożsamości i wizerunku są często utożsamiane, co nie jest poprawne. Najprościej można powiedzieć, że „wizerunek organizacji jest tym, co ludzie o niej myślą, tożsamość zaś – za pomocą czego lub kogo ją identyfikują”²⁰. Istnieje jednak współzależność między tymi pojęciami, gdyż to co ludzie myślą o instytucji ma znaczenie na to w jaki sposób instytucja sama się prezentuje. Różnica zaś polega na tym, że wizerunek jest zewnętrznym ukazaniem placówki, na który możemy starać się jedynie wpłynąć i kształtować według własnych potrzeb, zaś tożsamość jest nieodłącznym elementem firmy, na który mamy wpływ i możemy o nim decydować²¹.

Aby wytworzyć własną tożsamość instytucja powinna z wielką starannością wykreować podstawowe atrybuty uwzględniające jej system²²:

- system wartości
Jest punktem wyjścia w kreowaniu swego stosunku wobec swoich pracowników, środowiska społecznego, czy otoczenia ekonomicznego. Wyrazić go można w postawach instytucji wobec potrzeb i oczekiwań pracowników organizacji, klientów (ich potrzeb), społeczności lokalnej (jej problemów), ogólnych problemów ekonomicznych i społecznych;
- system identyfikacji wizualnej
Stanowi o istocie tworzenia tożsamości. Wykorzystanie koloru, kompozycji, grafiki, czy też dźwięku pomaga w stworzeniu korzystnej identyfikacji organizacji wśród zainteresowanych odbiorców, czy też konkurentów. System ten powinno się traktować jako cenny zasób instytucji, tak jak kadre, która w niej pracuje;
- system zachowań
Tworzy kulturę danej organizacji. Po części oparty jest na regulaminach, czy też normach, a częściowo na spontanicznych zachowaniach, pracowników wynikających z ich cech osobowości, ambicji, przestrzeganych zasad, dążeń. To wszystko ma istotny wpływ na utożsamianie się personelu z organizacją;

¹⁹ Kupiec, L. Augustyn A. *Public relations*, dz. cyt. – S. 34.

²⁰ Formański, J. Tenderenda-Właszczyk H. (red. nauk.), *Budowanie wizerunku kas chorych* / J. Formański, P. Pietrzak. – Warszawa: Krajowy Związek Kas Chorych, 2001. – S. 23.

²¹ Cenker, E. *Public relations*, dz. cyt. – S. 42.

²² Szymańska, A. *Public relations w systemie zintegrowanej komunikacji marketingowej*. – Wrocław: Unimex, 2004. – S. 89-90.

- system komunikacji z otoczeniem

Jest to proces dzięki, któremu organizacja dąży do osiągnięcia odpowiedniego poziomu wyrazistości. Atrybuty tożsamości powinny być czytelne dla adresatów i nosić znamiona istotnych dla niej korzyści.

Tożsamość jest dla instytucji czymś wewnętrznym. Oddziaływanie takie, może być świadome lub nieświadome i przebiegać w dwóch kierunkach²³. Pierwszy jest skierowany na potencjał wewnętrzny. Rozwijając przeważnie wśród kierownictwa i jego personelu świadomość własnego „ja”, czy też „my”. Pozwala to wpłynąć na identyfikację personelu z przedsiębiorstwem. Tym samym wiąże przyjęte przez nią standardy z działaniami jednostek, a ściślej interpretowaniem przyjętych przez nie ról i strategii organizacyjnych. Drugim zadaniem tożsamości jest jego oddziaływanie na otoczenie zewnętrzne. Poprzez całościową prezentację instytucja uwidacznia wewnętrzną jej spójność. Taki właśnie kierunek działania, daje możliwość osiągnięcia wielu korzyści takich jak²⁴:

- poprawa klimatu w instytucji,
- przemiana filozofii w łatwiejsze do zidentyfikowania zasady zachowań,
- motywację swoich pracowników,
- wzrost wydajności pracowników poprzez wyższy poziom zadowolenia i motywacji ich do działania, jak również większą pewność przy podejmowaniu przez nich decyzji,
- spadek kosztów dzięki jednoznacznie wyznaczonym zasadom działania oraz racjonalnej komunikacji wewnętrznej.

Podstawowym celem tożsamości jest zajęcie przez instytucję określonej pozycji na rynku, w taki sposób, aby móc uzyskać konkurencyjną przewagę. Kreowanie i wybór tożsamości, są świadomym lub nieświadomym wyborem rynku docelowego.

4.1. Wizualny system tożsamości

Najważniejszym elementem tożsamości, oprócz kultury organizacyjnej, jest system identyfikacji wizualnej (corporate design). Ma on istotny wpływ na kształtowanie pozytywnego wizerunku w otoczeniu organizacji²⁵. E. Pluta definiuje tożsamość wizualną firmy jako „odwzorowanie niezbywalnych i niepowtarzalnych atrybutów firmy w elementach jej prezentacji. Oznacza to, że każdy element komunikacji przedsiębiorstwa (...) odzwierciedla wartości, które są istotą działalności firmy, odbiciem jej pozycji oraz ambicji. (...) Firmy, które prawidłowo używają swojej tożsamości wizualnej, są łatwo zauważalne na rynku”²⁶.

System identyfikacji wizualnej przedstawia podstawowe atrybuty identyfikacji firmy, takie jak: znak graficzny, nazwa, logotyp, kolor; jak również jej elementy wewnętrzne, tj: wystrój wnętrz, sposób oznakowania, charakterystyczny dla wykonywanej pracy ubiór pracowników, czy też sposób obsługi. Wizualizacja jest ważnym elementem w tworzeniu tożsamości i wizerunku organizacji, gdyż znacznie silniej dociera do kupującego, przez wizerunek instytucji w przekazie obrazu (kolor, forma, wymiar), niż w argumentach słownych. Im bardziej wyraźnie ukształtujemy system identyfikacji wizualnej, tym mniej będzie trzeba użyć słów, aby przekazać otoczeniu kim jest firma i co ma do zaoferowania.

System identyfikacji jest widoczny na rynkach produktów materialnych i niematerialnych. Niematerialność usług ma ten mankament, że przed jej zakupem nie można jej dotknąć, powąchać, posmakować, czy też zobaczyć. W myśl powiedzenia „jak cię widzą, tak cię piszą” system identyfikacji wizualnej w usługach przejawia się, np. przez: uniformy firmowe, szyldy, itp., co pozwala na przyciągnięcie uwagi, jak i zaznaczenie standardu. Dzięki tym cechom potencjalny klient ma coś materialnego, co o tej usłudze świadczy.

²³ Altkorn, J. *Wizerunek firmy / Wyższa Szkoła Biznesu*. – Dąbrowa Górnicza, 2004. – S. 13.

²⁴ Olędzki, J. (red. nauk.) *Public relations: znaczenie społeczne i kierunki rozwoju / Wydawnictwo Naukowe PWN* 2006. – S. 83.

²⁵ Pluta, E. *Public relations - Moda czy konieczność? Teoria i praktyka*. – Warszawa: Twigger, 2001. – S. 83.

²⁶ Tamże, s. 84.

„Wizualizacja, jako składnik tożsamości i narzędzie formowania wizerunku firmy zwiększa siłę jej wyrazu i umacnia rynkową pozycję. Dzięki temu system identyfikacji należy traktować, jako cenny zasób firmy, podobnie jak kadre, technologię czy obiekty produkcyjne”²⁷.

Tożsamość instytucji tworzona jest poprzez techniki wizualne kontaktu z grupami otaczającymi organizację. W większości instytucji ograniczają się one jedynie do nazwy, przedstawienia graficznego, czy też barw je charakteryzujących. Jednak zestaw ten jest o wiele szerszy. Aby jednak określić odpowiednio wizualny system identyfikacji musi on spełniać następujące warunki. Powinien być²⁸:

- zgodny ze specyfiką instytucji,
- zgodny z jej stylem,
- zgodny wzajemnie czyli jednolity,
- oryginalny – charakteryzować się wysokim stopniem zróżnicowania,
- łatwy do zapamiętania i wymówienia,
- łatwy do spostrzeżenia,
- przejrzystej formy,
- łatwy do wykorzystania w różnego rodzaju technikach,
- nie kojarzony niekorzystnie.

Oryginalna i jednorodna prezentacja instytucji, zwana inaczej identyfikacją wizualną, pozwala jej wyróżnić wśród innych i tworzy jej osobowość. Jest to swoisty kod optyczny i estetyczny, który przekazuje sygnały, na jakich najbardziej instytucji zależy²⁹. System identyfikacji wizualnej instytucji uwzględnia prawie wszystkie elementy związane z organizacją. Tożsamość wizualna przedsiębiorstwa może zawierać bardzo wiele składowych, jednak najważniejszymi elementami są: symbol firmowy (logo i znak firmowy), parametry kolorów firmowych, symbole dekoracyjne, typografie firmowe, druki firmowe (papier firmowy i koperty, bilety wizytowe, kartki do zapisków, dokumenty handlowe, rachunki i faktury, inne druki), identyfikatory pracowników, stemple, ogólne założenia dotyczące tworzenia materiałów reklamowych i public relations, sposób znakowania środków transportu, ubiór pracowników, wystrój zewnętrzny i wewnętrzny budynków firmy, architektura i wystrój biur, elementy informacji wizualnej w firmie (tablice informacyjne, szyldy), flagi i transparenty firmowe (bannery), opakowania jednostkowe i zbiorcze produktów, jednolita koncepcja wystroju stoisk firmowych³⁰. Można tu dodać prezentacje multimedialne firmy oraz wiele innych, jednak nie ma większego sensu wymienianie wszystkiego.

4.2. Niewizualne elementy tożsamości

Tożsamość organizacji to nie tylko jej oprawa graficzna i wszystkie inne formy związane ze stroną wizualną. Na obraz, który instytucja kreuje wpływają również inne elementy, które również w dużym stopniu tworzą tożsamość instytucji, a w ostateczności mają wpływ na całociowy wizerunek przedsiębiorstwa. Są to elementy tożsamości poza wizualne, do których można zaliczyć³¹:

- sposób zachowania w kontaktach osobistych - przy negocjacjach, rozmowach telefonicznych, sprzedaży,
- usłyszane opinie na temat działalności instytucji (jakość usług, uczciwość, solidność),
- sukcesy jak i niepowodzenia,
- zachowanie się personelu i jego manieri względem klientów.

²⁷ Altkorn, J. *Wizerunek firmy*, dz. cyt. – S. 76-77.

²⁸ Budzyński, W. *Public relations- zarządzanie reputacją firmy*. – Warszawa: Poltext, 1998. – S. 74.

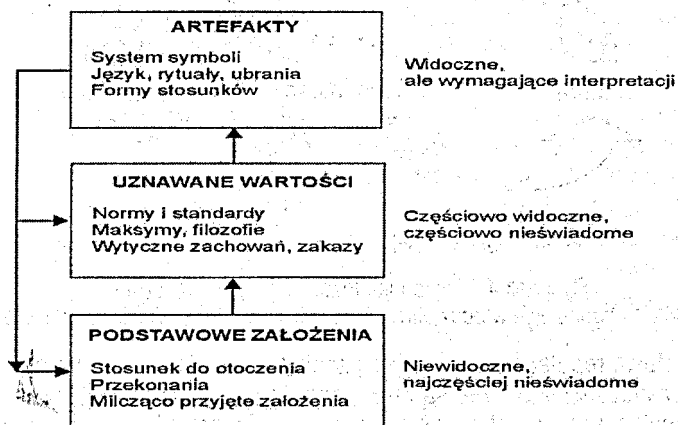
²⁹ Kupiec, L. Augustyn A., *Public relations*, dz. cyt. – S. 43.

³⁰ Budzyński, W. *Zarządzanie wizerunkiem firmy*, dz. cyt. – S. 28-29.

³¹ Zelmer, Z. *Public relations – kreowanie reputacji firmy*. – Warszawa: Poltext, 1992. – S. 32.

Całość tych zachowań to inaczej kultura instytucji, która jest utrwalonym tradycją i spisany kodeksem wartości, norm, postaw i wzorców zachowań. Są one wyznacznikiem zachowań pracowników instytucji i oddziałują na kształtowanie stosunków z otoczeniem. Ma to znaczenie w wewnętrznym jej życiu, jak i zgodnym współżyciem z jej otoczeniem³².

Według R. Griffina „kultura” to „(...)zestaw wartości, które pomagają członkom organizacji rozumieć, za czym organizacja się opowiada, jak pracuje i co uważa za ważne”³³. Innym podejściem jest definicja J. Stonera, E. Freemana i D. Gilberta, który stwierdza, że kultura to „(...)zbiór ważnych pojęć, takich jak normy, wartości, postawy i przekonania, wspólnych dla członków organizacji”³⁴.



Rysunek 3 – Poziomy „corporate culture”

Źródło: Budzyński W., *Zarządzanie wizerunkiem firmy*, Szkoła Główna Handlowa, Warszawa 2002, s. 27.

W. Budzyński pisze, że o kulturze firmy świadczą: system tożsamości firmy, wartości uznawane w firmie, przyjęte normy zachowań, historia firmy i jej bohaterowie, rytuały zbiorowe. Zgodnie z teorią góry lodowej na kulturę firmy składają się aspekty formalne (jawne) np. cele, technologia, struktura, zasady polityki i postępowania oraz aspekty nieformalne (ukryte) np. wspólne spostrzeżenia, postawy, uczucia, wartości, oddziaływania nieformalne i normy grupowe³⁵.

Autoritet w dziedzinie kultury firmy, amerykański profesor E. Schein zaproponował trzy poziomy kultury. Przedstawia to rysunek 4. Artefaktami E. Schein nazywa to „...co widzimy, słyszymy i czujemy, gdy stykamy się z nową firmą o nie znanej kulturze”³⁶. Najważniejszymi z tych elementów są symbole i znaki. Do elementów widocznych należą także: obsługa klientów, ubiór pracowników, rytuały czy żargon firmowy³⁷. Kultura wpływa na wizerunek jedynie poprzez te elementy, które podmioty otoczenia zewnętrznego postrzegają.

Według M.J. Hatch'a i M. Schultz'a kultura, tożsamość i wizerunek organizacji wyraźnie różnią się od siebie ale jednocześnie wzajemnie na siebie wpływają: „Tożsamość organizacyjna nie jest ani całkowicie uwarunkowana kulturowo, ani w pełni wynikająca z wizerunku organizacji, jest raczej tworzona przez współzależność tych dwóch sfer”³⁸. Można wyróżnić cztery procesy zachodzące pomiędzy tymi sferami. Pierwszy to odzwierciedlanie

³² Cenker, E. *Public relations*, dz. cyt. – S. 60-61.

³³ Budzyński, W. *Zarządzanie wizerunkiem firmy*, dz. cyt. – S. 26.

³⁴ Tamże.

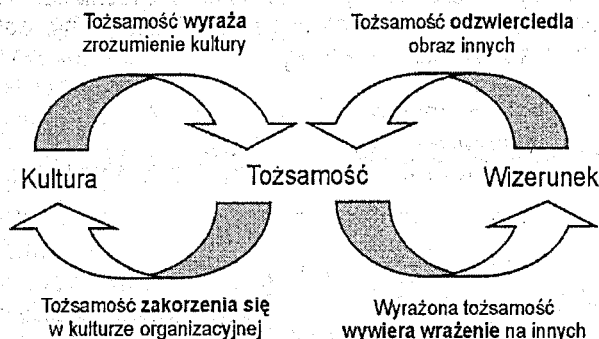
³⁵ Tamże.

³⁶ Tamże, s. 27.

³⁷ Tamże, s. 27-28.

³⁸ Sułkowski, Ł. *Organizacja w poszukiwaniu tożsamości // Przegląd Organizacji*. – 2005. – № 3. – S. 8-9.

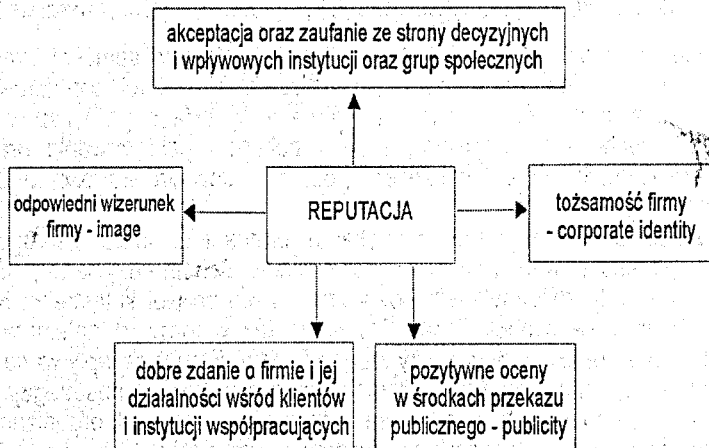
(mirroring) wizerunku organizacji w jej tożsamości. Drugi proces to zakorzenianie się (reflecting) tożsamości w kulturze. Tożsamość wpływa na kształt kultury organizacji, musi zostać w niej osadzona. Prowadzi to do wyrażania (expressing) kultury przez tożsamość. Sformułowania tożsamości są oparte na kulturze organizacyjnej. Tożsamość wywiera też wrażenie (impressing) na otoczenie poprzez wizerunek. Model ma charakter sprzężenia zwrotnego, co przedstawia rysunek 4.



Rysunek 4 – Dynamika tożsamości organizacyjnej

Źródło: Sułkowski Ł., *Organizacja w poszukiwaniu tożsamości*, „Przegląd Organizacji” 2005, nr 3, s. 9.

Z kolei podstawą reputacji organizacji są zdobyte w kontaktach z nią bezpośrednie lub pośrednie doświadczenia, które nie są niezbędne do określenia jej wizerunku. „Wizerunek, tożsamość i reputacja są ze sobą ściśle powiązane. Tożsamość składa się na wizerunek, natomiast zarówno tożsamość, jak i wizerunek warunkują reputację.



Rysunek 5 – Reputacja i czynniki na nią wpływające

Źródło: Cenker E., *Public relations*, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Bankowej, Poznań 2002, s. 19.

Znane jest powiedzenie, że dobrą reputację długo się zdobywa, ale bardzo szybko traci³⁹. Według J. Kouzes'a i B. Posner'a reputacja wiąże się z zaufaniem i bezpieczeństwem, związana jest z przeszłością i stanowi korzenie wiarygodności⁴⁰. Natomiast wiarygodność firmy jest to stopień zaufania, jakim darzą ją interesariusze. Wiarygodność może

³⁹ Davis, A.E. *Public relations*. – Warszawa: PWE, 2007. – S. 52-53.

⁴⁰ Budzyński, W. *Zarządzanie wizerunkiem firmy*, dz. cyt. – S. 16.

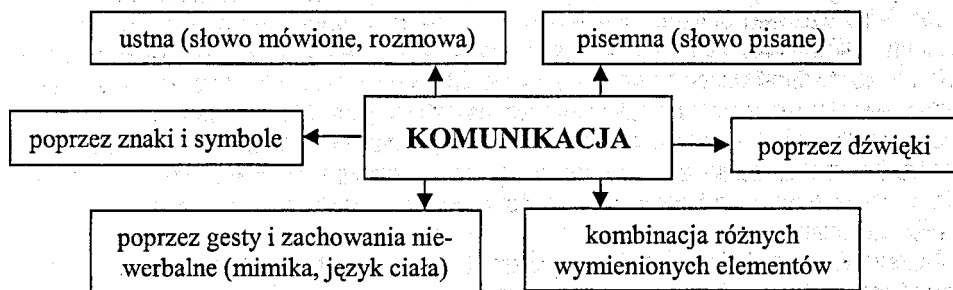
być bowiem wysoka lub niska. J. Kouzes i B. Posner wiążą ją z uczciwością, najważniejszym atrybutem wiarygodności⁴¹. Reputacja (goodwill) czyli rozgłos, sława może spowodować klęskę przedsiębiorstwa jeżeli jest zła. Zagrożone są zwłaszcza organizacje, które oferują odbiorcom nie tylko produkt, ale własną wiarygodność, np. banki, towarzystwa ubezpieczeniowe czy partie polityczne⁴².

6. Komunikacja w procesie kreowania wizerunku

Komunikacja stanowi nieodłączny element w osiągnięciu odpowiedniego (pozytywnego) wizerunku firmy. Jest ona rozmaicie rozumiana. Jedni uważają ją za podstawę wszelkich działań ludzkich, a inni tylko jako porozumiewanie się słowne. Najogólniej możnaby było przyjąć, że komunikacja to „wzajemne oddziaływanie społeczne za pomocą komunikatów, które ma doprowadzić do wspólnego zrozumienia określonych treści”⁴³. Może odbywać się ona jednokierunkowo, gdy nadawca nadający komunikat nie oczekuje żadnej odpowiedzi, czy sygnału zwrotnego (mało dokładna). Dwukierunkowa komunikacja występuje, kiedy nadawca oczekuje na odpowiedź lub sygnał zwrotny. Jest to komunikacja bardziej dokładna, ponieważ nadawca może zobaczyć, czy jego komunikat został odpowiednio zrozumiany i w razie jakichś wątpliwości odbiorcy przekazać informacje dodatkowe. Daje to również „komfort psychiczny” dla odbiorcy, że dobrze zrozumiał i zapamiętał przekazane mu treści. Komunikacja dwukierunkowa pozwala wytworzyć więź między nadawcą, a odbiorcą.

Komunikowanie nie zastępuje, a jedynie umożliwia, wspiera podstawowy przedmiot działalności instytucji. Oznacza to, że należy odpowiednio opanować komunikowanie, by mogło ono spełniać pożyteczną rolę wobec kierownictwa i kierowania⁴⁴. Ze względu na rodzaj komunikacji i jej znaczenie można wyróżnić⁴⁵:

- **do wewnątrz** – czyli komunikacja z pracownikami lub pracowników między sobą (właściwie zrozumieć i zarządzać personelem),
- **na zewnątrz i po części do wewnątrz** – czyli komunikacja pomocna w stworzeniu określonej tożsamości (identyfikacja wizualna), jak również realizowanie i wyznawanie wartości postępowania organizacji,
- **na zewnątrz i do wewnątrz** – czyli komunikacja pomocna w uzyskaniu pożądanego wizerunku, przez co zyskujemy zaufanie, wiarygodność w grupach otoczenia firmy,
- **na zewnątrz i wewnątrz** – czyli komunikacja firmy w przekazywaniu informacji dla: społeczeństwa, mediów, środowisk opiniotwórczych, opinii publicznej, władz.



Rysunek 6 – Sposoby komunikacji

Źródło: Cenker E., *Public relations*, Wyższa Szkoła Bankowości, Poznań 2002, s.62

⁴¹ Tamże.

⁴² Cenker, E. *Public relations*, dz. cyt. – S. 19.

⁴³ Przydatek, E. *Promocja / E. Przydatek, J. Przydatek*. – Warszawa: Wydawnictwo Szkolne i Pedagogiczne, 1999. – S. 8-9.

⁴⁴ Wójcik, K. *Public relations od A do Z / Agencja Wydawnicza Placet*, 1997. – T.1. – S. 77.

⁴⁵ Piuta, E. *Public relations - Moda czy konieczność? Teoria i praktyka*, dz. cyt. – S. 93.

O skuteczności przekazu informacji nie tylko decyduje wdrożenie odpowiednich technik i chwytów, ale również odpowiednio dobrana forma komunikatu. Sposoby komunikacji przedstawia rysunek 6.

6.1. Public relations w kształtowaniu wizerunku

Lista działań public relations uświadamia, że dziedziną tą jest integralną częścią prawie każdego poziomu organizacji lub zarządzania. Działania PR obejmują m.in.: doradztwo oparte na zrozumieniu ludzkich zachowań; analizowanie przyszłych kierunków zmian oraz przewidywanie ich konsekwencji; badania opinii publicznej, społecznych postaw i oczekiwań; tworzenie i podtrzymywanie dwukierunkowej komunikacji opartej na prawdziwej i pełnej informacji; zapobieganie konfliktom i nieporozumieniom; promowanie wzajemnego szacunku i społecznej odpowiedzialności; uzgadnianie interesów prywatnych i publicznych; promowanie dobrej opinii o instytucji wśród pracowników, dostawców i klientów; poprawianie stosunków wewnątrz przedsiębiorstwa; przyciąganie dobrego personelu i zredukowanie rotacji pracowników; promocje produktów lub usług oraz określanie tożsamości firmy⁴⁶.

Celem działań PR jest zdobycie zaufania otoczenia organizacji i pogodzenie interesów organizacji i opinii publicznej. Proces budowy zaufania można przedstawić w postaci tzw. „Piramidy 4Z”. Według tej koncepcji pierwszym etapem jest zwrócenie na siebie uwagi opinii publicznej. Otoczenie musi zauważyć istnienie organizacji. Następnym etapem jest przedstawienie w sposób interesujący i zrozumiały informacji bardziej szczegółowych (zapoznanie się). Informacje muszą być dostosowane do grupy celowej, by nie miała problemu z ich zrozumieniem. Efektem tych działań jest zrozumienie przez opinię publiczną interesów organizacji. Następnie przeradza się ono w zaufanie⁴⁷.

Szczególne znaczenie działaniom PR przypisuje się w organizacjach non-profit. Ich celem jest zdobywanie poparcia opinii społecznej, a dzięki niemu pozyskiwanie funduszy na realizację zadań publicznych. Działalność tych organizacji musi być jawna i prezentowana społeczeństwu ze względu na zaangażowanie w problemy społeczne i uzależnienie od finansowania zewnętrznego. Brak działań PR może prowadzić do utraty społecznego zaufania i poparcia. Skuteczność „fundraisingu” zależy bardziej od nagłośnienia dotychczasowych sukcesów niż od zamiarów organizacji. Celem komunikacji w tym wypadku jest zachęcenie wolontariuszy, fundatorów i społeczeństwa do poparcia i wspomagania działalności. Zdobywanie zaufania społecznego warunkuje funkcjonowanie organizacji non-profit, jej rozwój, a także pozyskiwanie funduszy i wolontariuszy⁴⁸.

7. Zakończenie

Firmy, organizacje społeczne czy też instytucje publiczne tworzone są w celu zaspokojenia ważnych potrzeb, ukierunkowanych na cały rynek lub na właściwe dla nich segmenty. Głównym celem tych podmiotów rynku jest między innymi zdobycie poparcia społecznego. O sprawności ich działania decydują takie czynniki jak: misja, dobre kontakty ze środowiskiem wewnętrznym i zewnętrznym, jak również wspomniane wcześniej poparcie społeczeństwa, które wyznacza niejednokrotnie sens działania tych podmiotów. Uzasadnia to potrzebę kształtowania działań zmierzających do osiągnięcia określonego wizerunku poprzez kreowanie i wyróżnienie tożsamości organizacji oraz spójnych z nią celów, jak i sposobów działania.

Wizerunek w świetle literatury jest pojęciem złożonym, na który wpływa wiele czynników. W zależności od otoczenia, które ma podjąć jego ocenę, może być różnie postrzegany. Wraz ze zmieniającymi się poglądami i upodobaniami społeczeństwa, to co myślą „zainteresowani” o organizacji i jak ją widzą, również ulega zmianie. Instytucja kształtująca własny

⁴⁶ Black, S. *Public Relations*, dz. cyt. – S.12.

⁴⁷ Rozwadowska, B. *Public relations. Teoria, praktyka i perspektywy*, dz. cyt. – S. 16-17.

⁴⁸ Iwankiewicz – Rak, B. *Public relations w instytucjach publicznych i organizacjach pozarządowych*; w: *Public relations: znaczenie społeczne i kierunki rozwoju* / red. J. Olejdzki, D. Tworzydło. – Warszawa: PWN, 2007. – S. 82.

wizerunek, powinna znać swój system wartości, identyfikować się z nim poprzez wizualne i pozawizualne elementy. Istotne znaczenie ma również system zachowań, który wpływa na utożsamianie się personelu z instytucją oraz proces komunikacji jej z otoczeniem, stwarzający możliwość osiągnięcia zamierzonego poziomu wyrazistości.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВА КАК СПОСОБ ЕГО ПОЗНАНИЯ

Калмыков В.Н.

Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины, г. Гомель, Беларусь

Моделирование – прием познания, который позволяет посредством одной системы воспроизвести другую, более сложную систему, являющуюся объектом исследования. Системные подходы к социуму имеют определенную традицию, выражены в трудах Сен-Симона, Г. Гегеля, О. Конта, К. Маркса, Г.В. Плеханова, Г. Спенсера, М. Вебера, Т. Парсонса, Д. Белла и других мыслителей.

При построении теоретической модели общества исходят из исследования идеализированного объекта. Это дает возможность отвлечься от несущественных явлений, представить изучаемый объект в идеально развитой форме, что позволяет обнаружить присущие ему законы движения, источники развития. В гегелевско-марксистском подходе противоречия выступают как источник развития всякого сущего.

В развитии современной западной цивилизации системообразующую роль сыграла идея экономической рациональности, реализующаяся в капиталистическом хозяйстве и образе жизни. Эта идея выражается в рациональных религии, праве и управлении, денежном обращении и т.д. Отвергая построение окончательных и последних систем, неклассическая философия не отказывается от системного мышления, от установления связей между категориями. По отношению к универсуму, природе общества, в самом широком понимании, есть подсистема, способом существования которой выступает преобразующая человеческая деятельность.

По мнению В.С. Степина, модель социума состоит из трех подсистем. Первая – это созданная человеческой деятельностью вторая природа, система техники и способ развития двухкомпонентной телесности человека: биологического тела и системы искусственных органов, которые функционально выступают как продолжение и дополнение естественных органов человека. Такое понимание человека явилось одной из стимулирующих идей, которые привели к материалистическому пониманию истории, разработке представления о решающей роли способа производства, развития цивилизации. Вторая подсистема – это многообразие человеческих отношений: бытие человека в социальных коллективах, больших и малых социальных группах. Третья подсистема – культура, наличие в обществе сложно организованной совокупности информационных кодов, хранящих и трансформирующих надбиологические программы человеческой жизнедеятельности. Цели, ценности, знания, навыки выступают как особая программа деятельности, которая должна стать достоянием субъекта. Программы могут транслироваться, передаваться в виде образцов, знаний, предписаний, верований, норм, мировоззренческих установок и т.п. Они составляют массив накопленного человеческого опыта [1].

В философии, в том числе в работах автора данной статьи [2], идет дальнейший процесс вовлечения в теоретический анализ новых связей и категорий, отражающих общественную жизнь.

Гегель в «Энциклопедии философских наук» писал, что наука предполагает не произвольные заверения по типу «а также», «вот еще», «далее следует», а наличие

определенного обоснования понятий, мыслей, их расположение друг возле друга в определенном месте (см. §§ 12, 33, 98 «Энциклопедии...»).

Основания, по которым выделяются основные контуры теоретической модели общества, следующие.

Первое основание – генетическое, дающее возможность раскрыть историю возникновения того или иного явления, в нашем случае, общества. Отметим, что первоначальным было противоречие между природой и обществом, так как человек и общество вышли из природы. Это противоречие как исходное будет функционировать до тех пор, пока существует социальная реальность. Все планы совершенствования и переустройства общества должны основываться, прежде всего, на необходимости поддержания жизни биосферы и возможностей существования и развития каждого человеческого существа. На базе «первой»; естественной природы, возникает «вторая», окультуренная природа, произведенные человеком вещи, освоенный человеком мир, природно-социальная реальность. Немецкий философ-просветитель С. Пуффендорф (XVII в.), обобщая взгляды древних философов, определял культуру как все произведенное человеком за вычетом природного, т.е. противоположное естественному состоянию. Современная философия не противопоставляет культуру природе и утверждает, что культура является диалектическим снятием природы, развивается на основе природы. Именно в человеке как продукте и творце культуры воплощен сплав биологических (природных) программ, характеризующих его генетическую наследственность, и надбиологических программ общения, поведения и деятельности, составляющих своего рода социальную наследственность. Вне культуры человек представляет собой либо хаос чувств, неоформленных потребностей, либо пассивный след среды, лишенный индивидуальности, incapable к рефлексии, самостоятельному поступку. Отсюда следует, что первый уровень (блок) предлагаемой нами теоретической модели общества включает взаимодействие природы, человека и культуры.

Внешнее противоречие «природа – общество» превращается во внутреннее противоречие развитого социального организма посредством перехода на новый уровень – между производительными силами и производственными отношениями. Первые в качестве орудий и средств труда функционируют как природа, включенная в общество, вторые – как первооснова всей общественной структуры. Определенному экономическому базису соответствует надстройка общества. По мнению Р. Арона, марксовы категории, производительных сил, производственных отношений, базиса и надстройки вполне применимы во всяком социологическом анализе. Второй блок модели общества отражает взаимодействие обозначенных выше компонентов социума.

Второе основание при построении модели социума учитывает главные факторы общественной жизни. В процессе антропосоциогенеза на протяжении длительного времени ведущее место в культуре занимало обеспечение жизненного цикла человека, удовлетворение потребностей самосохранения человеческого рода. Для этого необходимо как воспроизводство людей самими людьми, так и производство орудий труда, которое стало первым проявлением культуры человеком умелым. Итак, экологический фактор (природная среда) функционирует в единстве со способом производства материальной жизни (экономическим фактором) и способом производства непосредственной жизни (демографическим фактором). Все это составляет третий уровень модели общества. Актуальной является задача преодоления дисбаланса и создания гармонично функционирующей, единой, человеко-эколого-экономической воспроизводственной системы.

Третье онтолого-логическое основание заключается в позиции, согласно которой модель общества должна характеризовать социум как совокупность сторон, элементов, т.е. как «вещь». Бытие социального – одна из сфер бытия. Так как бытие в целом

включает в себя материальное и духовное, то и общественное бытие дуалистично – материально-духовно. Оно есть также единство объективного и субъективного, внешних условий и внутреннего мира человека.

Помимо материального и духовного элементов воспроизводства социума, способ существования и развития человечества включает в себя функционирование общественных отношений и формирование конкретного типа личности. Материальное производство ориентировано на удовлетворение потребностей людей в питании, одежде, жилище и т.д. Духовное производство программирует деятельность, дает необходимые знания, формирует ценностные ориентации. Производство общественных отношений обеспечивает определенную организацию взаимодействия в системе «человек – природа – техника». Производство конкретного типа личности ориентировано на формирование человека, соответствующего требованиям общества и способного к саморазвитию. Отталкиваясь от структуры общественного бытия, в четвертом блоке модели общества мы фиксируем взаимодействие вышеназванных четырех элементов.

Структура общества может быть выражена и в ином варианте, как взаимодействие основных его сфер. Согласно К. Марксу, «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [3, с. 7]. Не только в диалектико-материалистической концепции, но и в современной теории коммуникативного действия названы те же основные сферы социума: жизнеобеспечивающая (экономика), статусно-дифференцирующая (социальная структура), властно-регулирующая (политика) и духовно-интегрирующая (духовная жизнь). В культурно-деятельностных подходах подчеркивается, что в социокультурной модернизации мировоззренческие установки, жизненные смыслы выступают как программы обновления разнообразных видов деятельности, воспроизводства социальной жизни. Так, согласно М. Веберу, тот или иной способ существования социума воспроизводится и укореняется в зависимости от базисных ценностей культуры. Пятый уровень теоретической модели характеризует соотношение способа материального производства, социальной, политической и духовной жизни. При этом духовное, согласно Г. Спенсеру, разлито по всему социальному агрегату, а не локализовано в некотором одном центре.

Каждой из четырех названных главных сфер общества присущи свои источники развития. В экономике, как отмечалось, это противоречие между производительными силами и производственными отношениями. В социальной структуре функционирует противоречие между противоположными классами, доходящее в антагонистическом обществе до классовой борьбы, а ныне это – преодоление существенных различий между классами, социальными группами, слоями, движение к социальной однородности в единстве с процессом социальной дифференциации. В политической сфере – столкновение политических сил, партий, борьба за власть, движение к политической консолидации в единстве с процессом вычленения специфики политических устремлений разных социальных, национальных и региональных сил. В духовной сфере – противоборство в сознании, в теориях, зарождение предпосылок преобразований в идеях.

Модель общества должна характеризовать социум не только как «вещь», о чем уже шла речь, но и как развивающийся процесс. Это – четвертое основание для анализа теоретической модели общества.

Человек – исходная «клеточка» социума. Индивид частично «запрограммирован» существующими обстоятельствами, социальными нормами, вместе с тем, он оценивает альтернативы, принимает решения и на основе волевых усилий добивается их исполнения. В продуктах труда в результате кооперации, «скрещивания» усилий многих индивидуальных агентов следы индивидуального размываются и получается общественное. В социуме взаимодополняют друг друга хаос и порядок. На базе пара-

метров порядка формируются нормы культуры, искусства, этики, языка. В то же время в динамической жизни возникают новые импульсы, новые аттракторы, разрушаются старые параметры порядка.

С одной стороны, общество естественно развивается по объективным законам, с другой – участники социальной сферы являются движущими силами истории. Итак, в обществе источник развития (разрешение и воспроизводство противоречий) и движущие силы прогресса (деятельность людей) переплетены. Следующий блок модели общества характеризует взаимоотношение исторической необходимости (через объективные условия) и деятельности (через человеческий фактор), результирующиеся в общественный прогресс как цивилизационно-формационный процесс.

Вовлечение граждан в состав активных участников преобразования социума происходит по этапам: 1) воспроизводство в деятельности (общении) традиций, исторической памяти, знаний и представлений, транслируемых от прошлых поколений; 2) опривычивание неких замыслов и схем деятельности, их типизация; 3) выход за границы стереотипов, овеществление в деятельности творческих устремлений отдельных индивидов; 4) легитимизация модернизаторских настроений элиты, охват ими все увеличивающегося количества людей. С изменением общественных условий и качеств граждан их роль в диапазоне прогрессивной, нейтральной и негативной значимости по отношению к обществу меняется. В состав народа как движущей силы истории способны и входить и выходить его члены.

Любая модель упрощает действительность, поэтому здесь трудно было выделить демократические либо тоталитарные параметры социума, ценности, альтернативные варианты развития, чередование стадий эволюции и революции, конвергенции и дивергенции, схождения к центру и децентрализации, активности и пассивности, ускорения процессов и их замедления и многое другое. Тем не менее, предложенная модель социума как один из возможных вариантов, может быть полезна в том числе в методическом аспекте, для уяснения взаимосвязи и динамики ряда важнейших элементов общественной системы.

Незамкнутый характер модели социума в ряде современных исследований, описывающих постиндустриальное информационное общество, выражен в теории сетей (М. Кастельс, П. Бурдьё, В. Аршинов, А. Назарчук и др.). В основе теории сетей лежит идея коммуникации индивидов. Труд и потребление его результатов – горизонтальные отношения между участниками этих процессов. Социальный контакт, образующийся в ходе коммуникации, выражается через действие, обмен, языковое общение, информационную сеть Интернета и т.д. Социальные поля-сети пронизывают друг друга и разнонаправленно охватывают социальную реальность. Хозяйственный рынок, например, является типичным полем-сетью для задач экономического обмена. Коммуникационные технологии лежат в основе «сжатия пространства» и углубления взаимозависимости мира – ключевых параметров глобализации. Теория сетей позволяет переосмыслить некоторые категории, например, провоцирует измерять пространство не расстояниями, а потоками, отсчитывать время не часами, а событиями [4, с. 61-75].

Итак, социум – это не механическая сумма индивидов, а сложно организованная саморазвивающаяся система, включающая разнообразные подсистемы, связанные соподчиненными отношениями. Общество характеризуется динамичностью, незавершенностью, нелинейностью, альтернативностью, детерминированностью и одновременно непредсказуемостью развития. Поэтому модель общества является в некотором роде определенной, четкой и вместе с тем открытой, незамкнутой, предполагает свое совершенствование.

Список цитированных источников

1. См.: Интервью с академиком Российской академии наук В.С. Степиным // Вопросы философии. – 2004. – № 9. – С. 52-53; Культурология как наука: за и против (материалы обсуждения) // Вопросы философии. – 2008. – № 11. – С. 28-29.
2. См.: Калмыков, В.Н. Теоретическая модель общества как инструмент его познания / В.Н. Калмыков // Социальная теория и социальная практика. – М., 1992. – С. 5-8; Калмыков, В.Н. Системный подход на многое открывает глаза / В.Н. Калмыков // Белорусская мысль. – 1998. – № 8. – С. 39-44; Калмыков, В.Н. Теоретическая модель общества как выражение его системности / В.Н. Калмыков // Философия в современном мире. Материалы научной конференции. – Мн., 2001. – С. 138-141; Калмыков, В.Н. Способ производства общественной жизни как материально-духовная реальность / В.Н. Калмыков // Тенденции духовного развития современного общества. Наука. Философия. Нравственность. – Мн., 2004. – С. 58-60.
3. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – М., 1961. – Т. 13.
4. См.: Назарчук, А.В. Сетевое общество и его философское осмысление / А.В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

Кандричина И.Н.

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

Изучение ценностного сознания людей всегда привлекало пристальное внимание различного рода ученых и аналитиков, ведь ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты. Они соотносятся с представлением об идеале, желаемом, нормативном, придавая смысл человеческой жизни. Система ценностных ориентаций указывает на направленность интересов личности в восприятии наиболее важных сторон жизни и отношение к общим условиям деятельности, нравственные принципы человека. Знание о ценностной системе можно использовать как весьма эффективный показатель для прогноза общей направленности поведения как целеустремленного или же сравнительно нецелеустремленного, как относительно конформного и неконформного, как относительно самостоятельного и относительно несамостоятельного [1, с. 307].

Так как молодежь является не только особой социально-демографической группой, но и наиболее динамичной частью общества, изучение ее общественного сознания, ее духовного мира, и в том числе ценностных ориентаций, является необходимым для прогнозирования эффективного развития всего белорусского общества. Ценности выступают весьма значимым компонентом индивидуального и общественного сознания, поскольку являются регуляторами социального поведения. В ходе исторического развития в каждом обществе постепенно формируется совокупность базовых ценностей, определяющих его менталитет. Этот ценностный каркас обладает огромной исторической устойчивостью и мало подвержен изменениям во время разного рода социальных катаклизмов. Когда же осуществляются коренные преобразования в социальной системе, как это произошло в результате распада Советского Союза, и образования на этом геополитическом пространстве полутора десятков независимых государств, прежняя иерархия ценностей разрушается и складывается новая [4, с. 17].

Согласно данным социологических исследований, за два десятка лет аксиологические предпочтения молодежи РБ претерпели отдельные изменения: в иерархии ценностных ориентаций наблюдается увеличение значимости трудовой деятельности, общения и религии. Кроме того, в каждой сфере жизнедеятельности социума можно отметить вполне заметные тенденции изменения ценностных приоритетов.

Семья, дети, ближайшее окружение – фундаментальные ценности, которые передаются белорусами из поколения в поколение и не меняются на протяжении многих лет. Так, в ценностном сознании белорусской молодежи основной жизненной ценностью на протяжении 18 лет остаются семья и преобладают традиционные представления о брачно-семейной сфере: семья, основанная на официально зарегистрированном браке, полная семья как необходимое условие для воспитания счастливого ребенка, любовь и уважение к родителям, независимо от их достоинств и недостатков.

Традиционные ценностные ориентации молодежи о семье переплетаются с современными представлениями. Изменения ценностного сознания связаны с общемировыми тенденциями эмансипации, гендерного равенства, распространения индивидуализма и личной свободы во всех сферах жизнедеятельности общества. Они способствуют значительному уменьшению числа молодых людей, считающих, что женщина должна иметь детей, чтобы выполнить свое предназначение, и что быть домохозяйкой – такой же способ реализовать себя, как и иметь оплачиваемую работу, а также способствует росту тех, кто полагает, что иметь работу – единственный выход для женщины быть независимой. В современном обществе происходит сближение моделей ролевого поведения мужчины и женщины: оба супруга участвуют в экономическом обеспечении семьи, поровну разделяют ответственность за воспитание детей, совместно ведут домашнее хозяйство. В ценностном сознании белорусской молодежи доминирующей также является ориентация на эгалитарный и партнерский брак, обеспечивающий гендерное равенство супругов в выполнении ими семейных обязанностей. Молодые люди все больше склонны рассчитывать на собственные силы. Тем не менее, влияние профессионального труда работающих женщин отрицательно сказывается на их взаимоотношениях с детьми: число молодых людей, разделяющих мнение о том, что работающая мать может установить такие же теплые и прочные отношения со своими детьми, как и не работающая, уменьшается.

Нынешнее положение аксиологической системы в сфере брачно-семейных отношений свидетельствует также и о некотором возврате к «старым», доминирующим в начале трансформации, ценностным приоритетам. Так, вернулось осуждающее отношение к рождению внебрачных детей по сравнению с 2000 г., когда к данному явлению относились более лояльно. В 1990 г. и в 2008 г. большинство молодых людей считали, что родители должны отдавать лучшее детям даже в ущерб собственному благополучию, в то время как в 2000 г. более половины респондентов придерживались мнения, что никто не должен требовать от мам и пап чем-то жертвовать.

Сфера занятости и трудовой деятельности всегда занимала одну из лидирующих позиций в иерархии ценностных приоритетов молодежи, сегодня наблюдается устойчивая тенденция увеличения значимости трудовой сферы в жизни молодых людей. В мотивационной структуре экономической деятельности юноши и девушки в большей степени отдадут предпочтение получению материальной выгоды, чем содержательным характеристикам труда. Тем не менее растет число респондентов, ориентированных на творческую самореализацию, перспективную работу. Среди мотивов выбора того или иного занятия можно также говорить о некотором возвращении к ценностным ориентациям начального этапа трансформации: интересной, соответствующей способностям, инициативной и ответственной работе.

Процесс перехода белорусского общества от экономики централизованного планирования к рыночной способствовал появлению в ценностном сознании молодых людей в целом положительного отношения к таким понятиям рыночной экономики, как конкуренция и частная собственность. Позитивную роль конкуренции в стимулировании людей к труду и развитию новых идей отмечали большинство молодых людей, как в начале периода трансформации, так и на сегодняшний момент, по поводу же соот-

ношения форм собственности в бизнесе и промышленности взгляды молодежи претерпели существенное изменение. В первые годы периода трансформации, характеризующиеся спадом производства, остановкой работы предприятий, высоким уровнем бедности и безработицы, а также другими кризисными явлениями, значительная часть молодежи перешла из промышленных предприятий в сферу торговли и коммерческой деятельности. Этот переход имел определенные издержки как психологического, так и экономического характера. Одна часть молодежи сумела адаптироваться в рыночных условиях, накопить значительные средства, другая, составляющая большинство, не сумела реализовать свои планы в этой области. В результате в конце 1990-х годов многие молодые люди стали возвращаться в государственный сектор экономики. Наибольшей популярностью среди молодых людей пользуется негосударственный сектор экономики, и доля молодежи на государственных предприятиях уменьшается, в то время как на частных – увеличивается [3, с. 102-103]. В результате, современные юноши и девушки считают, что частная собственность в этих сферах должна преобладать. Кроме того, установка на патерналистскую опеку государства постепенно превращается в ориентацию на самостоятельность и надежду на собственные силы, тем не менее, треть респондентов поддерживает мнение о том, что государство должно заботиться о своих гражданах. Существование государственной поддержки в сфере трудовой деятельности способствует решению проблемы занятости молодежи, которая по-прежнему является актуальной: лица в возрасте до 30 лет в общей численности зарегистрированных безработных в 1995 г. составляли 50%, в 2000 г. – 53,9%, в 2007 г. – 39,7%. В современных социально-экономических системах именно молодежь несет основное бремя безработицы. Она создает огромный потенциал энергии, оказавшейся вне общественного производства, сдерживает профессионально-квалификационный рост рабочей силы, является особым фактором роста преступности. Наибольшую сложность в трудоустройстве испытывают выпускники школ, ПТУ, сузов и вузов, не имеющие опыта работы и малопривлекательные для работодателей.

Значимость ценности дружбы и свободного времени с каждым годом растет, при этом данные ценности играют более весомую роль в жизни молодых людей, в отличие от представителей старшего поколения. Друзья и знакомые как непосредственное социальное окружение выполняют важную функцию связующего звена в системе «личность-общество». Человек осознает свою принадлежность к обществу и свои общественные интересы через принадлежность к различным социальным группам и организациям, посредством которых он участвует в жизни общества. Потребность в общении – одна из базовых потребностей индивида. Об этом свидетельствуют многие исследования мотивации человеческой деятельности. Человек стремится к участию в совместных действиях, он хочет дружбы, любви, быть членом каких-то объединений людей, участвовать в общественных мероприятиях. Люди с высокой потребностью в соучастии стараются устанавливать и поддерживать хорошие отношения с другими людьми, стремятся получить одобрение и поддержку со стороны окружающих, обеспокоены тем, как о них думают другие. Для них очень важным является тот факт, что они нужны кому-то, что друзья и коллеги не безразличны к ним [5; с. 189-190].

Предрасположенность молодых людей в большинстве своем к самоорганизации в группах по интересам, особенно в сфере политики, становится крайне низкой, так же как и готовность к солидарным действиям. Наблюдается тенденция отказа от участия не только в незаконных политических акциях, но и в легальных: более половины современных молодых людей никогда бы не участвовали в подписании петиций, легальных демонстрациях и тем более в незаконном захвате зданий и заводов, в неразрешенных забастовках и бойкотах. Молодежь в целом занимает пассивную гражданскую позицию, особо не интересуясь политическими вопросами, что может быть свя-

зано со стабильной политической ситуацией в стране, которая не вызывает массового протеста и соответственно внимания. В результате, современные молодые люди не могут определиться со своими политическими предпочтениями: четверть из них относят себя к «центристам», по одному проценту респондентов самоопределились как занимающие крайне левую и крайне правую позиции, треть – затруднились ответить.

С распадом СССР с господствующей атеистической идеологией, религиозная ситуация в стране резко изменилась: возросло количество верующих и увеличилась значимость религии и ее роли в жизни общества. Одна из существенных особенностей системной трансформации белорусского общества проявляется в том, что в результате смены государственной идеологии значительно расширился диапазон влияния религии на массовое и индивидуальное сознание, в том числе и молодежи. Религиозные традиции не только возрождаются, но и органически входят в каждодневную практику, оказывая все более существенное влияние на обыденное сознание. Религиозные верования в современном обществе интегрированы с теми или иными элементами светской идеологии и культуры и вместе с ними образуют определенную систему ценностей, влияющую на политические, духовно-нравственные, эстетические и иные ориентации населения в целом и молодежи, в частности. Это способствует становлению религии в качестве социального института и влиятельного фактора духовно-нравственного развития общества [3, с. 189].

Сложившаяся в стране религиозная ситуация, обусловленная конституционным правом каждого самостоятельно определять свое отношение к религии, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом, и соответствующий закон способствуют развитию религиозных организаций и их расширению посредством открытия новых учреждений. Своеобразие религиозной ситуации в нашей стране заключается в отсутствии государственной религии и наличии многоконфессиональной структуры. Основной спектр представлен общинами православных (44,5%), протестантов (36,4%) и католиков (16,4%), мусульман (2,0%) [6, с. 77].

В переходный период, когда люди нуждаются во взаимопонимании, диалоге, психологической защите, религия, выполняя мировоззренческую, регулятивную, компенсаторную, интегрирующую функции, является той силой, которая помогает молодому поколению социализироваться, приобщиться к культурно-историческому миру своих предков, почувствовать свою сопричастность к духовному наследию общества. Следовательно, религия, прежде всего для молодежи, является, скорее, своеобразной культурной традицией, связывающей несколько поколений, выражающаяся в духовном единстве людей. В связи с этим в формировании отношения к религии немаловажное значение имеет семья, воспитывающая ребенка в соответствии с определенным религиозным мировоззрением. Тем не менее уровень трансляции религиозных норм в процессе семейного воспитания в целом крайне низок: на протяжении последних двадцати лет значимость религиозности как одного из качеств, развитие которых у детей обязательно, должно поощряться дома, растет, хотя и составляет менее 10%. При этом далеко не все верующие родители дают своим детям религиозное воспитание. Причем если говорить о динамике изменений, то в каждой из конфессий с уменьшением численности родителей, которые верят в Бога (по оценке их детей), примерно так же снизилась и доля детей, получивших соответствующее воспитание, но в каждой группе эта доля сохранилась одной и той же: так, среди православных, имеющих верующих родителей, около трети (29-30%) детей не получили и не получают семейного воспитания в духе веры в Бога, среди католиков и протестантов – пятая часть (19-21%). Таким образом, институциональное воспроизводство религиозных верований посредством семейной социализации носит достаточно устойчивый харак-

тер: хотя доля верующих родителей со сменой поколений несколько снизилась, тем не менее около 70% православных и 80% католиков и протестантов, воспитываясь в семьях верующих, стабильно получают в детстве первоначальное представление о религии, правилах и нормах поведения, которые ею предписываются и т.д. Остальные сегодняшние верующие искали свой путь в религию самостоятельно, без участия родительской семьи [7, с. 147].

Для большинства молодых людей религиозная вера не стала чем-то сакральным, смыслообразующим и определяющим их социальное поведение. Однако возрастающая роль церкви способствует постепенному проникновению религиозных канонов в другие сферы жизнедеятельности общества, наполняя их определенной духовной составляющей.

Таким образом, иерархия ценностей молодежи Беларуси является в некоторой степени противоречивой. С одной стороны, молодые люди сохраняют ценностные ориентиры, присущие белорусской социокультурной традиции (семейные ценности и ценность труда). С другой, процессы развития демократии и рыночной экономики в Беларуси способствовали формированию у молодежи сугубо прагматичных, материальных ценностей и ориентаций на собственные силы, индивидуализацию и самореализацию. Молодые люди формируют свою систему и иерархию ценностей, выбирают наиболее существенные и эффективные для достижения жизненного успеха, с их точки зрения, приоритеты из ряда альтернатив, сочетая и синтезируя традиционные и современные ценности.

Список цитированных источников:

1. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – 6-е изд. – М.: ИКЦ «Академкнига»; «Добросвет», 2003. – 596 с.
2. Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе / Под ред. Е.М. Бабосова. – Мн.: ИООО «Современное слово», 2001. – 160 с.
3. Сапелкин, Е.П. Молодежная политика в Республике Беларусь: Системный анализ: монография / Е.П. Сапелкин. – Мн.: УП «Технопринт», 2004. – 286 с.
4. Соколова, Г.Н. Рынок труда Республики Беларусь: экономические вызовы и социальные ответы / Г.Н. Соколова. – Мн.: Беларус. Наука, 2006. – 302 с.
5. Титаренко, Л.Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект / Л.Г. Титаренко. – Мн.: БГУ, 2004. – 205 с.
6. Безнюк, Д.К. Религиозная ситуация в Беларуси (опыт комплексного описания) / Д.К. Безнюк // Социология. – 2003. – № 2. – С. 72–78.
7. Новикова, Л.Г. О специфике религиозного поведения верующих основных христианских конфессий в современной Беларуси / Л.Г. Новикова, Е.А. Белая // Социология. – 2007. – № 4. – С. 140–150.

НАСЕЛЕНИЕ ЛИДСКОГО УЕЗДА В ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ 1831 И 1863 гг.

Карпович О.В.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В данной статье на основе архивных материалов проводится анализ событий восстания 1831 и 1863 г. в Лидском уезде, с акцентом на характер движущих сил обоих восстаний.

Хоть сам город Лида находился в стороне от событий восстаний 1831 и 1863 гг., в уезде неоднократно проходили столкновения повстанцев с правительственными войсками, и жители данного региона приняли самое активное участие в этих двух крупнейших потрясениях Беларуси в XIX в.

Спустя 2 недели после начала восстания в Польше, 12 декабря 1830 г. территория Гродненской губернии, к которой до 1842 г. относился и Лидский уезд, была объявлена на военном положении, всякие сношения местных жителей с Польшей запрещались. Однако эти запреты практически не исполнялись.

Так, сын бывшего предводителя дворянства Лидского уезда граф Адам Солтан входил в тайный комитет Гродненской губернии по подготовке восстания [5, лл. 3–4об]. Монахи Лидского кармелитского монастыря Николай Харловский, Анастасий Вигельтович и смотритель местного училища Иосиф Богущкий, перейдя границу, присоединились к корпусу польской армии генерала Хлоповского. Целый ряд служителей Францисканского монастыря за оказание помощи участникам восстания позднее оказались под судом в Гродно. Активное участие в восстании приняли и местные помещики, которые различными путями привлекали в отряды крестьян. Так, помещик Лидского уезда Михаил Гедройц привлекал в свой отряд крестьян, платя им по 30 копеек серебром в сутки [13, с. 131]. Учитывая общее незавидное экономическое положение крестьян, очевидно, что подобная вербовка принесла положительный результат. Во всяком случае, по числу крестьян, участвовавших в восстании, Лидский уезд занимал одно из лидирующих положений в Гродненской губернии, см. таблицу 1 [4, с. 24]. В графе «дворяне» здесь и далее проходят представители дворянского сословия, род занятий которых в архивных источниках не указан. Как правило, зачастую таковыми были обедневшие носители дворянских фамилий.

Таблица 1 – Участие населения Лидского уезда в восстании 1831 г.

Уезд	Помещики	Дворяне	Шляхта	Крестьяне	Чиннов.	Гимназ-ты, студенты	Дух-во		Служащие имений	Мещане	Неуст. сосло- вий	Всего
							Кат.	Ун-ты				
Лидский	10	6	30	36	–	–	9	–	–	4	6	101

В нашем распоряжении имеется ряд документов, позволяющих увидеть соотношение по качественным показателям участия представителей ряда сословий в восстании (количество участников восстания / число проживающих в уезде), см. таблицу 2 [7, лл. 8–44, 45–55].

Таблица 2 – Качественные показатели участия в восстании помещиков и шляхты

Уезд	Помещики			Шляхта		
	Населяло уезд	Уч-ков восстан.	в %	Населяло уезд	Уч-ков восстан.	в %
Лидский	246	10	4,1	3405	30	0,9

Из таблицы можно видеть, что роль помещиков и шляхты в целом по уезду в восстании 1831 г. сведена к минимуму и существенно отличается от ситуации в 1863 г.

Говоря о восстании 1863 г., следует отметить, что большое влияние на настроение жителей уезда оказал местный дворянин, отставной прапорщик Рязского пехотного полка Людвиг Нарбут, начавший формирование отряда из собственных крестьян. В самом начале своего формирования в отряде Нарбута было всего 6 крестьян. Постепенно это число увеличилось в несколько раз, и крестьяне составили уже 4 plutonga. Почти одновременно началом боевых действий к Нарбуту присоединился ксендз Горбачевский с группой крестьян (до 80 человек). В итоге крестьяне составили в отряде Нарбута три четверти всех бойцов [16, s. 210]. После прочтения повстанческого манифеста в мест. Заплотье (Лидский уезд) ксендзом Заржецким через три дня около костела в ожидании приказа собралось около 300 вооруженных крестьян [16, s. 208]. В оказании помощи отряду Нарбута был замешан целый ряд местных помещиков, об-

винявшихся властями в «угощении мятежников» (до 20–30 человек), поставке продуктов и одежды. В этом же уезде помещик Наркович дал «на нужды восстания» повстанческому командиру Густаву Чеховичу 900 руб., из них 500 – золотом [12, лл. 2–4].

В значительном количестве в восстании была представлена школьная молодежь Лидского уезда. Отдельный отряд из гимназистов и студентов Виленского Дворянского института организовал художник Эльвио Андриолли, остатки которого после разгрома присоединились к отряду Людвигу Нарбуту.

Все лидские чиновники отчисляли по 2% своего дохода на нужды восстания [14, с. 15]. Позднее, по настоянию властей, были вынуждены продать свои имения 16 помещиков Лидского уезда, заподозренных «в сношениях с мятежниками». Самыми богатыми среди таких лиц оказались Константин Кашиц, чье имение было оценено в 56300 руб. серебром, граф Кароль (Карл) Тышкевич – 41000 руб. серебром, граф Вильгельм Грабовский – 40000 руб. серебром [20, с. 81–82]. Суммы, вырученные от продажи имений остальных лиц, не превышали 11 тысяч «серебряных» рублей. Сам К. Кашиц в свое время являлся Новоградским повстанческим начальником и обещал 2000 рублей собственных средств за голову Виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева. В 1864 г. неудавшийся начальник был выслан в Нижегородскую губернию [5, с. 165; 11].

Общее количество участников восстания 1863 г. по Лидскому уезду можно видеть в таблице 3 [3, табл. 13, 39; 11; 12; 15].

Таблица 3 – Участие населения Лидского уезда в восстании 1863 г.

Уезд	Помещики	Дворяне	Шляхта	Крестьяне	Чиновн.	Гимназ-ты, студенты	Дух-во ка-толлич.	Однод-цы	Мещане	Всего
Лидский	31	37	8	Нет данных	5	Нет данных	8	22	7	118

К сожалению, в таблице отсутствуют данные по участию в восстании крестьян, но, исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что представители этого сословия приняли довольно активное участие в восстании.

Соотношение по качественным показателям участия представителей ряда сословий в восстании (количество участников восстания / число проживающих в уезде) можно видеть в таблице 4.

Таблица 4 – Качественные показатели участия помещиков в восстании

Уезд	Дворяне	Помещики			Общее число дворян	
		Уч-ков восстания	Населяло уезд	Соотнош. в %	Населяло уезд	Соотнош. в %
Лидский	37	31	539	5,8	4769	1,5

Среди этих помещиков значатся также непосредственные руководители восстания в уезде – Людвиг Иодко, Болеслав Климантович (приговорены к каторге) и Ксаверий Александрович (выслан в Тобольскую губернию).

Помимо этого, удалось установить ряд лиц, входивших в состав повстанческого отряда Людвигу Нарбуту, см. таблицу 5 [1, с. 148; 17, с. 180–182; 18, с. 92–102].

Таблица 5 – Состав отряда Людвигу Нарбуту

Командир	Дворяне	Помещики	Чиновники	Гимназ-ты студенты	Город. сословия	Однод-цы	Крестьяне	Дух-во	Всего
Нарбут Л.	23	9	7	8	2	2	1	1	53

Дикий эпизод произошел с крестьянином Иосифом Ланевским, который силой увел в леса своего родного брата Петра. Когда Петръ все-таки бежал, то Иосиф догнал и лично застрелил его [1, с. 148]. Остается добавить, что по итогам восстания на территории Лидского уезда властями (по официальным данным) было казнено 2 человека: ксендз Адам Фальковский (расстрелян в Лиде 13 (25) июня 1863 г. за чтение в костеле повстанческого манифеста) и бывший полицмейстер Сувалок Поликарп Бугельский (расстрелян 2 (14) мая 1864 г. в Щучине «за пребывание повстанческих отрядах, участие в вооруженных столкновениях против войск и за руководство одним из отрядов») [19]. Польские источники упоминают о казни в Щучине еще трех человек: Гардоцкий, Миконский Теофил и Рутковский Ян были повешены 27 апреля 1864 г. [21]. Между тем официальные источники этого не подтверждают.

Следует отметить, что сами повстанцы были отнюдь не безвинными жертвами, как их пытаются представить некоторые историки. Так, на совести отряда упомянутого выше ксендза (!) Горбачевского только в Лидском уезде по меньшей мере 3 убийства мирных обывателей, совершенных с изуверской жестокостью: перед тем как повесить трех крестьян, их пытали и выкололи глаза [2, л. 173].

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Участие населения Лидского уезда в восстании 1831 г. было минимальным. Тем не менее из числа участвовавших в восстании жителей уезда представители неподатных сословий (дворянство, духовенство) составили 54,4%. Почти каждый третий житель уезда, принявший участие в восстании, являлся крестьянином. Говоря об участии крестьян в восстании 1831 г., следует отметить учесть ряд факторов:

А. Прежде всего активным участием в вооруженной борьбе отметились крепостные крестьяне, как принадлежащие помещикам, так и католическим монастырям. Эта категория была вынуждена идти в отряды под угрозой насилия и гибла в первую очередь, будучи невооруженной.

Б. Иногда для привлечения большего количества населения в отряды крестьянам обещалось со стороны своих помещиков уменьшение повинностей, вплоть до предоставления вольной. Некоторые командиры отрядов, привлекая крестьян к восстанию, обещали денежное вознаграждение за каждый день службы.

В. В ряде случаев крестьяне добровольно сбегали в отряды от своих помещиков и их подручных – экономов и управляющих имениями, надеясь на вольность и землю. Поэтому их борьбу следует рассматривать прежде всего как антифеодальную и не имеющую ничего общего с лозунгами благородного сословия.

2. В сравнении с 1831 г., в 1863 г. общая численность помещиков в восстании увеличилась в 3 раза. Причины увеличения числа помещиков в восстании 1863 г., на наш взгляд, можно объяснить и экономическими причинами. Еще в первой четверти XIX в. часть помещичьих имений оказалась на грани разорения, и владельцы были вынуждены заложить их в различных банках. Очевидно, что с отменой крепостного права этот процесс увеличивался в геометрической прогрессии. Исходя из этого, ряд помещиков, оказавших под угрозой разорения, свое участие в восстании рассматривали, как способ улучшить свое незавидное положение. У нас нет данных по Лидскому уезду, но в целом по белорусским землям такое явление было характерно.

3. Мы не располагаем точными данными по участию крестьян Лидского уезда в восстании 1863 г., однако, как отмечали польские и отечественные исследователи, крестьяне Виленской губернии (к которой в 1842 г. отошел Лидский уезд) приняли наиболее активное участие в восстании. Главная причина такой активности заключается в разочарованности основной массы крестьянского слоя в половинчатых результатах реформы 1861 г., чем на первых порах воспользовалось повстанческое руководство, перетягивая на свою сторону крестьян. О большой поддержке повстанцев со

стороны крестьянства Виленской губернии свидетельствует и официальная ведомость Виленской следственной комиссии, из которой следует, что по состоянию на 1 января 1864 г. «из мятежных шаек» добровольно явились 225 крестьян [1, с. 171].

4. Отдельно следует коснуться темы репрессий в отношении повстанцев. Государство имеет право на защиту от сепаратизма, а с точки зрения официальной власти, восстание 1863 г. было обыкновенным мятежом с целью раскола страны. Наконец, только государство имеет право на легальное применение силы. И когда современные исследователи оправдывают убийства и издевательства над мирными жителями по приговорам каких-то мифических нелегитимных «повстанческих властей», это выглядит, по меньшей мере, абсурдно.

Список цитированных источников

1. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: материалы и документы. – М.: Наука, 1965. – 586 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 109. 3 отделение, 1 экспедиция, 1863 г. – Оп. 38. – Д. 23. – Ч. 1: Общие сведения по Царству Польскому и Западным губерниям.
3. Зайцев, В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1864 г. (опыт статистического анализа) / В.М. Зайцев. – М.: Наука, 1973. – 232 с.
4. Карпович, О.В. Социально-сословный состав участников восстания 1830–1831 гг. в Гродненской губернии // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы – 2010. – Серыя 1, № 2. – С. 21–27.
5. Лясковский, А.И. Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам). – Берлин: Арзамас, 1939. – 189 с.
6. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее – НИАБ). Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 531. О лицах, принадлежавших к польскому тайному обществу.
7. Там же. Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 1128. Список о количестве помещиков и дворян, владевших в Гродненской губернии имениями, а также о содержании под арестом лиц, принимавших участие в восстании 1831 г.
8. Там же. Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 1239. О доставлении сведений о поведении римско-католических и греко-униатских священников и монахов.
9. НИАБ в Минске. Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 52163. Дело о конфискации имущества участников восстания 1863 г.
10. Там же. Фонд 2001. – Оп. 2. – Д. 34. Дело о конфискации имущества лиц, причастных к восстанию 1863 г.
11. Там же. Фонд 2003. – Оп. 2. – Д. 94. Дело об описе и оценке имений участников восстания 1863 г., подлежащих продаже.
12. Там же. Фонд 1416. – Оп. 6. – Д. 274. О секвестре имений участников восстания по Виленской губернии.
13. Русак, О.Б. Отношение крестьянства Белоруссии к восстанию 1830–1831 гг. / О.Б. Русак // Сельское хозяйство и крестьянство Беларуси: материалы научной конференции, 27–29 октября 1989 г., г. Гомель. – Минск, 1991. – С. 126–135.
14. Сліўкін, В. Лідчына ў паўстанні 1863 года / С. Сліўкін, С. Суднік // Лідскі летапісец. – 1998. – № 4. – С. 12–15.
15. Хурсік, В.У. Трагедыя белай гвардыі. Беларускія дваране ў паўстанні 1863–1864 гг. / В.У. Хурсік. – Минск: Пейто, 2001. – 132 с.
16. Fajnhauz, D. 1863: Litwa i Białorus. – Inst. Historii PAN. – Warszawa: Neriton, 1999. – 357 s.
17. Lossowski, P. Rosjanie, białorusini i ukraińcy w powstaniu styczniowym / P. Lossowski, Z. Młynarski. – Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1959. – 239 s.
18. Malewski, Cz. Rody szlacheckie w powiecie Lidzkim na Litwie w XIX wieku / Cz. Malewski. – Wilno: Czas, 2002. – 113 s.
19. Rok 1863: wyroki śmierci / red. W. Studnicki. – Wilno: Nakł.: dr. Ludwika Chomińskiego, 1923. – 120 s.
20. Schmidt W. Geneza prywatnej rosyjskiej własności ziemskiej w b. guberniach Wilenskiej, Grodzkiej i Minskiej (1793–1875). – Warszawa, 1923. – 102 s.
21. Stupnicki H. Spis poległych i zmarłych w 1863/64 r. / H. Stupnicki. – Lwow, 1865. – 103 s.

ТРАНСГРАНИЧНЫЙ КЛАСТЕР АГРОЭКОТУРИЗМА «ЕВРОРЕГИОН ДНЕПР» – ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОДУКТ НА ТУРИСТИЧЕСКОМ РЫНКЕ

Касьяненко А.П.

Гомельский государственный университет им.Ф.Скорины, г. Гомель, Беларусь

В 2010 г. в партнерстве Гомельского научно-просветительского общественного объединения «Оракул» и Черниговской областной ассоциацией сельского туризма «Сиверские береги» (при техническом содействии учреждения «Новая Евразия») был осуществлен проект «Организация трансграничного кластера сельского туризма «Еврорегион Днепр». Нами был разработан концепт трансграничного кластера сельского туризма «Днепр» как партнерской кооперационной сети, действующей на трансграничном туристическом рынке. Практическая модель кластера создавалась на основе географической стратегии развития партнерской сети участников, резидентов кластера.

Основы кластерной теории, получившие известность в последние десятилетия, разработаны профессором Гарвардской школы бизнеса Майклом Портером. Под кластерами понимается (cluster, англ.- гроздь, куст) партнерская группа секторов экономики, предприятий, учреждений, организаций, собственников, связанных между собой отношениями купли-продажи, услугами, имеющих общую инфраструктуру, клиентов, заказчиков, кадры – взаимодействие которых увеличивает конкурентное преимущество.

Как показывает мировой опыт, кластер включает много различных целей, действий и типов взаимодействия. Сегодня в мировой практике насчитывается более 800 специализированных кластеров. В кластере нет одной формулы или модели, в которой организации и предприятия сотрудничают. Большинство кластеров состоят из трех и более слоев. Ядро кластера составляют компании-лидеры, «локомотивы отрасли». Второй слой кластера формируют сотни предприятий, поддерживающие ремонт, специализированный сервис, инвестиционный капитал, исследования, консалтинг этих компаний и других, вовлеченных в кластер. Третий слой образуют внутренние экономические фонды, поддерживающие инфраструктуру, обучение персонала, страхование и пр., которые в итоге обеспечивают здоровье кластера и его конкурентоспособность.

Кластерный метод как инструмент инновационной деятельности важен с трех точек зрения. Во-первых, это аналитический инструмент, который дает лучшее понимание экономики и экономического развития. Во-вторых, это организационный инструмент, который вовлекает отрасли, малый и средний бизнес, регионы, территории, сообщества в стратегическое развитие и решение проблем. В-третьих, это технологический инструмент, который поддерживает высокий уровень специализированных услуг в различных сферах деятельности экономики, образования, туризма, культуры и пр. Ключевой принцип кластера заключается в развитии организационной силы и совместной деятельности. Наиболее известные кластеры, такие как «Силиконовая долина», имеют чрезвычайную активность и популярный бренд в мировой экономике.

Кластерный подход на региональном уровне включает два направления социально-экономического анализа. Первое – необходимо установить наличие и концентрацию схожих или родственных предприятий, фирм, которые влияют на экономику региона. Второе – важно определить, что ресурсы, имеющиеся в регионе – природные, трудовые, культурные достопримечательности, знания работников поддерживают деятельность этих предприятий, фирм, школ, агроусадб через партнерство и конкуренцию. Особо важна при этом роль социального потенциала местных сообществ, наличие общественного сектора и его способность развить и поддержать экономическую, социальную инфраструктуру территории или населенного пункта.

Использование кластерной модели для развития приграничного агротуризма в «Еврорегионе Днепр» позволяет, во-первых, сформировать комплексный туристический продукт с учетом всех имеющихся ресурсов, во-вторых, на основе кооперационных связей интегрировать созданные внутри кластера новые турпродукты в региональную и местную экономику, обеспечить ее конкурентные преимущества, в третьих, привлечь различные группы местного населения к новым возможностям для развития сельского предпринимательства. В целом, это содействует устойчивому развитию территорий и сельских сообществ в трансграничной зоне Гомельской и Черниговской областей.

В партнерскую кооперационную сеть кластера планировалось включить агрохозяйства региона, учреждения культуры, образования и здравоохранения, фермерские хозяйства, предприятия малого и среднего бизнеса, туристические фирмы, сельские школы, органы местного управления и самоуправления, в том числе сельские советы, общественные объединения, ассоциации и пр.

Трансграничный кластер агротуризма формировался на территории «Еврорегиона Днепр» в 6 приграничных районах Гомельской и Черниговской областей: Добрушский, Гомельский, Лоевский районы Беларуси и Городнянский, Черниговский и Репкинский районы Украины. Общая географическая площадь трансграничного региона, включенного в кластер, составляет 11785 км. кв, в том числе около 5000 км. кв в Гомельской области (Беларусь) и 6785 км. кв в Черниговской области (Украина). На территории шести приграничных районов проживает 283250 жителей, в том числе 173250 человек в трех районах Гомельской области Беларуси и 110000 человек в трех районах Черниговской области. Сельское население проживает в 514 селах и поселках.

Уникальный природный, исторический и культурный потенциал приграничных районов создает огромные возможности для развития приграничного туризма, способствующего экономическому развитию региона и местных сообществ. В 2009 г. украинско-белорусскую границу со стороны Украины пересекли 1 млн.320 человек. С туристскими целями в Гомельскую область въехало 20 тысяч человек, в Черниговскую область – 24341 человек. Регион обладает развитой сетью автомобильных и железных дорог, имеются 4 пропускных пограничных пункта, в том числе пограничный переход в населенном пункте Веселовка с выездом в Черниговскую область (Украина) и Брянскую область (Россия). Расстояние от пограничных переходов до областных центров Гомеля и Чернигова составляет от 35 км до 70 км.

Значительная часть туристического потока с двух сторон связана с шопингом и посещением родственников. В районах, входящих в приграничную зону, стал формироваться региональный туристический рынок. В 2009 г. в трех районах – Добрушском, Гомельском и Лоевском – объем туристических услуг составил 334,5 млн. белорусских рублей. В то же время этот трансграничный регион обладает значительными туристскими ресурсами, которые не используются в полной мере. Основная проблема – отсутствие развитой инфраструктуры туризма и нехватка компетенций в сфере развития региональных рынков и территорий.

На подготовительном этапе создания кластера была инициирована рабочая группа, которая определила пошаговые действия по разработке трансграничного кластера сельского туризма. Затем была осуществлена инвентаризация туристско-рекреационных ресурсов 6 приграничных районов. На территории шести районов кластера в Гомельской и Черниговской области расположено около 300 природных, исторических, археологических, культурных и духовных туристических памятников. Туристические ресурсы кластера были обсуждены на научно-практическом семинаре «Инвентаризация и оценка туристско-рекреационных ресурсов трансграничного кластера», который состоялся 14 июля 2010 г., в п. Ильич, Гомельский район, на агроусадьбе «Дом рыбака».

Важный организационный ресурс кластера – партнерская сеть резидентов трансграничного кластера «Еврорегион Днепр»: На начальном этапе нашего проекта в состав партнерской сети кластера вошли: 18 агроусадоб и мини-отелей, 4 туристических комплекса, 6 музеев, 14 санаториев, оздоровительных лагерей и домов отдыха, 2 природных заказника, 3 туристических фирмы, 1 информационно-туристический центр.

На втором этапе организации кластера была проведена работа по созданию основного продукта кластера – сети туристических маршрутов в приграничных районах двух областей. Была разработана сеть туристических маршрутов кластера «Еврорегион Днепр», которая включает трансграничную сеть «Славянский венец» протяженностью 450 км с двумя «точками входа и выхода» – пограничный переход «Веселовка» (Добрушский район) и пограничный переход «Новая Гута» (Гомельский район); 6 региональных / радиальных сетей, включая 6 Зеленых маршрутов.

Туристические маршруты были апробированы в ходе велосипедного и автомобильного проездов: Гомель – Новая Гута – Чернигов – Городня – Репки – Гомель. По итогам состоялась аттестация туристических маршрутов.

Важный компонент кластера – его информационно-медийные ресурсы. Создан сайт «Трансграничный кластер сельского туризма «Еврорегион Днепр» – www.cluster.dnprg.com и издан буклет «Зеленые маршруты трансграничного кластера «Днепр».

На завершающей стадии была разработана и создана система общественного управления кластером сельского туризма «Еврорегион Днепр». Основные элементы этой системы: общественный совет кластера и рабочие группы кластера.

Задача рабочих групп – помочь местной администрации, общественному сектору лучше понять происходящие изменения для осуществления более эффективной политики в этой области. Эти группы формируются на основе организационных функций кластера, в том числе управления, маркетинга, информационной деятельности, образовательной, ресурсной деятельности и др. В международной практике принято включать в состав рабочих групп представителей университетов, школ, торговых палат, юридических и маркетинговых фирм, общественных организаций. Члены рабочих групп обеспечивают учет интересов сторон и партнерство в кластере.

На заключительном заседании Форума трансграничного кластера «Еврорегион Днепр» было утверждено Положение об общественном Совете кластера «Днепр»; избран состав Совета в количестве 23 человек и сформированы 6 рабочих групп кластера (в каждом приграничном районе) в составе 29 человек. Были сформированы 2 региональных филиала трансграничного кластера «Еврорегион Днепр»: Гомельский и Черниговский, управление которыми осуществляется на уровне региональных менеджеров кластера.

На нынешнем этапе развития трансграничного кластера агрозкотуризма «Еврорегион Днепр» важен общий анализ и оценка кластерного процесса. Это дает возможность проанализировать как успехи, так и неудачи с момента создания кластерной инициативы. При рассмотрении процесса кластеризации, важно рассмотреть и оценить отдельные инициативы, которые были осуществлены в рамках кластера, а также оценить практическое воздействие этих инициатив на показатели экономического, социального развития резидентов кластера, отрасли или территории. Это позволит выявить динамику развития кластера, возможности привлечения новых ресурсов или новых участников кластера.

В 2011-2012 гг. предполагается расширить географию трансграничного кластера сельского туризма «Еврорегион Днепр» за счет районов Брянской области (Россия) и 6 новых административных районов Беларуси и Украины: Ветковского, Речицкого, Жлобинского – Гомельской области и Куликовского, Менского, Щорского – Черниговской области. За два года в состав резидентов кластера войдет не менее 40 новых

усадеб, 5 туристических комплексов, 8 гостиниц, 7 мини-отелей, 9 транспортных предприятий, 10 предприятий малого и среднего бизнеса по прокату туристского снаряжения и оборудования (велосипеды, байдарки, палатки и пр.). Наряду с географическим принципом развития кластера планируется развивать специализированные мини-кластеры: «Арт-кластер «Седнев» в Городнянском районе, «Экологический курорт «Ченки» в Гомельском районе, «Этнографический кластер «Милоград» в Речицком районе.

В эти годы ожидается увеличение состава членов рабочих групп до 120 человек. В конце 2011 г. планируется создание международной общественной ассоциации «Трансграничный кластер сельского туризма «Еврорегион Днепр» (с участием российских партнеров – резидентов кластера в Брянской области).

В настоящее время планируется включение трансграничного кластера агроэкотуризма «Еврорегион Днепр» в Программы развития туризма/агроэкотуризма Гомельской и Черниговской областей и Программу развития туризма РБ до 2013 г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ

Ковалёва Н.Н.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Каждая из современных стран, стремящихся осуществить переход к устойчивому развитию, оказывается перед необходимостью решения социально-демографической проблемы. Безусловно, степень сложности этой проблемы и перспективы её решения существенно отличаются в различных государствах, что связано с целым рядом факторов.

В Республике Беларусь нынешний демографический кризис (общий для всех стран СНГ), является не только результатом распада СССР и последующих экономических и политических реформ на постсоветском пространстве и общих для всего мира демографических проблем, но и следствием не преодоленных застойных тенденций советского времени.

За свою многовековую историю белорусский этнос пережил несколько глубоких демографических кризисов. Наиболее тяжёлым был кризис середины XVII в., вызванный опустошительными войнами, когда численность населения белорусских земель уменьшилась более чем наполовину: с 2,9 млн. до 1,4 млн. человек [1, 119]. Новая катастрофа постигла белорусский этнос во время Северной войны (1700–1721 гг.): население сократилось с 2,2 млн. до 1,5 млн. человек [2, 446]. Во время войны 1812 г. в наиболее разорённых белорусских уездах погибло около четверти мужского населения. Несмотря на отсутствие военных действий на территории Беларуси с 1812 по 1914 г., первая половина XIX в. отличалась незначительным приростом населения. Отечественные исследователи объясняют снижение численности населения в дореформенный период усилением феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства и его крайним обеднением. За период с 1796 г. по 1858 г. население Беларуси увеличилось только на 27% и составило всего 3,3 млн. человек (в современных границах Беларуси) [3, 23].

Видный белорусский экономист, этнограф и историк М.В. Довнар-Запольский прослеживает тесную связь между изменением демографической ситуации в регионе и положением в экономике ("пытанні насельніцтва ў гаспадарцы краіны адыгрываюць найгапоўнейшую ролю побач з прыродна-гістарычнымі ўмовамі") [4, 380]. То есть рост численности населения рассматривается и как условие экономического подъёма, и

как результат благоприятных изменений в экономике. Последнее подтверждается быстрым ростом численности населения после отмены крепостного права. За 40 пореформенных лет численность населения удвоилась, и к 1897 г. в Беларуси жило 6,5 млн. человек [4,471]. За 50 лет (до Первой мировой войны) население белорусских земель увеличивается в 2,5 раза (в 2,8 – в Минской губернии, в 2,3 – в Виленской и Гродненской) [5,8]. Рост численности населения в пореформенный период является наглядной иллюстрацией того, насколько важным для благоприятного изменения демографической ситуации может быть реформирование хозяйства, осуществляемое в соответствии с потребностями общественного развития. Создание условий для свободного формирования рыночной экономики стимулировало рост товарности сельского хозяйства, повышало степень заинтересованности производителей в повышении эффективности производства, содействовало росту благосостояния населения.

На протяжении всего XX столетия воздействие различных политических, социально-экономических и прочих факторов, зачастую разрушительного характера, усложняло демографическую ситуацию в Беларуси. В результате, проявление позитивной тенденции поступательного роста численности населения многократно прерывалось. Значительно сократилась численность населения белорусских земель в ходе Первой мировой войны, вызвавшей военные потери, отток населения в другие районы страны и за границу, превышение смертности над рождаемостью. Если в начале 1914 г. на территории Беларуси проживало 7,5 млн., то в конце 1917 г. – 6,9 млн., а в начале 1921 г. – только 6,7 млн. человек [3,30]. Демографическая ситуация оставалась сложной и в 30-е гг., когда шли процессы индустриализации, коллективизации, сопряжённые со снижением материального уровня жизни людей, массового включения женщин в общественное производство, политических репрессий.

Самой страшной катастрофой XX в. для Беларуси стала Великая Отечественная война. Число людских потерь в республике за годы этой войны официально определяется цифрой 2 млн. 200 тыс. человек, но точные данные до сих пор неизвестны. Многие исследователи сходятся во мнении, что за годы Великой Отечественной войны погибло от 2,5 до 3 и более млн. человек, т. е. не менее чем каждый третий житель Беларуси. Несмотря на масштабы постигшего страну бедствия, демографический кризис был постепенно преодолён.

Авторы атласа "Беларусы. Этнагеаграфія. Дэмаграфія. Дыяспара. Канфесіі", изданного фондом фундаментальных исследований РБ в 1996 г., приводят цифры, свидетельствующие о поступательном росте населения в послевоенной Беларуси: с 1950 г. до 1970 г. (за 20 лет) численность населения выросла с 7,71 млн. человек до 9 млн. человек, т. е. на 16,7%, а за следующие 20 лет, до 1990 г. – ещё на 1,26 млн. человек, т. е. на 14% [6, 13]. Таким образом, численность населения республики за 40 лет увеличилась более, чем на 30%. Учитывая негативные последствия войны (нарушенная структура населения, половая диспропорция, подорванное за годы войны здоровье людей и другие факторы), темпы прироста можно было бы признать более-менее удовлетворительными, если бы увеличение численности населения шло только за счёт естественного прироста. Однако общеизвестным фактом является широкая миграция в послевоенную Беларусь переселенцев из России и других республик СССР. Восстановление городов, строительство промышленных объектов требовало притока инженерно-технических и рабочих кадров.

Именно в 60-е и 70-е гг. в Беларуси начинает проявляться тенденция сокращения рождаемости, являющаяся основной причиной нынешнего демографического кризиса. В то время снижение рождаемости объясняли вступлением в детородный период женщин, рождённых в годы Великой Отечественной войны, численность которых была небольшой. Во второй половине 80-х гг. свою негативную роль в снижении рож-

даемости и увеличении смертности сыграла и авария на Чернобыльской АЭС. В результате в 1990 г. среднегодовой прирост населения в республике снизился практически до нуля. К этому времени Беларусь вместе с Россией, Украиной, Литвой, Латвией и Эстонией имела самые низкие среди бывших республик СССР показатели прироста населения [3,33].

Масштабы нынешнего демографического кризиса в «Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 гг.» определяются следующим образом: «современная демографическая ситуация характеризуется процессом естественной убыли населения, представляющим потенциальную угрозу устойчивому развитию государства и национальной безопасности» [7]. Действительно, за 16 лет (с 1993 г. до 2009 г.) население республики сократилось с 10,4 млн. до 9,5 млн. человек, т.е. на 900 000 человек [6,13; 8].

Очевидно, что нынешний демографический кризис возник не в результате войны, природных катаклизмов и прочих чрезвычайных обстоятельств, а стал результатом нарастания разнообразных негативных тенденций. К тому же, кризис поразил все демографические процессы: рождаемость, смертность, брак, миграцию, в связи с чем возникла угроза депопуляции нации. Особенностью активно развивающегося процесса депопуляции нации в Беларуси является одновременное снижение рождаемости и увеличение смертности. В 2005 году число умерших превысило число родившихся на 51,5 тыс. человек [7]. К этому времени Республика Беларусь имела самый низкий (среди постсоветских республик) показатель рождаемости и очень высокие показатели смертности.

Естественно, любое государство, решая проблему прироста населения, должно делать упор на увеличение рождаемости. Понятно, что стимулирование рождаемости – сложный процесс. Поэтому в программе была поставлена достаточно скромная (сообразно реалиям времени) задача повысить суммарный коэффициент рождаемости (среднее число рождённых детей, приходящихся на одну женщину) до 1,5. К 2010 г. этот коэффициент вырос до 1,44 (с 1,29 в 2005 г.) [9]. Хотя значение этого показателя в Беларуси несколько выше, чем в среднем по Восточной Европе (1,39), достигнутый рост не даёт оснований для оптимизма. Специалисты утверждают, что даже 2 рождёемых каждой женщиной ребёнок не спасёт ситуацию, так как не обеспечит замещения поколений.

Демографические кризисы прошлых столетий, при всей их масштабности, преодолевались белорусским этносом сравнительно быстро. В доиндустриальном обществе, при преимущественно аграрном характере экономики и веками не меняющемся укладе семейной жизни, достаточно было 5-6 десятилетий без войн и эпидемий для возобновления и увеличения численности населения. А после отмены крепостного права в 1861 г. дополнительным фактором, стимулирующим прирост населения, стало улучшение материального положения основной массы крестьянства.

Характерная для современного демографического кризиса проблема снижения рождаемости возникла не вдруг, а вызревала постепенно в процессе послевоенной урбанизации, сокращения доли сельского населения. Если в 1941 г. сельское население составляло 78,3%, в 1974 г. – 51,3%, то в 1995 г. – уже 31,4% [6,33]. По данным переписи 2009 г., доля сельского населения продолжает сокращаться, сейчас она составляет 25,7% [9]. В структуре семей традиционно большие сельские семьи стали по численности уступать малодетным городским. Повышение трудовой и социальной активности, рост культурно-образовательного уровня подавляющего большинства молодых мужчин и женщин сформировали их ориентацию на создание малодетных семей и на сознательное планирование и регулирование рождения детей. Естественно, повернуть вспять уже закрепившиеся тенденции невозможно, поэтому ставка де-

лается на "реализацию целостной системы мер, социально-экономического, правового, организационного характера, направленных на повышение качества жизни семей с детьми» [7]. Можно спорить об эффективности этих мер, но, по мнению специалистов, цифры 2,1 ребёнка на одну семью достичь практически невозможно. Известный социолог и демограф Шахотько Л.П. считает, что возможностей резко повысить рождаемость и снизить смертность практически не существует [10].

Показатели смертности населения нарастали уже на протяжении последних десятилетий существования СССР, несколько уменьшились в связи с проводившейся антиалкогольной кампанией, затем достигли пика в 1994 г. На протяжении 2000-х годов наблюдалось уменьшение смертности практически во всех возрастных группах. Но за последние годы общий коэффициент смертности ещё более увеличился: в 2000 году на 1 тыс. населения приходилось 13,5 случая смертей, а в 2009-м – 14,5[9].

Позитивной тенденцией можно считать некоторое увеличение продолжительности жизни белорусов. В 2009 г. ожидаемая продолжительность жизни белорусских граждан составила 70,5 года, в том числе мужчин – 64,7, женщин – 76,4 года. По сравнению с 2005 г. этот показатель увеличился на 1,7 года (для мужчин – на 1,8, для женщин – на 1,3 года) [9]. Но продолжительность жизни в Беларуси по-прежнему ниже, чем в большинстве развитых стран: по итогам 2008 г. Беларусь вошла в первую тройку европейских стран с самой низкой продолжительностью жизни людей.

Высокая смертность среди граждан трудоспособного возраста, которые пока ещё составляют 62,7%, и увеличение доли пенсионеров (сейчас это 22% населения республики) [11], а также лиц, перешагнувших 65-летний рубеж, свидетельствует об общем старении нашего общества, что, безусловно, чревато серьёзными проблемами для экономики и социальной сферы.

При отсутствии положительной динамики естественного прироста населения, некоторые эксперты заявляют, что проблема депопуляции нации в Беларуси может решиться только посредством привлечения в страну мигрантов. Действительно, внешняя миграция оказывает некоторое влияние на замедление темпов депопуляции нации. Но приток мигрантов в Беларусь невелик: в 2008 г. прибыло 17 413 человек, уехало – 9 268 (миграционный прирост составил 8 145 человек). Миграционный прирост населения Республики Беларусь за 2009 г. составил 12,2 тыс. человек, увеличившись по сравнению с 2005 г. в 6 раз. Подавляющее большинство прибывших (78%) – граждане из стран СНГ, иммигрировавшие из России, Украины и Казахстана [9].

В решении демографической проблемы в Республике Беларусь, безусловно, есть некоторые позитивные сдвиги: рост рождаемости, снижение показателя младенческой смертности, некоторое увеличение продолжительности жизни. Можно положительно оценивать усилия руководства страны по формированию позитивного имиджа семьи с несколькими детьми, моды на здоровый образ жизни и т.д. Однако, на наш взгляд, вывод, который делают официальные лица, о том, что уже созданы предпосылки для постепенного перехода от демографического спада к демографической стабилизации, звучит несколько неубедительно.

Список цитированных источников

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2008. – Т.3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII ст) / Ю. Бохан [і інш.]. – 2004. – 343 с.
2. Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэд. калегія: Г.П. Пашкоў (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Мн.: "Беларуская энцыклапедыя" імя Петруся Броўкі. – 1999. – Т.5. – 592 с.
3. Марцуль, Г.С. Гісторыя Беларусі: насельніцтва, фарміраванне і вызначэнне этнічных і дзяржаўна-адміністрацыйных межаў / Г.С. Марцуль, М.С. Шашкевіч. Беларуская замежа: вуч. дап. – Мн.: РІВШ пры БДУ, 1997. – 132 с.
4. Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэд. калегія: М.В. Біч, А.П. Грыцкевіч, М.І. Ермаловіч [і інш.]. – Мн.: "Беларуская энцыклапедыя" імя Петруся Броўкі, 1993. – Т.1. – 494 с.

5. Довнар-Запольский, М.В. Народное хозяйство Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Минск: изд-во Госплана БССР, 1926.
6. Беларусь. Этнагеаграфія. Дэмаграфія. Дыяспара. Канфесіі (Атлас) / Рэд. кал. С.А. Польскі (старшыня) [і інш.]; Фонд фундаментальных даследаванняў Рэспублікі Беларусь. – Мінск: Камітэт дзяржаўных знакаў пры Міністэрстве фінансаў Рэспублікі Беларусь, 1996. – 31 с.
7. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: spt.bsru.unibel.by. – Дата доступа: 1.04.2011 г.
8. Численность населения по областям и г. Минску / Сайт Национального статистического комитета РБ. [Элек. ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by>. – Дата доступа: 30.03.2011 г.
9. Информационный материал № 2. (86). Новые качественные характеристики населения РБ / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baranovichy.by>. – Дата доступа: 7.04.2011
10. Интервью с профессором Шахотько Л.В. // Народная воля. – 2010. – 2 лютага.
11. Новые качественные характеристики населения Республики Беларусь / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iac.gov.by>. – Дата доступа: 5.04.2011.

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В УКРАИНЕ

Ковальчук И.А.

Вольнский национальный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина

Конституционный процесс в Украине тесно связан с общими тенденциями трансформации общества. Современный политико-правовой процесс в Украине фактически начался с принятия Декларации о государственном суверенитете Украины (16 июня 1990 г.). В ней четко указывалось на необходимость выработки новой Конституции Украины, которая отображала бы современные реалии развития украинского общества [1, с.186]. В связи с этим были созданы Комиссия и Рабочая группа, которые и подготовили Концепцию Конституции Украины. Она была утверждена Верховной Радой Украины.

24 августа 1991 г. был принят Акт о независимости Украины. В нем подчеркивалось, что, исходя из смертельной угрозы, которая нависла над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 г., продолжая тысячелетнюю традицию государственности Украины, воплощая Декларацию о государственной независимости Украины, Верховная Рада Украины провозглашает независимость Украины и создание самостоятельного украинского государства [1, 191].

1 декабря 1991 г. на общенародном референдуме 90,32% избирателей высказались за независимость Украины [2, с.8].

Провозглашение независимости Украины и всеукраинский референдум активизировали работу Конституционной Комиссии и ее Рабочей группы. В 1992 г. они подготовили официальный проект Конституции Украины, и в июле этого же года он был вынесен на всенародное обсуждение. В результате проведенного референдума Проект был поддержан народом. После чего доработанный проект Конституции был подан в Верховную Раду Украины: первый раз в мае, а потом второй раз в октябре 1993 г. В силу разных причин, как субъективных, так и объективных, все эти проекты так и не стали Основным Законом Украины.

На этом и завершился первый этап современного конституционного процесса в Украине. Внеочередные выборы народных депутатов Украины и Президента Украины 1994 г. несколько приостановили конституционный процесс в Украине. 10 ноября 1994 г. был утвержден на паритетных условиях (Президент и Верховная Рада) персональный состав нового созыва Конституционной Комиссии. Ее создание положило начало новому этапу конституционного процесса в Украине.

Однако общественная жизнь украинского общества требовала решения многих насущных проблем. В результате чего возникла идея «Малой Конституции Украины»,

которая нашла свое воплощение в проекте закона «О государственной власти и местном самоуправлении в Украине». Однако Верховная Рада отклонила его. В связи с этим возникла некоторая коллизия взаимоотношений между Президентом Украины, исполнительной и законодательной властью. С целью преодоления этих противоречий был принят Конституционный договор между Верховной Радой и Президентом Украины «Об основных условиях организации и функционирования государственной власти и местного самоуправления в Украине». Согласно этому договору, действующая Конституция Украины была легитимной в той части, которая не противоречила нормам Конституционного договора, имевшего силу Закона [2, с.9].

После этого, с сентября 1995 г. значительно активизировался процесс подготовки новой Конституции. В ноябре 1995 года Рабочая группа представила Конституционной Комиссии новый проект Конституции. Обработанный ими Проект доводила до совершенства новая Рабочая группа, которая состояла из десяти членов Конституционной Комиссии, представляющих Президента, Верховную Раду, Верховный и Высший Арбитражный суды Украины.

В новом проекте Конституции все заинтересованные стороны стремились заложить наиболее универсально регулирующие отношения всех сфер жизни украинского общества на основании украинских реалий и традиций, соответственных европейских и мировых стандартов. В то же время, необходимо заметить, что выработка новой Конституции проходила в условиях острой политической борьбы. Несмотря на это, 20 марта 1996 г. проект Конституции Украины был передан Верховной Раде.

2 апреля 1996 г. Верховная Рада приняла решение внести на рассмотрение пленарных заседаний вопрос о проекте Конституции Украины, а 17 апреля началось его первое чтение. 19 апреля было принято решение о необходимости создания Временной специальной комиссии для выработки проекта Конституции, а уже 5 мая была создана такая комиссия. 28 мая началось рассмотрение Проекта, а через неделю проект Конституции был принят в первом чтении.

Через две недели (19 июня) началось второе чтение Проекта, проходившее в острой борьбе, когда некоторые политические силы делали все возможное, чтобы затормозить процесс принятия Конституции. В этих условиях Президент Украины Леонид Кучма издает указ о проведении референдума по данному вопросу. В создавшейся политической ситуации депутаты начали работать более плодотворно и интенсивно, особенно 27 июня и в ночь с 27 на 28 июня. В результате этой работы 28 июня 1996 г. в 9 часов 18 минут 321-им голосом «за» (45 – «против», 12 – «воздержалось», и 17 – «не голосовали») Верховная Рада Украины приняла Основной Закон Украины [3, с.312]. Принятие Конституции было очень важным этапом возрождения украинской государственности.

В то же время спешное принятие Конституции Украины полностью не решило всех проблем, поскольку ее статьи имели немало противоречий, особенно в тех случаях, которые относились к распределению полномочий высших органов власти в Украине. Трансформационное развитие Украины порождало новые вопросы, решить которые в рамках Конституции 1996 г. было очень трудно. Поэтому снова время от времени конституционные проблемы становились актуальными в украинской общественной жизни. Новый конституционный процесс в Украине начался в 2000 г., когда Президент Украины Леонид Кучма издал Указ «О провозглашении Всеукраинского референдума по народной инициативе» [4, 2]. Указ был подписан на основании протокола Центральной избирательной комиссии «Об общих итогах собрания подписей граждан Украины с требованием проведения Всеукраинского референдума по народной инициативе» от 15 января 2000 г., а также на основании соответствующих статей Конституции. Проведение референдума было назначено на 16 апреля 2000 г.

29 марта 2000 г. глава государства, в соответствии с решением Конституционного Суда Украины, издал новый Указ « О внесении изменений к Указу Президента Украины от 15 января 2000 г. «О провозглашении Всеукраинского референдума по народной инициативе», в котором были исключены из Статьи 2 Указа Президента Украины от 15 января 2000 г. пункты 1 и 6 [5, с.2].

Таким образом, референдум состоялся, и большинство граждан Украины (81,59%) поддержали те предложения, которые были вынесены на обсуждение. Вместе с тем решением ЦИК была введена процедура досрочного голосования – за 10 дней, и 54% граждан воспользовались этим, что дало повод говорить о низком уровне демократичности процедуры волеизъявления [6, 164-165]. Более того, Народный депутат Украины М. Сирота заявил, что референдум в условиях социально-экономического кризиса может привести в перспективе к прямому президентскому управлению.

Но все же итоги референдума не были внедрены, поскольку отсутствовала, по мнению Конституционного Суда Украины, комплексность и системность изменений, которые вносились в Конституцию. Была ещё одна причина нереализации результатов референдума – это негативная реакция Совета Европы: Парламентская Ассамблея рекомендовала в случае изменения Конституции Украины неконституционным путем приостановить членство Украины в этой организации [7, с.80].

Новый кризис, который разразился в Украине на пороге XX и XXI веков был системным по своему характеру. По мнению Зигмунда Бжезинского, действия, связанные с президентскими выборами 2004 г., свидетельствуют о массовом волеизъявлении граждан Украины к изменениям, росте их самосознания [8, с.21].

8 декабря 2004 г. (в расцвет политического противостояния на выборах Президента Украины) Верховная Рада Украины в режиме «пакетного голосования» приняла Закон Украины «О внесении изменений до Конституции Украины». Кроме того, был принят Закон «Об особенностях использования Закона Украины «О выборах Президента Украины» при вторичном голосовании 26 декабря 2004 г., а также поддержали проект Закона Украины «Об изменениях до Конституции Украины относительно усовершенствования системы местного самоуправления» [3, с.312]. Согласно этому закону, Украина стала парламентско-президентской республикой, изменились полномочия высших органов власти [9, с.47]. Таким образом, кризисный период был преодолен, но некоторые проблемы, как показали последующие события, так и остались до конца нерешенными.

Современный этап конституционного процесса в Украине начался в марте 2009 г., когда Президент Украины Виктор Ющенко внес предложения в парламент, которые были изложены в Проекте изменений в Основной Закон Украины. В связи с тем, что Верховная Рада проигнорировала этот Проект, В. Ющенко издал Указ «О проведении общенационального обсуждения проекта Закона Украины О внесении изменений в Конституцию Украины» [10, с.5-12]. В силу политического противостояния между ветвями власти и последующих событий, связанных с президентскими выборами, эта инициатива В. Ющенко так и не была реализована.

Следующие события конституционного процесса в Украине связаны с отменой Верховной Радой Украины осенью 2010 г. Закона Украины от 8 декабря 2004 г. Таким образом, Украина снова вернулась к прежней модели государственного управления и к положениям Конституции 1996 г. Однако данное решение не ликвидировало проблемы взаимоотношений между органами власти в Украине. Это положение в конституционном вопросе не удовлетворяет нынешнюю власть. В связи с этим действующий Президент Украины Виктор Янукович издает Указ в феврале 2011 г. об учреждении Конституционной Ассамблеи по выработке новой Конституции Украины во главе с Леонидом Кравчуком. Все эти факты свидетельствуют, что в Украине так и не до кон-

ца были решены конституционные вопросы. Необходимость дальнейшего трансформационного развития украинского общества, создания более эффективной системы управления государством, решения других неотложных проблем привела к необходимости выработки новой Конституции Украины.

Список цитированных источников

1. Марчук, П.П. Політологія. – Тернопіль, 1998. – 263 с.
2. Вовк, Ю.И. Конституція України / Ю.И. Вовк, С.М. Мадзей, Ю.В. Буган. – Тернопіль, 1996. – 96 с.
3. Основи демократії / За аг. ред. А.Ф. Колодій. – Львів, 2009. – 832 с.
4. Указ Президента України «Про внесення змін до Указу Президента України від 15 січня 2000 року «Про проголошення всеукраїнського референдуму за народною ініціативою» // Урядовий кур'єр. – 2000. – №59. – С. 2.
5. Указ Президента України «Про проголошення всеукраїнського референдуму за народною ініціативою» // Голос України. – 2000. – 18 січня. – С. 2
6. Паніотто, В. Соціологічні дослідження як спосіб контролю за результатами виборів і референдумів / В. Паніотто, Н. Марченко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2001. – №1. – С. 155–170.
7. Василенко, С.Д. Європейський вибір України. – Одеса, 2003. – 210 с.
8. Політична система та інститути громадянського суспільства в сучасній Україні / Ф.М. Рудич [та ін.]. – К., 2008. – 440 с.
9. Конституція України зі змінами і доповненнями. – Харків, 2007. – 48с.
10. Обговорюємо проект нової Конституції України // Луцький замок. – 2009. – 17 вересня. – С. 5–12.

НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ – ВАЖНЫЙ ДУХОВНЫЙ РЕСУРС ОБЩЕСТВА

Коновалов В.Т., Пачинин В.И.

Институт информационных технологий БГУИР, г. Минск, Беларусь

Неотъемлемым условием существования всякого общества является нравственная культура, которую можно определить как совокупность моральных норм, принципов и идеалов, а также способов воплощения этих принципов в нравственных аспектах деятельности людей. «Закрепленные в культуре нравственные установки, модели поведения определяют успешное развитие личности и народа в целом», – отмечается в послании Главы государства белорусскому народу и Национальному собранию от 20 апреля 2010 года [1].

В структуре нравственной культуры различимы две основные сферы, неразрывно связанные между собой: идеологическая, мировоззренческая (рационально-теоретическая) и психологическая (чувственно-эмоциональная). Идеологическая сторона содержит представления о смысле жизни, о высших моральных ценностях и идеалах, о счастье, справедливости, человеческом достоинстве. Сюда входят ценностные ориентации личности, моральные нормы, принципы, оценки и самооценки, мотивы и побуждения, отражающие нравственные потребности. Систематизированное оформление идеологическая сторона культуры морального сознания получает в этических теориях. Контрольно-идейно-психологическими механизмами морального сознания является совесть, моральный долг, моральная ответственность.

Морально-психологическая сторона морального сознания связана с культурой нравственных чувств. Нравственные чувства человека концентрируются во внимании, в эмоциональном заинтересованном отношении к другим людям и проявляются в сочувствии, сопереживании, сострадании, милосердии, в стремлении принять участие в судьбе другого человека, помочь ему.

Нравственное отношение человека проявляется: к обществу – в патриотизме, гражданственности, интернационализме; к труду – в сознательном, творческом отноше-

нии; к людям – в коллективизме; к природе – бережном, заботливом отношении; к себе – в дисциплинированности. Нравственность, как неотъемлемая часть национальной духовной культуры, является важным принципом идеологии белорусского государства [2]. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, выступая с докладом на четвертом Всебелорусском собрании, подчеркнул, что «будущее нашей страны определяется духовным здоровьем нации, которое вместе с высокими моральными принципами, патриотизмом, активной жизненной позицией составляет основу общества, гарантирует его устойчивость и является главным источником его развития» [3].

Высокие нравственные качества от рождения не даются. Они формируются в процессе социализации и воспитания. В период абсурдных и неоправданных реформ 90-х годов была дискредитирована и сломана существовавшая в то время система духовно-нравственного и патриотического воспитания. Со стороны определенных политических сил не прекращаются усилия по фальсификации исторического прошлого, замалчиванию всего того позитивного, что сделано предшествующими поколениями. Это оборачивается отчуждением определенной части людей и, прежде всего, молодежи от Родины, ее базовых ценностей.

Анализ социологических опросов, проведенных среди молодежи Беларуси, свидетельствует о весьма тревожных тенденциях в эволюции её ценностных ориентиров. Все большее значение в молодежной среде приобретают материальные, прагматические установки. Все меньше действует нематериальная мотивация [2, с.6]. У всех слоев молодежи на первые места выдвинулись ценности личностного характера: любовь, семья, здоровье, дружба, материальное благополучие. В то время как показатель отношения молодежи к исполнению общественного долга, патриотических обязанностей значительно снизился.

Сегодня в Беларуси не самый большой процент респондентов ставит патриотизм в верхнюю часть шкалы ценностей [4, с. 332 - 333]. Многие молодые люди не проявляют интереса к своему профессиональному росту [2, с.7]. 72% опрошенных молодых людей Брестской области не имеют какого-либо идеала, которому хотели бы подражать. 42,4% вступивших в самостоятельную жизнь предпочитают жить только сегодняшним днем без формирования определенных целей [5, с. 81].

Белорусское общество нуждается в преодолении нравственной дезориентации, в установлении ясных моральных ориентиров у молодых граждан страны. «Сегодня нашей стране как никогда нужны высокообразованные и творчески мыслящие специалисты, настоящие профессионалы и патриоты Отечества. Именно они являются ключом к успеху в достижении нашей общей цели – построению сильной и процветающей Беларуси» – отметил Глава государства в своей записи в Книге почетных гостей, которую он сделал по итогам встречи со студентами и преподавателями Академии управления 24 сентября 2010 г. [6].

Четвертое Всебелорусское народное собрание на первый план выдвинуло задачу нравственного воспитания человека, сохранения и упрочения культурных и идеологических основ государства и общества [2]. Нравственное воспитание следует понимать как программируемый процесс формирования ценностных ориентаций молодого поколения, отвечающий конкретным и актуальным интересам белорусского общества, создание такого базиса личности, который предполагает формирование направленности, определяющей отношение человека к происходящим событиям, культурному и научному наследию, историческим достижениям, понимание человеком своего места в обществе.

В центр воспитательного процесса должна быть поставлена задача формирования у студентов научного мировоззрения на основе изучения философии, социологии, политологии, других социально-политических дисциплин, на базе духовно-нравствен-

ных ценностей белорусского народа. Будущие специалисты должны иметь мировоззренческие ориентиры и научные представления об идеале общественного устройства своей страны. Система ценностей является основой для развития и саморазвития личности. Они выступают в качестве мировоззренческого интегративного и мобилизационного фактора, помогают человеку определить направление и цели своей деятельности, обрести смысл жизни и позитивное социальное самочувствие.

Сегодня для белорусов особую актуальность приобретают такие ценности, как белорусская государственность, культура, язык, знание собственной истории, национальных традиций, обычаев, общечеловеческие идеалы добра, справедливости, соблюдения прав человека. В мировоззренческую основу белорусской государственной идеологии из национального наследия включены принципы гуманизма, социальной справедливости, коллективизма, патриотизма. Они являются определяющими факторами для государства и общества [7, с.175].

Среди мировоззренческих приоритетов белорусской государственной идеологии огромное значение придается патриотизму. Патриотизм – это чувство любви к родине и деятельность, направленная на служение интересам своего Отечества. Идеология белорусского государства – «это идеология патриотизма. Она конструктивна, потому, что направлена на созидание, содержит мощнейшее мобилизующее начало», – разъясняется в послании Президента страны А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию 19 апреля 2005 г. [8]. Патриотизм может и должен стать объединительной идеей нашего общества, организующей и мобилизующей силой в строительстве демократического правового социального государства.

Патриотизм живет, пока существует связь с поколениями народа, пока есть носители. Поэтому особое внимание следует уделять воспитанию чувства преемственности поколений через любовь к родной земле («малой родине»), уважение к истории, сохранение исторической памяти, увековечение ратного и трудового подвига народа, пропаганду героизма прошлого и настоящего, осознание необходимости обеспечения безопасности страны, готовности стоять за Родину ценой жизни, следуя традициям боевой славы.

Как фундаментальная научная категория, преемственность играет определяющую роль в поступательном развитии общества. Высший нравственный, патриотический долг нашего общества – воспитать своих граждан на принципах первенства общего над частным, общенародного над личным. Эти основополагающие принципы должны быть положены в основу нравственного воспитания, целью которого является формирование социальных ценностных качеств человека и мотивов его практической деятельности.

Список цитированных источников

1. Лукашенко, А.Г. Динамичный прорыв в развитии страны – путь к новому качеству жизни: послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию / А.Г. Лукашенко // Сов. Белоруссия. 2010. 21 апреля.

2. Макей, В.В. Единство нации, сильная власть, народная политика – наш безусловный приоритет. Из выступления на республиканском семинаре-совещании «Система идеологической работы в Республике Беларусь: современное состояние и перспективы развития» / В.В. Макей // Бел. думка. 2010. – № 4.

3. Лукашенко, А.Г. Наш исторический выбор – независимая, сильная и процветающая Беларусь: доклад Президента Республики Беларусь на четвертом Всебелорусском народном собрании / А.Г. Лукашенко // Сов. Белоруссия. 2010. 7 декабря.

4. Адуло, Т.И. Идеология и молодежь Беларуси: пособие / Т.И. Адуло и др. // Под ред. Л.Е. Землякова, С.Д. Лаптенка // Мн.: Акад. Упр. при Президенте Республики Беларусь, – 2005. – 338 с.

5. Высоцкий, А. Белорусский сейсмограф / А. Высоцкий // Бел. Думка, – 2006. – № 12.

6. Лукашенко, А.Г. Ставка на сильное государство / А.Г. Лукашенко // Народная газета. 25 сентября, 2010.

7. Коновалов, В.Т. Мироззренческий компонент идеологии белорусского государства / В.Т. Коновалов // Вестн. Акад. МВД. Республики Беларусь, – 2010. – № 2.

8. Лукашенко, А.Г. Впереди у нас большая работа: послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию / А.Г. Лукашенко // Сов. Белоруссия. 2005. 24 апреля.

СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОЛЬ ГОСУДАРСТВА КАК ИНСТИТУТА ВЛАСТИ

Константинов С.А., Приходько Ф.С.

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки, Беларусь

Определяющей тенденцией эволюции современного мира является глобализация – качественно новый этап в развитии интернационализации. Она проявляется в устранении административно-политических барьеров в международном сотрудничестве, планетарном объединении финансовых рынков, общемировом циркулировании финансовых потоков, информации и технологий, формировании в масштабах всего мира информационного пространства, появлении общих черт у стран и регионов, охваченных глобализацией. Мир становится все более единым, экономическое пространство универсализируется и унифицируется. Глобализация существенно изменяет как экономическую, так и политическую, социальную и культурную жизнь мира.

Глобализация прошла несколько фаз: 1500–1800 гг., когда европейские государства начали активную экспансию в Азии, Африке и Латинской Америке; 1800–1945 гг. – эпоха классического колониализма; 1945–1990 гг. – сложный и неоднозначный период, когда экспансия центра была несколько приостановлена (крушение колониальной системы, попытки самостоятельного развития молодых государств); современный период, новое наступление Центра на остальной менее развитый мир.

Несмотря на то, что глобализация определяется как объективно обусловленный процесс нарастания всеобщей взаимозависимости, существует довольно-таки широкий спектр отношений к этому процессу, включающий в себя как его восхваление, даже восторг, так и его категорическое неприятие. Среди многочисленных оценок последствий глобализации можно выделить три главные точки зрения.

Суть оптимистической позиции в убеждении, что глобализация создает предпосылки для постепенного сближения народов, выравнивания уровня их социально-экономического, политического и культурного развития, укрепления демократии, оптимизации процесса принятия решений. Общность техники, технологий, предметов потребления, развитие международного общения с помощью Интернет, СМИ будут способствовать увеличению у различных наций общих элементов в труде, одежде, пище, образе жизни, политике, культуре, менталитете. Этот процесс представляется позитивным для стран, отставших в своем экономическом, технологическом, социальном и культурном развитии. В обмен на свои тропические и иные аграрные продукты, минеральное сырье или топливо они могут получать готовые изделия и услуги, являющиеся продуктом длительного развития системы образования и науки, научно-технической мысли, интеллектуального труда и крупных капиталовложений. С возрастанием грамотности местных кадров, уровня их производственной культуры становится возможным перенос некоторых простых производств из развитых стран в развивающиеся.

Сторонникам реалистической позиции будущее мира не представляется столь радужным. Полагают, что за многовековую историю природа человека мало изменилась и человечество не выработало иммунитета против насилия и войн, которые стано-

вятся все более разрушительными. Поэтому оснований для пессимизма у современного человечества не меньше, чем для оптимизма. Мощь человеческого разума вполне может быть направлена как на созидание, так и на разрушение достижений цивилизации, уродование самой человеческой личности.

Позиция современных антиглобалистов пессимистична. Современное антиглобалистское движение очень неоднородно, оно включает в себя сторонников Маркса, Энгельса, Ленина, троцкистов, анархистов, антизападников... Четкой единой программы этого движения нет. Антиглобалисты резко осуждают международные финансовые институты и основные индустриально развитые страны, запретительную миграционную политику, проводимую ими, критикуют Центр за возврат к использованию силы в международных отношениях... Лидеры этого движения трактуют глобализацию как средство скрытой реколонизации и эксплуатации, инструмент создания системы экономических, информационных, политических и иных отношений, позволяющий развитым странам, и прежде всего США, получать различного рода выгоды за счет других.

Уже в скором времени, по их мнению, обострятся многие глобальные проблемы и конфликты. Одна из таких проблем – углубление разрыва в экономическом развитии между Севером и Югом. Сегодня на наиболее бедные 20% населения планеты приходится лишь 1% мирового внутреннего валового продукта, в то время как на жителей США, составляющих менее 5% населения Земли, приходится более четверти мировых ресурсов и богатств. Растущее неравенство в мире обернется резким обострением международных конфликтов. Этому же способствует и актуализация экологической и сырьевой проблем. Если уровень потребления ресурсов у ныне экономически отсталых стран приблизится к современному уровню США, других индустриально развитых стран, то ожидаемое к середине этого века девятимиллиардное население Земного шара не сможет существовать из-за нехватки продуктов питания, питьевой воды, сырьевых ресурсов.

По мнению антиглобалистов, процесс глобализации осуществляется по модели США. Это выражается в том, что важнейшие решения, касающиеся всего мира, принимаются узкой группой американских и близких к ним других западных политиков, финансистов, медиократов (руководителей СМИ). Обладая финансовыми, информационными и научно-технологическими ресурсами, современная западная элита может оказывать существенное влияние на отдельные государства, скрыто, а порой и открыто воздействуя на развитие социально-экономических и политических процессов, вызывая нужные реакции, например, с помощью кредитов и информационной поддержки сохранять у власти лояльные им правительства и, наоборот, требуя уплаты долгов и вводя экономические санкции, устранять с политической арены неудобных. Таким образом, реальная мировая власть становится авторитарной, а в случае включения механизмов манипулирования массовым сознанием и поведением даже тоталитарной при сохранении формальных демократических институтов.

С точки зрения антиглобалистов, США пытаются подорвать престиж и влияние единственного общемирового демократического форума – ООН и присвоить себе роль мирового полицейского. Стремление утвердить монополярную структуру мира во главе с США обязательно вызовет мощное сопротивление со стороны остальных государств и, прежде всего, таких центров влияния, как ЕС, Китай, Индия, возможно, Россия, Бразилия и др. Все это чревато новыми мировыми катаклизмами.

Многие проявления глобализации вызывают также резкий протест со стороны традиционных институтов и организаций, а также многих субъектов, плохо адаптируемых к новым условиям, требующих глубоких знаний, профессиональной подготовки, внутренней динамики, готовности к изменениям, открытой соревновательности, а значит – и повышенной ответственности, которая связана с высокой степенью риска. Конечно

же, глобализирующееся общество отнюдь не гарантирует всем своим членам комфортное существование. Однако проблема в том, что альтернативы глобализации практически нет. На страновом уровне от глобализации выигрывают прежде всего, видимо, развитые страны. На индивидуальном же уровне она выгодна индивидам энергичным, образованным, надеющимся в первую очередь на самого себя. Она дает им возможность приложить свои силы практически в любой стране.

Страны должны либо произвести внутреннюю мобилизацию и реструктуризацию и включиться в процесс глобализации максимально эффективным способом, либо вверить свою судьбу внешним силам, которые рано или поздно осуществят эту реструктуризацию по своей программе. Перед подобным выбором стоят сегодня не только крупные общественные структуры, но и каждый отдельный человек.

Современная глобализация обуславливает размывание и ослабление регулирующих функций национального государства, которое уже не может, как прежде, защищать национальную экономику от нежелательных внешнеэкономических воздействий, контролировать коммуникативное пространство своей страны, формировать ценностные установки у своих граждан. Международные процессы переросли из межстрановых, более или менее эффективно регулировавшихся в одностороннем, двустороннем или многостороннем порядке национальными государствами, во внестрановые, т.е. глобальные, порой не поддающиеся государственному регулированию.

Ослабление регулирующих функций современного государства проявляется прежде всего в том, что оно все более теряет возможность эффективно использовать такие традиционные рычаги макроэкономического регулирования, как, например, импортные барьеры, экспортные субсидии, курс национальной валюты, ставка рефинансирования центрального банка и др. В условиях уже достаточно высокой и все более нарастающей взаимозависимости национальных хозяйств правительства вынуждены пользоваться ими с оглядкой и на другие государства, интересы которых могут быть задеты, и на поведение влиятельных негосударственных субъектов международных экономических отношений — ТНК и транснациональных банков, которые своими ответными действиями могут свести на нет ожидаемый от предпринимаемых мер эффект либо даже использовать их во вред данной стране.

Более того, в обстановке соперничества стран за приток иностранных капиталов даже такие традиционно "внутренние" сферы государственного регулирования, как налогообложение, социальная политика, трудовое законодательство, образование и профессиональная подготовка кадров интернационализируются, поскольку каждому правительству приходится все более считаться с тем, как обстоят дела в этих сферах у соседей-соперников. В таких условиях национальные государства теряют возможность эффективно регулировать собственную экономику даже посредством самых современных методов.

Некоторые экономические процессы, особенно в валютно-кредитной сфере, обрели глобальный характер и не поддаются регулирующим усилиям отдельных, даже весьма могущественных государств. Для этого нужны согласованные меры многих стран и вмешательство в эти процессы таких глобальных организаций, как МВФ, Всемирный банк, ВТО и т.п.

Если раньше государство являлось основным и единственным субъектом международных отношений, то сегодня появилось множество акторов. Глобализация вызвала рост международных правительственных организаций (МПО). Первой такой организацией стала Постоянная комиссия по судоходству на Рейне, образованная Венским конгрессом 1815 г., который подвел итоги наполеоновских войн и открыл новую веху в международной социальной практике. Ныне насчитывается около тысячи МПО, которые регулярно проводят заседания и сессии, посвященные различным аспектам

формирующегося глобального общества. Их можно классифицировать по геополитическому признаку: универсальные (ООН или Лига Наций), межрегиональные (Организация «Исламская конференция»), региональные (Латиноамериканская экономическая система), субрегиональные (Бенилюкс) или по функциональному критерию: общецелевые (ООН), экономические (ЕАСТ), военно-политические (НАТО), финансовые (МВФ, Всемирный Банк), торговые (ВТО), научные ("Эврика"), технические (Международный союз телекоммуникаций), специализированные (Международное бюро мер и весов) и другие.

В этих условиях белорусское государство настойчиво ищет свое место в глобализирующемся мире. В текущей пятилетке ставится цель повысить эффективность внешнеторговых связей и обеспечить их сбалансированность. Рост экспортных поставок предполагается обеспечить в первую очередь за счет повышения эффективности действующих предприятий и создания новых экспортоориентированных производств. Будут предприняты все усилия, чтобы сохранить и усилить многовекторность внешнеэкономической политики. Продолжится политика освоения новых рынков сбыта и усовершенствования системы продвижения белорусской продукции на внешние рынки. Активизируется работа по созданию филиалов белорусских предприятий за рубежом.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ БЕЛАРУСИ КАК СУБЪЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Котляров И.В.

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск

Модернизация белорусского государства в современную эпоху – одно из значимых явлений политической действительности. Происходит переход от одного качественно-го состояния общества к другому, существенно меняются методы управления страной. В белорусском государстве формируются новые политические структуры, кардинальным образом меняется общественное сознание. Постепенно выполняется задача воспитания освобожденного от старых идейных догм и любящих свою Родину человека, обеспечение развития его духовного и интеллектуального потенциала. Этот человек должен быть патриотом Беларуси, любить и уважать ее, делать все, чтобы она развивалась и процветала, знать и уважать свой национальный язык, историю, культуру, традиции, добросовестно выполнять свои гражданские обязанности, жить и работать по совести, во благо белорусского народа и государства.

Особое место в политической модернизации белорусского общества должны занимать политические партии. Политическая партия – это наиболее активная, сознательная и организованная часть какой-либо социальной группы или общественного класса, которая формулирует и выражает их интересы, борется за политическую власть или участие в ее осуществлении. Как показывает политическая реальность, политические партии – самые подвижные и активные элементы современного общества, основные инструменты взаимосвязи между государством и людьми. Именно они направляют стихийную энергию социальных протестов в русло легитимной борьбы за лучшее будущее.

Политические партии – основа демократии. В настоящее время в мире не существует ни одной «беспартийной демократии». Как утверждает известный ученый Ф. Шмиттер, «представительная демократия, контролируемая посредством многопартийных, состязательных выборов, служит ориентиром демократической трансформации поставторитарных обществ в любом культурно-географическом регионе мира» [7, с. 27].

Однако в настоящее время белорусская многопартийная система находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех ее подсистем и блоков, всех уровней порядка. Причем почти все политические партии Беларуси переживают несколько локальных кризисов – кризис доверия, кризис лидерства и кризис идеологической идентичности. По данным очередного этапа социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в конце 2010 г., белорусским политическим партиям доверяют 13,7% населения Беларуси, не доверяют – 33,4%. Если бы в ближайшее время в нашей стране происходили выборы в парламент по «партийным спискам», как в России, то 22,3% избирателей проголосовали бы против всех политических партий. Половина респондентов, вполне вероятно, вообще бы не пошла на выборы, так как они ничего не знают о политических партиях страны. Популярность некогда мощной политической силы – Коммунистической партии Беларуси упала за последние годы почти в **сорок раз** (с 52,1% в марте 1991 г. до 1,3% сейчас). Перед выборами в Верховный Совет XIII созыва каждый третий житель страны был готов поддержать коммунистов, а сейчас? Не лучше положение в других политических партиях белорусского государства.

Интересно сравнить рейтинг политических партий Беларуси в 1995 г. – расцвете белорусской многопартийности (Таблица №1) и в настоящее время (Таблица № 2) и, не претендуя на абсолютную истину, попытаться найти причины краха белорусской многопартийности.

Таблица №1 – Рейтинг политических партий Республики Беларусь в 1995 году

Партии	V-95	X-95
1. Аграрная партия	5,8	7,4
2. Белорусская гуманитарная партия	0,3	0,1
3. Белорусская крестьянская партия	2,1	1,2
4. Белорусская народная партия	3,9	2,7
5. Белорусская национальная партия	0,4	0,9
6. Белорусская объединенная спортивная партия	0,1	0,1
7. Белорусская партия «Зеленый мир»	0,7	1,3
8. Белорусская партия труда	2,3	2,8
9. Белорусская республиканская партия	0,4	0,4
10. Белорусская социал-демократическая Громада	1,3	1,1
11. Белорусская социалистическая партия	0,9	1,6
12. Белорусская социально-спортивная партия	0,4	0,2
13. Белорусская экологическая партия	1,9	2,0
14. Белорусский Народный Фронт	8,9	6,5
15. Белорусский научно-производственный конгресс	0,4	0,5
16. Белорусский христианско-демократический союз	0,8	0,6
17. Белорусская патриотическая партия	0,3	0,1
18. Гражданская партия	0,4	1,1
19. Либерально-демократическая партия	0,6	0,2
20. Национально-демократическая партия Беларуси	0,8	0,1
21. Объединенная демократическая партия Беларуси	0,5	0,8
22. Партия всебелорусского единства и согласия	1,3	0,8
23. Белорусская партия женщин «Надежда»	9,5	6,9
24. Партия здравого смысла	3,6	3,8
25. Белорусская партия зеленых	1,0	0,9
26. Партия любителей пива	3,6	4,2

27. Партия коммунистов Беларуси	26,5	34,9
28. Партия народного согласия	2,4	1,6
29. Польское демократическое объединение	0,1	-
30. Республиканская партия	0,6	1,0
31. Республиканская партия труда и справедливости	2,0	0,8
32. Славянский Собор «Белая Русь»	1,4	1,3
33. Белорусская христианско-демократическая партия	-	0,2
34. Народная партия "Возрождение"	-	0
35. Христианско-демократический выбор	-	0,5

Таблица №2 – Рейтинги политических партий Республики Беларусь осенью 2011 г.

1. Партия «Белорусская социал-демократическая Громада»	1,6%
2. Либерально-демократическая партия	1,4%
3. Коммунистическая партия Беларуси	1,3%
4-5. Республиканская партия труда и справедливости	1,1%
4-5. Белорусская аграрная партия	1,1%
6-10. Белорусская социально-спортивная партия	1,0%
6-10. Белорусская партия "Зеленые"	0,9%
6-10. Объединенная гражданская партия	0,9%
6-10. Белорусская социал-демократическая партия "Громада"	0,9%
6-10. Консервативно-Христианская Партия – БНФ	0,9%
11. Партия БНФ	0,7%
12. Партия коммунистов Белорусская	0,6%
13. Белорусская патриотическая партия	0,5%
14. Республиканская партия	0,3%
15. Социально-демократическая партия Народного Согласия	0,2%
Проголосовал бы против всех	21,5%
Затрудняюсь ответить	65,5

Прежде всего, следует назвать три важнейшие причины провала белорусской многопартийности. Как показывает политическая реальность, белорусские политические партии в настоящее время практически не претендуют на политическую власть, не принимают активного участия в принятии важнейших политических решений. В Верховном Совете XII и XIII созывов были сильные партийные фракции, которые по мере возможностей участвовали в разработке законопроектов, принятии управленческих решений. Сейчас, когда в Беларуси обсуждают «большую политику», лидеры большинства политических партий стараются дистанцироваться от нее, не принимают никакого участия в разработке необходимых политических решений. Ведь за них когда-то придется отвечать. Во-вторых, современные белорусские политические партии не выполняют свою главную функцию – представлять и защищать на высшем государственном уровне интересы своих избирателей, своего электората. Партийцы в Верховном Совете XII и XIII созывов публично хотя бы пытались отстаивать интересы тех людей, которые направили их в парламент, инициировали законодательные изменения в защиту интересов определенных социальных групп и слоев белорусского общества. Два типичных примера. Фракция БНФ в Верховном Совете XII созыва попыталась инициировать референдум о переходе с мажоритарной избирательной системы на смешанную. Депутаты-члены Гражданской партии Верховном Совете XIII созыва внесли законопроект «О новых рабочих местах», который ликвидировал бы большинство нерентабельных предприятий. Сегодня граждане Беларуси не имеют ни малейшего представления, сколько партийцев в белорусском парламенте, а те никаким

образом о себе не напоминают. В-третьих, известный ученый Роберт Михельс открыл «железный закон олигархических тенденций» и доказал, что партийная демократия постепенно превращается в партийную олигархию. Сегодня многие белорусские политические партии выражают интересы не широких народных масс, а своих родных, знакомых, близких, друзей, односельчан [1; 3; 5].

Особое место в политических партиях занимают политические *лидеры*. Они, как правило, являются их брендом, особенно в ходе избирательных кампаний и общении с людьми и средствами массовой информации. Партийные лидеры обязаны выражать основные интересы, быть отражением настроений партийного электората, своих избирателей – находиться впереди «на белом коне». Они во многом проецируются на политическую партию; в некоторых случаях, полностью отождествляются с ней, растворяются в ней. Роль партийных лидеров особенно важна в современных условиях, когда партии сталкиваются с огромным количеством проблем. Развитие информационных технологий заставляет партийных лидеров жить по новым, ранее совершенно не знакомым и непонятым им правилам – быть компетентными и мобильными, элитными и эрудированными, выражать социальные ожидания и заказы людей; а не быть Бабой Ягой на метле и в ступе, пытающейся заклинаниями звать за собой электорат к лучшей жизни. Это требует полной смены поведенческой парадигмы современных партийных лидеров, формирования их принципиально нового имиджа. Что, к сожалению, в Беларуси не произошло и не скоро произойдет.

У подавляющего большинства современных белорусских политических партий нет запоминающихся лидеров, отвечающих современным требованиям и способных в трудные политические периоды принимать ответственные политические решения или хотя бы демонстрировать, что они готовы взять на себя ответственность за положение дел в государстве. Руководители многих политических партий, просто-напросто, не интересны. У них полностью отсутствует не только харизма, но даже элементарная привлекательность. Их не реально представить на каком-то митинге или демонстрации, ведущих за собой людей. Никто никуда за ними не пойдет. Следует особо подчеркнуть, что, как показали социологические исследования, о подавляющем большинстве партийных лидеров многие люди вообще никогда ничего не слышали. Их рейтинг, как говорится, ниже плинтуса – 0, 00... процента [1; 2; 4].

Серьезной проблемой всех политических партий страны является полное отсутствие теоретической работы. Политические программы многих белорусских политических партий практически не изменились с момента их создания. Их партийные лидеры мыслят категориями последней трети прошлого столетия. Для них политическое время остановилось. Программы партий не учитывают современные политические реалии, не способны ответить на вызовы быстро летящего политического времени. Типичный пример – Беларусь попыталась активно сотрудничать в «Восточном партнерстве». Но практически никакой реакции – ни положительной; ни отрицательной – со стороны современных партийных «тяжеловесов» не наблюдалось.

Не работает на рейтинг политических партий и законодательство белорусского государства. После того, как были внесены изменения в Закон Республики Беларусь «О политических партиях», благодаря которым число учредителей партий увеличилось с 500 до 1000 человек, на десять уменьшилось количество партий в стране. Некоторые политики и журналисты считают, что необходимо провести в стране целый ряд законодательных изменений, которые дадут возможность белорусским политическим партиям стать реальной политической силой. Среди них, например, называют переход с мажоритарной на пропорциональную избирательную систему. Однако будет ли лучше? В политические партии полезут авантюристы и проходимцы, популисты и демагоги, стремящиеся и здесь получить собственную выгоду. [3; 6].

Список цитированных источников

1. Котляров, И.В. Кому сидеть на мешке с шерстью или О роли политических партий в жизни белорусского общества / И.В. Котляров // Проблемы управления – 2008 – №4 – С. 138 – 143.
2. Котляров, И.В. Политическая партия // Социологическая энциклопедия / И.В. Котляров // – Минск: БЭ, 2003. – С. 266 – 267.
3. Котляров, И.В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И.В. Котляров. – Минск: МИУ, 2004. – Т.1 – 286 с. Т.2. – 284 с.
4. Котляров, И.В. Политические партии Беларуси в начале XXI в.: социально-политический анализ // Социологический альманах. – 2010. – №1. – Мн.: Белорусская наука, 2010. – С. 30–38
5. Котляров, И.В. Политические партии Беларуси: теория, история, современность / И.В. Котляров. – Минск: МИУ, 2006. – Т.1 – 364 с. Т.2 – 240 с.
6. Котляров, И.В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И.В. Котляров. – Минск: ФУ Аинформ, 2009. – 320 с.
7. Шмиттер, Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Ф. Шмиттер // Полис. – №5. – 1996. – С. 16–27.

САМООЦЕНКА ПАТРИОТИЗМА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Кудин Н.В.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

На всех этапах развития высшей школы нашей страны перед ней государством ставились задачи не только подготовки высококвалифицированных специалистов, но и формирования активной жизненной позиции молодежи. Актуальность этих задач возросла в период переустройства как нашего общества, так и мирового порядка вообще. Старые ценности, в том числе и образовательно-воспитательные, основанные на идеалах коммунизма и противоборстве между социалистической и капиталистической системами, не отвечают ни тенденциям трансформации нашего общества, ни процессам глобализации человеческой цивилизации в целом. Об этом свидетельствуют изменения и дополнения в Закон РБ «Об образовании в Республике Беларусь», в которых подчеркивается, что современное общество нуждается не только в высококвалифицированных специалистах, но и в законопослушных гражданах, обладающих высокими гражданскими качествами, самостоятельными взглядами и убеждениями, ценностными ориентациями, знающих и умеющих реализовать свои права и обязанности, проявляющих готовность к общественной деятельности [1].

Эти цели могут быть достигнуты при обновлении стимулов, средств, идеалов воспитания и образования, основой которых должны стать и уже становятся сегодня заинтересованность, активность, самостоятельность и самокритичность студента. На выявление этих качеств был направлен социологический опрос, проводимый в БрГУ имени А.С. Пушкина в 2006-2010 учебных годах кафедрой философии. Одной из задач опроса было определение гражданской и патриотической позиции студентов, которая в определенной степени сложилась у них до поступления в университет и продолжала формироваться в студенческие годы. Особый интерес вызвало выявление гражданской и патриотической позиции у студентов первых трех курсов. Во-первых, на этих курсах в основном завершается процесс формирования студенчества как социальной группы. А во-вторых, существенное влияние на формирование гражданской и патриотической позиции оказывают основные гуманитарные предметы, которые изучаются в это время.

В данных материалах предлагаются результаты ответов студентов одних и тех же академических групп на первом и третьем курсах лишь по отдельным вопросам, которые позволяют в определенной степени выявить социально-политическую и гражданскую

ориентацию студенческой молодежи. Поскольку качественный состав студенческих групп на некоторых факультетах в той или иной степени изменялся, то в целях более полной репрезентативности нами анализируются результаты исследования тех групп, в которых количество студентов не изменялось или изменялось незначительно. Это студенческие группы факультетов: биологического, иностранных языков и физического воспитания. Они представляют гуманитарное и естественнонаучное направления.

Важную роль при формировании патриотизма, национального самосознания играет отношение к своей культуре и языку, которое и изучалось в процессе социологического опроса. На вопрос «Можете ли Вы сказать о себе, что Вы знаете язык и культуру Беларуси?» 15 из 18 первокурсников факультета иностранных языков дали положительный ответ. Среди них ответ «да» был у одного студента, а ответ «скорее да» – у 14 студентов, 3 первокурсника ответили «скорее нет».

Студенты третьего курса этой же группы на этот же вопрос ответили следующим образом: ответа «да» не было; ответ «скорее да» был у 12 человек; «скорее нет» как и на первом курсе был у 3 студентов; «нет» у 2; и «затрудняюсь ответить» у 1 студента. Качественный состав этой группы не изменялся. Как и на первом, так и на третьем курсах в опросе участвовало 18 человек.

На факультете физического воспитания на первом курсе в опросе принимали участие 21 студент, а на третьем – 22. Отвечая на этот же вопрос: «Можете ли Вы сказать о себе, что Вы знаете язык и культуру Беларуси?», положительный ответ на первом курсе дали 19 человек. Ответ «да» был у 2 студентов, а ответ «скорее да» – у 17; один студент ответил «затрудняюсь ответить», а один – «скорее нет». Студенты этой же группы, но уже на 3 курсе ответили следующим образом: «да» – 3 человека; «скорее да» – 13; «скорее нет» – 5; «нет» – 1.

Незначительные изменения в количественном составе среди опрашиваемых произошли на биологическом факультете. Если на первом курсе в опросе участвовало 20 человек, то на третьем – 18. Положительный ответ на вопрос: «Можете ли Вы сказать о себе, что Вы знаете язык и культуру Беларуси?» дали на первом курсе 14 человек: «да» – 2; «скорее да» – 12; «скорее нет» – 6. На третьем курсе динамика ответов была следующей: «да» – 0; «скорее да» – 12; «скорее нет» – 3; «затрудняюсь ответить» – 3.

На первый взгляд, при анализе ответов возникает впечатление, что меняется отношение студентов к культуре и языку Беларуси на третьем курсе по сравнению с первым в отрицательную сторону, т.е. уменьшается количество положительных ответов. По нашему мнению, сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что в последнее время появляется больше информации о нашей культуре, с которой знакомятся студенты в процессе изучения общественных дисциплин и самообразования, что и вызывает некоторую переоценку прежних знаний и представлений.

Важным элементом патриотического воспитания молодежи является отношение к своей Родине. Поэтому одним из вопросов анкеты был: «Можете ли Вы сказать о себе, что Вы испытываете привязанность к земле, на которой живете?». Отвечая на данный вопрос, студенты первого курса факультета иностранных языков дали следующие ответы: «да» – 8; «скорее да» – 8; «скорее нет» – 0; «нет» – 0; «затрудняюсь ответить» – 1. На третьем курсе динамика ответов выглядела следующим образом: «да» – 8; «скорее да» – 5; «скорее нет» – 3; «нет» – 2; «затрудняюсь ответить» – 0.

От 20 опрошенных студентов 1 курса биологического факультета получены следующие ответы: «да» – 15; «скорее да» – 2; «скорее нет» – 0; «нет» – 0; «затрудняюсь ответить» – 3. На третьем курсе ответы 18 опрошенных студентов выглядели следующим образом: «да» – 6; «скорее да» – 8; «скорее нет» – 3; «нет» – 0; «затрудняюсь ответить» – 1. Учитывая разницу в количественном составе опрашиваемых студентов 1 и 3 курсов, можно считать, что отношение их к своей Родине в целом изменилось.

На этот же вопрос «Можете ли Вы сказать о себе, что Вы испытываете привязанность к земле, на которой Вы живете?» от 21 студента 1 курса факультета физического воспитания последовали следующие ответы: «да» – 13; «скорее да» – 6; «скорее нет» – 0; «нет» – 0; «затрудняюсь ответить» – 2. У 22 студентов 3 курса этого же факультета ответы выглядели так: «да» – 14; «скорее да» – 7; «скорее нет» – 1; «затрудняюсь ответить» – 0.

Анализ данных показывает, что на третьем курсе увеличилось количество студентов (особенно на факультетах иностранных языков и биологическом), которые не могут самореализоваться в данное время на своей Родине. Это можно объяснить как личной жизненной позицией, так и теми трансформационными процессами, которые имеют место в нашем постсоветском обществе.

Собственный жизненный опыт студенческой молодежи, сопряженный с убеждениями, наиболее точно проявился. По нашему мнению, при ответе на вопрос «Можете ли Вы сказать о себе, что Вы считаете, что Ваша страна всегда права?» студенты 1 курса факультета иностранных языков ответили на этот вопрос следующим образом: «да» – 1; «скорее да» – 4; «скорее нет» – 2; «нет» – 5; «затрудняюсь ответить» – 6. На третьем курсе студенты этой же группы дали следующие ответы: «да» – 1; «скорее да» – 5; «скорее нет» – 5; «нет» – 6; «затрудняюсь ответить» – 1.

На биологическом факультете студенты первого курса на вопрос «Можете ли Вы сказать о себе, что Вы считаете, что Ваша страна всегда права?» ответили следующим образом: «да» – 3; «скорее да» – 5; «скорее нет» – 0; «нет» – 3; «затрудняюсь ответить» – 9.

Студенты 3 курса этого же факультета дали ответы: «да» – 4; «скорее да» – 3; «скорее нет» – 7; «нет» – 0; «затрудняюсь ответить» – 3.

Студенты первого курса факультета физического воспитания ответили на этот же вопрос так: «да» – 2; «скорее да» – 11; «скорее нет» – 3; «нет» – 1; «затрудняюсь ответить» – 4. На третьем курсе от 22 опрошенных студентов последовали следующие ответы: «да» – 3; «скорее да» – 12; «скорее нет» – 4; «нет» – 3; «затрудняюсь ответить» – 0.

Анализ данных таблицы 3 показывает, что на трех факультетах на третьих курсах по сравнению с первыми увеличилось количество студентов, которые считают, что наша страна, скорее, не всегда права. Более ярко эта тенденция выражена на факультетах иностранных языков и биологическом. Такая динамика свидетельствует, по нашему мнению, о росте у студентов критицизма в оценках политики нашего государства, который является необходимым элементом становления личности. Нам кажется, что отношение к нашей стране опосредовано, в первую очередь, коренными интересами студентов, которые сегодня реализуются не в полную меру. Это касается как материального, так и информационного обеспечения студенческой жизни в целом и перспектив будущего трудоустройства.

Несмотря на определенные колебания в оценках своего отношения к Родине, культуре, языку на основе данных, полученных в ходе социологического опроса, можно утверждать, что в стенах БрГУ формируются не только специалисты с высшим образованием, но граждане-патриоты своей Родины. Свой вклад в этот процесс вносят руководство университета, преподаватели общественных дисциплин, молодежные студенческие организации, организаторы информационных часов и др.

Списоу цитированных источников

1. Закон Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об образовании в Республике Беларусь» № 95-3 от 19 марта 2002 г.». Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – № 2 (25 марта). – С. 16.

ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

Куприянова Г.М.

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

В трансформирующихся обществах наблюдаются разнонаправленные тенденции в сфере взаимоотношений политики и религии, проявляющиеся во всем современном мире. Во-первых, это так называемая секуляризация (от позднелат. *saecularis* мирской, светский) политики – процесс снижения роли религии в сознании людей и жизни общества, начавшийся в эпоху Реформации и продолжающийся поныне. Для политических систем в современном обществе характерен сдвиг от харизматического и традиционного господства к рационально-легитимному, разумно узаконенному. В условиях развитых политических систем этот процесс утратил конфликтный характер и стал протекать в более спокойных и завуалированных формах. Секуляризация затрагивает, прежде всего, взаимоотношения между социальными институтами – государством и церковью. Современное государство не нуждается, или нуждается в крайне малой степени, для своей легитимации в религии.

Во-вторых, противоположная тенденция, направленная на сотрудничество, взаимопроникновение, взаимодействие религии и политики, которая проявляется в иных формах и на более высоком уровне, чем в прошлом. И в ее рамках можно выделить несколько специфических форм развития взаимоотношений исследуемых общественных сфер [1, с.81].

Во многих странах наблюдается явная тенденция к теологизации политики, что характерно как для господствующих структур, так и для политических сил, стремящихся к власти. В переходных обществах усиление религиозного компонента в политике проявляется, например, когда демонстрация религиозности политического деятеля становится атрибутом, якобы подчеркивающим его преданность Родине и стремление служить народу.

Вторым проявлением усиления взаимодействия религии и политики можно назвать «политизацию религии», что проявляется в повышении активности религиозных организаций в политической жизни. Указанная тенденция свидетельствует об активизации позиции церкви по отношению к обществу в целом. Не ограничиваясь критикой современного духовного упадка общества, теологи все чаще призывают к изменению существующего положения дел, используя различные методы и способы реального воздействия на политику. Одним из наиболее распространенных является усиление влияния церкви на политических руководителей. Сохраняет свое значение в современных условиях и воздействие через массы верующих, при этом ставка делается на те социальные группы, которые отличаются наибольшей заинтересованностью в изменении социальной действительности. Особую активность в данном случае проявляют нетрадиционные религии, в то время как традиционные официальные вероисповедания сохраняют умеренную политизацию [2, с.79].

Однако следует иметь в виду, что сотрудничество политики и религии в переходном обществе имеет ограниченный характер. Теологи опасаются, что чрезмерная политизация церкви и втягивание верующих в политическую борьбу отрицательно повлияют на ее положение в обществе. Проводя различие между политизацией религии и теологизацией политики, всегда следует помнить, что на практике эти два процесса настолько тесно взаимосвязаны и переплетаются, что различить их бывает просто невозможно.

Отношения религии и политики в переходных постсоветских обществах имеют целый ряд характерных особенностей, связанных с предшествующим периодом разви-

тия в рамках так называемой социалистической системы. Во-первых, с началом трансформационного периода в переходных обществах наблюдалась мощная вспышка интереса к религии, связанная с длительным периодом угнетения свободы совести и насаждением так называемого научного атеизма. У людей возрастало чувство личной свободы, которое нередко основывается на свободе выражения политических пристрастий, вероисповедания и одновременно утрате чувства определенности в отношении будущего.

Однако резкая, во многом полярная, смена ценностей в условиях предшествующего долговременного их насаждения в обществе вызвала серьезный социальный шок. Были разрушены не только отжившие элементы сознания, но и привычные духовные ориентиры – справедливость, равенство, свобода. Религия в этих условиях стала влиятельной общественной силой и с тех пор оказывает значительное влияние на политическую жизнь, в том числе и на выбор кандидатов в избирательных компаниях.

В процессе распада СССР иногда возникали противоречия и проблемы межэтнического и религиозного характера, принимавшие даже форму открытого вооруженного конфликта. Так было в Азербайджане, Таджикистане, Приднестровье, Абхазии, Чечне. Они приводили к еще более глубоким сдвигам и деформациям в социально-психологической сфере, в сознании и поведении людей, чувствах и настроениях масс.

Во-вторых, атеистическое мировоззрение оставалось широко распространенным в трансформирующихся обществах и развивалось в определенном конфликте с идеологиями различных религиозных конфессий. Еще до распада СССР, с популяризацией идеи «плюрализма» и «общечеловеческих ценностей», атеизм перестал являться официальной государственной идеологией. После исчезновения Советского союза с политической карты мира атеизм подвергся общественному ostracismu. Публично признать себя атеистом было делом если не постыдным, то, во всяком случае, общественно порицаемым. Это было естественной реакцией общественного организма на многолетнее навязывание атеистической идеологии. Вместе с тем, в постсоветских странах сознательных атеистов оставалось, по-прежнему, достаточно много, хотя с каждым годом, судя по социологическим опросам, все меньше.

Согласно исследованиям А.В.Журавского, возглавляющего Департамент межнациональных отношений Министерства регионального развития Российской Федерации, для легализации своего общественного статуса постсоветский атеизм выбрал три пути – развитие традиционных форм воинствующего безбожия (необольшевистский атеизм), выражение атеистического мировоззрения через осмысление идей гуманизма и свободомыслия (светский гуманизм) и, наконец, формирование идеологии «нового русского атеизма» (третий путь). Последний носит виртуальные формы, развиваясь, в основном, в интернет-пространстве и влияя, прежде всего, на умы молодых людей, уставших от традиционных форм идеологии [3].

В современных условиях, в процессе формирования гражданского общества атеизм приобретает новые формы и стремится легализоваться как общественная сила.

В-третьих, в переходных обществах наблюдалось осознанное стремление церковных организаций активно влиять на политическую жизнь переходных обществ не только через пропаганду религиозного мировоззрения, но и через популяризацию политических деятелей, связанных с соответствующими религиозными конфессиями. Например, в этот период в Дагестане вместе с ускоренным возрождением религии авторитетные мусульманские деятели стали играть все более заметную роль в общественной жизни. В некоторых районах с сильным влиянием религиозных институтов кадии и муллы определяли направление общественного мнения. Принимаемые на сходах решения определялись религиозными авторитетами, и от их позиции зависела устойчивость районной власти. Наблюдалась ситуация, когда авторитет власти, осо-

бенно местной, был очень низок, а готовность масс поддержать требования религиозных активистов была очень высока [4, с.81].

В-четвертых, наряду с восстановлением влияния традиционных для данных стран религиозных конфессий, наблюдалась вспышка распространения нетрадиционных религий, включая и тоталитарные секты, которые в бурной и хаотичной обстановке трансформационного периода приобретали небывалую популярность. Важную роль здесь сыграла неблагоприятная социальная и духовная атмосфера 70-х – начала 80-х годов, которая негативно воздействовала на настроения в обществе и подтачивала многие нравственные ценности. Затем последовали резкие и глубокие социокультурные изменения конца 80-х – начала 90-х годов, которые значительно усилили и перевели в новую фазу развитие религиозных отношений.

Нетрадиционные религии зачастую обещали людям раскрыть их личностный потенциал, плодотворно его реализовать, помочь в религиозных исканиях, привести к социальному освобождению. Основной мотив обращения к нетрадиционным религиям состоял в том, что человека не удовлетворяли ответы и решения, даваемые официальной идеологией, будь то светской или церковной. К тому же, нетрадиционные религиозные формирования пропагандировали свои собственные социальные утопии, ссылаясь на поддержку некоего сверхъестественного природного или потустороннего начала. Новые религиозно-сектантские объединения также привлекали к себе внимание популяризацией тех или иных физических и психических практик, которые влияли на самочувствие человека и его сознание. Это отличало их от традиционных религий, которые призывали верующих пассивно ожидать милости свыше.

В-пятых, в переходных обществах наблюдалось развитие кланово-олигархических структур. При ослаблении идеологической функции государства могут усиливаться ценности криминального мира либо иные клановые установки. Искаженная психология переходного общества, лишённого ориентиров развития, оказывается восприимчивой к заманчивым обещаниям быстрого выхода из катастрофического положения. В этих условиях очень сильным становится фактор эмоционального воздействия на индивидов. Сами же олигархические структуры могут использовать религиозные организации и их идеологии для укрепления своего влияния.

В то же время, эти общие закономерности проявляются в сочетании с индивидуальными особенностями каждой из стран и каждой из сложившихся в данной стране религиозных конфессий. Наибольшую активность в идеологическом отношении проявляет, как правило, католическая церковь. Например, в Польше католическая церковь в союзе с «Солидарностью» явилась одной из ведущих идеологических и политических сил, которые способствовали общественно-политическим переменам и демократическим реформам в стране.

Православная церковь, как правило, постоянно заявляет о своем невмешательстве в политическую жизнь общества и добровольном отказе от идеологического воздействия на политику. В то же время, в странах с ведущей ролью православного вероисповедания, в частности, в восточнославянских государствах, православная церковь продолжает свои традиции, уходящие в глубь тысячелетий. Эти традиции заключаются в идеологической поддержке любой формы власти.

Протестантские конфессии, опять же в силу своих традиций, выступают, как правило, в поддержку демократических реформ. Более мелкие религиозные конфессии и секты чаще всего проявляют политическую активность лишь в тех случаях, когда нарушаются их права, накладывается запрет на их перерегистрацию и т.д.

Что же конкретно представляет собой мировоззрение большинства людей в трансформирующихся обществах? Это мировоззрение эклектическое, сочетающее логически не связанные между собой элементы: сохраняющуюся веру в науку и про-

гресс с достаточно неопределенной верой в Бога, конфессиональным предпочтением православия, но большой симпатией и к другим религиям, в том числе к совсем далекому от православия буддизму и индуизму. Особо большую роль в нем играют квази- и паранаучные мифологемы (вера в астрологию, «похищение биоэнергии» и т.п.), что вполне естественно, ибо само это мировоззрение квазинаучно и квазирелигиозно.

И хотя трудно напрямую связать многообразную политическую жизнь общества с религиозными воззрениями его граждан, эта связь существует. Она, в частности, заключается в том, что от политического режима, установленного в государстве, зависит и степень религиозной свободы в обществе. Государственно-конфессиональные отношения очень чутко реагируют на любые коррективы в экономической модели, которые способны значительно изменить их сущность, особенно свертыwanie многоукладности, товарно-денежного обмена, ведущих к ограничению прав и свобод граждан. И наоборот, в условиях развития рыночных отношений меняется и характер государственно-конфессиональных отношений: они становятся более разноплановыми и равноправными.

Список цитированных источников

1. Круглова, Г.А. Политика и религия // Вестник БГУ. – Сер. 3. – 2003. – № 2.
2. Богословский, Е.Е. Конфессиональная безопасность как элемент стабильности и развития государства // Государственность на Беларуси: генезис и перспективы. – Брест, 2002.
3. Журавский, А. Генезис и формы постсоветского атеизма в России / «Русский Архипелаг» (Сетевой проект «Русского Мира») [Элек. ресурс] – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/novie-identichnosti/atheism/postsovetsky-ateism/ – Дата доступа: 13.03.2011.
4. Амиров, С. Эволюция религиозного сознания в условиях политического и экономического кризиса // Развитие личности. – 2004 – № 2.

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ

Кучмаева О.В., Петрякова О.Л.

*Лаборатория проблем жизнедеятельности семьи и семейной политики ИСВ РАО,
г. Москва, Россия*

Внимание к процессам трансформации института семьи со стороны общества обусловлено, прежде всего, неудовлетворительным выполнением семьей своих функций, среди которых ведущее место занимают репродуктивная, экономическая и воспитательная. В Российской Федерации, как и в других европейских странах, происходит не только трансформация семьи (переход от законных браков к так называемым «гражданским бракам», от пожизненных браков – к частой смене брачных партнеров, от семей с обоими родными родителями – к семьям с матерью и отчимом и т.д.), но и выход значительной части взрослого населения за пределы семейной жизни вообще. Под воздействием исторических изменений в отношениях между социальными институтами в обществе происходит трансформация роли социального института семьи в общественной жизни.

В современной семье происходит ослабление экономической функции, главным в ней становится психологическая атмосфера, личностное взаимодействие супругов. Такая семья в зарубежной социологии получила различные названия: «брачная», «товарищеская», «партнерская» семья. В российской социологии формирующаяся новая семья называется «супружеской». Это семья, в которой основная ось отношений определяется не родством и родительством, а брачностью, с неременной акцентацией личных аспектов. Одновременно диверсифицируются формы семейных отношений, в

некоторых странах Европы и Северной Америки легализованы однополые браки, причем нетрадиционные семьи получают тот же объем юридических прав, что и традиционные, в том числе и право усыновления детей.

Распространенность сожительства до (или вместо) законного брака, частая смена партнеров, типичное для сожителей откладывание рождений первенцев, нередко переходящее в решение никогда не иметь детей – тенденции последнего времени. Приравнивать сожительство к законному браку проблематично [1], но если даже сделать это, то и тогда огромная часть взрослого населения России (более трети мужчин и примерно половина женщин в возрастах от 15 лет и старше) не может считаться состоящей в браке [2]. По данным исследования, проведенного Центром по изучению проблем народонаселения МГУ, обязательным для себя вступление в брак считает меньше половины респондентов. При этом юноши и мальчики в меньшей степени ориентированы на вступление в брак [3, с.66].

Результатом изменений в поведении современной семьи явился отказ от рождения детей, о чем свидетельствует динамика репродуктивных установок населения за последние 20 лет, допустимость добровольной бездетности. В частности, опрос студентов петербургских вузов показал, что семья остается для них привлекательной ценностью, но связывать себя браком молодежь не спешит. Девушки планируют замужество в 25 лет – после достижения «независимого и стабильного положения в обществе», юноши еще позже. Бездетными видят себя 5,8% опрошенных; одного ребенка планируют иметь 24,4%, двух – 58,1%, трех – 9,4%, четырех и более – 2,3% [4, С. 115–123]. Следует подчеркнуть, что репродуктивные ориентации молодежи тяготеют к малодетной семье и далеки от того, что ими же считается допустимым.

В контексте происходящих изменений важным представляется рассмотрение ценности модели семьи в глазах подрастающих поколений. Анализ результатов исследований, ориентированных на выявление системы жизненных ценностей, места семьи в ней показал, что ориентация на личную независимость выступает как главная альтернатива собственно семейным ценностям. Предпочтение необязательного дружеского общения обязательным внутрисемейным и родственным контактам – лишь одно из направлений этой ориентации. Судя по тенденциям эволюции семейной структуры населения, эта ориентация усиливается. Ориентация на семейные ценности выражается и в более высоких репродуктивных установках, и в степени их реализации.

Там, где преобладают семейные ориентации, где место детей в системе ценностных ориентаций является относительно высоким, где их ценность в глазах индивида перевешивает ценность работы, достатка, профессиональной занятости, карьеры и т. п., там одни и те же по существу условия жизни воспринимаются более оптимистично, лучше, чем они есть на самом деле. И напротив, где относительно преобладают внесемейные ориентации, типичнее более пессимистическая, заниженная оценка одинаковых на деле условий [5, С.171].

Социологические исследования демонстрируют, что в настоящее время семья занимает ведущее место среди основных жизненных ценностей молодых россиян наряду с такой ценностью, как создание материального достатка. Но предпочтение отдается семье с одним ребенком (или даже без детей), основанной, прежде всего, на любви и взаимопонимании супругов, не всегда – на зарегистрированном браке, и создание которой откладывается на «потом», по достижению полной социальной и экономической зрелости.

Формирование образа семьи в глазах формирующейся личности происходит под воздействием совокупности внешних и внутренних (воспитательные стратегии, система ценностей родителей, взаимоотношения в семье) по отношению к самой семье факторов. Ценность семьи в системе ценностей человека не остается неизменной.

Иерархия ценностей меняется вместе с изменением общественных отношений. Еще в 1970 г. Л. Е. Дарский писал по этому поводу: «Сознание данного поколения, комплекс его взглядов отражает не сегодняшние, сиюминутные условия существования, а весь опыт жизни данного поколения или, быть может, весь прошлый опыт, серьезно скорректированный опытом данного поколения в период его формирования» [6, С. 213].

На формирование образа своей будущей семьи, которое происходит достаточно рано, влияет образ родительской семьи [7, С. 108]. В период социализации ребенка в процессе воспитания в семье закладываются основы его представлений о будущей семье, о том, сколько детей вообще «нормально» или «лучше всего» иметь в семье. Для количественного формирования этих представлений имеет значение размер и тип семьи, в которой развивается ребенок. Имеет значение и то, сколько детей в других семьях ближайшего окружения ребенка, имеющих в его глазах положительный авторитет. На систему ценностей человека оказывают влияние те социальные группы, в которых ему приходится жить [8, с. 73].

В юности происходит формирование репродуктивных идеалов, т. е. представлений об идеальном числе детей или представлений о репродуктивных нормах детности. По мере взросления человека его представления о наилучшем числе детей в семье приобретают все более конкретный, личный характер. Формируются практические компоненты репродуктивной установки, складывается представление о желаемом числе детей.

В 80-ые годы в ходе исследования «Дети в городской семье» (опрашивались одновременно оба супруга в семьях, где имелось 1-2 ребенка, а возраст жены не превышал 35 лет), которое проводилось в Москве, Саратове и Уфе группой ученых отдела демографии ИСИ АН СССР под руководством В.А. Борисова, выяснилось, что чем сильнее было выражено преобладание семейных ценностей, тем выше были показатели ожидаемого числа детей: они возрастали в зависимости от степени ориентации на семейные ценности у мужчин с 1,83 до 2,04, у женщин – с 1,54 до 1,91 [9]. Для современной молодежи, сформировавшейся в условиях малодетности и системы либеральных ценностей, характерны низкие репродуктивные установки. Имеет место существенное уменьшение репродуктивных ориентаций у детей по сравнению с родителями. Так, среднее ожидаемое число детей у отцов составило 2,29, а у сыновей – 1,85, у матерей – 2,32, у дочерей – 1,92 [10].

Социальные мотивы определяются тем значением, которое придается наличию детей и определенному числу их в той референтной группе, к которой причисляет себя семья. Иначе говоря, социальные мотивы деторождения отражают потребность в своем репродуктивном поведении соответствовать принятым в их референтной группе социальным нормам детности. В современной России практически нет референтных групп, приветствующих высокую рождаемость.

Система семейного воспитания претерпевает значительные изменения. На процесс воспитания оказывают влияние ряд факторов. Так, урбанизация общества усилила анонимность общения детей и взрослых, особенно в крупных городах [11]. Способность соседского общения служить фактором социального контроля семейных отношений за последние десятилетия в значительной степени утратилась [12, с. 111; 13, с. 145]. Важный социально-психологический аспект – постепенное увеличение в обществе доли людей, выросших в малодетных семьях. Эти люди, вероятно, отличаются психологически от тех, которые выросли среди братьев и сестер, поскольку в зависимости от числа детей в семье различаются условия для приобретения детьми навыков общения в коллективе. Можно предположить, что статистическое большинство выросших в малодетных семьях не пожелают стать родителями нескольких детей. Как показывают исследования, женихи и невесты из малодетных семей, в особенно-

сти однодетных, в несколько раз меньше ориентированы на среднететные семьи, чем выходцы из семей с 3 и более детьми.

Каждая новая брачная когорта открывает семейный цикл жизни, имея сформированный в процессе социализации средний уровень потребности в детях. Длительное блокирование установок детности отдельных брачных когорт и возрастных поколений, связанное с неполной реализацией первоначального уровня потребности в детях, приводит к возникновению в следующих когортах и поколениях новой потребности в детях, уровень которой снижен до того числа детей, что соответствует частично или не полностью реализованной потребности. В настоящее время среди индустриально развитых стран не найти ни одной, где бы происходило повышение интенсивности рождаемости в новых поколениях по сравнению с родительским. Чтобы выросла рождаемость завтра, надо сегодня повысить значимость фамилистических ценностей, которые в качестве ориентационных критериев позволят новым брачным когортам оценить имеющиеся условия жизни как приемлемые для рождения нескольких детей. При этом премии за подобающее репродуктивное поведение будут способствовать благоприятной оценке рождения и воспитания нескольких детей.

Пока же складывается следующая ситуация: как общество не поддерживает семейные ценности, так и внутри самой семьи меняются воспитательные стратегии в сторону ориентации на личный успех.

Участников опроса ФОМ в 2004 г. (Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон) попросили ответить, какие качества родители стремились в них воспитать. Оказалось, что в выборе качеств, которые, по словам респондентов, их родители стремились в них воспитать, возрастные группы опрошенных значимо различаются. Чем моложе респонденты, тем реже, говоря о качествах, которые хотели воспитать в них родители, они называют традиционалистские ценности, и чаще – модернистские. Так, доля отмечающих значение такой черты, как трудолюбие, увеличивается с 36% среди лиц в возрасте до 24 лет до 66% среди лиц старше 65 лет, бережливость – с 25% до 42%. Наряду с этим, доля респондентов, при воспитании которых родители уделяли внимание самостоятельности и независимости, снижается от 24% в самой молодой из рассматриваемых групп до 13% среди лиц старше 65 лет, активность и целеустремленность – от 15% до 5%, любознательность – от 12% до 5%, воля, характер – от 27% до 12% [14].

Смена ценностных ориентиров ведет к смене воспитательных стратегий. Как показало исследование, проведенное Институтом социологии РАН в 2007 г., в оценках представителей двух поколений (старшего и младшего) наблюдаются значимые различия. Причем представители молодежных групп в большей степени ориентированы на воспитание «рыночных» качеств в своих детях. Так, существенно чаще молодые россияне отмечают необходимость воспитания в своих детях таких качеств, как формирование целеустремленности, деловых качеств, «хватки» (35% против 29% среди старшего поколения), а также обеспечение достойного круга общения, знакомств (12% против 4% среди представителей старшего поколения).

Все это говорит о смене ценностных моделей в сторону индивидуализации. Данные свидетельствуют об изменении воспитательной стратегии поколений в сторону качеств, обеспечивающих личный успех и независимость. В воспитательных стратегиях наблюдается движение в сторону тех ценностей, которые приветствуется обществом. Однако семьи с несколькими детьми, ориентации на брак и тесные взаимоотношения с родительской семьей в этом перечне нет. Тем самым трансформация института семьи, обусловленная сменой ценностных ориентаций в сторону достижения личного успеха, измеряемого экономическими ценностями, приводит к формированию соответствующей системы ценностей у молодого поколения.

Список цитированных источников

1. Вовк, Е. Незарегистрированные интимные союзы: "разновидности" брака или "альтернативы" ему? (Ч. 1) // Социальная реальность. – 2005. – № 1. (<http://bd.fom.ru/report/cat/az/levovk/gur050103>).
2. Сайт Европейского социального исследования: <http://www.ess-ru.ru/>
3. Архангельский, В.Н. Демографическое поведение и его детерминация / В.Н. Архангельский, В.В. Елизаров, Н.В. Зверева, Л.Ю. Иванова. – М.: Теис, 2005.
4. Соколов, А.В. Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества / А.В. Соколов, И.О. Щербакова // Социол. исследования. – 2003. – № 1.
5. Антонов, А.И. Второй ребенок / А.И. Антонов, В.М. Медков. – М.: Мысль, 1987.
6. Дарский, Л.Е. Изучение плодовитости браков. – В кн.: Вопросы демографии. – М.: Статистика, 1970.
7. Антонов, А.И. Эволюция норм детности и типов демографического поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. – М.: Мысль, 1986.
8. Надирашвили, Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. – Тбилиси, 1974.
9. Архангельский, В.Н. Репродуктивное поведение и ценностные ориентации городского и сельского населения // Городская и сельская семья. – М., 1987.
10. Борисов, В.А. Демографическая дезорганизация России. 1897-2007. Избранные демографические труды. – М.: NOTA BENE, 2007.
11. Илюшина, Л.А. Семья и школа: культура диалога // Семья, семейные ценности и вопросы воспитания / под ред. Т.Ф. Акчурина. – М.: Федеральный институт развития образования, 2008.
12. Янкова, З.А. Городская семья. – М., 1979.
13. Социальный потенциал семьи. – М. 1988.
14. Фонд "Общественное мнение". <http://www.fom.ru>

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Лапина И.А.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Социальная стабильность и порядок во многом зависят от условий совместного существования таких институтов, как государство и право. Социальные институты права и государства являются по своей сути политическими образованиями, выступая, с одной стороны, как инструмент политики, а, с другой, – как ее закономерный результат. При этом судить об эффективности такого взаимодействия можно по уровню правовой и политической культуры общества, а также степени гарантированной социальной безопасности каждого его члена. Основными гарантиями здесь выступают соблюдение установленных норм и правил (законов), наличие санкций за их нарушение. Государство контролирует эти процессы с помощью специальных посредников – служащих, предоставляя им для этого специфические правовые инструменты. Именно фундаментальная потребность в правопорядке и легла в основу формирования института государственной службы. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость появления связующего элемента – государственного управления.

Процесс управления – сложный и многофакторный, особенно в социальной сфере, где большое количество очень разных социальных субъектов вынужденно вступают в различного рода коммуникацию. «Управлять» подразумевает «править, давая ход, направление; быть хозяином, распорядителем чего-то» [1, с. 124]. Упорядоченность этих процессов в принципе невозможна без участия специальных субъектов, транслирующих волю государства посредством правовых установлений. В современной мировой практике таких субъектов принято относить к категории государственных служащих.

История формирования социально-правового института государственной службы насчитывает несколько столетий. Вначале нахождение на такой службе подразумевало отношения "вассальства" и полной зависимости от "хозяина", позднее – стало свя-

зываются с местом трудовой занятости. В отечественной истории долгое время слово "служащий" принималось в качестве определения работника государственной организации, предприятия, занятого интеллектуальным трудом и представляло собой противоположность определению, слову "рабочий". Однако специфика целей и задач различных государственных учреждений, а, следовательно, и деятельности их служащих привело к необходимости наделения последних особым объемом полномочий, ответственности и дополнительных социальных гарантий (как компенсации ограничений). Для этого было принято и введено в действие специальное законодательство, рассчитанное на применение относительно государственных служащих. Именно эти процессы способствовали окончательной институционализации государственной службы.

Таким образом, в узком смысле государственная служба представляет собой выполнение работниками государственного органа служебных обязанностей, а в широком смысле можно сказать, что к ним относятся все работники учреждений, предприятий и организаций, собственником и учредителем которых является государство. Однако такое широкое толкование позволительно лишь в теории. На сегодняшний день разноплановость и разносторонность деятельности таких органов настолько велика, что требует не только особенного правового регулирования государственной службы в целом (Закон РБ о государственной службе), но и специальных нормативных правовых актов, регламентирующих ее прохождение в конкретных условиях места и профессии (Закон РБ о милиции, Закон РБ о прокуратуре, Положение о прохождении службы в органах прокуратуры РБ и т.п.).

В соответствии с современным белорусским законодательством, государственная служба представляет собой вид трудовой деятельности, осуществляемой на профессиональной основе работниками государственных органов в целях выполнения задач и функций государства. Основным средством реализации в данном случае является право, которое представляет собой совокупность норм, регулирующих общественные отношения в процессе организации государственной службы (а она появляется лишь там, где устанавливается должность) и выполнения государственными служащими возложенных на них задач. Объем и характеристика этих задач зависят от занимаемой должности. И здесь необходимо различать два понятия: должность и государственная должность.

Должностью признается штатная единица организации, учреждения, которой соответствует служебное полномочие, определяемое кругом прав и обязанностей служащего, положенных ему по занимаемой должности:

- это должности представителей власти (лиц, которые, работая в государственных органах и учреждениях, наделены правом в пределах своей компетенции принимать решения, обязательные для исполнения неподчиненными им субъектами);

- это должности, связанные с выполнением организационно-распределительных функций (функций по осуществлению руководства трудовым коллективом, участком работы и т. п.);

- это должности, связанные с осуществлением административно-хозяйственных обязанностей (обязанностей по управлению и распоряжению имуществом).

Кроме того, сопряженные с должностями обязанности предопределяют и специфику средств, используемых при их исполнении. В зависимости от этого параметра, выделяют соответствующие виды государственной службы – гражданская государственная служба и милитаризованная. Такое разделение нашло свое отражение и в законодательстве. Так, в Законе о государственной службе в Республике Беларусь [2] специально оговаривается, что его положения не распространяются на военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, органов и

подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь. Это сделано по причине специфики деятельности этих органов и связанных с ней особенностей организации и управления в них. На эти учреждения распространяются специальные нормативные акты, хотя при этом упомянутые субъекты не перестают быть государственными служащими. Даже наоборот — представляют собой яркий пример строго регламентированной, со многими индивидуальными ограничениями (и в частной жизни, и в правах и интересах), со специальными гарантиями службы отечеству.

Разделение нормативно-правовой базы в данном случае целесообразно и практически оправдано, но, думается, было бы разумнее это сделать в самом начале, т.е. назвать закон «О государственной гражданской службе», как, например, сделано в Российской Федерации. Ведь понятие «государственная служба» более общего порядка, охватывает категории и военнослужащих, и служащих аппарата Совета министров и др., а положение закона, упомянутое выше, позволяет некоторым толковать это таким образом, что определенные категории государственных служащих из этой же категории исключаются. Поэтому вполне логично было бы переименовать закон в «Закон о государственной гражданской службе в Республике Беларусь», тогда все отсылочные нормы и оговорки о специальном законодательстве из него можно будет исключить.

В целом, действующий Закон о государственной службе в Республике Беларусь значительно упростил возможность понимания сущности государственной службы, конкретизировав ее принципы как таковой, определив перечень конкретных ограничений для государственных служащих, предлагая при этом механизм их исполнения, а также уточнив социальные гарантии для государственных служащих и их семей.

Из принципов, на наш взгляд, основными являются — принципы законности, гуманизма и социальной справедливости, гласности и профессионализма в деятельности государственных служащих, поскольку именно они в полной мере способствуют решению главной задачи управления в государстве — созданию условий социального комфорта существования человека и гражданина. Кстати стоит отметить, что в этой части отечественный закон более точен и ориентирован на нормы международного права (в частности, Всеобщей декларации прав человека), нежели его российский аналог, где перечень принципов представлен в усеченном варианте. Однако, что касается определения параметров взаимосвязи гражданской службы и иных видов государственной службы, то в России этот вопрос достаточно ясно оговорен (касается условий и пересчета оплаты труда, стажа).

Соответствие этим принципам позволяет посредством государственной службы эффективно управлять обществом. Для этого служащим, прежде всего, органов управления, предоставляется большой перечень правовых средств (возможностей вынесения актов управления и производства), при этом их правомочия способны распространяться на неограниченный круг лиц, как связанных с ними по службе, так и находящихся вне пределов такой связи. Одновременно государственные служащие наряду с достаточно широкими полномочиями и правами, обладают и рядом ограничений. Статья 22 Закона о государственной службе предусматривает среди них: запрет на занятие предпринимательской деятельностью, ограничения на работу по совместительству и др. Ограничения, помимо своего перечисления в законе, связаны еще и с механизмом реализации, что демонстрирует принцип гласности и открытости. В то время как в Законе Российской Федерации, хотя ограничения там прописаны более детально в двух статьях («Ограничения, связанные с государственной гражданской службой» и «Запреты, связанные с государственной гражданской службой»), детализации механизма их предупреждения и выполнения явно не хватает.

Предусмотрены также и ограничения при принятии на должности в сфере государственной службы. На государственную службу не могут быть приняты лица, не имеющие статуса гражданина Республики Беларусь; недееспособные; имеющие заболевания, несовместимые с выполнением обязанностей государственного служащего. Не позволит поступить на государственную службу и отказ от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственные секреты, если исполнение служебных обязанностей по государственной должности, на занятие которой претендует гражданин, связано с использованием таких сведений. Аналогичные нормы содержатся и в Законе Российской Федерации.

Согласно Закону о государственной службе в РБ, к поступлению на государственную службу не допускаются лица, имеющие судимость. В данном случае она рассматривается как юридический факт, наличия которого в биографии соискателя уже достаточно для отклонения его кандидатуры от занятия определенной должности. В то же время, с позиций уголовного и уголовно-исполнительного права, в случае снятия или погашения имеющейся в прошлом судимости все ее негативные последствия аннулируются. В Законе РФ аналогичная норма выглядит несколько иначе [3]. Так, в соответствии со статьей 16, гражданин РФ не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случае осуждения его к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по должности государственной службы (гражданской службы), по приговору суда, вступившему в законную силу, а также в случае наличия не снятой или не погашенной в установленном законом порядке судимости. В данном случае можно сделать вывод о более полной реализации принципа равного доступа к государственной службе в России, но следует оценить и социальный эффект такой реализации.

Государственный служащий, по определению, должен обладать максимальным набором положительных психологических и профессиональных качеств, поскольку именно этим определяется его авторитет со стороны граждан. Ведь процесс управления в целом, а процесс государственного управления в особенности, является ассиметричным по объему прав и полномочий управляемого и управляющего субъектов. Управляющий субъект должен не просто управлять, принимая решения, но и иметь право (в том числе и моральное) это делать. Даже наличие неофициальной информации о судимости способно существенно повлиять на отношения подчинения, таким образом, в противоречие входят уже принципы гласности и обязательности выполнения законных требований должностного лица. В подобной ситуации может возникнуть ощущение симметрии в отношениях управляющего и управляемого субъекта, «нормоконтролера» и «нормонарушителя», что вообще противоречит принципам управления и вместо социального порядка создает ситуацию анархии и социальной нестабильности. Поэтому, думается, норма белорусского законодательства является более адекватной современным социальным реалиям.

Отдельное внимание уделяется противодействию и профилактике коррупционного поведения в сфере государственной службы. С этим связано подписание всеми государственными служащими специальных обязательств в соответствии со статьями 16, 17 Закона Республики Беларусь о борьбе с коррупцией. Поскольку сфера государственного управления, ввиду многочисленного принятия ее служащими решений, влекущих юридические последствия для граждан, ввиду каждодневной необходимости общения с гражданами, потенциально возможного конфликта интересов, делает эту сферу, с точки зрения коррупциогенных рисков, наиболее уязвимой. Да и внутренняя организация, устройство системы государственной службы, хотя и получило в качестве нововведений и квалификационные экзамены, и испытательные сроки при первоначальном назначении на должность, и специальный порядок прохождения очеред-

ных аттестаций, тем не менее, оставляет еще почву для правонарушений, создающих условия для коррупции. Поэтому представляется целесообразным разработка и введение в действие общего Кодекса профессиональной этики государственного служащего Республики Беларусь (что соответствует и Государственной программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010-2012 годы), а также пересмотр и унификация правил и порядка прохождения аттестации государственных служащих.

Наряду со значительными ограничениями, для государственных служащих предусматривается и ряд социальных гарантий: право на дополнительный отпуск, повышение квалификации и трудоустройство в случае изменения условий службы, доплаты за присвоенные классные чины, уход в отставку за выслугу лет с назначением пенсионного обеспечения, компенсации в случае повреждения здоровья. Надо отметить, что Республика Беларусь здесь транслирует нормы мировой практики организации государственной службы, ведь жизнь с ограничениями (в том числе и частная) должна быть для человека все равно социально комфортной и безопасной. Это демонстрирует еще один из важнейших принципов государственной службы – принцип стабильности, который должен соблюдаться в условиях любых социально-политических трансформаций.

Список цитированных источников

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль – М.: Цитадель, 1998. – Т. 6 – 720 с.
2. О государственной службе в Республике Беларусь: Закон РБ от 14.06.2003 № 204-3 – Информационный ресурс: <http://www.pravoby.info/dokum09/part22/akt22169/page1.htm> – Режим доступа: 09.04.2011.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный Закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ – Информ. ресурс: <http://www.lib.ololo.cc/b.fb2/> Режим доступа: 09.04.2011.

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Лапина С.В.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

В ряду основных принципов социологии управления особое место занимает реализация социологического подхода к анализу и практической реализации управленческих процессов. Суть этого социологического подхода состоит в рассмотрении управления как разновидности социального взаимодействия, имеющего целенаправленный организованный характер. Социально-управленческий механизм в социолого-управленческом контексте предстает в виде научно обоснованной технологии управления, в которой социальная активность всех задействованных в управленческом взаимодействии субъектов (социальных акторов) учитывается, регулируется и целенаправляется с учетом ее объективных и субъективных параметров.

В каждой конкретной управленческой ситуации направленность и результативность социального взаимодействия определяется собственно социальной структурой управления (кто включен в управленческий процесс), мотивами всех социальных акторов, определяемых их ценностными ориентациями (чем руководствуются в своей деятельности эти субъекты), а также другими параметрами, значимыми для конкретного управленческого процесса (это общие картины мира и индивидуальные мировоззренческие основания, нравственные индивидуальные регулятивы и социальные стереотипы, правовые нормы и прочие параметры, которые входят в содержание инди-

видуальной культуры, культуры корпоративной (социальной) и культуры общества в целом). В этом состоит содержательная специфика социально-управленческого механизма [1, 2].

В системе социальной защиты социально-управленческий механизм занимает особое место. Это связано с тем, что социальная защита в современном обществе трактуется неоднозначно: в широком смысле как синоним всех мероприятий, реализуемых в рамках социальной политики; и в узком как особые действия со стороны государства и гражданского общества, направленные на социальную поддержку нуждающихся, социально уязвимых категорий населения.

В отношении студенческой молодежи, которая в современном белорусском обществе по определению относится к категории социально уязвимых граждан, все-таки есть смысл социальную защиту трактовать более широко. Это связано с тем, что студенческая молодежь по своей социальной структуре так же неоднородна, как и общество в целом. Студенческая молодежь в социально-структурном плане может быть представлена как микромодель социума. Среди современных студентов есть представители всех социальных групп белорусского общества, а временный социальный статус студента не уравнивает всех обучающихся в вузах в их финансово-экономических, имущественных и прочих объективно-материальных статусных параметрах.

В то же время студенческая молодежь существует как особая социальная группа нашего белорусского общества, члены которой объединены общей целью – получением высшего профессионального образования в контексте общего социального становления молодого гражданина, социально активного и социального ответственного. Такой подход позволяет рассматривать систему социальной защиты студенческой молодежи в современном белорусском обществе в широком смысле как реализацию и развитие социальной активности молодых людей на основе использования социальных возможностей и социальных гарантий, предоставляемых им государством.

Таким образом, содержание социальной защиты студенческой молодежи в современном белорусском обществе может быть представлено в виде инновационной социально-управленческой модели, в которую включается студенческое самоуправление как принцип взаимосвязи между различными субъектами социальной защиты и институциональное образование (система органов студенческого самоуправления), что обеспечивает эффективное представительство интересов конкретного студенческого сообщества.

Структура социально-управленческой модели воспроизводит внутrigрупповую (микросоциальную) структуру конкретного студенческого сообщества по критерию нуждаемости в социальной помощи и поддержке (объективные параметры) и параметры ее организации, представленные в оценках и ожиданиях студентов (базовые потребности и уровень их удовлетворенности, ценностные ориентации и социальные ожидания, оценка социальной защиты студентов в целом и отдельных форм студенческого самоуправления). В социально-управленческой модели социальной защиты студенческой молодежи особую интегрирующую роль выполняют вузы как специфическая социальная среда и социальная организация. При этом роль вуза реализуется не по патерналистскому принципу. Само студенческое сообщество, возглавляемое органами студенческого самоуправления, принимает активное участие и в нормативном, и в экономическом, а главное – в организационном обеспечении социальной защиты. В социально-управленческой модели не Министерство образования, не какое-либо другое ведомство, а конкретное вузовское сообщество, включая студенческий коллектив, социальная активность которого реализуется в рамках студенческого самоуправления, становится реальной действующей единицей в системе социальной защиты студентов [4].

Такова социальная практика, в которой социально-активистские и корпоративно-групповые формы социальной защиты постоянно возрастают. Таковы и ориентации самих студентов, выявленные в ходе конкретных социологических исследований. Несмотря на то, что в массовом сознании студентов, их базовых ценностях, государственно-патерналистская идея занимает определенное место, понимание того, что уровень и качество жизни – это результат социальной активности самих граждан, становится все более отчетливым. Это в полной мере относится к современным белорусским студентам. Реализация социальной активности студенческой молодежи в условиях динамичного, постоянно трансформирующегося общества приобретает особую значимость. Таким образом актуализируется проблема развития студенческого самоуправления, итогом чего является формирование чувства социальной ответственности за собственное поведение и принимаемые решения, определение ответственной гражданской позиции, приобретение навыков управления коллективом и, что очень важно, обеспечение защиты интересов и прав студентов.

Самоуправление в молодежной среде выступало объектом серьезного внимания на различных этапах развития отечественного образования. Среди ученых, активно занимавшихся изучением этого феномена в прошлом веке, следует отметить таких советских педагогов-исследователей, как П.П. Блонский, К.Н. Вентцель, П.Ф. Каптерев, Н.К. Крупская, С.Т. Шацкий, А.С. Макаренко. Результатом их трудов стало создание теории и практики ученического самоуправления [5]. Новый всплеск интереса к проблеме организации самоуправления учащейся молодежи во всех типах учебных заведений возник в конце 90-х гг. XX века в связи с поиском концептуальных оснований формирования и развития социальной активности молодежи в новых социально-экономических условиях. Этот поиск не завершен, он не потерял своей актуальности и в настоящее время [5].

Анализируя сложившуюся ситуацию, приоритеты и направления современного высшего образования сквозь призму социальных ожиданий в отношении выпускника современных высших учебных заведений, можно сделать вывод, что сегодня обществу необходим не просто квалифицированный специалист с достаточным уровнем узкопрофессиональных знаний и умений. Современное общество нуждается в специалистах высокого уровня квалификации, способных на практике проявлять инициативу, самостоятельность в профессиональной деятельности и принятии решений, умеющих эффективно работать в команде, обладающих высокоразвитым чувством ответственности и готовности к управлению на разных уровнях и в разных сферах.

Реализация такого рода социального заказа видится в активном привлечении студентов к решению организационных и организаторских задач во время обучения в вузе. Это создает условия для наиболее полного раскрытия способностей молодых людей и формирует основу для выявления уровня развитости у них чувства ответственности и самостоятельности. Уровень социальной активности студенческой молодежи, как показывают результаты социологических исследований, тесным образом коррелируется с ощущением полноправного членства в вузовском сообществе. Значительную роль в этом деле призвана сыграть деятельность различных органов студенческого самоуправления. Являясь условно институциональным образованием, студенческое самоуправление выполняет роль организующего принципа, объединяющего в единое целое деятельность различных студенческих молодежных объединений и организаций, позволяя реализовывать социальную активность всем студентам, как непосредственно, участвуя в работе студенческих организаций, так и опосредованно, через своих избранных демократическим путем студенческих представителей. Студенческое самоуправление – это вузовская демократия, которая может многое сделать в сфере социальной защиты студенческой молодежи.

На сегодняшний день самоуправление занимает важное положение в структуре вуза, выполняя управленческие, регулятивные функции. Все самые важные управленческие решения на уровне вузов проходят согласование на уровне студенческого самоуправления – это касается организации учебного процесса, трудовой занятости и общественной работы, организации быта и досуга студентов, т.е. всех основных сфер жизнедеятельности, функционирование которых регулируется системой социальной защиты студенческой молодежи.

Очевидно, что для эффективного выполнения своих функций студенческое самоуправление должно быть адекватным представителем интересов студенческой молодежи на уровне вузовского социального управления, становясь, таким образом, важным звеном в системе ее социальной защиты. Поэтому отношение студенческого сообщества к деятельности органов самоуправления, выраженное в удовлетворенности уровнем его эффективности (своеобразная оценка деятельности органов самоуправления), может выступать в качестве эмпирического показателя изучаемого феномена.

Сравнительный анализ оценок, полученных в ходе опроса студентов различных вузов, показал, что студенческие коллективы разных вузов по отношению к студенческому самоуправлению в целом несущественно отличаются друг от друга. Различия в оценках гораздо более очевидны внутри вузовских коллективов. Они демонстрируют принципиальные крайности: от абсолютно положительных оценок, до абсолютно отрицательных. Как показал опрос, проведенный среди студентов различных вузов Республики Беларусь, студенты включают в структуру студенческого самоуправления все структуры и мероприятия, которые каким-либо образом связаны со студенческой жизнью, но не всегда проводятся самими студентами, т.е. к самоуправлению практически не относятся:

Так, среди различных органов и форм работы студенческого самоуправления наиболее эффективными в студенческой среде были признаны (предложенные варианты расположены в порядке убывания):

- 1) студенческие профсоюзы, профком, БРСМ;
- 2) студенческий совет;
- 3) активные диалоги, встречи, беседы, круглые столы, собрания, семинары, конференции, заседания;
- 4) массовые мероприятия (организация досуга, мероприятий, праздников);
- 5) материальная помощь;
- 6) помощь в реализации молодежных идей;
- 7) самоуправление в общежитии;
- 8) собрание студентов в неформальной обстановке;
- 9) создание молодежных организаций;
- 10) спортивные мероприятия.

В этом перечне представлены практически все известные студентам формы работы в вузе и названы структуры, которые их организуют. Полученные ответы подтвердили вывод о том, что часть студентов не совсем четко представляет сущность и специфику студенческого самоуправления.

В связи с этим еще более интересными явились ответы на вопрос, что нужно сделать в вузах для развития студенческого самоуправления. Так как вопрос был открытым, анализ осуществлялся в виде группировки однозначных ответов, и в итоге была получена следующая картина: (предложения по совершенствованию форм студенческого самоуправления представлены в порядке убывания):

- 1) создание совета всех студентов (в состав студсовета должны входить не только отличники);
- 2) решение социальных, насущных проблем должно осуществляться в форме диалога (вопрос-ответ);

- 3) создание студенческого парламента;
- 4) отдельное внимание уделить вопросам организации досуга студенчества;
- 5) организация юридической и консультативной помощи и поддержки по различным актуальным вопросам;
- 6) содействие в изменении системы оплаты за обучение;
- 7) совершенствование деятельности студсовета в общем;
- 8) организация и проведение турслетов;
- 9) разделение сфер ответственности и влияния среди активных участников студенческого самоуправления;
- 10) развитие самоуправления в общежитии.

Анализ функционирования работы студенческого самоуправления в вузах республики, основанный, в том числе, на результатах конкретных исследований, приведенных выше, позволяет строить оптимальную модель организации студенческого самоуправления. В ней воспроизводятся параметры социально-управленческого механизма, обеспечивающего студентам участие в управлении вузом и своей жизнедеятельностью через коллегиальные взаимодействующие органы самоуправления на всех уровнях управления вузом, органы студенческого самоуправления общежития и общественные студенческие организации по интересам.

При всем многообразии форм и методов студенческого самоуправления его деятельность направлена на достижение общей цели – концентрации сил студенческой молодежи на решении общественно значимых задач, затрагивающих интересы каждого студента, академической группы, факультета, вуза, всей страны. Студенческое самоуправление, таким образом, становится одним из условий гибкости управления и гарантирует корректировку деятельности высшего учебного заведения с учетом потребностей студенчества, наиболее полно обеспечивая его социальную защиту.

Список цитированных источников

1. Tsarou, A. The social and management mechanism of the new type of higher education forming / A. Tsarou // Nauka i studia. T.2. – 2007. – № 2. – S. 47-54.
2. Лапина, С.В. Управление в социальном государстве: социологический подход / С.В. Лапина // Модернизация экономики и эффективность управления социально-экономическим развитием: материалы Международной конференции, Новочеркасск, 14-15 мая 2010 г.- Новочеркасск (РФ): ЮРГТУ, 2010. – С. 56-65.
3. Об основах государственной молодежной политики: Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 2009 г., № 65-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 300. – 2/1617.
4. Жук, А.М. Социальная защита студенческой молодежи в государственных высших учебных заведениях Республики Беларусь: социолого-управленческий аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / А.М. Жук; БГУ. – Минск, 2011. – 24 с.
5. Студенческое самоуправление: метод. материалы / Могилев. гос. ун-т; [авт.-сост.: В.И. Попов и др.]. – Могилев: МГУ, 2001.

НАПРАВЛЕННАЯ ДИНАМИКА ИННОВАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА КАК МЕХАНИЗМ ОПТИМИЗАЦИИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Лукашевич В.К.

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

○ Культивирование и повышение эффективности инновационных преобразований в настоящее время, очевидно, внеконкурентный путь эволюции общества. В рефлексивно осмысленном представлении – это своего рода идеология, обоснованно претендующая на лидерство по меньшей мере в национальных сообществах развитых

стран и государствах с транзитивной экономической (что зафиксировано в ряде документов, в частности, в государственных программах инновационного развития). Аксиома данной идеологии: сохраняют и укрепят лидирующие позиции, смогут развиваться до сопоставимого с лидерами уровня те, кто окажется способным наиболее последовательно осуществлять инновационные преобразования.

Вместе с тем, во-первых, известно, что это рискованный вид деятельности, далеко не всегда имеющий однозначно позитивные последствия по всем аспектам в социально-экономической сфере, нередко создающий нервную суетность и обострение конкуренции, вынуждающей не только субъектов хозяйствования, но и правительства суверенных государств прогнозировать ее возможные сценарии с тем, чтобы избежать непредвиденных и неприемлемых для национального сообщества вариантов. Во-вторых, успешность инновационных преобразований в конкретной сфере, например, в экономике, необходимо связана с соответствующими нововведениями в других сферах – науке, образовании, государственном управлении, природоохранной практике и др. Это предполагает системное и достаточно масштабное видение инновационного поля и возможных событий в его конкретных местах. Одним из ключевых элементов в инструментарии такого рода работы является понятие «инновационное пространство».

В содержании ныне употребляемых вариантов понятия «инновационное пространство» [1; 2; 3; 4; 5 и др.] доминирует представленность одного из аспектов отражаемой им реальности, а именно – масштаба (размеров, степени «грандиозности») инновационных преобразований (на уровне конкретного предприятия, региона, страны). Это хорошо коррелирует со здравым смыслом и практической размерностью инновационных процессов, связанной с учетом и степенью возможности использования их ресурсов (научно-технических, социальных, экономических, финансовых и др.), которых в идеале должно быть достаточно для роста масштабов инновационного пространства. Однако для выработки правильных ориентаций относительно его динамики в общем русле инновационной политики, адекватной национальным интересам и возможностям, необходимо представление и о других параметрах инновационного пространства, позволяющее учесть факторы его формирования в их системном взаимодействии, раскрыть особенности механизмов реализации ресурсов этого процесса в условиях интернационализации и глобализации социальных (в широком смысле) процессов, выявить точки роста его новых конфигураций и качества.

В основу более детализированного понятия может быть положена дефиниция, фундируемая релятивистским пониманием природы социального пространства [6, 7], в соответствии с которой **инновационное пространство** – это совокупность социальных отношений и связей, воспроизведенных на определенном множестве объектов, непосредственно вовлеченных в инновационную деятельность. Оно дает возможность выделить набор ключевых характеристик (атрибутов) инновационного пространства, экспликация которых необходима для отмеченных целей. В их числе:

– **конфигурация** инновационного пространства – его границы, определяемые объектами, непосредственно вовлеченными в инновационные преобразования;

– **форма** инновационного пространства – определенное множество фиксированных типов отношений и связей (экономических, финансовых, правовых, технико-технологических, образовательных, управленческих и др.) между объектами, непосредственно вовлеченными в инновационные преобразования; форма всегда не только содержательна, но и определенным образом структурирована, соответственно процесс формирования инновационного пространства необходимо сопряжен с его структурированием;

– **структура** инновационного пространства – определенная иерархия множества отношений и связей между объектами, непосредственно вовлеченными в инноваци-

онные преобразования; это фактически отношения между отношениями внутри инновационной системы, среди которых можно выделить группы доминирующих отношений, зависимых, производных и др.;

– **полиморфность** – способность принимать многообразные формы (структуры) за счет наличия в информационном пространстве, обладающем определенной конфигурацией, различных по степени сложности объектов, непосредственно вовлеченных в инновационные преобразования, а также разнокачественных и разноинтенсивных отношений между ними;

– **плотность** – количество охватываемых инновационным пространством, обладающим определенной конфигурацией, различных по степени сложности объектов, непосредственно вовлеченных в инновационные преобразования, и степень интенсивности отношений между ними; это его насыщенность такого рода объектами и отношениями;

– **динамичность** – подвижность формообразующих связей, обеспечивающих в ходе инновационных преобразований непосредственное вовлечение в них новых объектов и последующее изменение конфигурации инновационного пространства.

– **качество инновационного пространства** – это его целостная определенность, сопряженная с целями и задачами инновационных преобразований, обусловленная спецификой непосредственно включенных в инновационные преобразования объектов, а также иерархией, степенью разнообразия и интенсивности их отношений и связей.

Качество инновационного пространства проявляется в его способности более или менее интенсивно и масштабно ассимилировать новые объекты и обеспечивать возможность установления новых отношений и связей между ними и объектами, ранее вовлеченными в инновационные преобразования, т.е. фундаментализировать его динамические параметры. Их развитость коррелирует с возможными масштабами, целями и задачами инновационных преобразований (трудно рассчитывать на их эффективность при низком качестве инновационного пространства). Поэтому усилия по реализации инновационных проектов должны включать действия по повышению качества инновационного пространства, зачастую внешне напрямую не связанные с непосредственными целями и задачами инновационных преобразований. Например, инновации, связанные с созданием и продвижением на рынке продукции, производимой на основе технологий на один и более уровень выше прежних, должны в идеале охватывать наряду с технико-технологическими изменениями текущую коррекцию системы оплаты труда, управления, профессиональной подготовки работников и др. Это наиболее тесно и непосредственно сопряженный с практикой инновационных преобразований канал направленного воздействия на динамику инновационного пространства. Другие каналы, связанные с усилиями по изменению законодательства, регулирующего инновационную деятельность и права интеллектуальной собственности, реформированию системы профессиональной и общеобразовательной подготовки специалистов, развитию инновационной инфраструктуры и международной интеграции в области инновационной деятельности и др. более масштабны, и в ряде ситуаций связаны с практикой инновационных преобразований опосредованно.

Целенаправленные усилия по совершенствованию и расширению всех каналов воздействия на процесс формирования инновационного пространства и, прежде всего, повышение его качества, можно квалифицировать как направления инновационной политики. Как и во всяком политическом процессе, здесь имеет место риск (сделать ошибки, неадекватно сориентироваться) по законодательным, финансовым, образовательным и другим аспектам. Он может существенно уменьшиться, если в соответствии с законами политических процессов увеличится количество их участников (в данном контексте – субъектов инновационной политики, где в настоящее время в РБ практически

единственно реальным ее субъектом выступает государство). Разумеется, нет гарантий в том, что предприниматель всегда окажется лучше государственного чиновника.

В настоящее время специфику механизмов реализации ресурсов инновационного развития и соответственно динамики инновационного пространства определяют направления, темпы и противоречия глобализационных процессов. В контексте данной темы ключевое значение имеет последняя характеристика, поскольку, во-первых, противоречия глобализационных процессов имплицитно содержат несбалансированность их направлений и темпов, во-вторых, имеет место непосредственно наблюдаемое противоречие между глобализацией и локализацией («территориальностью»), практическое разрешение которого определяет конфигурацию локальных инновационных и социальных пространств, а также структуру мирового социального и инновационного пространств. Главными движущими силами разрешения этого противоречия выступают капитал и интеллект, все более успешно нейтрализующие другие факторы (социальное поле, схемы индивидуального восприятия и др.), поскольку именно их созидательный потенциал лежит в основе формирования доминирующих сетей социальных отношений и конфигурации инновационного пространства.

С отмеченным противоречием во многом связан характер обратного влияния новой конфигурации социального пространства на структуру и другие параметры инновационного пространства, на накопление инновационных ресурсов и модернизацию механизмов их реализации. Определяющие события в этом плане ожидаются по линии перераспределения значимости форм контроля над данными процессами и существенным расширением сети социальных отношений, связанных с инновационными преобразованиями. Видимо, во всех странах, эта сеть имеет грандиозную перспективу развития, хотя стартовые ситуации существенно различаются. Так, в РБ она формируется практически исключительно в контексте Государственных программ инновационного развития, в то время как в развитых странах и ряде других государств успешно функционируют и развиваются негосударственные структуры, в том числе финансовые организации, получившие названия бизнес-ангелов, которые выступают важным фактором интенсификации инновационной деятельности и соответственно динамики инновационного пространства за счет создания новых социальных сетей.

Соответственно практически значимыми для осмысления динамики инновационного пространства РБ в общем контексте ее инновационной политики являются установки на изучение мотивации различных социальных групп населения (прежде всего занятых в хозяйственно-экономической сфере) к расширению инновационного пространства (одновременно и причин отсутствия такого рода мотивации), на поиск эффективных негосударственных форм поддержки инновационных преобразований, на анализ «конкурентных» стимулов к расширению инновационного пространства, с тем, чтобы избежать выстраивания его конфигурации, непредвиденной и нежелательной для белорусского национального сообщества при общей ориентации на интернационализацию инновационной деятельности. 10-летний мониторинг инновационных процессов в европейских странах в конечном счете показал, что «существует причинное взаимодействие между интернационализацией и инновациями, в котором инновации и интернационализации их элементов образуют доброкачественный круг, приводящий к кумулятивному процессу» [8, р. 34], т.е. накоплению эффективных нововведений. В этом русле конфигурация и качество инновационного пространства РБ должны эволюционировать в направлении оптимума; очевидно, прежде всего за счет установления более тесного сотрудничества с теми странами и регионами, где не только осуществлены инновационные прорывы по отдельным направлениям, но и достигнуты наиболее высокие плотность, динамика и в целом, качество инновационного пространства.

Фактически общепринятым является положение о том, что одним из главных элементов становления и эффективного развития национальной инновационной системы

являются технологии не ниже пятого уровня [4]. На наш взгляд, этот элемент в конечном счете определяет качество не только инновационного, но и социального пространства, поскольку его наличие и культивирование на отмеченном уровне предполагает развитую систему социальных отношений и высокую насыщенность социального пространства сложными объектами. В РБ, по-прежнему обладающей третьим по величине на постсоветском пространстве научным потенциалом; имеются необходимые интеллектуальные и образовательные предпосылки для того, чтобы выдержать этот уровень. Но, чтобы процесс динамики инновационного пространства развивался в нужных направлениях, они должны быть дополнены более многообразными отношениями собственности, в том числе по поводу результатов интеллектуального труда, серьезными приобретениями в сфере социальной психологии и психологии предпринимательства в контексте формирующейся национальной бизнес-культуры.

В итоге направленная динамика инновационного пространства создает определенный механизм оптимизации всей совокупности трансформационных процессов, поскольку при ее планировании по определению необходимо исходить из сложившейся ситуации, традиций и тенденций развития во всех сферах жизнедеятельности социумов.

Список цитируемых источников

1. Ашмарин, И.И. Человек в пространстве инноваций // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10, вып. 3/4 (42/43). – С. 209-219.
2. Котько С.П. Об интеграции Беларуси в мировое инновационно-технологическое пространство // Наука и инновации. 2004. – № 2. – С. 51-53.
3. Щербин В.К. Пути и механизмы интеграции РБ в мировое научное и инновационное пространство // Веб-версия материалов Международного научно-методического семинара «Государственная система учета НИР, ОКР, ОТР: новые возможности, методика, практика». – Мн.: ГУ «БелиСА», 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belisa.org.by/ru/izd/other/Reg2005/r21_reg2005.html. – Дата доступа: 8.06.2010.
4. Рябцева Н.В. Проблемы институционализации инновационной деятельности / Н.В. Рябцева, Е.А. Алсуфьева // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал [Электронный ресурс]. – 2008. – № 3(27). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=24242>. – Дата доступа: 8.06.2010.
5. Чернов, С.А. Инновационные сети // Институт исследований природы времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/problema_vremeni/chernov_innovatsionnye.htm. – Дата доступа: 8.06.2010.
6. Бурдые, П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / П. Бурдые // Социология политики. – М., 1993. – С. 33-52.
7. Ло, Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – № 1. – Том 5. – С. 31-43.
8. European Innovation Scoreboard (EIS) 2009. Comparative analysis of innovation performance // PRO INNO Europe® [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.proinno-europe.eu/sites/default/files/page/10/03/1981-Dg%20ENTR-Repory%20EIS.pdf>. – Date of access: 28.06.2010.

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Мармашова С.П.

Академия управления при президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

На рубеже веков мы стали свидетелями уникальных феноменов, таких как гигантская реструктуризация мира и поиск новой точки стратегического равновесия. В связи с этим резко обострились старые угрозы и вызовы, появились новые. Мир стал восприниматься как единый, общий, целостный, другими словами, как глобальный. Перед мировым сообществом ярко проявились общие проблемы и ощущение взаимосвязанности и взаимозависимости стран, структур, институтов, партий, общественных дви-

жений, народов, каждого человека. Такая многосторонняя трансформация мировой системы затронула все традиционные сферы. Ее истоки, факторы, движущие силы, мотивация и последствия неопределенны и требуют полного осмысления и исследования, чтобы понять и придать выработке стратегических направлений развития осознанный и научно обоснованный характер в современном изменяющемся мире.

Поэтому ученые всего мира постепенно пытаются осмыслить новейшую фазу в развитии мироосознания, выявить реальную природу приближающейся общности, единого и в то же время удивительно неоднородного мира, с которым мы повсеместно сталкиваемся в нашей повседневной деятельности.

Для этого мировому сообществу потребовалась новая отрасль знания, такая как глобализация. В рамках этой новой дисциплины, являющейся наддисциплинарной и междисциплинарной, происходит прояснение ответов на фундаментальные вопросы современного бытия. А именно — что является приоритетным, каковы движущие силы, мотивационные начала и целевые установки, продвигающие мир к глобализации, каково оптимальное поведение интеграционных объединений, суверенных государств и их хозяйствующих структур в отношениях с наднациональными системами и перспективы, открывающиеся в процессе глобализации мира. В рамках глобализации предпринимаются шаги последовательного, доказательного выстраивания логики нахождения ответов на поставленные вопросы в направлении разрешения ряда важнейших проблем. Кроме того, показывается расстановка сил на мировой арене; предопределяющая в настоящее время баланс геэкономических, геополитических и геостратегических интересов.

Однако наиболее ярко глобализация проявилась в мировой экономической сфере. Так, оформилась новая наднациональная экономическая популяция как геэкономика. Введенный в научный оборот в США в конце 1980-х гг. американским экономистом и историком Э. Луттваком термин «геэкономика» рассматривает действие различных экономических, демографических и экологических факторов в тесном согласовании с пространственным положением страны или региона, их экономико-географическими условиями.

Такой учет геэкономических факторов служит основой при определении стратегии страны, которая бы отвечала потребностям ее развития, национальным и государственным интересам, а также обращает внимание государства на создание условий, позволяющих повысить конкурентоспособность национальной экономики на мировых рынках.

Исследования в области геэкономки проявляются в определении предложений по проведению действенных мероприятий, направленных на разработку и корректировку внешней и внутренней экономической политики, долгосрочной стратегии развития с целью улучшения геэкономического позиционирования определенного государства или интеграционного объединения стран, а также повышения их конкурентоспособности.

Вследствие этого формирование стратегии развития различных стран мира в начале XXI в. исходит из их геополитических и геэкономических интересов, которые состоят в обеспечении национальной безопасности, функционирования и создании условий для выхода экономик стран из глобального финансово-экономического кризиса, подъема на новый уровень, а также повышения международного престижа страны.

Кроме того, геэкономика как новая прикладная наука исследует поведение государства в конкретных ситуациях, векторы развития и формулирует его экономическую стратегию и тактику на международной арене. Поэтому ее преподавание в высших учебных заведениях Беларуси позволит изучать широкий спектр политических, экономических, географических и социальных проблем.

В настоящее время на мирохозяйственной арене ни одна национальная экономика не может быть уверена в своей безопасности, в связи с этим у государств, думаю-

щих о будущем; выстраивается система экономической безопасности, которая является неотделимой частью национальной внешнеэкономической стратегии. В том числе и этими вопросами занимается геоэкономика.

Так, Республике Беларусь в своей внешнеэкономической стратегии следует придерживаться устремлений в те регионы, где формируются ареалы и точки мирового роста. После окончания «холодной войны» и распада СССР в начале 1990-х гг. в начале XXI в. коренным образом изменилась конфигурация геоэкономических сил, хотя США до сих пор остаются самой могущественной в политическом, экономическом и военном отношении державой. Основная тенденция мирового экономического развития состоит в формировании различных экономических центров; переходе мировой экономической системы к полицентризму. В этом отношении страны СНГ представляют для Республики Беларусь не только важнейшие направления своей внешнеэкономической стратегии, но выступают в качестве фундаментального условия дальнейшего развития: США, Западная Европа, Китай, Индия, Япония, Арабский мир, страны Латинской Америки и др. выступают в качестве носителей тех или иных конкурентоспособных звеньев глобальных воспроизводственных циклов, что создает разнообразные возможности и ориентиры для внешнеэкономической деятельности в целях развития тех или иных национальных секторов экономики на высоком инновационном уровне. Тем самым накопленный белорусский интеллектуальный потенциал в условиях осознания современной мировой ситуации, как первый опыт, становится востребованным государственными и общественными структурами, деловыми и предпринимательскими кругами, научными и образовательными организациями.

Во внешнеполитической деятельности страны геоэкономика открывает новое направление, такое как экономическая дипломатия, которая направлена на взаимодействие и сотрудничество, снятие международной напряженности, нахождения взаимоприемлемых решений в конфликтных ситуациях, используя геоэкономические методы.

Следует отметить, что контур геоэкономической стратегии национального развития обозначился и в области государственного строительства. Его основу составляет всемерное повышение качества жизни, встраивание в мировую глобальную систему в целях реализации экономических интересов страны, модернизации экономики на основе высоких инновационных технологий.

Предпринимаются шаги по формированию новейших белорусских бизнес-структур, республиканских проектов по преобразованию инфраструктуры страны на основе инновационных достижений, сотрудничества в рамках СНГ в целях доступа к формированию и распределению мирового дохода. Выход белорусских субъектов хозяйствования во внешнеэкономическую среду сопряжен с освоением геомаркетинга и новых принципов стратегического планирования и управления, в основе которых лежат навыки объемно-пространственного мышления. Поэтому знание школ геоэкономики и глобалистики необходимо и является основой успешного освоения мирового экономического пространства, занятия устойчивых сегментов (ниш) на мировых и региональных рынках.

В сфере национальной безопасности и геоэкономической стратегии геоэкономическая парадигма мирового развития вносит существенные коррективы в осмысление новых вызовов, опасностей и угроз и в методы реагирования на них. Так, например, устремления западных постиндустриальных стран нацелены на получение доступа к ресурсам (сырьевым, энергетическим, трудовым, интеллектуальным и пр.) постсоветских стран, а также силовой защите этих геоэкономических направлений, что является истинной причиной и формированием нынешней стратегической ситуации. Однако не учитывать геоэкономические интересы стран СНГ является опасным вызовом мировому сообществу. Именно здесь необходимо вести поиск стратегического равновесия в сфере глобальной и регионально безопасности.

В связи с этим глобальная конкуренция в современной мировой экономике приводит к необходимости поиска новых форм геоэкономического партнерства, которые ориентированы на укрепление экономического сотрудничества стран, с учетом преимуществ региональной интеграции. Таким образом, объединения государств в рамках Содружества следует выстраивать на геоэкономической платформе нового направления интеграционного вектора, определяемого объективными тенденциями и закономерностями мирового развития, такими как глобальная трансформация мировой системы и выход геоэкономики на приоритетные позиции.

В условиях мирового финансового кризиса и новых глобальных вызовов усиливается необходимость единения Беларуси и России и существенно возрастает роль координации усилий стран по регулированию интеграционных процессов. Если на ранних стадиях трансформации и реформирования экономики на постсоветском пространстве определяющая роль принадлежала внутренним факторам, то по мере вовлечения национально-хозяйственных комплексов в мировую экономику внешнее воздействие становится все более важным условием выбора экономической стратегии интеграционного сотрудничества и геоэкономического партнерства. Создание единого экономического и таможенного пространства в рамках Союзного государства, ЕврАзЭС и Таможенного союза оказывает существенное влияние на характер развития интеграции на территории общего экономического пространства России, Казахстана и Беларуси.

Таким образом, с развитием геоэкономической концепции в условиях глобальной экономики появляется необходимость в модернизации методов стратегического обеспечения для реализации национальных интересов на международной арене. Необходимо разработка эффективной системы, объединяющей все сферы деятельности и учитывающей взаимосвязь всех факторов этой системы, актуальных для оперирования в геоэкономическом пространстве.

ЭТАПЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Мартиневич Н.В.

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск

От политической системы современного общества зависит очень многое: как будет развиваться государство, как будут жить люди, какие перспективы у молодежи, насколько радостная и обеспеченная будет старость пожилых людей. Именно поэтому вопросам формирования, становления и развития политической системы уделяется огромное внимание всех политических структур любого государства, всех теоретиков и действующих политиков.

В настоящее время существует достаточно много определений политической системы. За рабочее в данном исследовании примем определение, предложенное известным белорусским политиком и ученым И.В. Котляровым: «**Политическая система** – это система взаимодействующих социально-классовых, экономических, национальных и других институтов и организаций, с помощью которых осуществляется власть и управление обществом, и политических отношений, ролей, процессов, связей, существующих в социуме; подчиненных политическим, социальным, юридическим, идеологическим и культурным нормам и принципам, историческим традициям, ценностным установкам и ориентирам, и направленных на реализацию властных отношений» [1, с.111].

В политической системе системообразующим элементом всегда является **власть**. Выяснение сущности властных отношений помогает найти ключ к пониманию боль-

шинства политических процессов, спрогнозировать действия многих политических субъектов. В основу типологизации основных этапов белорусской политической системы общества положим дефиницию власти.

В «новой» истории РБ можно выделить, по крайней мере, четыре важнейших этапа модернизации политической системы страны, качественно различающихся по своему характеру, направленности, методам проведения и конечным результатам. Переход от *одного этапа* политических изменений к другому представляет собой *пограничное состояние*, после которого меняется качественное состояние властных отношений в политической системе, а значит, и качество системы. Измерение основных компонентов политической системы в эти периоды, анализ качественных изменений в дальнейшем представляет особый интерес для политической науки.

Первый этап формирования политической системы белорусского общества охватывает период с 27 июля 1990 г. по конец 1991 г. Исходным пунктом начала формирования политической системы независимого белорусского государства можно считать 27 июля 1990 г. В Декларации «**О государственном суверенитете Белорусской ССР**», принятой Верховным Советом БССР в этот день, было провозглашено верховенство Конституции и законов Беларуси на ее территории, хотя это и являлось еще только заявлением о намерениях. Данная декларация стала качественно новым этапом в строительстве независимого белорусского государства. От имени белорусского народа парламент провозгласил «полный государственный суверенитет РБ как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики в границах ее территории, правомочность ее законов, независимость республики во внешних отношениях». Декларация стимулировала принятие целого ряда новых законодательных актов РБ. Так, например, 27 февраля 1991 г. был принят Закон «**Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь**».

Кульминацией первого этапа ломки политической системы всех регионов и СССР в целом стали августовские события 1991 г., в результате которых произошла смена вектора развития политических и социально-экономических отношений. Внеочередная сессия Верховного Совета БССР 25 августа 1991 г. приняла Закон «**О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Белорусской ССР о государственном суверенитете БССР**». 26 августа был принят закон «**О департизации органов государственной власти и управления БССР, государственных предприятий, учреждений, организаций и собственности Коммунистической партии Белоруссии**», а также закон «**О временном приостановлении деятельности КПБ-КПСС на территории БССР**». В том же году был принят Закон «**О языках**». Он определял единственным государственным языком в Беларуси белорусский, что создавало реальные возможности для его развития во всех сферах. 19 сентября 1991 г. было утверждено новое название страны. – **Республика Беларусь**, а также введена новая государственная символика – **бело-красно-белый** флаг и герб «**Погоня**».

Беларусь вступила в новый этап своего развития. В конце 1991 г. республика вышла из состава Союза ССР, денонсировала Договор 1922 г. об образовании СССР, вступила в Содружество Независимых Государств, которое пришло на смену бывшему Советскому Союзу. Верховный Совет РБ ратифицировал эти документы 10 декабря 1991 г.

Второй этап модернизации политической системы начался в Беларуси в декабре 1991 г. и завершился введением института президентства страны в марте 1994 г. До августа 1991 г. в Белорусской ССР в основе политической системы общества находилась Коммунистическая партия Белоруссии. После августа 1991 г. ее деятельность была приостановлена, а в республике было провозглашено разделение властей. Однако эффективного разделения властей так и не получилось. Одна ветвь власти по-

стоянно вмешивалась в сферу компетенции другой власти. В статье 79 Конституции РБ было записано, что «Верховный Совет РБ является высшим представителем, постоянно действующим и единственным законодательным органом государственной власти». Никакому другому органу государства или должностному лицу не было дано право принимать законодательные акты. Принятые Верховным Советом законы были обязательными для безусловного исполнения всеми органами и лицами. Кроме того, Верховный Совет РБ имел определенные распорядительные и контрольные функции. Он мог контролировать выполнение законов, бюджета страны, назначение высших должностных лиц и т.д., то есть вторгался в деятельность других ветвей власти [2; 3].

Постоянные распри между ветвями власти, неуправляемый рост цен, падение жизненного уровня жизни людей, преступность и безработица, расслоение общества на бедных и богатых, инфляция и утрата перспективы в жизни, уничтожение прежних ценностей и идеалов привело к резкому снижению рейтинга властных структур страны. Так, например, на конец 1993 г. только 1,0% населения признавал деятельность Верховного Совета РБ эффективной, в то время как малоэффективной – 34,3%, неэффективной – 55,0%. Депутаты Верховного Совета РБ были избраны совершенно в другой стране, в другой политической системе, практически никого в парламенте не представляли, заботились прежде всего о своей собственной безопасности и были не способны на принятие эффективных политических решений [2; с. 157]. Это явилось одной из причин того, что более половины (50,1%) населения страны были в конце 1993 г. убеждены, что Верховный Совет должен немедленно уйти в отставку [2, с. 158].

В стране назрел политический кризис, разрешение которого требовало существенных изменений в системе властных отношений белорусского общества. Одним из возможных выходов из подобного кризиса было введение в стране *института президентства*. Этот институт уже был во многих странах бывшего Советского Союза. Кроме того, каждая из политических элит стремилась завоевать этот пост, усилить свою власть, повысить свой рейтинг.

15 марта 1994 г. начался *третий этап* формирования новой политической системы белорусского общества. Верховный Совет РБ ввел институт президентства Республики Беларусь. По Конституции РБ 1994 г. Президент Республики Беларусь являлся главой государства и исполнительной власти. Впервые в Основном Законе было сформулировано четкое положение о трех ветвях власти и разделении их полномочий, что радикально изменило всю систему властных отношений.

В выборах первого президента РБ принимали участие шесть кандидатов, представлявших широкий спектр политических сил Беларуси. Среди них – глава правительства **Вячеслав Кебич**; бывший председатель Верховного Совета **Станислав Шушкевич**; лидер Белорусского народного фронта «Адраджэнне» **Зенон Позняк**; секретарь ЦК Партии коммунистов Беларуси **Василий Новиков**; глава Союза аграрников Беларуси **Александр Дубко**; депутат Верховного Совета, директор совхоза «Городец» Шкловского района **Александр Лукашенко**. Большинство аналитиков отдавали предпочтение Вячеславу Кебичу и Зенону Позняку. Однако совершенно неожиданно для команды премьер-министра самым сильным конкурентом стал Александр Лукашенко, резко повысивший свой авторитет на посту руководителя временной антикоррупционной комиссии парламента. В то же время представители оппозиции З. Позняк и С. Шушкевич не смогли найти общий язык и выступили на выборах в качестве конкурентов. В итоге во второй тур вышли А. Лукашенко и В. Кебич, набравшие соответственно 44,8% и 17,3% голосов. 10 июля 1994 г. во втором туре А. Лукашенко победил с убедительным перевесом, набрав 80,1% голосов [2; 3].

А. Лукашенко после выборов начал проводить целенаправленную работу по совершенствованию всей политической системы в целом; властных структур, в частно-

сти. В стране стала формироваться национальная белорусская политическая система власти, ориентированная на собственный промышленно-интеллектуальный потенциал, технологии и оборудование, на постоянную пропаганду национальных ценностей и традиций. Как результат, в 1994 г. рейтинг основных властных структур страны имел следующий вид:

- Президент страны А. Лукашенко — 33,3%
- Администрация Президента Республики Беларусь — 9,3%
- Кабинет министров — 2,1%
- Верховный Совет — 1,7% [2, с. 161].

Однако в 1996 г. некоторые политические силы обвинили Президента страны в нарушении Конституции Республики Беларусь, превышении им своих полномочий. В стране разразился серьезный политический кризис «верхов», который мог закончиться глубочайшей дестабилизацией социально-политической ситуации, актами гражданского неповиновения, а может быть, даже гражданской войной. Нужно было принимать срочные политические меры.

Для решения противоречий между исполнительной и законодательной властями, Президентом страны и оппозицией глава государства предложил внести в Конституцию страны изменения, которые существенно меняли политическую систему белорусского общества. Руководство исполнительной власти предлагалось передать правительству, которое превращалось в сильный институт государственной власти. Президент страны получал полномочия главы государства. В результате всебелорусского референдума, проведенного 24 ноября 1996 г., 70,4% принявших в нем участие высказались за президентский вариант изменений Конституции Республики Беларусь.

После референдума начался **четвертый этап** функционирования белорусской политической системы. В стране создана политическая система, представляющая собой оригинальную модель решения политических противоречий на путях построения правового государства и гражданского общества, в центре которой находится Президент как важнейший субъект политической системы. По мере формирования новой политической системы, усиления властной вертикали постоянно рос авторитет политической власти и независимой Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Гребень, В.А. Политология. Структурно-логическая модель / В.А. Гребень, И.В. Котляров // Минск: изд-во МИУ — 2007. — 462 с.
2. Котляров, И.В. Государственное управление и политическое лидерство. Социально-политический анализ / И.В. Котляров, А.И. Веруш — Минск: Беларуская думка, 2010. — 270 с.
3. Котляров, И.В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И.В. Котляров // Мн. — МИУ. — 2004. — Т.1 — С. 286. Т.2 — С. 284.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Медиченко Л.Е.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Французская поговорка: «Хорошие привычки — лучше хороших принципов» вполне подходит в качестве эпиграфа к заявленной теме о трансформации идеологии политкорректности. Ведь образ жизни, вошедший в плоть и кровь, формирует человека прочнее самых замечательных убеждений. Принято считать, что идеология политкорректности формируется в 1990-е годы, преимущественно в университетской среде США, уходя своими корнями в либеральную идеологию [1]. Сам термин постепенно приобретает современное значение того, что по-английски выражается понятиями «neutral language» (нейтральные формулировки) — концепции, базирующейся на гипотезе лин-

гвистической (языковой) относительности Сепира-Уорфа [6; с.193; 231]. Основная идея – язык не просто инструмент для воспроизведения мыслей, он сам формирует наши мысли, конструирует вторую реальность: становится программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума. Человек видит мир так, как он говорит.

Приверженцы идеологии политкорректности надеялись, что вслед за речевыми нормами политкорректности возникнет и соответствующая ей, более справедливая и вежливо-тактичная реальность. Возможно, их подвела вера во власть языка – реальность стала складываться по другим параметрам, а в новых речевых нормах все более ощущалось некая игра слов, новый злопов язык [7], неискренность и запах фарисейства. Прошло более двадцати лет, а споры по поводу политкорректности не утихают. Отзывы, в основном, негативные: политкорректность – это один из методов манипуляции общественным мнением и рычаг власти [9]; это вид цензуры; добровольное лицемерие, придуманное, чтобы не дразнить гусей [1]; демонстрация равенства в правах [4]; специфический жаргонный язык (новояз); форма вырождения демократии [8]; новая форма диктатуры варварства и мракобесия [7] и др.

Политкорректность затронула различные аспекты и темы, такие как половая принадлежность, религия и общество, гендерная идентичность, гендерное неравенство, национальные отношения и др. Сложны и неоднозначны отношения политкорректности и научной корректности: аморальной считается евгеника (исследования, проводившиеся в первой половине XX века с целью выявить лучшую «породу», гены, среди разных групп общества), критике подвергались исследования психолога Айзенка и биолога Уотсона [5].

Негативную оценку влияния политкорректности на гуманитарные науки дает польская исследовательница Агнешка Колаковская. Она считает, что политкорректность «...преобразившись во всеобъемлющую идеологию, вместо того, чтобы открывать – она все больше закрывает, ... вместо того, чтобы позволять – запрещает и исключает; и, замкнувшись в своем догматизме и крайности – во имя открытости, плюрализма и разнородности, – раскалывает образование и гуманитарные науки таким же образом, как расколола общество... В результате от гуманитарных наук остаются только отдельные групповые интересы – феминистские, гомосексуальные, этнические, – где каждый догматически защищает свою территорию, свой отвоеванный участок. Немалую роль играет здесь корысть: речь идет о сохранении и расширении своих позиций» [2]. Польская исследовательница утверждает, что идеология политкорректности поддерживает также постмодернизм, делающий акцент, в частности, как раз на интерпретациях, связанных с групповой принадлежностью. Поэтому можно сказать, что «...постмодернизм стал частью политкорректной идеологии в академической жизни» [2].

На господство постмодернизма в современной науке и её связь с идеологией политкорректности указывают и другие авторы [4; 8]. Они указывают: сегодня ученых упрекают в том, что они внедряют в сознание общества и в общественную жизнь принцип, согласно которому живет серьезная современная наука: нет правды (истины); нет правильных ответов на вопросы, есть просто разные. Это значит, что человек не имеет права судить кого бы то ни было, резко высказываться и отстаивать свою точку зрения – в общем-то, как раз то, чего добиваются активисты политкорректности.

Подобные тенденции в сфере гуманитарного знания и в духовной культуре в целом приводят к парадоксальным результатам. В наши дни половину пьес В.Шекспира ("DWEM – dead white European male" – мертвый белый европейский мужчина) уже и не ставят: «Венецианский купец» – антисемитизм; «Отелло» – расизм; «Укрощение строптивой» – сексизм...

Однако политкорректность необходима – это приспособление к реальному усилению демократии, эгалитаризма, правовой системы, гласности и др. Это стремление к

более точным правовым формулировкам, учитывающим возможные коллизии. Позитивная роль политкорректности прежде всего в том, что она выступает как система амортизаторов [8].

Рассматривая политкорректность как милый лингвистический фокус, необходимо пользоваться более обтекаемыми и, следовательно, более щадящими конструкциями для того, чтобы никого не обидеть и нивелировать слишком уж выпирающие индивидуальные и культурные особенности, необходимо подчеркнуть, что и время его возникновения значительно раньше, чем 90-е годы XX в. Возможно, более раннее проявление политкорректности в сфере гуманитарного знания и духовной культуры в целом, можно отнести к периоду бурных споров об авангарде в искусстве в начале XX в.

Авангардисты создавали разнообразные тексты, позволяли себе делать парадоксальные жесты, несущие закодированную информацию. Такая информация интриговала, заставляла задавать бесконечные вопросы, провоцировала воображение, будила инстинкты и воспоминания. Появление на выставках странных произведений искусства явилось неожиданностью для зрителей и вызвало в среде любителей искусства острую реакцию, возмущение. Авангард подавался как плод исканий непримиримой интеллигенции, мечтающей о свободе. Молодые художники направили свои бунтарские устремления против традиций и норм искусства, его закономерностей, его идейной насыщенности. Бунт в области форм безапелляционно подавался как подрыв устоев буржуазной культуры и действительности.

Авангардисты считали себя первооткрывателями и создателями новых ценностей. С отречением от прежних эстетических идеалов изменился и творческий метод художников: демонстративный отказ от реалистичного метода отражения действительности, разработка своих формалистических приемов. Но разрушая одни условности, авангардисты создавали другие, и среди них, может быть, самую важную – необходимость договориться о том, что, собственно, является произведением авангардистского искусства. Сам авангардизм принципиально отвергает постановку проблемы качества применительно к произведению. Как отличить хорошее произведение от плохого? Где та грань, за которой проявляется собственно произведение? Ведь ясно, что разбрызгать краску под звуки музыки или «художественно» почистить овощи сможет любой. Возглас "И я так могу" – звучал одно время чуть ли не как упрек творцам авангарда. В философии, эстетике и искусствознании вынужденно развернулась дискуссия о переосмыслении проблемы качества произведений искусства. Сам авангардизм снял проблему качества, сделал свою деятельность открытой для всех. Но если нет проблемы качества как оценки художественного, то невольно встает вопрос: как можно воспринимать авангардизм в целом? Спорящие стороны пришли к тому, что в оценке произведений авангардизма возможны лишь два критерия: а) оценка качества идей, предлагаемых для реализации (если идея перспективна для собственного развития авангардизма, она и качественна, и эксплуатируется достаточно долго); б) возможность определить масштаб деятельности определенного мастера по степени его универсальности, в зависимости от того, в каких областях творческой деятельности выразил себя художник.

Еще дальше пошли художники в русле постмодернистского мировидения. Если начало XX в. обозначило важный водораздел в развитии художественного сознания человечества, то к началу XXI в. мы фиксируем не просто границу, а некий глобальный разрыв с предшествующими тенденциями искусства. Сегодня основной вопрос, лежащий в основе философии искусства, – что такое искусство в целом, где грань в современной культуре между искусством и не искусством. Эти вопросы все чаще возникают у людей, посещающих художественные галереи, читающих романы и поэмы, слушающих музыку и смотрящих театральные постановки и кинофильмы. Задумы-

ваться над тем, что есть искусство, нас заставляют не только факты возникновения новых форм искусства, но также те факты, когда в галереях современного искусства могут быть выставлены такие вещи, как груда кирпича или куча картонных коробок, призванные аффектировать нас.

Вполне в духе политкорректности представляет постмодернистское объяснение разницы между искусством и неискусством – институциональная теория. Это современный взгляд многих писателей, художников, который выразил модернистский философ Георг Дики [10]. Он размышляет о том, что сегодня такие различные вещи, как пьеса “Макбет” Шекспира, 5-я симфония Бетховена, груда камней, “Путешествие Гулливера” Дж. Свифта и гиперреалистические фотографии Вильяма Клейна – все могут быть названы художественными произведениями, так как, во-первых, все они являются артефактами, то есть имеют рукотворное происхождение. При этом “артефакт” трактуется очень свободно: любой предмет, собранный на морском побережье, будет обоснован как артефакт, если будет выставлен в художественной галерее. Во-вторых, если данным артефактам представителем или представителями мирового искусства (публицистами, продюсерами, дирижерами, артистами или владельцами галерей) присвоены статусы произведений искусства (т.е. в каждом конкретном случае соответствующим авторитетом в данной области искусства), этот артефакт нарекается произведением искусства (даже и в рекламных целях).

Институциональная теория утверждает, что в нашем обществе некоторые индивиды и группы имеют возможность превращать отдельные артефакты в произведения искусства различными церемониями “крещения”, которые могут иметь формы деятельности, близкие к искусству, но чаще они эквивалентны публикации, изданию, выставлению в галерее или исполнению на публике. Фактически это недалеко от истины. Обычно представители мирового искусства нуждаются в прохождении через определенные церемонии именования художественных работ, хотя по большому счету в этом нет нужды, так как подобные работы и так трактуются как искусство.

Такая позиция сегодня достаточно политкорректна. Наречение объекта произведением искусства вовсе не обозначает его качества и не дает его оценку: хорошее или плохое. Зачастую отсутствие критериев оценки является оправданием в высшей степени претенциозных и поверхностных работ, рассматриваемых в качестве произведений искусства. Институциональная теория также допускает существование особой привилегированной группы избранных людей, имеющих право провозглашать «нечто» произведениями искусства. Это создает впечатление игры в слова и может иметь политические последствия, когда особо заинтересованные люди уподобятся царю Мидасу – все, к чему они станут прикасаться и нарекать произведениями искусства, будет превращаться в золото.

Наше время знаменует собой существенный перелом в истории человека и формах его культурной деятельности. Выстраивать ландшафт художественного творчества нынешнего столетия чрезвычайно трудно: еще нет временной дистанции, позволяющей отделить случайное от необходимого, выявить устойчивые и перспективные образования. А институциональный подход к пониманию произведений искусства нередко делает весьма проблематичным сам процесс художественного контакта. Это нашло отражение в специальном определении, выдвинутом на XIII Международном эстетическом конгрессе: «Тот или иной предмет является произведением искусства, если в качестве такового его, кроме автора, оценивает хотя бы один человек» (вершина политкорректности!).

Дискуссия относительно роли и места политкорректности в современной практике остается открытой. Однако сегодня никто не отрицает, что идеология политкорректности является мощным рычагом воздействия на общественное сознание. Мифы, соз-

даваемые на почве данной идеологии, спекулируют общественными ценностями и подменяют понятия. За желанием соблюдать нормы приличия могут скрываться интересы узкого круга элиты, но через определенные положения идеологии политкорректности просматриваются перспективы гуманизации общества.

Список цитированных источников

1. Галецкий, В.Ф. 2006: Скромное обаяние политкорректности // [электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2006/9/ga11.html>
2. Колаковская, А. *Imagine...* Интеллектуальные истоки политкорректности. // Новая Польша. Варшава, 2004, № 3 (51), март // [электронный ресурс] URL: <http://www.nowpol.ru>
3. Лассан, Э.Р. *О политкорректности как попытке обуздания инстинкта агрессии* // [электронный ресурс] URL: <http://www.vu.lt>
4. Назаретян, К.А. 2003: *Что такое политкорректность?* // [электронный ресурс] URL: <http://www/proza.ru/>
5. Радченко, И. 2008: *Политкорректность: корректный язык* // [электронный ресурс] URL: <http://www.study.ru/support/lib/note96.html>
6. Сепир, Э. 1993: *Избранные труды по языкознанию и культурологии* (пер. с англ. Перцова Е.Н.; общ. Ред. Е.А.Кибрик). – Москва: Прогресс. – С.193, 231.
7. Слуцкий, Л.И. Политкорректность – тяжелое заболевание Запада // [электронный ресурс] URL: http://world.lib.ru/sluckij_L_I/
8. Убираева, Я.Г. *Политкорректность как политический миф* / Я.Г. Убираева // Без темы. – 2009. – № 1(11). – С. 104-110 // [электронный ресурс] URL: <http://beztemy.usu.ru/>
9. Шульгин, Н.Н. *За горизонтами политкорректности* // Вопросы философии. 2003. – № 6.
10. Dickie, Georg. 1974: *Art and Aesthetic. An Institutional Analysis*. Cornell University Press.

БЕЛОРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ И СОЦИАЛЬНОЙ УТОПИИ

Мисиюк В.С.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Данная статья посвящена анализу польско-белорусских отношений в период становления белорусской национальной культуры в Западной Белоруссии. (1921-39 гг.): Трансформация белорусской культуры в начале XX в. сопровождалась ростом напряжения в отношениях между польской администрацией и представителями крупнейших белорусских организаций. В статье будет предпринята попытка объяснить, чем были обоснованы обвинения в адрес белорусских деятелей в социальном радикализме, нарушении общественного порядка, антигосударственной деятельности, а также насколько они соответствовали целям белорусского движения.

Польская администрация справедливо рассматривала Западную Белоруссию как постколониальную территорию, культура которой несла на себе отпечаток более чем векового владычества Российской империи. «Если рассмотреть обычаи, одежду, строительство, и даже танцы, то сколько в них найдем заимствований с востока» [12, 74об]. Этому факту придавали цивилизационное значение: российская общественно-политическая модель была основана на принципе коллективизма, отсутствии имущественных и политических гарантий, кровавых протестных движениях «русском бунте», пренебрежении правом. Интеграция Западной Белоруссии в польском государстве зависела от того, удастся ли преодолеть этот цивилизационный барьер. Эта установка легла в основу политики колонизации белорусской культуры. «Объединение деревни с городом, с элементом польским, его организациями будет одним из первых этапов колонизации белорусской деревни и преодолением той пропасти, которую после разделов создали москали, а в данный момент стараются углублять коммунисты» [12; 47].

На практике политика полонизации проводилась в ущерб белорусским национальным интересам, поскольку плохое знакомство с белорусской культурой не позволяло отделять ее самобытность от привнесений ассимиляторской политики имперского правительства. Яркий пример – букварь Станислава Любич-Маевского. Он был напечатан государственным издательством школьной литературы и рекомендован для школ с преподаванием белорусского языка. Даже поверхностное знакомство позволяло сделать вывод о некомпетентности автора: широко используемую традиционную лексику и грамматические конструкции он предлагал заменить в белорусской литературной норме на аналогичные польские [23, 21]. А также, вопреки «нашенивской» традиции и наиболее распространенной практике, провозглашал нормой правописания польский вариант латинки. Разумеется, это вызвало волну возмущения белорусских просветительских организаций. В рамках школьной кампании к началу учебного года (1 октября 1929 г.) все кружки Товарищества белорусской школы (далее ТБШ) провели акцию осуждения использования «Лементаря» Любич-Маевского [15, 14].

Отношение к полонизации было отражено в программных положениях организаций, национальные интересы которых разнились. ТБШ поясняло своим сторонникам, что выступает против распространения Кружков сельской молодежи в белорусских деревнях, так как последнее считает основной своей целью распространение польского языка [11, 9]. Польско-белорусский конфликт интересов был неизбежен.

Со временем иллюзии того, что вопрос белорусского национального строительства решится сам собой, стали таять. В 1926 г. в зале белорусского приюта г. Гродно был зачитан доклад, в котором подводился итог десятилетию усилий по созданию белорусской республики. В нем отмечалось, что немецкие и польские предложения помощи оказались пустыми обещаниями [4, 350]. Среди белорусов также были слышны голоса, что «майский переворот» не оправдал их ожидания, а посему им не на кого надеяться, кроме как на самих себя [4, 408]. Вопреки обещаниям белорусы не получили в польском государстве широких национальных прав и свобод. Напротив, они столкнулись с активным противодействием властей. Теме репрессий ТБШ даже собиралось посвятить отдельное издание: «Белую книгу», которое должно было увидеть свет к 15-летию существования организации [8, 128]. История белорусского народа виделась представителям национального движения как незавершенный процесс борьбы с национальным гнетом. Кружок ТБШ в Голынце Слонимского повета организовал чтения на тему «Расцвет Белоруссии», на которых выступили А. Дорош и Ф. Кармаш. Докладчики отмечали: «народ белорусский угнетали вначале поляки, а затем русские» [14, 21]. Информатор, присутствовавший на одном из собраний в Негневичах, отмечал: «Из сообщения можно было почувствовать, что он (выступающий – авт.) хотел сказать, что белорусы, как были угнетаемы царскими властями, так сейчас угнетаемы в Польше» [22, 141]. «Ныне нет несознательного национально белорусса, который не чувствовал бы насилия, осуществляемого оккупационным польским правительством в отношении национальных меньшинств» [3, 100об.].

Целью национально-освободительной борьбы было создание собственной государственности. По мере распространения национального сознания укреплялась также вера в скорое ее достижение. Казначей ТБШ, бывший громадовец, Михаил Хованский убеждал своих сторонников в том, что «поляки на восточных «крессах» временно и Беларусь в ближайшем будущем получит независимость, в этом не сомневается, даже, польское правительство» [17, 97]. В Ольшанах Пружанского повета ему вторил Иосиф Головацкий: «Когда поляки должны покинуть Белоруссию, этого не знаю, только местное население говорит, что в скором времени Польша должна оставить Белоруссию» [16, 37]. В Косовском повете также были: «слышны высказывания о том, что польское господство на Белоруссии скоро закончится» [18, 14].

Идея скорого создания белорусского государства была не чем иным, как идеей национальной революции. Учительница белорусской школы в Шавлях Браславского повета, Мария Булыга, призывала крестьян к акциям гражданского неповиновения «*распространяла слухи о скорой белорусской революции и изгнании поляков*» [1, 214]. В Гродненском повете даже появились листовки «*убрать мазуров с белорусской земли*» [9, 120]. Эти настроения подкреплялись практическими действиями: члены громады составляли списки имеющегося в регионе оружия «*колишніх вйськовых*», поширювали чутки про створення «ударных групп» и т.д.». Польская администрация восприняла революционные настроения как проявление социального радикализма. Выше уже упоминалось, что она не видела принципиальной разницы между царской и советской Россией, символами которых считала деспотию и анархию. Ответственность за распространение радикальных идей возложили на приверженцев коммунистической идеологии и сторонников Советской Союза. «*Коммунисты, видя ультра толерантную польскую национальную политику, в Новогрудском воеводстве не только не реагировали на националистические настроения и тенденции, имеющие место в этих организациях (национализм не согласуется с коммунизмом), но напротив пошли навстречу национально-освободительных движений, чтобы таким образом ослабить польское влияние на восточных рубежах*» [12, 42]. Высказывалось требование ликвидации ТБШ и подобных ей организаций, поскольку коммунисты дали распоряжение своим членам вступать в нее, а в случае ликвидации переходить в другую [5, 111]. В более резких высказываниях политически понятия белорус, коммунист, государственный преступник перестают различать. Одна из характеристик деятельности БСРГ заканчивается такими словами: «*Как следует из представленного описания белорусского политического движения на Полесье, то оно носит всегда очевидный антигосударственный характер с революционными тенденциями. На это движение влияют идеи Третьего Интернационала, которые не могли тут прижиться в силу характера населения, и отношения государственной власти*» [10, 29]. Эта оценка мало зависела от типа организации, его политической платформы или исторического момента. Уже в материалах 1925 г. встречается такое мнение: «*лояльных государству польскому белорусов ничтожное количество, а те, кто такими считается, чаще всего, хорошо замаскированные деятели враждебных организаций*» [3, 118]. В еженедельных и месячных отчетах регулярно появляется информация о том, что в деятельность белорусов вызывает опасения и подозрения в приверженности идеям коммунистической партии. Адресатов «Беларуской газеты» в Столбцовском повете характеризовали так: «*показательно, что все получатели подозреваются в коммунистической деятельности*» [22, 28]. Радикальные настроения были признаком активной национальной позиции. В ней администрация усмотрела не четкое видение целей национального движения, а влияние коммунистов. Когда Якуб Протасевич (Новогрудское воеводство) выступил против того, чтобы в культурно-просветительский кружок принимали членов политических партий, то «*против него выступили иные белорусы, особенно активная молодежь, подверженная радикальным настроениям, главным образом влиянию КПЗБ*» [21, 291].

Распространяется также идея о том, что белорусским движением руководят из-за рубежа. Общей формулировкой «*шпионская и угрожающая публичной безопасности деятельность*» руководствовались органы власти, закрывая в феврале 1930 г. кружок ТБШ в Эйсмонтах Велико-Берестовицкого повета [7, 40], обвинением в шпионаже: «*Местная русская стихия в большинстве зависима от белорусского влияния, так что не отличается своеобразием идей, находится в русле белорусских идеи, руководствуется коммунистическими инструкциями*» [3, 119].

Маргинальные белорусские организации, такие как Временный белорусский совет (Часовая беларуская рада) и Белорусский национальный совет (Беларуская нацыя-

нальная рада), также увидели в деятельности наиболее массовых национальных организации (ТБШ, БСРГ, БСРКП) «деньги из Минска и Москвы» [18, 132] и пропаганду утопических идей [20, 18].

Описанное выше отношение польской администрации к белорусскому национальному движению не было беспочвенным. Действительно, среди белорусов распространялись советофильские настроения. Более того, многие из них рассчитывали на вооруженную помощь советского правительства. На собрании окружного комитета ТБШ в 1929 году говорилось, что *«только организованные под знаменем БСРКП белорусы, с помощью вооруженной силы, и при поддержке СССР получают независимость и создадут белорусское государство»* [13, 90б.]. На собрании 35-ти членов БСРГ в Огородниках среди прочего говорилось о автономии, которой пользуются белорусы в СССР. *«Поскольку советская Белоруссия пользуется всеми свободами и поэтому должны всеми способами добиваться соединения с Россией, где белорусы добиваются, чтобы были организованы в целостный организм»* [18, 119]. Кружили слухи о том, что в СССР принимают белорусскую молодежь и дезертиров из Польши и готовят из них специальные воинские подразделения [6, 105]. А к концу 1930-х годов национальная активность концентрировалась в коммунистических кругах. В отчетах говорится: *«На территории Белостокского воеводства нет легальных организаций белорусских в силу этого общественно-политическая жизнь белорусского населения находится почти полностью под влиянием КПЗБ»* [8, 83]. Во время акции в поддержку белорусской школы ученики Новогрудского воеводства размахивали красными флагами и выкрикивали коммунистические лозунги [2, 7].

Тем не менее, этот выбор был вынужденным. Ликвидация легальных национальных организаций толкала белорусов в ряды подпольных структур. Из средств информации белорусы имеют в СССР целый ряд завоеваний: существует белорусская республика, действуют различные национальные институты (литературные объединения, институты, школы, театры и пр.). С другой стороны, обыски, аресты, запреты на проведение собраний, отказы в регистрации, препятствие в распространении национального образования, цензура и осадничество давали возможность коммунистической партии парировать обвинения в социальном деструктивной деятельности и возложить ответственность за террор и дискриминацию на правительственные *«вооруженные экспедиционные карательные отряды»* [19, 533об] – полицию. В обращении ЦК КПЗБ от 31.10.1933 говорилось: *«Кровью тысяч жертв хочет польское империалистическое правительство задавить национально-освободительную борьбу белорусских и украинских масс»* [19, 533об]. Польская сторона диктовала белорусам свою волю, вместо диалога имел место монолог. Результатом стало обоюдное обострение национального конфликта. Администрация подавляла проявления белорусской национальной жизни, а белорусы оказывали поддержку радикальной политической оппозиции.

Польско-белорусский конфликт интересов определял весь сектор форм взаимодействия этих двух сторон. Он отразился на деятельности политических, а также просветительских и экономических организаций. Рост напряжения в национальных отношениях был вызван следующими причинами: ассимиляторской политикой, идеей создания белорусской республики, активностью коммунистических партий и отсутствием диалога между польскими и белорусскими элитами. Указанные причины позволяют утверждать, что попытки администрации свести решение белорусского вопроса до уровня решения социальных проблем и обвинения представителей белорусского национального движения в социальном радикализме необоснованны.

Список цитированных источников

1. Archiwum Akt Nowych (AAN). – Z.296. – Syg.19.
2. AAN. – Z.974. – Syg.40.

3. Państwowy archiwum w Białymstoku (PAWB). – Z.79. – Syg.2.
4. PAWB. – Z.79. – Syg.3.
5. PAWB. – Z.79. – Syg.13.
6. PAWB. – Z.79. – Syg.38.
7. PAWB. – Z.79. – Syg.57.
8. PAWB. – Z.79. – Syg.93.
9. PAWB. – Z.79. – Syg.99.
10. Государственный архив Брестской области ГАБО. – Ф.1. – Оп.9. – Д.47.
11. ГАБО. – Ф.1. – Оп.9. – Д.804.
12. ГАБО. – Ф.1. – Оп.10. – Д.1281.
13. ГАБО. – Ф.2. – Оп.2. – Д.994.
14. ГАБО. – Ф.67. – Оп.1. – Д.939.
15. ГАБО. – Ф.67. – Оп.1. – Д.1225.
16. ГАБО. – Ф.94. – Оп.1. – Д.178.
17. ГАБО. – Ф.702. – Оп.1. – Д.20.
18. ГАБО. – Ф.702. – Оп.3. – Д.8.
19. ГАБО. – Ф.2002. – Оп.2. – Д.1.
20. Государственный архив Волынской области (ГАВО). – Ф.1. – Оп.2. – Д.1.
21. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Ф.200. – Оп.2. – Д.12.
22. ГАГО. – Ф.200. – Оп.2. – Д.13.
23. Одрач, Ф. На непевному ґрунті – Луцьк: Вежа, 2010. – 271 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Можаровская Я.В.

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

На всех исторических этапах существования человечества важную, а иногда и решающую роль в его развитии играла молодежь. Молодежь – это социально-демографическая общность с характерными возрастными, социально-психологическими особенностями и ценностями, которые обуславливаются уровнем социально-экономического, культурного развития, спецификой социализации и индивидуализации в обществе [1, с.101].

В современных социокультурных условиях молодежь выступает значимым социальным субъектом, занимающим отдельную нишу в социальном производстве и воспроизводстве. Молодежи принадлежит особая роль в обществе, ведь именно ее представители сегодня – это руководители государства, правительства, ученые, экономисты и юристы – то поколение, которое будет творить историю завтра. Поэтому очень важно определить, что же происходит с нашей молодежью в начале XXI в., какие жизненные ценности, социальные установки предпочитают молодые люди, на какие образцы они ориентируются.

Одним из важнейших факторов, обеспечивающих активность молодежи в реализации проводимых реформ, становлении экономически сильной, политически стабильной страны является социально-психологический настрой, готовность действовать в соответствии с определенными общественными установками и ценностными ориентациями. Ценности и ценностное сознание могут быть как ускорителем проводимых преобразований, так и его тормозом. Поэтому весьма значимой и актуальной предстает задача исследования ценностного содержания деятельности молодежи.

Проблема ценностей имеет многоплановый и многоуровневый характер. С одной стороны, к ним относят все то, что имеет значимый характер – все результаты и продукты материальной и духовной деятельности. С другой, ценностями считают определенные духовные образования: идеалы, цели, представления о должном, прекрас-

ном и истинном [2, с. 83-84]. Но в любом случае стоит отметить, что ценностные ориентации молодежи в последние 30-40 лет значительно изменились.

Поколения, которые живут теперь, являются свидетелями того, как осуществляется переход мирового сообщества в новое качественное состояние. Создается новая форма человечества – взаимосвязанный, взаимозависимый целостный мир с характерными для него глобальными, всечеловеческими проблемами и отношениями. На основе сходства и различия психологической и поведенческой реакции людей на кризис ценностей можно выделить несколько типологических групп [4, с. 190]. Первая группа включает в себя молодых людей, которые в большей степени, чем другие, сохраняют прежние ценности, но стремятся к созданию собственного острова в море новых ценностей. Им свойственны внешнее приспособление к новым ценностям, вера в возможность возвращения к господствующему положению предыдущих. Вторая группа объединяет молодых людей, которые констатируют распад старых ценностей, но таких, которые не стремятся к их уничтожению, а способных к их коррекции при условии сохранения ценностного ядра. Третья группа включает в себя людей, объединенных слишком негативным отношением к прошлому. Для них характерна нетерпимость ко всем ценностным ориентирам, кроме собственных. Эти молодые люди стремятся разорвать связь со всеми предыдущими структурами, разрушить все и на этой основе строить новое общество. Четвертая группа представляет собой другой тип переоценки ценностей, так называемый реально-радикальный. Позиция этой группы не отвергает предыдущего исторического и культурного опыта и не разделяет разрушительного радикализма. Они ищут реальные возможности для конструктивного действия на основе новых ценностей. Пятая группа – это те молодые люди, для которых кризис ценностей выражается в полном их разрушении. Они находятся в состоянии фрустрации, потому что разрушено именно смысловое ядро личности.

Парадоксальность молодежного сознания для социологии молодежи не является чем-то абсолютно новым. Уже в середине прошлого века американский психолог С.Холл акцентировал внимание на противоречивость характера молодого человека, в котором сменяются веселость и уныние, уверенность в себе и застенчивость, альтруизм и эгоизм, высокие нравственные стремления и низкие побуждения, тяга к общению и уединению, чувствительность и апатия, любознательность и равнодушие, страсть к реформаторству и к рутине [3, с. 26].

Сегодня мы очень часто обнаруживаем некоторые расхождения между моральным сознанием и поведением молодежи. Молодые люди, признавая высокую значимость ценностей добра, бескорыстия, интеллигентности, порядочности, образованности, в некоторых случаях считают допустимыми действия (поступки), которые «подрывают» авторитетность данных ценностей: около 45% молодых людей считают «иногда допустимыми» ложь в личных интересах, 33% – употребление в речи бранных, грубых выражений, нецензурной лексики, 32% – грубую прямолинейность, нетактичность в общении, 37% – несвоевременное возвращение позаимствованного, 45% – непредупредительность, 44% – непунктуальность, 41% – руководство принципом «око за око, зуб за зуб».

Такие несоответствия свидетельствуют о том, что уровень морального поведения молодежи пока отстает от уровня морального сознания. Данное обстоятельство обусловлено объективными причинами и требует особого внимания со стороны агентов социализации молодежи, поскольку содержит в себе опасность углубления и развития этих противоречий. Наблюдаются также недостатки развития гражданско-правовой культуры молодежи, её социальной, гражданской активности, преобладание в нравственном поведении ориентации: «прежде всего для себя, а уже затем для других». Эти недостатки во многом обусловлены тем, что в процессах воспитания молодого поколения недостаточное место отводилось развитию таких личностных качеств как гра-

жданственность, социальная активность, коллективизм, патриотизм. Негативную роль играют здесь также средства массовой информации, популяризируя прагматические и индивидуалистические ценности, а нередко – жестокость, равнодушие, эгоизм. Но несмотря на выявленные проблемы нравственной, гражданско-правовой культуры современной молодежи, уровень её гражданской идентичности является достаточно высоким. Большинство представителей данной социально-демографической группы ориентированы на гражданско-правовые ценности, испытывают потребность жить на родине, переживают за судьбу своего народа [6, с. 40].

Но самые главные серьезные изменения микросоциума молодежи произошли в связи с внедрением рыночных отношений в сферу культуры. Как следствие, исчезла система детских и юношеских библиотек, подростковых клубов, кинотеатров для юношества, система массовой физкультуры и спорта, молодежного туризма, молодежных газет и журналов. Это свидетельствует, что до невероятно малых размеров сократилось количество каналов, по которым обеспечивается передача культурных ценностей от производителя – молодежи. Сократилась сфера профессионального и любительского творчества, прикладного искусства, как следствие – значительная часть молодых талантов оказалась лишенной условий для творчества, самореализации, развития. Практически единственным каналом, обеспечивающим широкий доступ молодежи к художественным ценностям отечественной и зарубежной культуры, является телевидение и интернет. Внутренний мир личности молодого человека в современной ситуации терпит значительные изменения. С одной стороны, происходит процесс осознания собственной индивидуальности, ее значимости, получения новых степеней духовной свободы, связанной с гражданскими правами, политическими и философскими убеждениями, правом на вероисповедание, на выбор направления научного и художественного творчества, форм самоопределения и самоутверждения. С другой стороны, наблюдается деградация, распад личности, который проявляется в криминализации сознания, массовом приобщении молодежи к алкоголю, наркотикам, увеличении числа психических отклонений и т.д. Как ни печально, но все это является совокупным компонентом портрета современной молодежи [5, с. 82].

Однако несмотря на некую деградацию, хочется обратиться к такому позитивному моменту, как желание молодого поколения получать знания. Казалось бы, в условиях, когда на рынке труда сегодня основной спрос на рабочие профессии, когда достаточно распространена диспропорция в оплате труда (и далеко не всегда в пользу квалифицированного умственного труда), спрос на высшее образование должен сокращаться. Но оказывается, что молодые люди более реалистически оценивают сегодняшнюю ситуацию, и главное – перспективу. Они интуитивно приходят к пониманию, что в условиях движения к информационной цивилизации ни одно общество не может игнорировать необходимость наращивания человеческого капитала [3, с.31].

Проанализировав и рассудительно оценив принципы бытия молодежи в современном обществе, можем выделить следующие общие тенденции и характеристики её ценностных ориентаций:

- 1) все более определено в молодежной среде проявляются ориентации на достижение личного успеха. Если установка на успех в 1980-90 годы была характерна для 10-15% молодых людей, то начиная с 90-х – для 60-70%. Истоки этого изменения в усилении роли индивидуалистических ориентаций, в экстремальности жизненной ситуации в стране;

- 2) для большинства молодежи успех – это достижение, прежде всего, материального благополучия посредством карьеры, приобретения высокого социального статуса;

- 3) изменилось мнение молодежи о способах достижения успеха. В начале 90-х годов главным считалось везение, стечение обстоятельств, умение рисковать, а уро-

вень образования не играл существенной роли; в последнее время он рассматривается как все более значимый фактор достижения успеха;

4) заметно разграничение в сознании молодежи карьеры, славы, власти: стремление сделать карьеру определяет жизненные цели 36-37% молодых людей, желание славы свойственно 5-6%, власти – 7-12%. Эти позиции занимают самое низкое ранговое место в их ценностной шкале. На первом месте классически остается желание семейного счастья;

5) падает престиж традиционных профессий (инженеры, педагоги и др.); растут прагматические настроения. Хотя в последние годы в связи с оживлением производства интерес к инженерно-техническим профессиям возрождается;

6) развиваются ориентации в профессиональном и жизненном самоопределении на перспективу: трудоустройство в негосударственном секторе, малом и среднем бизнесе;

7) противоречиво изменяется ценностное восприятие молодыми людьми межпоколенческих взаимоотношений – с одной стороны, возрастает стремление к самостоятельности, автономности, независимости, с другой – растет значение родительской семьи для молодых людей, усилие их зависимости от нее.

Подытоживая рассмотрение жизненных стратегий молодых людей, следует отметить, что многие черты современной молодежи, в частности индивидуализм, эгоизм, прагматизм в достижении собственных целей, аполитичность и общественная пассивность, потребительство, недостаточное развитие творческого начала, высокие запросы в профессионально-трудовой сфере и одновременно девальвация ценностей профессионализма не являются случайными [7, с.24]. Социально-экономические, политические, духовные процессы, происходящие в последние десятилетия в современном обществе, сказались на ценностных изменениях мировоззрения, поведения, жизненных стратегий молодежи. Кризисное общество активизирует в массовом сознании молодых людей ценности самосохранения ради элементарного выживания, выталкивая на периферию духовные ориентиры, ценности высшего сорта, делая молодежь заложником материальных аспектов бытия.

Но как знать, может именно этого от нас требует время...

Список цитированных источников

1. Пасовец, Ю.М. К социальному портрету российской молодежи: общие черты и региональная специфика имущественного положения // Социс. – 2010. – №3. – С. 106-106.
2. Петров, А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социс. – 2008. – №2. – С. 83-90.
3. Гнатенко, П.И. Национальная психология. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 2000. – С. 190-197.
4. Вишневский, Ю.Р. Парадоксальный молодой человек / Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко // Социс. – 2006. – №6. – С. 26-35.
5. Семёнов, В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социс. – 2007. – №4. – С. 37-43.
6. Лапин, Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. – М., 2000. – С. 82-90.
7. Прокопчук, І. Життєві стратегії студентів НАУ: кризь призму соціології // Віче. – 2009. – №19. – С. 21-24.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Наумова В.И.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Справедливость – понятие о должном, соответствующее определенным представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах. С. – категория морально-правового, а также социально-политического сознания. Так, понятие С. содержит в себе требование соответствия между практической ролью различных индивидов (со-

циальных групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость [1].

Справедливость – категория морально-правового и социально-политического сознания, понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. Содержит требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т.п. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость [2].

Справедливость, как правило, имеет исторический характер и коренится в условиях жизни людей. В качестве дополнительного подтверждения такого определения можно рассмотреть эволюцию этого понятия, которая происходила параллельно с развитием и формированием в обществе правового и нравственного сознания. Так, в философии Древнего Востока и Древней Греции справедливость рассматривалась как внутренний принцип существования природы, как физический, космический порядок, отразившийся в социальном порядке. Справедливость для ведического понимания – это праведный закон человеческого бытия, который по своему строению подобен прекрасному порядку в природном мире. Конфуций считал, что справедливость диктуется традицией, воплощается в ритуале и этике и является проявлением воли "неба". А китайский мудрец Мо Ди отметил, что справедливо то, что полезно людям.

Справедливость, право, закон традиционно считались древними греками божественными установлениями, необходимыми атрибутами космических и земных порядков, антиподами насилия, произвола, хаоса. И говоря сегодня о законопослушности древних, их высоким почтении к закону и законности, не надо забывать, что имелись в виду священные традиции, разумные и справедливые (мы бы сказали – правовые) законы, а не произвольный диктат силы.

Такое отношение к законам присутствует, например, и в той гражданской присяге, которую приносили молодые жители Афин при достижении совершеннолетия (18 лет). В этой присяге были, в частности, следующие слова: «И я буду слушаться властей, постоянно существующих, и повиноваться установленным законам, а также тем новым, которые установит согласно народ. И если кто-нибудь будет отменять законы или не повиноваться им, я не допущу этого, но буду защищать их и один, и вместе со всеми». Известный мудрец античности Анаксимандр трактовал понятие справедливости как требование не переступать установленных от века границ, а Гераклит утверждал, что "бог" является воплощением космической справедливости. Первый афинский мудрец Сократ учил своих многочисленных учеников тому, что справедливость есть следование мудрости, истинному знанию, порядку вещей, законам. У его ученика Платона справедливость является венцом четырех добродетелей идеального государства: справедливость – мудрость – мужество – благоразумие, то есть справедливость – почти синоним права. Аристотель также утверждает: «Понятие о справедливости связано с представлением о государстве...», – и центральным понятием, характеризующим справедливость, выступает «соразмерность». «Справедливость – удивительная добродетель, общее благо, приобретенное свойство души, в силу которого люди становятся способными к справедливым действиям, согласованным с законом и правом государства». Не менее известный античный философ Эпикур говорил: "...справедливость – некоторый договор о том, чтобы не вредить друг другу и не терпеть вреда" [2]. Таким образом, с полной уверенностью можно сказать, что уже в глубокой древности зарождается идея необходимости соответствия действий власти требованиям справедливости.

В дальнейшем, в процессе углубления представлений о праве и государстве, довольно рано сформировалась идея о разумности и справедливости такой политической формы общественной жизни людей, при которой право, благодаря признанию и поддержке публичной власти, становится общеобязательным законом, а власть (с ее возможностями насилия и т.д.), должна признавать право и ограничиваться им; только такая власть может быть справедливой (т.е. соответствующей праву) государственной властью. Символическим выражением подобных представлений стал образ богини правосудия, олицетворяющей единение силы и права и справедливости правопорядка, в равной мере обязательного для всех.

На протяжении длительного периода понятие справедливости было включено в рамки теологического мировоззрения. Справедливость ассоциировалась в общественном сознании как фиксация "божьего порядка", выражение воли бога. Так, Фома Аквинский свою правовую концепцию строил с опорой на категорию справедливости. По его учению, право – это действие справедливости в божественном порядке человеческого общения. Справедливость заключается в предоставлении каждому своего, т.е. того, что ему принадлежит.

По мере развития капиталистических отношений теологическое понятие справедливости получило свое развитие в рамках юридического мировоззрения. Так, английский философ Ф. Бэкон утверждал, что справедливость есть то, что объединяет людей и создает основания для права, «хотя справедливость и не может уничтожить пороков; она не дает им наносить вред», а Т. Гоббс в своем "Левиафане" пишет так: «Справедливость, т.е. соблюдение соглашений, есть правило разума, запрещающего нам делать что-либо, что пагубно для нашей жизни, из чего следует, что справедливость есть естественный закон» [2]. Б. Спиноза также утверждал, что «справедливость и несправедливость могут быть представлены только в государстве» [2]. «С того момента, когда люди начинают отличать удовольствие от страдания, когда они испытывают зло и причиняют зло, имеется уже некоторое понятие о справедливости» [2], – так думал Г.А. Гельвеций. Справедливое, говорит Ж.Ж. Руссо, это общее для всех. Только в том случае, если права и обязанности граждан будут распределяться одинаково, т.е. равно, каждый, несмотря на полное отчуждение своих первоначальных прав, сохранит в гражданском состоянии свою независимость. Неоднократно обращались к проблеме справедливости такие мыслители, как Г. Спенсер, Дж. Локк. Чуть позже И. Кант пишет, что "сознание справедливости действия, которое я хочу предпринять, – это безусловный долг" [2], а Г.В.Ф. Гегель утверждает, что конституция и есть "существующая справедливость, как действительность свободы в развитии ее разумных определений" [2]. Величайший русский писатель Л.Н. Толстой считал, что «справедливость есть крайняя мера добродетели, к которой обязан всякий. Выше ее – ступени к совершенству, ниже – порок» [4]. Марксизм утверждает, что справедливость – укутанное в идеологическую оболочку выражение существующих экономических отношений, ее содержание и состояние зависят от существующего способа производства, следовательно, все, не соответствующее данному способу производства, несправедливо. Вся приведенная выше эволюционная трансформация понятия справедливости привела нас к ныне хорошо известному понятию, которое определяет справедливость как понимание о должном: Из самой этимологии слова «должное» можно сделать вывод, что справедливость – это понятие о том, что было до должного. Далее, многообразие представлений о справедливости, известных истории и частично приведенных выше, свидетельствует о том, что справедливость – понятие относительное, при чем не только применительно к личности, высказывающей о ней, но и по отношению к историческим условиям, во время которых определение появлялось.

Можно выделить еще один аспект понятия справедливости в философии, при ко-

тором она рассматривается с точки зрения необходимости поддержания общества в равновесии; основой социальной необходимости является выгода в контексте общественных интересов, представляющих собой источник достоинств – человеколюбия, благожелательности, патриотизма. Таким образом, можно сказать, что представления о справедливости сводятся к правовому, социально-экономическому, социально-политическому и духовно-нравственному аспектам.

Мечта о справедливости всегда жива в душах людей; так как человеку, особенно молодому, свойственно стремиться к счастью, справедливости и правде, благополучию и безопасности, законности и солидарности в гармонии с ответственностью, терпимостью, патриотизмом. Но молодому человеку в наше время очень сложно найти нравственно оправданные ориентиры, образцы своих действий для достижения справедливости. Вроде бы данный термин очень часто используется в обыденной речи, и, казалось бы, его смысл понятен и ясен всем. Но обращение к студентам с предложением написать небольшое эссе на тему «что такое справедливость», поставило многих из них в тупик, так как для них это понятие, казавшееся на первый взгляд очевидным, при более подробном рассмотрении оказалось совсем не простым. Опрос проводился среди студентов второго курса специальностей АСОИ и ИИ. В общей сложности в опросе приняли участие более 100 человек. По результатам данных эссе можно сделать некоторые оценочные характеристики.

В частности, около трети студентов (примерно 34%), определяет понятие «справедливость» как честные отношения между людьми, ответственность за данное слово, честное выполнение своих обязательств. Часто можно было прочитать ответы подобные следующим: «справедливость – это когда люди думают не только о себе, но и окружающих, это жизнь по правде, без вранья, не бросая слов на ветер» [7]. Около 50% студентов отметили относительность данного понятия и попытались его определить от противного, больше говоря о понятии «несправедливость» и даже выгода. В частности есть ответы следующего порядка: «справедливое решение – это решение выгодное нам, а несправедливое, соответственно, то, которое нам не выгодно». Часть студентов, примерно около 20%, отметили, что справедливость обладает свойством возвратности: «чтобы ты не обманывал никого – и тебя не обманут; относиться к другим так же, как хочешь, чтобы относились к тебе; справедливо – это когда твои старания, в учебе, например, получают достойную оценку» и т.д. Соотнесение понятия «справедливость» с понятием «законность» встречается также довольно часто, примерно около 15% студентов попытались охарактеризовать это понятие в данном ключе, но только в 7% ответов мы можем пронаблюдать прямую зависимость справедливости от закона: «строгое соблюдение законов, закон должен быть один для всех; выполнение законов, Конституции; все должно быть правильно, в рамках закона, соответствие прав и обязанностей, заслуг и их признания в рамках закона». Примерно такое же количество студентов (около 6%), упоминают принцип равноправия, близкий к идее законности «везде среди людей равноправие, у всех равный шанс; чтобы у всех граждан были равные права, когда все стороны согласны с результатом». Понимают справедливость как должное воздаяние 6% опрошенных студентов «каждому платить надо по реальному вкладу в общество; чтобы заслуги были достойно оплачиваемы, чтобы была возможность заниматься любимым делом и получать за это достойную плату». Только 3% студентов в своих работах отметили, что несправедливо забывать о слабых и немощных, причем неважно, есть ли у них заслуги или нет: «забота о старости, мы все когда-нибудь будем такими, о детях, они полностью зависят от взрослых и нельзя поступки детей оценивать с точки зрения взрослого человека, об экологии, о животных, и даже о нищих – они, де, не всегда сами виноваты в своем положении». Эта точка зрения предполагает, что справедливость – это не всегда

симметричные отношения, и приятно, что наши студенты это осознают. Примерно 13% студентов в отчаянии в конце своего эссе замечали, что справедливости все же нет, или ее нет в конкретном случае причем, в качестве случаев, отмечались как примеры, связанные с учебой и несправедливым отношением преподавателей, так и в глобальном масштабе. 2% студентов выразили свои упреки властям и власть придержащим, обвиняя их в несправедливости: «чтобы нами не правили воры и жулики, когда ты у власти, нужно не забывать, что есть еще люди, которые нуждаются в помощи, чтобы начальство не обманывало...»

После проведения подобных опросов со все большей очевидностью проявляются потребности нашего юношества в серьезном и всестороннем образовании. После написания данной работы многие студенты находили и говорили, что темы, подобные заданной, а именно: – справедливости, равного распределения основных человеческих благ, понятий добра и зла и других основных человеческих ценностей, приобрели для них совсем другой смысл, и они пересмотрели свое отношение, в частности и к философии, как науке, с помощью которой можно постараться найти ответ на эти животрепещущие проблемы.

Список цитированных источников

1. slovari.yandex.ru/ БСЭ/Справедливость.
2. Советский энциклопедический словарь. – М., 1980. – С. 1270.
3. Нерсисянц В.С. Философия права. – М., 2005. – www.pravo.vuzlib.net/book.
4. Григорьев, С.И. Социологический анализ проблемы справедливости: история, теория, методология / С.И. Григорьев, Е.Н. Старикова. – Барнаул, 2002.
5. Печерская Н.В. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // Полис. – 2001. – № 2. – С. 132-133.
6. Канарш, Г.Ю. Социальная справедливость с позиций натурализма и волюнтаризма // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 102-110.
7. Эссе на тему: «что такое справедливость и как я ее понимаю». Поток АСОИ и ИИ – 2 курс.
8. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 1991.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ АДАПТАЦИЮ ИНДИВИДУМА

Николаенко В.Л., Косак А.А., Щеголева М.Ю.

Институт информационных технологий Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, г. Минск, Беларусь

На рубеже тысячелетий становится все более очевидным, что человечество развивается по пути усиления взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и культур. Этот процесс, охвативший различные сферы общественной жизни всех стран мира, в современной науке получил название глобализации. Одним из наиболее значимых аспектов данного процесса является культурная глобализация – процесс нарастания взаимосвязи и взаимодействия культур, протекающий во всемирном масштабе. Развитие процессов глобализации связано с интенсификацией межкультурных коммуникаций, охватывающих весь мир и превращающих его в единое коммуникативное пространство.

Набирающая силу глобализация охватывает все стороны современной жизни. Возникнув в экономике, она затем распространилась на политику и культуру. Глобализация в культуре продолжает и дополняет экономическую глобализацию, но вместе с тем имеет существенные особенности. Многие процессы и тенденции принимают в ней более острые формы. На постсоветском пространстве именно в культуре глобализация в гораздо большей степени выступает как американизация, поскольку усиливающая свое глобальное господство массовая, коммерческая, медийная культура

является преимущественно американской. По мнению многих современных философов, политиков и деятелей культуры, культурная глобализация ведет к дальнейшему вытеснению высокой культуры и полному господству массовой культуры, к размыванию культурного многообразия, униформизации и стандартизации. Все больше исследователей указывают на то, что Голливуд и Интернет празднуют победу по всей планете.

Распространение принципов экономической эффективности на все сферы жизни общества ведет к сокращению финансирования науки, культуры, социальной сферы, то есть тех сфер общественной жизни и культуры, которые не дают немедленного экономического эффекта. В начале этого столетия наука из бюджета получала во много раз меньше средств, чем даже в конце 80-х годов прошлого столетия, сокращается численность научных сотрудников, а вместе с этим – их вклад в развитие мировой науки. Все это ведет к деградации фундаментальной науки и обрекает наше общество на безнадежное отставание.

Американизация находит свое выражение в отказе от гуманитарных проектов, не имеющих экономической эффективности; в сведении высшего образования к определенному (бакалаврскому) минимуму, необходимому для участия выпускника в профессиональной деятельности; в рационализации и технологизации образования на всех его уровнях и во всех формах; в повсеместном использовании конвейерных, «поточных» технологий и методов оценки качества образования (централизованное тестирование и т.п.). Представляется, что данные технологии также основаны на принципах американизации: экономической эффективности, которая достигается за счет охвата огромных масс обучающихся; калькируемости, то есть возможности количественного исчисления результатов обучения; предсказуемости – за счет алгоритма, выполнение которого гарантирует получение определенного результата; технического контроля «с использованием унифицированных, не учитывающих личностный фактор технологий».

Однако рационализация и технологизация образования имеют свои пределы и границы применения, которые задаются прежде всего спецификой гуманитарного образования. Как известно, гуманитарное образование ориентировано не столько на знание, сколько на личностный смысл знания; включает в себя как необходимый элемент ценностный аспект, оценку познающего субъекта. А потому его результаты сложно поддаются формализации, количественному измерению. Современные технологии оценки качества образования могут использоваться лишь для измерения рациональной компоненты гуманитарного знания (что является далеко не самым главным), тех результатов образования, которые не требуют творчества и самостоятельных интеллектуальных усилий.

Рассмотрим эту проблему с разных точек зрения. Каждый этнос зарождается и формируется на вполне определенной территории со специфическими природными условиями и климатом. Особенности природы во многом определяют пути развития данного этноса – от способа производства до национального характера. Природно-климатическое своеобразие "колыбели" народа впечатывается в его национальную культуру, накладывает неизгладимую печать на специфику его картины мира.

Вторым мощным фактором, формирующим картину мира, является религия. Особенности религии в значительной мере определяют развитие национальной культуры, стимулируют или ограничивают развитие отдельных жанров искусства. С национальной религией во многом связаны многие черты национального характера и этического сознания нации. Важнейшей основой жизнедеятельности и развития любого народа является его язык, содержащий в свернутом виде всю историю народа, его культуру, систему ценностей и картину мира. Природное окружение, религия и язык вместе оказывают решающее влияние на формирование национальной культуры любого народа.

Глобализация культуры делает особенно актуальным изучение такого понятия, как «межкультурное взаимодействие» или «межкультурная адаптация», так как сегодняшний мир без этого явления невозможен.

Какие же проблемы вытекают из этого очевидного явления? Существуют значительные различия в межкультурной адаптации у разных людей – она может занимать от нескольких месяцев до 4-5 лет. Особенно сильно влияет на этот процесс возраст. Быстро и успешно адаптируются маленькие дети, но уже для школьников этот процесс часто оказывается мучительным. Очень тяжелым испытанием оказывается изменение культурной среды для пожилых людей.

Глобализация культуры, порождающая мощные кросс-культурные потоки информации, сильнее всего воздействует на подростковый и молодежный менталитет, поскольку картина мира взрослого поколения более консервативна, более устойчива к инокультурным воздействиям. В результате возникает и быстро расширяется пропасть между картинами мира поколений: менталитет подростков и молодежи все больше и разительнее отличается от традиционного менталитета родителей. Конфликты между поколениями бывали всегда. Это – закономерность социального развития. Однако сегодня изменение социокультурных условий получило невиданную доселе динамику. То, для чего раньше были нужны десятилетия, сегодня совершается за считанные годы. В результате смена поколений сегодня происходит не только в диапазоне «отцы и дети», но даже и между смежными поколениями «детей». Так что глобализация культуры предопределяет рост конфликтов не только между родителями и детьми, но и между детскими и молодежными субкультурами.

Восприятие элементов новой культуры зависит от так называемой культурной дистанции: чем больше новая культура похожа на родную, тем менее травмирующим оказывается процесс адаптации. Менее успешно в новых культурных условиях адаптируются представители традиционных и ритуализированных культур – корейцы, японцы, жители стран Юго-Восточной Азии.

Взаимодействие с чужой культурой может иметь различные результаты: интеграция, когда каждая из взаимодействующих групп сохраняет свою культуру, но одновременно устанавливает тесные межкультурные контакты; ассимиляция, когда группа теряет свою культуру; сепаратизм, когда группа, сохраняя свою культуру, отказывается от контактов с инокультурными группами; маргинализация, когда группа теряет свою культуру, при этом не установив тесных контактов с другой культурой.

Последний – самый нежелательный результат. В этом случае человек превращается в своего рода «промежуточную личность» – маргинала, который теряет свою систему нравственно-этических координат, не обретая взамен другой полноценной системы. Этот деструктивный и весьма опасный для общества процесс может происходить под воздействием слишком мощного потока инноваций, неорганичных для данной национальной культуры. И тогда человек теряет связь с национальной культурой и историей; место традиционной культурной оболочки заступают инстинкты и прежде всего – инстинкт выживания вместе с инстинктами разрушения, агрессии, острым желанием «отомстить» за свои неудачи. Источником маргинализации сегодня становятся глобальные культурные процессы, приводящие к нарастающему ослаблению связей личности со своей культурной средой, способной снабжать ее ясной картиной мира, а значит – системой норм, ценностей и стандартов поведения.

Глобализация культуры, ведущая к ее унификации, несет в себе риски не только для отдельно взятой личности, но и для общества в целом.

У.Р. Эшби, основатель теории информации, сформулировал «закон необходимого разнообразия», в соответствии с которым для своего выживания система может противопоставить разнообразию внешних воздействий только разнообразие своих реак-

ций на эти воздействия, которое зависит от ее внутренней дифференцированности. Эту закономерность подтверждает и история. Известно, что чем примитивнее внутренняя структура общества, тем меньше у него шансов выжить в мире глобализации. Для того, чтобы быть устойчивым по отношению к социальным катаклизмам, потрясениям, внешнему давлению, общество должно иметь достаточно сложную структуру.

Ныне же в процессе глобализации «границы между культурами размываются и исчезают. Этот процесс на первый взгляд может показаться желательным, поскольку он способствует уменьшению взаимной ненависти наций. Но наряду с этим уравнивание всех народов имеет и другое, уничтожающее действие: если все люди всех культур сражаются одним и тем же оружием, конкурируют друг с другом с помощью одной и той же техники и пытаются перехитрить друг друга на одной и той же мировой бирже, то межкультурный отбор теряет свое творческое действие.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА

Никончук Н.В.

Институт европейских исследований НАН Украины, г. Киев, Украина

В современной политической науке существует множество подходов к изучению политических элит. Тем не менее аккумулируемый эмпирический материал стимулирует дальнейшие исследования в данной плоскости, заставляя переосмысливать и оценивать понятия «политическая элита», «административная элита», «группы интересов» и пр.

Одним из актуальных вопросов современной элитологии является формирование единого терминологического аппарата. В отечественной и зарубежной научной литературе исследователи предлагают разнообразные трактовки понятий «элита», «политическая элита», которые вызывают затруднения при идентификации базовых для элитологии терминов.

Понятие элиты не применялось широко в общественных науках вплоть до начала XX в., т.е. до появления работ итальянского социолога и экономиста В.Парето. Основоположником теории элит, наряду с В.Парето, являются Г.Моска и Р.Михелс. Важно отметить, что Г.Моска и Р.Михелс не применяли в своих исследованиях термин «элита», предпочитая синонимическое по значению и ценностно-нейтральное понятие «политический класс».

Надо сказать, что в политической науке понятие «элита» до сих пор остаётся предметом постоянных теоретических споров. Между исследователями нет определённости и единства относительно правомерности исследования самого термина «элита», критериев определения элиты, механизмов динамики и мобильности элиты.

Ключевой методологической проблемой остаётся понимание и научная корректность исследования термина «элита». Основные сложности связаны с разрешением противоречия между стремлением к унификации различных теоретических понятий в политическом процессе и фактом национального своеобразия политических систем отдельных государств.

Выделим основные определения элиты: люди, обладающие высоким положением в обществе и благодаря этому влияющие на социальный процесс (Дюпре); «высший господствующий класс», лица, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством; лица, обладающие наибольшей властью (Г. Лассуэлл); лучшие, наиболее квалифицированные представители определённой социальной группы; люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой, без-

относительной к своему статусу (Л. Бодэн); люди, обладающие наивысшим чувством ответственности (Ортега-и Гассет); лица, обладающие позициями власти (А. Этциони); чиновники высшего звена, обладающие формальной властью в организациях и институтах и диктующие правила организации жизни в обществе (Т. Дай); меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющее наибольший вес и влияние (С. Келлер); харизматические личности (М. Вебер); творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); сравнительно небольшие группы, которые состоят из лиц, занимающих ведущее положение в политической, экономической, культурной жизни общества; люди, занимающие высшее место в обществе благодаря своему биологическому и генетическому происхождению (Р. Уильямс); лица, получающие материальные и нематериальные ценности в максимальном размере (Дж. Бернхейм).

Такое многообразие использования термина «элита» показывает методологические сложности его применения. Отмечается тенденция к абсолютизации понятия «элита», которое стало применяться ко всем причастным к власти или капиталу.

Для решения существующей проблемы предлагаются два главных подхода: ценностный и структурно-функциональный. Согласно первому подходу, существование элиты объясняется «превосходством» (интеллектуальным, моральным и т.п.) одних людей над другими. Сторонники ценностного подхода при определении критериев для выделения элиты отдают предпочтение критерию достоинств, заслуг, согласно которому властвующая элита должна состоять из наиболее достойнейших, выдающихся высокоморальных людей.

Согласно второму подходу, существование элиты объясняется исключительной важностью функций управления для общества, которые детерминируют исключительность роли людей, выполняющих эти функции. Для выделения элиты сторонники функционального подхода важнейшим считают альтиметрический критерий (по Дж. Сартори), согласно которому элитная группа является таковой потому, что располагает по вертикальному срезу строения общества «наверху» и предполагается, что тот, кто наверху, тот и властвует [1, с.71]. Следует согласиться с Г.К. Ашиным [2, с. 48], который утверждает, что ценностный подход более применим при идентификации культурной элиты, где можно выделить наиболее выдающихся и достойнейших лиц, а в политологии, политической социологии при определении политической элиты необходимо руководствоваться структурно-функциональным подходом.

Действительно, если попытаться применить так называемый «морализаторский» подход к определению политической элиты, то можно прийти к удручающим выводам. Так, Ж.Т. Тощенко констатировал: «Смею утверждать, что нами правят – и в политике, и в экономике – не элиты, а группы людей, к которым наиболее применимы и соответствуют их духу, целям и методам работы такие понятия, как «клики», «кланы», «касты». Они характеризуют специфические социальные образования, сплочённость которых базируется на корпоративном сознании, групповых, а не общественных интересах» [3, с.130].

Тем самым исследователи пока не могут использовать ценностный подход при выявлении политической элиты. Поэтому большинство современных элитологов совершенно справедливо рассматривают политическую элиту как группу лиц, стоящих у власти, безотносительно к их моральным или иным качествам. Другой вопрос: следует ли этих лиц называть элитой, так как согласно этимологии слова они все-таки должны быть лучшими, избранными. Отсюда и попытка многих исследователей найти замену этому термину – правящий класс, правящая верхушка, господствующий класс, руководящее меньшинство и т.д., которая ни к чему кроме путаницы не приводит. Между тем словосочетание «политическая элита» можно назвать устоявшимся в совре-

менной элитологии, оно применяется в подавляющем большинстве как отечественных, так и зарубежных исследователей. Сегодня элитологи в основном уточняют понятие, тем самым пытаются прийти к единообразию в терминологии.

Существование разнообразных групп в политической системе обуславливает необходимость их упорядочения в определённую иерархию, которую можно выстроить следующим образом: «потенциальные группы», «группы интересов», «группы давления», политическая элита.

Потенциальная группа есть любая социальная группа, существующая либо теоретически (т.е. выделенная статистически), либо реальная (но аморфная, не осознающая своего интереса).

«Группа интересов» есть социальная группа, в которой произошло осознание собственного интереса и самоидентификация. В этом заключается её основное отличие от потенциальной группы. Однако, осознавая свой интерес, данная группа не ведёт активных действий по его отстаиванию и реализации. Согласно теории Р.Даля, каждая группа обладает ресурсами; но данный тезис необходимо дополнить: не каждая группа использует данные ресурсы.

Появление «групп давления» является признаком усложнения структуры общества, дальнейшего разделения функций между его элементами; во взаимодействии между политической элитой и обществом появляется новый посредник. Необходимо заметить, что не каждая «группа давления» входит в политическую элиту. Действия «обычной» «группы давления» вполне могут быть оспорены другими аналогичными группами. Чтобы войти в состав политической элиты, «группе давления» необходимо сделать так, чтобы её действия не могли оспариваться конкурирующими группами; для этого ей необходимо либо нарастить основной вид «политического капитала» до максимума, либо конвертировать его в другие виды, чтобы увеличить «ресурсный набор», став полиресурсной. Если «группы давления» включены в состав политической элиты, то после вхождения (особенно – после обретения официального статуса) они несколько меняют свои качественные характеристики и форму функционирования.

Однако из основных отличий «групп давления» от политической элиты – временный, неустойчивый характер близости к высшим структурам власти, а также ограниченная возможность влияния на политику (отдельные отрасли). Политическая элита же характеризуются способностью оказывать комплексное воздействие на политику. Область её влияния намного шире, а результаты намного ощутимей по сравнению с «группами давления». Кроме того, претензия последней именно на монопольное представительство интересов общества также является неотъемлемой чертой политической элиты.

Характерным признаком, объединяющим «группы интересов», «группы давления» и политическую элиту, является корпоративизм, однако его уровень различается: он невысок у «групп интересов» (в силу аморфности и меньшей степени институционализации интересов) и политической элиты (в силу гетерогенности), но высок у «групп давления».

Следует отметить, что политическая элита становится единым образованием лишь в период кризиса и внешней угрозы, во время относительно стабильного существования она представляет собой гетерогенное образование с множеством внутренних конкурирующих групп с зачастую противоположными интересами. В рамках плюралистической системы властные решения представляют собой равнодействующую влияния различных групп интересов и «групп давления», а роль государства сводится к функции независимого и незаинтересованного арбитра, призванного поддерживать «правила игры», обеспечивать группам равный доступ к процессам выработки политики. Данный постулат отвергает возможность преследования политической элитой собственных интересов; её самостоятельного участия в политике. В политике власт-

ные решения чаще всего представляют собой не равнодействующую различных групп, а результат кулуарного обсуждения между немногочисленными субъектами политики, входящими в политическую элиту.

Существование политической элиты более органично вписывается в так называемую корпоративистскую систему, предусматривающую существование ограниченного числа функционально упорядоченных и выстроенных по иерархическому принципу групп с монопольным правом представительства интересов.

Итак, определение понятия «политическая элита» является сложной проблемой. Учитывая накопленный теоретический потенциал элитологии, на наш взгляд, политическую элиту можно определить как немногочисленную группу лиц, находящуюся на вершине социальной иерархии, профессионально занимающуюся деятельностью в сфере власти и управления государством (партиями, другими политическими институтами), которая концентрирует в своих руках значительный объём политической власти и принимает стратегические решения общегосударственного уровня (или может влиять на этот процесс).

Важнейшими функциями политической элиты в сфере управления государством и обществом являются:

- стратегическая (определение основных направлений государственной политики, отражающих интересы различных социальных групп и всего общества в целом);
- организаторская (осуществление на практике выработанного государственного курса, воплощение политических решений в жизнь);
- интегративная (укрепление стабильности и единства общества, устойчивости его политической и экономической систем, профилактика и разрешение конфликтных ситуаций) и др.

Таким образом, несмотря на то, что слово «элита» появилось сравнительно недавно, в научных исследованиях, посвящённых элитологической проблематике, можно наблюдать значительное количество различных толкований данного термина, которые не отличаются единством в его понимании. Кроме того, определённые затруднения вызывает и понятие «политическая элита», которое порождает бурные дискуссии, касающиеся выделения характерных качеств данной элиты, отличающих их от других социальных групп, а также правомерности употребления понятия по отношению к социальному слою, находящемуся на вершине социальной пирамиды. Наличие данных фактов можно отчасти объяснить сравнительно молодым возрастом элитологии как науки, которая в данный момент ещё находится на стадии становления.

Список цитированных источников

1. Очирова, В.М. Понятие «политическая элита» в контексте научного знания / В.М.Очирова // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 6 (63). – С. 68-73.
2. Ашин, Г.О. Понятии «элита» и не только / Г.О. Ашин // Власть. – 2005. – № 11. – С. 40-54.
3. Тощенко, Ж.Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? /
4. Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 1999. – № 11. – С. 123-133.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Ольховик И.В.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Основным признаком инновационной экономики является то, что инновационные процессы – воспроизводство, распространение и повсеместное практическое применение знаний – превратились в главную движущую силу социально-экономического развития. В нынешних условиях беспрецедентного обострения конкурентной борьбы

народов, стран и их блоков за ограниченные и к тому же быстро расходуемые природные ресурсы могут сохранить свой экономический и, следовательно, политический суверенитет только те державы, которые целенаправленно, планомерно, ускоренными темпами накапливают научно-технологический и инновационный потенциалы. Данное условие диктует лидерам мировой экономики и догоняющим их странам понимание того, что необходимо сделать основную ставку на развитие не столько финансового или физического, сколько человеческого и социального капиталов [1, с. 149]. Как известно, теория человеческого капитала отводит образованию наряду со здравоохранением ключевую роль в совершенствовании качественных характеристик человека. Именно образование качественно трансформирует рабочую силу, придавая ей способность к высококвалифицированному труду, и тем самым решает проблему кадрового обеспечения перехода к инновационной модели развития.

Разработку целостной системы взглядов на экономическую природу человека, обобщение накопленных экономических знаний в стройной политэкономической теории – теории человеческого капитала, следует отнести к 60-70-м годам XX в., что связано, в первую очередь, с именами Нобелевских лауреатов – Г.С. Беккера и Т.В. Шульца [2]. При построении теории человеческого капитала западные экономисты руководствовались неоклассическим положением, согласно которому капитал представляет собой не только экономическое отношение и вещественные компоненты процесса общественного производства, но и знания, интеллект человека и его способность к труду. Исходя из понимания современного производства как взаимодействия различных форм капитала, они пришли к закономерному выводу о том, что каждый владелец получает собственный доход на принадлежащий ему капитал [3]. Концепция двух капиталов, физического и человеческого, отражает объективно существующее деление производительных сил общества на средства производства и рабочую силу. Получение доходов осуществляется предприятием в форме прибыли, а работниками – в виде заработной платы.

Взгляды Г. Беккера можно отнести к широкой трактовке человеческого капитала. По его мнению, инвестиции в человеческий капитал включают не только образование, но и подготовку на производство, медицинское обслуживание, миграцию, получение информации о ценах и доходах. Эти инвестиции содействуют росту квалификации, приращению знаний или улучшению здоровья и поэтому увеличивают доходы. По его мнению, для определения эффективности человеческого капитала необходимо изучать соотношение затрат на образование (инвестиций в терминологию теории человеческого капитала) и доходов, получаемых за счет повышения образования. Такой подход по своей форме ничем не отличается от оценки эффективности материального капитала на основе нормы прибыли [2; 4, с. 64]. Т. Шульц, П. Гутман, Э. Уэст, Э. Денисон и некоторые другие придерживались более узкой концепции человеческого капитала, которая рассматривала в качестве капитала каждого человека только образование. Объясняя новую категорию, Т. Шульц указывал, что одной из форм капитала выступает образование, а «человеческим» капитал является вследствие того, что представляет собой источник будущего удовлетворения потребностей или будущих заработков, или того и другого вместе [5]. Большой заслугой этих авторов является анализ образования как одного из важнейших факторов экономического роста, определение экономической отдачи образования с помощью метода сравнительного анализа затрат на его получение, которые они называют инвестициями в человеческий капитал, и получаемых, затем, заработков, рассматриваемых как доход на эти инвестиции [6, 7, 8]. Поскольку от качества высшего образования зависит и качество человеческого капитала, главной целью инновационного менеджмента в высшей школе является повышение качества высшего образования.

По убеждению экспертов ЮНЕСКО, именно «качество составляет суть образования. Оно определяет объем и степень усвоения учащимися получаемых знаний, от него также зависит достижение их личных и социальных целей. В политической повестке каждой из стран поставлена задача обеспечения высокого качества учебных результатов и приобретения учащимися навыков и ценностных установок, которые помогут им играть конструктивную роль в обществе» [9]. В наши дни высокое качество образования подразумевает не только и даже не столько традиционную передачу студентам суммы накопленных человечеством знаний. В условиях общемировой тенденции перехода к инновационной модели развития особую актуальность приобретают *умение специалиста самостоятельно добывать новые знания, его изыскательские, творческие, креативные способности, умение генерировать новшества и эффективно управлять инновациями*. Таким образом, переход системы образования к инновационным методам обучения и факторам развития – это магистральное направление повышения качества образования, важнейшее условие конкурентоспособности вуза и национальной системы образования на рынке образовательных услуг. В конечном счете, инновационный менеджмент и инновационные методы обучения – это ключевые факторы устойчивого социально-экономического развития любой страны.

Иными словами, по мере осознания отсутствия альтернативы инновационному пути развития, в общем-то, уже ставшее банальным изречение «кадры решают все» вновь приобретает исключительную значимость и актуальность. Именно поэтому рынок образовательных услуг, призванный в итоге обеспечить кадровую составляющую инновационного процесса, стремительно превращается в весьма перспективный, интенсивно развивающийся сектор мировой экономики (таблица 1) и уже сегодня является ключевым фактором ее устойчивого, инновационного развития.

Таблица 1 – Динамика объема международного рынка образовательных услуг

Год	1995	1999	2003	2006	2025
Объем международного рынка образовательных услуг, млрд. долл.	27	30	до 45	до 90	до 400

Источник: [10, 11, 12].

В частности, согласно прогнозам организации Open Doors института международного образования, общее количество студентов, которым будут оказаны услуги на международном рынке образовательных услуг в 2025 г., составит около 160 млн. чел. [12], что при средней стоимости обучения даже в 2–2,5 тыс. долл. в год дает астрономическую цифру до 400 млрд. долл. и подразумевает начало острой конкурентной борьбы наиболее развитых в научно-техническом отношении стран, вступить в которую на равных имеют реальные шансы многие страны бывшего СССР, включая и Республику Беларусь, являющуюся очевидным лидером среди стран СНГ в сфере образования. Это утверждение следует из оценок индекса развития образования (ИРО), сделанных Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) на рубеже тысячелетий. Согласно этим оценкам, Республика Беларусь, занимая 25 место по величине ИРО среди 127 ранжированных ЮНЕСКО стран, входит в группу стран с высоким уровнем развития образования и опережает не только все представленные в рейтинге государства СНГ, но и некоторые высокоразвитые державы Западной Европы – Австрию, Испанию, Португалию и др. [9, с. 248–251].

Сегодня уже вполне очевидно, что процессы глобализации не обойдут стороной анализируемый сегмент мировой экономики, чему в немалой степени способствует также и Болонский процесс. В связи с этим грядущее обострение конкуренции на ме-

ждународном рынке образовательных услуг неизбежно отразится и на аналогичных национальных рынках. По мере интеграции в мировое экономическое, научно-технологическое, информационное, образовательное пространство отечественные вузы будут вынуждены вступать в жесткую конкурентную борьбу не только за иностранного, но и за белорусского студента, который, согласно прагматичным законам рыночной экономики, станет отдавать предпочтение образовательным услугам, исходя из соотношения их цены и качества. В результате выжить и устойчиво развиваться в указанной конкурентной борьбе смогут только те учебные заведения, которые *придают первостепенное значение активному стимулированию инновационной деятельности и повышению эффективности инновационного менеджмента*. Следование данному принципу развития является неперенным условием поддержания конкурентоспособности вуза как бизнес-единицы на рынке образовательных услуг в условиях глобализации и всеобщего перехода к инновационным факторам развития. Эти факторы реализуются посредством государственного регулирования, в соответствии с чем необходимо осуществить кратное увеличение вложений в исследования и разработки, повышение качества образования и укрепление его связи с наукой, проведение кропотливой селекционной работы по кадровому обеспечению вузовской сферы НИР и НИОКР [13; 14, с. 13].

Список цитированных источников

1. Байнев, В.Ф. Переход к инновационной экономике в условиях межгосударственной интеграции: тенденции, проблемы, белорусский опыт: Монография / В.Ф. Байнев, В.В. Саевич; под общ. ред. В.Ф. Байнева. – Мн.: Право и экономика, 2007. – 180 с.
2. Бондарь, А.В. Человеческий капитал – стратегический ресурс «новой экономики» / А.В. Бондарь, И.В. Корневец, Н.А. Яхницкая // Белорусский экономический журнал. – 2007. – № 2. – С. 56–69.
3. Вереникин, А.О. Человеческий капитал: концептуальные основания и особенности проявления / А.О. Вереникин // США и Канада. – 2005. – № 3. – С. 85–100.
4. Ганчеренок, И.И. Управление кадровым резервом высшей школы: монография / И.И. Ганчеренок, А.В. Ивановский. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – 171 с. С. 64.
5. Лобанов, Н.А. Человеческий капитал в системе непрерывного образования / Н.А. Лобанов, В.Н. Скворцов, А.И. Тучков; под общ. ред. Н.А. Лобанова. – СПб: Изд-во Файндер, 2002. – 64 с.
6. Верещагина, А.Л. Роль человеческого капитала в формировании доходов населения Республики Беларусь / А.Л. Верещагина, П. Франческо, А.М. Темичев // Белорусский экономический журнал. – 2005. – № 3. – С. 101–110.
7. Лавровская, О.Б. Предпосылки теории человеческого капитала в белорусской экономической науке / О.Б. Лавровская // Экономика и управление. – 2007. – № 4. – С. 32–37.
8. Лавровская, О.Б. Предпосылки возникновения теории человеческого капитала в мировой экономической науке / О.Б. Лавровская // Экономика и управление. – 2007. – № 2. – С. 155–159.
9. Всемирный доклад по мониторингу ОДВ 2005: образование для всех: императив качества. – Париж: ЮНЕСКО, 2004. – 434 с.
10. Галаган, А.И. Современное состояние мирового рынка образовательных услуг о положении на нем России // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – №3. – С. 61–75.
11. Гедранович А.Б. Рынок международных образовательных услуг / А.Б. Гедранович // Что дает Беларуси глобализация? – Мн.: 2005. – С. 83–100.
12. Почекина, В.В. Международный рынок услуг / В.В. Почекина, Ю.П. Якубук; под ред. В.Ф. Медведева. – Мн.: НО ООО «БИП-С», 2004. – 264 с.
13. Давыденко, Л.Н. Экономические циклы и инновации: материалы исслед. / Л.Н. Давыденко, Э.М. Калинин, В.С. Рубашный. – Минск: БГПУ, 2004. – 58 с.
14. Марков, А.В. Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации / А.В. Марков. – Минск: Право и экономика, 2005. – 370 с.

VERGLEICH ZWISCHEN JOHN RAWLS UND AMARTYA SEN

Plewa Alfred

Hochschule Ravensburg-Weingarten, Deutschland

1. Das Anliegen

Die politischen Umwälzungen der letzten 25 Jahre, vor allem in Osteuropa, aber ebenso die rasch voranschreitende, weltweite Globalisierung, haben auf verschiedenen Ebenen, zum Beispiel politisch, ökonomisch, ökologisch, sozial, aber auch „in den Köpfen der Menschen“ und damit psychologisch, zu enormen und kaum voraussehbaren Folgen geführt. Haben wir diesen Wandel in seiner Gesamtheit und seinen Zusammenhängen oder auch in seiner Tiefe verstanden? Wenn wir allein den Fokus auf Deutschland richten: Wer hätte 1989/90 und in den Jahren danach daran gedacht, welche grossen Unterschiede die politisch und historisch bedingte Teilung Deutschlands in die Bundesrepublik (BRD) und die Deutsche Demokratische Republik (DDR) nach sich ziehen würde? Diese weithin mentalen Unterschiede unter anderem im Verhalten bei demokratischen Wahlen, aber auch bei Gerechtigkeitsvorstellungen, zeigen sich bis heute noch deutlich. Der ostdeutsche Psychotherapeut Hans-Joachim Maaz hat hierzu aufschlussreiche Bücher geschrieben.

Sollte es aber vielleicht notwendig sein, geschichtlich noch viel weiter in die Vergangenheit zurückzugehen, um eventuelle Unterschiede nicht nur innerhalb Deutschlands, sondern auch zwischen Ost- und Westeuropa verstehen und erklären zu können? Die These, dass sich erhebliche Unterschiede im Gerechtigkeitsempfinden etwa bezogen auf das alte Russland und Europa über Jahrhunderte weg entwickelt haben, besteht immerhin. Als ein Grund wird unter anderem die Aufspaltung der Christenheit genannt: Hier – in Osteuropa und Russland – die Orthodoxie; dort – in Westeuropa – zunächst die römisch-katholische Kirche und nach der Reformation durch Martin Luther protestantischer Glaube [1, S. 239 ff.]. Einerseits das „erste Rom“, andererseits das „dritte Rom“, sah sich doch der russische Zar als legitimer Nachfolger der römischen Kaiser.

Unübersehbar ist ferner, dass Gerechtigkeitsideen gerade in der angloamerikanischen Philosophie entscheidende Impulse bekamen. Hier möchte ich nur auf die bedeutsamen Folgen des Utilitarismus hinweisen.

Für eine längere Zeit hatte das Erscheinen des so gerühmten Werks „A theory of justice“ von John Rawls (1971) Massstäbe für ein neues Denken von Gerechtigkeit vor allem in der Politischen Philosophie gesetzt. 2009 erschien in den USA Amartya Sens „The idea of justice“ (in deutscher Übersetzung 2010). Hilary Putnam glaubt, es handle sich bei diesem Buch um den „wichtigsten Beitrag zum Thema seit John Rawls' Eine Theorie der Gerechtigkeit“ und verdiene „die grösstmögliche Leserschaft“ [6; Klappentext].

Wo gibt es zwischen Rawls und Sen Gemeinsamkeiten und wo Differenzen?

2. John Rawls

Rawls' Gerechtigkeitstheorie gilt als Vertragstheorie. Sie steht damit in der Tradition grosser Gesellschaftsvertragslehren unter anderem von Hobbes, Locke, Rousseau und Kant. Bedeutsame Vertragstheorien der Gerechtigkeit haben in der Gegenwart zum Beispiel Robert Nozick und James Buchanan vorgelegt [3].

Freie und gleiche Menschen können idealerweise Verträge eingehen. Diese können allgemein zustimmungsfähig sein und normative Gültigkeit beanspruchen. Zumindest drei aufeinander bezogene Stufen lassen sich in allen Vertragstheorien unterscheiden: erstens die Bestimmung eines Ausgangszustands, zweitens die Verfahren einer Konsensfindung und drittens der Vertrag selbst und seine Konsequenzen [2, S. 27]. Immer besteht der Ausgangszustand aus einem Konflikt. Dieser kann oder sollte gemeinsam gelöst werden. Die Konflikthalte beziehen sich in erster Linie auf Einkommensfragen, Wohnungen oder Ar-

beit; allesamt knappe Güter in der Gesellschaft. Die Frage ist nun, wie eine Verteilung dieser Güter vorgenommen werden kann und nach welchen allgemein anerkannten Gerechtigkeitsregeln. Dies ist also eine Frage nach der Verteilungsgerechtigkeit, und Rawls' Theorie ist eine Theorie der Verteilungsgerechtigkeit [2, S. 30]! Allerdings ist ihr „Anwendungsbereich nicht das soziale Handeln der Menschen, sondern die gesellschaftliche Grundordnung ... Die Gerechtigkeitstheorie ... zielt allein auf die Grundstruktur der Gesellschaft“ [2, S. 30].

Bekannt ist ein Kernstück der Rawlschen Theorie, nämlich eine Art Gedankenexperiment, das aber eine schon entwickelte Gesellschaft und auch voll entwickelte Vernunftwesen voraussetzt. In einem „Urzustand“ stellen wir uns vor, eine Gruppe von Menschen stehe vor der Aufgabe, „ein für allemal (zu) entscheiden, was ihnen als gerecht und ungerecht gelten soll. Die Entscheidung, die vernünftige Menschen in dieser theoretischen Situation der Freiheit und Gleichheit treffen würden, bestimmt die Grundsätze der Gerechtigkeit“ [5, S. 28]. Aber: Der Urzustand stellt keine reale Situation dar! Er wird als rein theoretisch gedacht! Wesentliche Eigenschaften gelten als Voraussetzungen: Kein Mitglied kennt seine Stellung in der Gesellschaft, auch nicht seine Klassen- oder Schichtzugehörigkeit, weder Rolle noch Status, noch nicht einmal seine seelische oder körperliche Ausstattung, also zum Beispiel Intelligenz oder Gesundheitszustand. Es gilt allgemein: „Die Grundsätze der Gerechtigkeit werden hinter einem Schleier des Nichtwissens festgelegt“ [5, S. 29]. In diesem so beschriebenen Urzustand würden nach Rawls die Menschen zwei wichtige Grundsätze wählen:

erstens „die Gleichheit der Grundrechte und -pflichten“,

zweitens „den Grundsatz, dass soziale und wirtschaftliche Ungleichheiten, etwa verschiedener Reichtum oder verschiedene Macht nur dann gerecht sind, wenn sich aus ihnen Vorteile für jedermann ergeben, insbesondere für die schwächsten Mitglieder der Gesellschaft“ [5, S. 31 f.].

Noch einmal: Rawls' Gerechtigkeitstheorie zielt nicht auf individuelle Handlungen ab, sondern allein auf die „Sozialutopie einer wohlgeordneten(n) Gesellschaft“ [2, S. 28].

3. Amartya Sen

Sen verfolgt ein ganz anderes Ziel. Er beansprucht gar nicht erst, der Frage nach einer absoluten oder vollkommen gerechten Gesellschaft nachzugehen. Gleichwohl besteht er auf der Notwendigkeit einer Theorie, allein schon deshalb, um unsere subjektiven Vorstellungen und Gefühle von Gerechtigkeit objektivieren zu können. Eine Gerechtigkeitstheorie kann im besten Fall die Grundlage für den „Gebrauch der praktischen Vernunft“ bilden oder anders gesagt, als „Richtlinie für praxisorientierte Überlegungen dienen“, Gerechtigkeit zu üben, Ungerechtigkeiten abzubauen [6, S. 9]. Sen sieht in diesem Grundgedanken einen ersten wichtigen Unterschied zu Rawls und anderen in der Gegenwart aktuellen Gerechtigkeitstheorien.

Ein zweiter Unterschied: Von vornherein geht Sen davon aus, dass es nicht unbedingt Widerspruchsfreiheit in gerechtigkeitstheoretischen Überlegungen geben muss. Ganz im Gegenteil! Er behauptet, es könnten durchaus „mehrere verschiedene Gründe der Gerechtigkeit nebeneinander bestehen ...“, die alle kritischer Überprüfung standhalten, aber zu unterschiedlichen Folgerungen führen“ [6, S. 10]. Entscheidend ist für ihn in diesem Zusammenhang zweierlei: Unparteiische Prüfung und der Gebrauch der Vernunft. Drittens unterscheidet sich Sen von Rawls, wenn er darauf verzichtet, sich allzu intensiv mit den gesellschaftlichen Institutionen zu befassen. Sen geht es um das Leben selbst; sein Blick richtet sich auf konkretes menschliches Verhalten in Gerechtigkeits- sowie Ungerechtigkeitsfragen: Hier gewinnt für ihn besondere Bedeutung sein „Capability-Ansatz“.

Vielleicht wird aus den drei beschriebenen Unterschieden zu Rawls schon deutlich, dass es Sen um ein radikal anderes Denken hinsichtlich einer Theorie der Gerechtigkeit geht! Er

verfolgt damit den Anspruch, generell Demokratie und Gerechtigkeit weiterzuentwickeln, aber nicht verbunden mit einer absoluten Idee.

Charakteristisch fuer Sen ist seine Orientierung. Diese ist nicht nur auf die Tradition der (west-)europaeischen Aufklaerung bezogen, so bedeutsam diese ihm auch erscheint. Haeufig bezieht er sich auf fernoestliches, vor allem indisches Denken. So fuehrt er als besonders wichtige Kennzeichnung der indischen Rechtslehre zwei Begriffe naeher aus: *niti* und *nyaya* [6, S. 15]. Diese Unterscheidung vermag besonders gut „zwei Arten des Gerechtheitsens“ zu erhellen. Zum einen handelt es sich um eine Gruppe von Gerechtigkeitskonzepten, die man „kontraktorisch“ nennen kann. Hierzu zaehlt Sen Rawls' Vertragstheorie und es gehoeren noch die Ansaetze von Thomas Hobbes, John Locke, Jean-Jacques Rousseau und Immanuel Kant dazu. Zum anderen besteht nach Sen eine „komparative“ Tradition. Zu dieser gehoeren Adam Smith, der Marquis de Condorcet, Mary Wollstonecraft, Karl Marx und John Stuart Mill, und mit dieser Gruppe identifiziert Sen sich. Die „komparative Gruppe“ bildet sozusagen die Gruppe seiner „Gewahrslleute“, auf die er sich haeufig bezieht. Selbstverstaendlich teilt er nicht ihr gesamtes Gedankengut. Kann die kontraktorische Denkrichtung *niti* zugeordnet werden, laesst sich die komparative gut mit *nyaya* vergleichen. Betont werden muss, dass zwischen diesen beiden Denktraditionen zwar grosse Unterschiede bestehen, jedoch neben Trennendem auch Gemeinsamkeiten. Wohl die wichtigsten Uebereinstimmungen gibt es im Vertrauen auf die Kraft der Vernunft und in der Forderung nach groesstmoeglich oeffentlicher Diskussion.

Dem kontraktorischen Konzept (*niti*) entspricht nach Sen ein „transzendentes Bezugssystem“. Darin liegt die Zielrichtung, naemlich vor allem zu einer absoluten oder vollkommnen Gerechtigkeit zu gelangen, eingeschlossen. Ferner geht es, wie schon erwaeht, in erster Linie um die gesellschaftlichen Institutionen, also um die Ueberpruefung und den Vergleich der Verwirklichung von Fortschritten oder auch Rueckschlaegen von rechtem Denken und Handeln. Somit stehen sich in scharfer Abgrenzung „transzendentaler Institutionalismus“ und „auf Verwirklichung konzentrierter Vergleich“ gegeneber, zwei fuer Sen fundamental unterschiedliche Perspektiven [6, S. 36 f.]. Darueberhinaus plaediert Sen fuer eine klare und eindeutige Abwendung von der „*niti*-Gerechtigkeit“ hin zum „*nyaya*-Denken“. Im Grunde handelt davon sein gesamtes Buch!

Interessant wirkt Sens Hinweis und der Einbezug einer Denkfigur in seine „Idee der Gerechtigkeit“, die auf Adam Smith zurueckgeht: die Vorstellung eines unparteiischen Zuschauers bei allen oeffentlichen Diskussionen ueber Gerechtigkeitsfragen. Unser Gerechtigkeits-sinn muesste oder sollte aus einer gewissen Distanz betrachtet werden! Erst dann koennen wir uns beispielsweise von egoistischen Interessen, aber auch von kulturell bedingten, tief verwurzelten und festgefuegten traditionellen Vorstellungen loesen. In gewisser Weise wirkt diese Smithsche Figur des unparteiischen Zuschauers in Sens Denken wie ein Gegenmodell zum gedachten Urzustand bei Rawls. Durch diese Figur kann, so Sen, „Provinzialismus“ vermieden werden. Das heisst, ein verengter lokaler, regionaler oder nationaler Blick vertraegt sich nicht mit Gerechtigkeitsdenken [6, S. 431]!

Ein Vergleich zwischen Rawls und Sen darf keinesfalls die Hochachtung unterschlagen, die Sen, ungeachtet aller Kritik, gegeneber Rawls hegt. Sen schreibt ausdruuecklich: „Wir alle stehen tief in Rawls' Schuld, denn er hat das philosophische Interesse am Thema Gerechtigkeit wieder geweckt“ [6, S. 80]. Ja, Sen widmet sogar sein Buch der Erinnerung an John Rawls!

4. Fazit

Aus Sens „Idee der Gerechtigkeit“ ergeben sich viele Schlussfolgerungen von erheblicher Tragweite. Ich moechte nur zwei schildern: Oeffentlicher Vernunftgebrauch steht fuer Sen, wie schon erwaeht, in enger Verbindung mit Gerechtigkeitsdenken. Damit wird zug-

leich praktizierte Demokratie angesprochen. Oeffentlicher Vernunftgebrauch kann dann fuer „Regierung durch Diskussion“ verstanden werden“ [6, S. 350]. Demokratie wird in diesem Verstaendnis also nicht nur formal ueber freie Wahlen und Abstimmungen beschrieben, sondern eher als oeffentlicher politischer Diskurs, auch und vielleicht gerade um „moralische Fragen der Gerechtigkeit.“ Dieses Demokratieverstaendnis deckt sich im uebrigen mit Juergen Habermas' Theorie des kommunikativen Handelns [6, S. 350]. Halten wir fest: „Gerechtigkeit und Demokratie (haben) gemeinsame diskursive Merkmale und stehen in engem Zusammenhang“ [6, S. 352].

Eine weitere wichtige Schlussfolgerung bezieht sich auf die Rolle der Medien. Diese gelten fuer Sen als unverzichtbare Informationsquelle; betreffen unmittelbar unsere Lebensqualitaet zum Beispiel in Bezug auf Meinungs- und Pressefreiheit, haben eine wichtige Schutzfunktion insbesondere fuer Minderheiten, und sie tragen zur Wertebildung bei. Letztendlich kann der oeffentliche Vernunftgebrauch durch die Medien stark gefoerdert werden. „Gerechtigkeit ohne Diskussion‘ kann eine sehr beklemmende Vorstellung sein“ [6, S. 363].

Literatura

1. Graf Huyn, H. Ihr werdet sein wie Gott. Der Irrtum des modernen Menschen von der Franzoesischen Revolution bis heute, Fe-Medienverlags GmbH, Kisslegg 2001.
2. Kersting, W. John Rawls zur Einfuehrung, Junius Verlag, Hamburg 1993.
3. Kley, R. Vertragstheorien der Gerechtigkeit. Eine philosophische Kritik der Theorien von John Rawls, Robert Nozick und James Buchanan. Dissertation der Hochschule St. Gallen fuer Wirtschafts- und Sozialwissenschaften zur Erlangung der Wuerde eines Doktors der Staatswissenschaften, St. Gallen 1986.
4. Plewa, A. Auf der Suche nach dem Gerechtigkeitssinn, in: Walz, H., Teske, I. und Martin, E. (Hrsg.), Menschenrechtsorientiert wahrnehmen – beurteilen – handeln. Ein Lese- und Arbeitsbuch fuer Studierende, Lehrende und Professionelle der Sozialen Arbeit, Interact Verlag, Luzern 2011 (im Druck).
5. Rawls, J. Eine Theorie der Gerechtigkeit, Suhrkamp Verlag, 10. Aufl., Frankfurt am Main 1998.
6. Sen, A. Die Idee der Gerechtigkeit, Verlag C. H. Beck, Muenchen 2010.

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК» ГЛОБАЛИЗОВАННОГО МИРА: ПЕРСПЕКТИВЫ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Попова Р.В.

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки, Беларусь

Мы живем в эпоху уникальных, незнакомых для предыдущих эпох изменений, которые несет человечеству глобализация. Вот некоторые из них: формирование международных рынков, «свободное движение» капиталов из страны в страну, увеличение потоков мигрантов и туристов, образование «транс»-, «интер»- и «над» – национальных финансовых, экономических и политических институтов. Нужно отметить, что никакая из предыдущих эпох, в которой в той или иной степени разворачивались интеграционные процессы (завоевания А. Македонского, Крестовые походы XI-XIII вв. и др.), не могла бы сравниться с масштабами современной глобализации. При этом глобализация, как бы кто ни относился к ней самой, ее методам и целям, став реальностью, независимо от того, осознали мы это или еще нет, означает изменение всей парадигмы жизни – и человечества в целом, и каждого отдельного человека.

Что такое глобализация? Согласимся с П. Ганчевым, что «самым коротким и полным определением глобализации является то, что она представляет многофакторный синергетический процесс по созданию глобальных экономических, финансовых, коммуникационных и информационных сетей, которые пронизывают все пространство Земли и интегрируют цивилизацию в единую целостную систему» [1, с.161]. Более того, судьбы отдельных национальных (страновых) социумов, становясь составными

элементами единого всемирного хозяйственного организма, в возрастающей мере определяются ходом развития этого организма как целого.

Современная глобализация пока еще находится на первоначальном этапе своего формирования, но ее существенные последствия для человека и человечества уже столь радикальны, масштабны и, в определенном отношении, неожиданны, что вызывают состояние крайней растерянности человечества перед грядущими переменами. Причину таких ее последствий большинство авторов видят в том, что импульсы глобализации задают страны «золотого миллиарда» (особенно США, они являются ее главными «архитекторами»). Парадоксальность же развертывания современной глобализации они видят в том, что ее основные «архитекторы», превратив мир в единый организм, этот же мир поделили на два важнейших, прямо противоположных полюса. На одном полюсе находится «богатый Север», а на втором – преимущественно остальные 5/6 частей человечества. Особо подчеркнем, что экономические, финансовые, технологические, информационные возможности стран «богатого Севера» входят в кардинальное противоречие с возможностями остальных 5/6 человечества решать накопленные социальные, экономические и другие проблемы.

Неизбежно поэтому, что эффекты неравновесия, дисбаланса между этими двумя полюсами современного глобализирующегося мира – это, в сущности, негативные проявления глобализации как следствие господства тех стран, которые задают ей импульсы, над другими народами и навязывания им своих правил жизни. В результате мир в начале XXI в. оказался, вопреки надеждам сторонников глобализации, значительно беднее и несправедливее, чем, скажем, полстолетия назад. Убедительным подтверждением этого тезиса являются устрашающие тенденции углубления неравенства в мире. Так, «в середине 80-х годов XX в. разница в богатстве между странами развитого Запада и бедными странами «Юга» была 1:61, в середине же 90-х годов – уже 1:74» [1, с.162].

Каковы перспективы человечества в целом и особенно каждого отдельного человека в глобализирующемся мире? Этот вопрос поставлен нами не случайно, ибо «главным философским вопросом при обсуждении феномена современной глобализации, чтобы видеть процесс глобализации и в его целом и в его перспективе, является вопрос о человеке, о предназначении человека на Земле, о самом смысле и идее человека» [4, с.112]. Ответ на этот вопрос достаточно очевиден. Неоспорим тот факт, что все интеграционные усилия главных авторов глобализации оказались сконцентрированы в основном в сфере экономики: экономика в глобализационную эпоху стала претендовать на то, чтобы выступать в качестве предельного основания всех происходящих в современном мире процессов. Что касается человека, то и он становится преимущественно «экономическим человеком». И именно страны «богатого Севера», особенно Северная Америка, предлагают образ этого «экономического человека» с его ценностями, ориентациями, идеалами, предпочтениями. Такой человек ориентирован доминантно на прибыль, на экономический успех, на потребление материальных благ. При этом такому человеку придается статус универсальности, и поэтому в России, во Франции, в Японии, в Белоруссии и т.д. современная маскаultura имеет американское лицо и навязывает американский образ жизни.

Как следствие этого создается гомогенизированный человек, человек-функция, которым легко управлять, манипулируя его сознанием, навязывая ему стандарты «экономического человека» и потребительского общества. Человек же с иными целями и предпочтениями попадает в число неприспособленных и нерентабельных. И печальнее всего то, что «все прежние моральные добродетели, заботливо культивируемые человечеством на протяжении всей его истории, отныне осуждены в качестве архаики, мешающей полному торжеству обмена» [3, с.166].

Но гомогенизация человека означает, в конечном счете, обеднение человеческого мира в целом, ибо человечество в высокой степени гетерогенно, а дифференцированность способствует выживанию людей, образуя их специализацию по роду и направлению занятий, дарований, способностей, качеств. Это помогает человечеству приспособиться к самому широкому спектру изменений в мире, для выживания ему нужны именно разные, неодинаковые люди.

Значимость материальных ценностей не должна отрицаться в жизни человека, тем более человек ведет себя истинно по-человечески лишь тогда, когда он освобожден от их абсолютной зависимости. Но общество, ориентированное только на материальные ценности, материальный успех и преуспевание, на прибыль, не может в своем развитии не прийти к негативным последствиям. Так, например, изучая предпосылки революционных кризисов, американский психолог Дж. Дэвис показал, что им всегда предшествует рост качества жизни и опережающий рост ожиданий, в основе которого лежит закон возрастания потребностей. Мы согласны с утверждением Панарина А.С., что «ни один народ, ни одна культура не способны выжить, если в качестве господствующего мотива и императива выступает прибыль» [3, с.120]. Более того, нельзя не согласиться с положением величайшего социолога современности Э. Тоффлера о том, что «социальный строй, в котором моральные, нравственные нормы деградируют, не является прогрессивным, каким бы богатым или технически изощренным он ни был» [6, с.475]. Многие авторы главной причиной возникновения глобального неравновесия, которое может закончиться экологическим коллапсом и гибелью человечества, называют ориентацию современной западной цивилизации на экономический рост и философию безумного потребления.

Кажется, с точки зрения внешних, особенно материальных сторон жизни человека, Америка имеет право предлагать свои правила жизни, свой образ человека в качестве ориентира другим странам. Она сегодня является державой номер один в мире. На сегодняшний день нет ни одной страны, которая могла бы посоревноваться с ней во многих сферах жизни и, прежде всего, в экономике. Поэтому, «США привлекают сегодня больше всего в мире иммигрантов (в шесть раз больше, чем Германия, располагающаяся по данному показателю на втором месте)» [5, с. 53].

Вместе с тем, как это ни парадоксально, США сегодня занимают первое место среди западных стран по уровню самоубийств, что является индикатором нездоровья общества, одна из главных причин чего – тип этого общества, давно в мире именуемого потребительским. В нем потребление сделалось главным содержанием социальной жизни, в нем оно превратилось в конечную цель развития, заменив человека. Более того, товары в этом обществе не только удовлетворяют определенные потребности людей, а превращаются в знаки, придающие социальное значение человеку, товар становится признаком его социального статуса.

Но жизненная установка только на потребление негативно влияет на психическое состояние человека. Отсутствие адекватных каналов реализации духовной активности приводит человека к разочарованию, поэтому «психическая усталость и подавленность, депрессия и скука, раздражительность и стрессы, чувство бессмысленности и абсурдности происходящей жизни стремительно распространяется в США и Западном мире» [5, с. 61]. Следовательно, потребительский способ жизни не способен устранить экзистенциальную неудовлетворенность человека, и причиной ее является нереализованность заложенного познавательного, креативного, этического и других духовных его потенциалов.

Усугубляет эту ситуацию доминирующая в современной культуре парадигма постмодернизма, которая активно релятивизирует общезначимые человеческие ценности,

уравнивая истину и ложь, добро и зло, норму и патологию (отдавая при этом предпочтение последним членам данных оппозиционных пар), и тем самым стимулирует процессы разрушения цельной природы человека. Критическая оценка сложившейся ситуации показывает, что происходящие процессы в определенной степени деформируют сознание человека, усиливая в нем иррациональные импульсы (ранее подавляемые «репрессивной» культурой), активизируя фрейдовское подсознательное, не желающее знать, что такое антисоциальное и запретное. Но именно общезначимые ценности лежат в основании становления человека как уникального творения природы, его истории, придают им великий смысл. И поэтому жизнь без этих ценностей обесмысливает любые действия и достижения, она сама лишается смысла.

Но это относится к замыслу об образе человека. Как известно, «замысливаемый» его образ – это целостный, гармонически развитый, устремленный к всестороннему совершенствованию человек, который должен различать добро и зло, истину и ложь, должен стать целью истории и наполнить человеческим содержанием мир, в котором он живет.

В замыслах же главных авторов глобализации человек рассматривается ими лишь как средство для достижения своих целей. И печально, но это нужно признать, что нерентабельные и неприспособленные к законам глобализованного рынка часто выбраковываются, освобождая место для тех, кто любыми средствами способен добиться экономического успеха, попирая любые традиционные моральные нормы и нравственные ценности. Но неизбежно осуществится то, что такой выбор человека, правда, ему навязанный, приведет его в никуда.

В заключение отметим, что глобализация как таковая вовсе не противопоказана человечеству, но возможна она лишь в том случае, если, во-первых, происходит естественно, а не производится насильственно с жестким навязыванием вариантов ее развития; а во-вторых, если она реализуется ради решения общих проблем человечества и отдельно каждого человека. Думается, что в условиях глобализирующегося мира возрастает роль национального государства, которое должно не только оборонять свою идентичность от экспансий инокультур, образов жизни, но и способствовать реализации объективного стремления народов к сохранению самобытности.

Сегодня же есть огромная доля правды в том, «что история глобализирующегося человечества подошла к новому барьеру медленного, но верного самоуничтожения и ускоренного движения к коллапсу, который вместе с экологическим коллапсом поставит человечество на грань великого краха» [2, с. 22]. И чтобы этого не произошло, необходимо каждому из нас внедрять в сознание значимость Человека как основного оправдания глобализации, придающего ей смысл и лишаящего абсурда. Иначе, как неизбежно по законам природы, всякие нарисованные на прибрежных песках морей образы смывают волны этих морей, волны современной глобализации, которой, по задумке ее «архитекторов», должен служить человек, смоют его образ навсегда.

Список цитированных источников

1. Ганчев, П. Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии / П. Ганчев // Вопросы философии. – 2007. – № 8.
2. Киященко, Н.И. Может ли быть толерантным диалог цивилизаций? / Н.И. Киященко // Философские науки. – 2008. – № 4.
3. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – Москва, 2000.
4. Самохвалова, В.И. Проект глобализации и метафизический мегапроект человека / В.И. Самохвалова // Философские науки. – 2003. – № 3.
5. Сапожников, Е.И. Общество потребления в странах Запада / Е.И. Сапожников // Вопросы философии. – 2007. – № 10.
6. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва, 2002.

ВНЕКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Предко Т.И., Акинчиц И.И.

*Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь*

В процессе системной трансформации современного общества возникает ряд специфических социальных феноменов, налагающих отпечаток на сознание и поведение людей. В этом ряду особое место занимает внеконфессиональная религиозность. Ранее каждый верующий человек был глубоко убежден в истинности догматов и канонов «своего» вероучения, старался постоянно участвовать в культовых действиях. А если он начинал подвергать сомнению их истинность или отвергать даже отдельные элементы догматики и культа, то его объявляли еретиком, отлучали от церкви, предавали анафеме. Нередко еретиков сжигали на костре инквизиции. Церковному преследованию подвергались также деисты, пантеисты, вольнодумцы и т.д., обвиняемые в отходе от канонических требований в связи с пропагандой «естественной религии разума» и выступлениями против религиозной нетерпимости. В наше время наряду с «воцерковленными» религиозными людьми появились такие верующие, которые не исповедуют ни одно из существующих вероучений, но в то же время верят в реальное существование сверхъестественных сил.

Следует отметить, что некоторые исследователи к внеконфессиональным верующим причисляют всех последователей некультовых объединений (1, 57). На наш взгляд, такой подход к данной проблеме не имеет достаточных оснований. Некультовые объединения еще «не доросли» до уровня конфессии, они действуют в рамках секты или деноминации. Но все они имеют более или менее стройную структуру, включающую вероучительные принципы, определенные культовые действия, а также институты. Специфическая особенность внеконфессиональной религиозности – это «расплывчатость» вероучения, неформленность культа и отсутствие третьего элемента религиозного комплекса – институтов. Здесь нет особой группы служителей культа, для которых пропаганда «своего» вероучения стала профессией.

Возникновение внеконфессиональной религиозности обусловлено глубоким кризисом традиционных религий, неудовлетворенностью людей предлагаемым этими религиями проектом социальной и личной жизни, а также изменением статуса верующих в современном обществе. Например, в Беларуси до начала системной трансформации верующие составляли не более 10% всего населения. В то время их считали изгоями общества, лишали многих прав (например, карьерного роста) и даже свобод только за религиозные убеждения. В современной Беларуси уже более половины населения – верующие люди. Причем одним из краеугольных камней нынешней идеологии белорусской государственности является сочетание народных традиций и религиозных (христианских) ценностей. В связи с этим в республике религия насаждается с помощью СМИ и государственных структур, строятся новые религиозные храмы, активно действуют миссионеры и т.д. В частности, в СМИ без соответствующего научного анализа ведется массированная и односторонняя пропаганда религиозных чудес, мистики, оккультизма. На радио и телеканалах вещают различного рода прорицатели и колдуны, знахари и целители. Они делают прогнозы государственным деятелям и политикам, советуют всем людям руководствоваться положением звезд на небе, прислушиваться к уфологам, якобы открывающим тайны Вселенной. В нарушение Конституции Республики Беларусь и законодательных актов о свободе совести нередко богослужения, особенно в православных храмах, превращаются в политическую трибуну главы государства и его «вертикали», а многие государственные мероприятия не

обходятся без богослужений. Набирает обороты и силу процесс «огосударствления церкви» и «оцерковления государства». Именно поэтому многие люди, восприняв идею сверхъестественного в ее религиозном оформлении, в то же время отказываются следовать церковным канонам. Они верят в истинность тех или иных религиозных догматов, но не принимают участия в богослужениях, проводимых служителями того или иного вероучения, т.е. они не являются «воцерковленными» верующими. Такие люди составляют первую группу внеконфессиональных верующих.

Разумеется, таких людей объединить в одну социальную группу можно только условно, поскольку их религиозность не институционализирована, т.е. они не состоят ни в одном из религиозных обществ, не являются членами общины, прихода, парафии и т.д. Это, согласно классификации К.Г. Юнга, интровертированные (обращенные в себя) верующие (2, 535). Их религиозная вера более рациональна по сравнению с другими типами верующих. По их мнению, поскольку нельзя ни доказать, ни опровергнуть бытие Бога, постольку следует принять известный аргумент Б. Паскаля в защиту веры.

В соответствии с классификацией Г. Оллпорта вторую группу внеконфессиональных верующих составляют религиозно настроенные люди *extrinsic*-ориентации (*extrinsic* – внешний) (3, 454). Они выступают против догматики и культа всех без исключения вероучений, не признают их организационных структур. Вместе с тем религиозная вера представляет для них особую ценность, поскольку приносит утешение, обеспечивает душевный комфорт, способствует преодолению отрицательных переживаний. По их мнению, люди принимают религиозную веру не головой, а сердцем, поэтому у каждого человека должна быть «своя» вера, не подверженная процессу социализации. Они предрасположены к нетеистическому мистицизму, где место личного Бога занимает безличное трансцендентное начало. Они верят в возможность предсказания будущего отдельного человека и всего человечества.

Согласно классификации религиозности, предложенной Д. Бэтсоном и Л. Вентисом, можно выделить третью группу внеконфессиональных верующих под условным названием *quest orientation* (ориентация поиска) (4, 307). Такие верующие пытаются сконструировать некую «гуманистическую» религию, которая была бы направлена на развитие личности. Вышеназванные исследователи отмечают, что для данной группы верующих религиозная ориентация «лишена всякого догматизма», но помогает «творческой эволюции человеческого интеллекта»; способствует разрешению высших, «экзистенциальных проблем бытия». Как правило, внеконфессиональные верующие, отнесенные к данной группе, отличаются более глубокой религиозной информированностью. Они отвергают догматические и обрядовые принципы функционирующих вероучений, но обращают пристальное внимание на верования наших далеких предков. По их мнению, нам необходимо использовать древние рецепты народных слодобий для защиты от «сглаза», пристально анализировать паранаучные феномены и т.д.

Несмотря на условное разделение всех внеконфессиональных верующих на три группы, их объединяют многие общие черты. Во-первых, как уже отмечалось, они не признают важный элемент религиозного комплекса – религиозные институты. Ныне эти институты выполняют многочисленные функции, главными из которых являются разработка и пропаганда вероучения, отправление религиозного культа, отстаивание чистоты «своего» вероучения, укрепление церковной организации. «Невоцерковленные» верующие считают, что люди не имеют права навязывать один другому свои религиозные убеждения, представления и взгляды, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероучению. У каждого человека должно быть личное понимание веры, поэтому ему не нужны никакие религиозные институты. Они также убеждены в том, что богословы и служители культа, вносящие различные изменения в вероучение

и культ, святотатствуют, ибо свыше никому из людей не дано такого права, ни рядовому священнику, ни патриарху, ни папе римскому.

Во-вторых, в их сознании утонченная, рафинированная вера причудливым образом сочетается с научными знаниями. Они признают заслуги и необходимость науки, но в то же время считают, что человек не может обогащать свою память только научными знаниями, поскольку наука имеет дело в основном с природными феноменами. А в религии можно найти ответы на вопросы духовной жизни. Она служит единственной основой нравственности. Ссылаясь на еще не решенные наукой вопросы бытия и сознания, эти верующие заявляют об ограниченности и относительности наших знаний. Бесконечность познания явлений природы и относительный характер современного научного знания служит для них главным аргументом в пользу принципиальной ограниченности науки и всеобщности религиозной веры. Эта вера открывает перед ними иллюзорную перспективу целостного мировоззрения, не находящегося в плену науки и установлений церковных организаций.

В-третьих, внеконфессиональные верующие глубоко убеждены в возможности личного непосредственного общения со сверхъестественными силами. Тем самым они как бы устраняют посредничество церкви как «мистического тела И. Христа» и ее служителей в этом общении. Такие верующие считают, что жизнь всего человечества и каждого отдельного человека предопределена постоянной борьбой «земного» и «небесного» начал. Первое из них греховно, а второе праведно и свято, поэтому только оно может привести к «жизни вечной». Повседневная жизнь – это своеобразное сочетание «земного» и «небесного» начал, причем «земное» всегда превосходит «небесное» у каждого человека. В будущей жизни лишь у немногих людей возобладает «небесное» начало. Многие люди обязательно понесут возмездие за пренебрежение к сверхъестественному или за непризнание его. Они обречены на муки и страдания уже на этом свете, но им также предопределена «вечная» смерть. Мучения и гибель подавляющего большинства людей и спасение немногих «избранных» якобы свидетельствуют о реальном существовании высшего правосудия и милосердия.

В-четвертых, внеконфессиональным верующим присуще стремление показать значимость для современников дохристианских верований и необходимость воспринять отдельные элементы язычества, приспособив их к условиям трансформирующегося общества. Они приписывают святость земле и огню. Для них земля – «хлеботордица» и источник жизненной силы, а огонь – очиститель от пороков и греха. Они также восприняли от язычества идею космизма, в котором «снимается» противопоставление сакрального и профанного, воссоздается их первоначальное единство. По меткому замечанию М.Элиаде, внеконфессиональная религиозность включает как важный элемент космическую религию, сохранившуюся в народной памяти с доисторических времен (5, 74). Такие верующие говорят о том, что языческий политеизм представляет собой лишь внешнюю форму религиозной веры, а ее содержание пронизано идеей единой сверхъестественной силы, органически вплетенной в повседневную жизнь каждого человека.

Институтом социологии НАН Беларуси проведен республиканский социологический мониторинг, согласно которому почти 50% от общего количества респондентов можно отнести к «не воцерковленным» верующим (6, 150). Правда, многие из них считают себя приверженцами традиционных христианских конфессий, но религиозных храмов практически не посещают, не принимают участия в проводимых там богослужениях. Они окончательно еще не пополнили ряды внеконфессиональных верующих, но довольно отчетливо проявляется тенденция их ухода из церковных организаций, искания «своей» веры, не отягощенной канонами и обрядами ныне функционирующих в Беларуси вероучений. Республиканский институт высшей школы при БГУ также про-

вел социологический опрос «Религия глазами студентов». Согласно полученным результатам, около 25% опрошенных студентов верят в космический разум и лишь 16% – в загробную жизнь, 17% – в перевоплощение души (1, 7). Облик современного верующего определяется многими чертами. Но полученные данные свидетельствуют о значительном проценте внеконфессиональных верующих среди религиозного населения республики.

Современную внеконфессиональную религиозность можно определить как своеобразный симбиоз отдельных религиозных идей и представлений, приспособленных к условиям системной трансформации общества, к современному состоянию науки и техники. В сознании внеконфессиональных верующих совершается искусственное мозаичное сплетение рационального и иррационального, религиозного и нерелигиозного, научного и псевдонаучного, реального и мистического. Данная религиозность – это своего рода синкретический суррогат из космической религии, нетеистических мистических представлений и некоторых знаний о естественнонаучной картине мира.

Внеконфессиональные верующие утверждают, что длительный конфликт между религиозной верой и естествознанием оказался исторически преходящим и ныне канул в Лету, сменился их сближением. В условиях системной трансформации общества наметилась перспектива их взаимного плодотворного сотрудничества в деле разработки мировоззренческих проблем. Причем такое сотрудничество стало возможным главным образом благодаря изменению духа современного естествознания. Оно стало «скромнее», осознало ограниченность своих возможностей, за пределы которых нельзя переступать, чтобы не посягать на жизненное пространство религии. Уверенность естественных наук в своих познавательных возможностях базировалась в прошлом на применении принципов механицизма, которые, в свою очередь, служили основой стихийного материалистического мировоззрения. В наше время выявилась неправомочность такого подхода к природе, что привело к разрыву прежней взаимосвязи естествознания и материализма. Сейчас якобы стала очевидной тесная взаимосвязь естествознания и религии. Таким методом внеконфессиональные верующие пытаются осуществлять дискредитацию науки и отставить свои псевдонаучные представления. Эти попытки очевидны и не требуют особых комментариев.

Следует отметить, что получившая в Беларуси значительное распространение внеконфессиональная религиозность базируется на использовании отдельных элементов христианского вероучения, но в целом имеет антихристианскую направленность. Как известно, христианство основывается на системе принципов, выражающих духовную сущность этой религии, ее представление о мире и человеке. В нем особую роль играют принципы духовного монизма, телеологизма, провиденциализма, антропоцентризма и некоторые другие. Центральное место отводится догматам о едином Боге-творце всего сущего, об И. Христе-спасителе людей, о Святом Духе-носителе божественной благодати, о бессмертии души и загробном воздаянии. С вероучением связана культовая практика, а также нравственные принципы и социально-политическая позиция церкви.

Внеконфессиональные верующие в противоположность принципу духовного монизма утверждают, что природный и социальный мир един с Абсолютом, что вне этого мира сверхъестественные силы не существуют. Эти верующие также отрицают провиденциализм в его христианской трактовке. Они считают, что не от божественного предопределения, а от «непреложного закона космоса» зависит земная жизнь и будущее человека. Этот закон неизменен, он действует космически непреложно. Если всемилостивый Бог может простить раскаявшегося грешника, то в соответствии с космическим законом наказание за прегрешения неотвратимо. В христианстве человек рассматривается в качестве венца божественного творения, образа и подобия

Бога. В космической религии, напротив, утверждается идея человекобожества, по сути дела человек наделяется сверхъестественными свойствами. Наконец, в христианстве всё направлено на достижение главной цели – спасения. Оно приобретает мистическую значимость через таинства. Внеконфессиональные верующие отвергают религиозный культ, следовательно, все таинства и видят спасение в «растворении» в космосе, в мистическом приобщении к высшему разуму. Данное приобщение вытекает из стремления практического осуществления идеи бессмертия, которая представлена в различных формах – тонкой материи, универсальной энергии, перевоплощения души и т.д.

Внеконфессиональная религиозность более всего присуща современной молодежи. Не накопив достаточных научных знаний и жизненного опыта, не имея объективной и критической информации в отношении данного феномена, многие молодые люди, выбирающие мировоззренческую позицию в вопросе смысла и цели жизни, обращают свои взоры на внеконфессиональную религиозность. В ней они надеются найти помощь в разрешении различных жизненных коллизий. Психологические мотивы обращения к данной вере многообразны, но ведущая роль принадлежит обещанию духовного и физического оздоровления, нравственного совершенствования. Максимализм молодежи, ее обостренный интерес ко всему мистическому, желание получить всё и сразу с минимальными для себя физическими и интеллектуальными усилиями, моральными затратами во многом способствует восприятию этой веры. Однако молодые люди не только не находят там, что искали, но и теряют многое, что имели. Внеконфессиональная вера сродни наркотику, отвлекающему человека от реальной действительности и уводящему его в мир иллюзий и несбыточных грёз.

Список цитируемых источников

1. Неокультовые объединения в Беларуси. – Мн.: Четыре четверти, 1999. – 116 с.
2. Classical Approaches to the Study of Religion. – P.-Hague, 1973. – 545 p.
3. Allport G. The Religions Context of Prejudice // Journal for the Scientific Study of Religion, 2006. – Vol. 5. – 455 p.
4. Batson, D. The Religions Experience. A Social-psychological Perspective / D. Batson, L. Ventis. – N.J.-Oxford, 2002. – 311 p.
5. Элиаде, М. Священное и мирское. – М., 1996. – 96 с.
6. Бабосов, Е.М. Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века / Е.М.Бабосов. – Мн.: Право и экономика, 2005. – 230 с.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Прохореня А.И.

Институт информационных технологий УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», г. Минск, Беларусь

Для формирования системы ценностных ориентаций личности наибольшее значение имеет старший подростковый и переходный к юношескому возраст, что определяется характерной для этого периода специфической ситуацией развития: Подростковый возраст – это граница между детством и взрослой жизнью, связанная с возрастом обязательного участия человека в общественной жизни. Во многих древних обществах переход к взрослому состоянию оформлялся особыми ритуалами, благодаря которым ребенок не просто приобретал новый социальный статус, но как бы рождался заново, получал новое имя и т. п.

Особое положение подросткового периода в развитии ребенка отражено в его названиях: «переходный», «переломный», «трудный», «критический». В них зафиксиро-

вана сложность и важность происходящих в этом возрасте процессов развития, связанных с переходом от одной эпохи жизни к другой. Переход от детства к взрослости составляет основное содержание и специфическое отличие всех сторон развития в этот период – физического, умственного, нравственного, социального.

По всем направлениям происходит становление качественно новых образований, появляются элементы взрослости в результате перестройки организма, самосознания, отношений с взрослыми и товарищами, способов социального взаимодействия с ними, интересов, познавательной и учебной деятельности, содержания морально-этических норм, опосредствующих поведение, деятельность и отношения.

Рассмотрим более подробно некоторые основные характеристики подросткового возраста для того, чтобы понять механизм формирования ценностных ориентаций в этом возрастном периоде. Первая общая закономерность и острая проблема подросткового возраста, как мы уже отметили, – это перестройка отношений с родителями, переход от детской зависимости к отношениям, основанным на взаимном уважении и равенстве. Подростковый возраст называют переходным. Психологическое состояние подросткового возраста связано с двумя «переломными» моментами этого возраста: психофизиологическим – половым созреванием и всем, что с ним связано, и социальным – концом детства, вступлением в мир взрослых.

Рассудочная, то есть формальная жесткая логика владеет умом подростка. Именно так: не он владеет этой логикой, но она возникает в его сознании как некая принудительная сила. Она требует однозначного ответа на любой вопрос и ясной оценки: истина или ложь, да или нет. И это создает в сознании подростка определенную тенденцию к максимализму, заставляет его жертвовать дружбой, становиться в антагонистические отношения с близкими людьми, поскольку многообразие и противоречивость реальности и человеческих отношений не укладывается в рамки рассудочной логики, а он готов отвергнуть всё, что не соответствует этой логике, так как именно она является господствующей силой в его сознании, критерием его суждений и оценок.

Главным противоречием подросткового возраста можно считать противоречие между рассудочной формой возникновения в сознании подростка рефлексии, ставшей для него ведущей формой сознательного отношения к миру, и неличным миром взрослых, не укладывающейся в рамки рассудочности, и в то же время провозглашающей рассудочность («сознательность») своего бытия. Важность этой проблемы заключается в том, что почти каждый подросток во время переходного возраста сталкивается с особыми трудностями, пытается найти себя. Переходный возраст – самый короткий период жизни, но очень важный. И важно без особых травм пережить его.

Еще одна характеристика, относящаяся к подростковому возрасту, – это большое значение, которое юноши и девушки придают своей внешности, причем эталоны красоты и просто «приемлемой» внешности зачастую завышены и нереалистичны. С возрастом человек привыкает к своей внешности, принимает ее и соответственно стабилизирует связанный с ней уровень притязаний. На первый план выступают другие свойства личности – умственные способности, волевые и моральные качества, от которых зависят успешная деятельность и отношения с окружающими. С возрастом повышается адекватность самооценок. У подростка же повышение степени осознанности своих переживаний нередко сопровождается гипертрофированным вниманием к себе, эгоцентризмом, озабоченностью собой и тем впечатлением, которое индивид производит на окружающих, и, как следствие этого, застенчивостью.

Особенность подросткового возраста – это кризис идентичности (термин Э. Эриксона), тесно связанный с кризисом смысла жизни. Сложность задачи, стоящей перед взрослеющим человеком, заключается, с одной стороны, в том, чтобы прояснить свою роль как члена общества, с другой, понять свои собственные уникальные интересы,

способности, придающие смысл и направленность жизни. Процесс формирования собственной идентичности сопровождает человека на протяжении всей его жизни.

Важнейшими детерминантами процесса формирования личности старшеклассника, регулирующими процесс включения его в социум и содержание системы его ценностных ориентаций, являются потребность в общении и потребность в обособлении. Общение в этот период приобретает ряд специфических черт: расширение круга контактных групп, в которые включается старшеклассник, и в то же время большая избирательность в общении, которая проявляется, в частности, в четкой дифференциации групп общения на товарищеские, с достаточно широким составом членов и ограниченной интенсивностью общения внутри них, и дружеские, с которыми старшеклассник идентифицирует себя и которые он стремится использовать как стандарт для самооценки и как источник ценности. Л.И. Божович, И.С. Кон, А.В. Мудрик связывают переход от подросткового к раннему юношескому возрасту с резкой сменой внутренней позиции, заключающейся в том, что устремленность в будущее становится основной направленностью личности.

Под обособлением А.В. Мудрик понимает внутреннее выделение себя личностью из общности, к которой она принадлежит вследствие достижения ею определенного уровня самосознания. Как вне процесса общения невозможно усвоение общественного опыта, так и без процесса обособления невозможно личностное присвоение этого опыта. Общение способствует включению личности в социум, в группу, что дает ей ощущение собственной защищенности, сопричастности к жизни группы, чувство эмоционального благополучия и устойчивости, значение которого особенно велико для старшеклассников, так как именно в этот период жизни возрастает роль понимания, сопереживания, эмоционального контакта в общении. Обособление личности позволяет ей персонифицировать себя, осознать свою индивидуальность.

И.С. Кон считает главным психологическим приобретением ранней юности открытие своего внутреннего мира, осознание своей уникальности, неповторимости и непохожести на других. Это открытие непосредственно связано с обособлением личности и переживается старшеклассниками как ценность.

Таким образом, формирование системы ценностных ориентаций личности является для различных исследователей предметом пристального внимания и разнопланового изучения. Исследование подобных вопросов особое значение приобретает в подростковом возрасте, поскольку именно с этим периодом онтогенеза связан тот уровень развития ценностных ориентаций, который обеспечивает их функционирование как особой системы, оказывающей определяющее воздействие на направленность личности, ее активную социальную позицию.

На формирование ценностных ориентаций подростков влияют различные факторы. Воспитание детей и молодежи в современном обществе осуществляется в условиях экономического и политического реформирования, в ходе которого существенно изменились положение подрастающего поколения, принципы функционирования образовательных учреждений, молодежных объединений и организаций, средств массовой информации, силовых структур.

Жизненные ценности в настоящее время складываются в основном стихийно, под влиянием самых различных факторов. Роль ценностного влияния на их формирование минимальна. Существуют разные точки зрения на соответствие целей воспитания жизненным ориентациям (установкам). Например, есть мнение, что желательным является соответствие целей воспитания реально функционирующей в обществе системе ценностей. Воспитание человека в их духе и есть правильное решение проблемы. Возможно, такое понимание было бы приемлемым, если бы формирующиеся стихийно жизненные ценности благотворно влияли на гармоничное развитие подрост-

ков и на общественный прогресс в целом, но, к сожалению, это не так.

Сказанное ранее дает основание полагать, что ценностные ориентации, усваиваемые в процессе развития, зависят от того, в какую деятельность включена личность. Принятие решения означает выбор из возможных вариантов. Возникает необходимость рассмотреть и оценить возможные альтернативы – главным образом в сфере определения своих ценностных ориентаций, своих жизненных позиций. Однако ценности еще не устоялись и испытываются практикой собственного поведения и поступков окружающих.

Социальное становление человека происходит в течение всей жизни и в разных социальных группах. Семья, детский сад, школьный класс, студенческая группа, трудовой коллектив, компания сверстников – все это социальные группы, составляющие ближайшее окружение индивида и выступающие в качестве носителей различных норм и ценностей. Такие группы, задающие систему внешней регуляции поведения индивида, называются институтами социализации.

Семья является уникальным институтом социализации, поскольку ее невозможно заменить никакой другой социальной группой. Именно в семье осуществляется первый адаптационный период социальной жизни человека. До 6-7 лет для ребенка главное – социальное окружение, которое формируют его привычки, основы социальных отношений, систему значимостей. Те позиции, которые у ребенка формируют родители в системе социальных отношений, определяют в дальнейшем стиль жизни и жизненный план, который Э. Берн назвал жизненным сценарием. Все это делает семью очень важным и незаменимым звеном в общей системе развития личности.

Рассматривая факторы, влияющие на развивающий потенциал семьи, нельзя обойти молчанием вопрос о характеристиках личности отца и матери, чертах их образа жизни и родительском авторитете. Черты образа жизни и личностные характеристики родителей могут влиять на процесс формирования личности следующим образом: во-первых, служить непосредственным образцом поведения для ребенка; во-вторых, быть тем основанием, на котором строится их авторитет как воспитателей, усиливая эффективность воздействий. Семья проявляет заботу не только о произведении на свет потомства, но и о всестороннем его развитии, акцентируя внимание главным образом на формировании у него хозяйственно-бытовых умений и нравственности.

Ценностные ориентации личности являются генетически производными от ценностей социальных групп. Выбор и присвоение индивидом социальных ценностей опосредуется ценностями референтных для него групп. В подростковом периоде юноши подражают взрослым: учителям, родителям, знаменитостям. Это относится и к выбору профессии. Рассматривая мотивацию выбора будущей профессии с точки зрения системы ценностей, следует отметить, что на профессиональное самоопределение подростков в значительной степени влияют как материальное положение семьи, так и уровень образования членов семьи. Семья, как правило, заинтересована в профессиональном определении своих детей. Это проявляется в беседах о проблемах работы, ее престижность (с точки зрения родителей). Авторитарные родители могут снижать способности подростка, устанавливая границу его стремлений. В таких ситуациях одни дети могут активно выразить свой протест, другие молча принимают указания родителей. Только социально зрелая личность может сознательно сделать свой жизненный выбор. Социальную зрелость связывают с усвоением человека системы ценностей, норм, установок.

Итак, система ценностных ориентаций составляет основу отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самому, основу мировоззрения, основу жизненной концепции и стиля жизни каждого социального слоя и, в свою очередь, влияет на социализацию принадлежащей к нему молодежи.

КАЧЕСТВО И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Седнина М.А., Комиссарова Е.А.

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

Уровень развития общества в рамках того или иного государства определяется как господствующими типами хозяйствования, так и установившейся иерархией возможностей и интересов, характеристиками населения, так называемым человеческим капиталом, под которым подразумеваются способности, знания и умения работников, дающие им возможность функционировать в социально-экономической среде. Инвестирование в развитие человеческого капитала приводит к повышению производительности труда, росту эффективности производства. Всемирный банк, обследовав 192 страны, пришел к выводу, что 16% роста в странах с переходной экономикой обусловлены физическим капиталом, 20% – природным капиталом, остальные 64% связаны с человеческим капиталом.

В таких странах, как Германия, Япония, Швейцария на долю человеческого капитала приходится 80% от общего объема, в странах Северной и Центральной Америки, Западной Европы и Восточной Азии он достигает $\frac{1}{4}$ общей величины национального богатства. Капиталовложения такого рода получили название «инвестиции в человеческий капитал». Сфера нематериального накопления включает все государственные и частные затраты на образование и переподготовку кадров, значительную часть расходов на науку и ряд социальных расходов.

Таким образом, в XXI веке главным фактором воспроизводства становится не накопление материальных благ и услуг, а накопление знаний, опыта, здоровья, физическое развитие и другие характеристики уровня и качества жизни населения.

Главной целью социально-экономической стратегии РБ на современном этапе является повышение уровня и качества жизни, а также рост благосостояния населения.

Благосостояние – совокупность устойчиво воспроизводимых условий жизнедеятельности, определяющих социально-экономическое положение населения страны, его обеспеченность необходимыми для жизни материальными и духовными благами. К благам относятся предметы, товары, услуги и условия, удовлетворяющие определенные потребности человека и отвечающие его интересам. Количественно благосостояние выражается в натуральной (структура потребления) и стоимостной форме.

Важнейшими характеристиками повышения благосостояния являются степень соответствия потребностям и динамика его основных показателей. Помимо средних (на душу) для всего населения показателей благосостояния существенны показатели дифференциации, т.е. качество, характеристики и уровень доходов и расходов разных социальных групп, их положение и вес в обществе. Динамика благосостояния определяется темпами роста и объемом реальных доходов, размерами личной и частной собственности, потреблением определенных групп товаров и услуг, продолжительностью жизни, свободным временем, доступностью пользования природными, культурными и иными ценностями, личной и экологической безопасностью и т.п.

Сегодня особенно существенна связь материального благосостояния с духовностью, нравственным и культурным уровнем населения. Потребление духовных благ, их доступность для каждого человека, условия и уровень социального обеспечения, здравоохранения, досуга, учебы, труда, а также характеристики положения гражданина в обществе являются неперенными компонентами благосостояния, без учета которых не может быть дана его правильная характеристика и оценка.

Уровень жизни населения является одной из важнейших социальных категорий. Понятие «уровень жизни населения» применяется во всем мире. В мировой практи-

ке впервые этот термин был предложен в 1954 г. Комитетом экспертов ООН, и под уровнем жизни населения рекомендовалось понимать фактические условия жизни населения; сгруппированные в 12 компонентов. Наряду с материальными и культурными условиями жизни в состав уровня жизни включались здоровье, занятость, условия труда, фонд накопления, человеческие свободы.

В СССР понятие «уровень жизни населения» рассматривалось в узком и широком смысле. Под категорией «уровень жизни» в узком смысле понималась достигнутая степень материального благосостояния и культурного развития трудящихся, отражаемая в потребительском бюджете населения. В широком смысле уровень жизни рассматривался как уровень развития и степень удовлетворения потребностей населения. В данном случае речь идёт не только об условиях жизни, но и о жизнедеятельности и развитии способностей людей в сопоставлении с их потребностями и интересами.

Снижение уровня жизни населения в последние годы повлекло за собой повышенный интерес со стороны государства, общественности и науки к этой проблеме. Споры по определению категории «уровень жизни населения» и её месту и значимости в системе общественных отношений продолжаются и в настоящее время. Существует множество определений уровня жизни населения, используемых в официальных материалах и научной литературе. Разработаны различные подходы и методы определения показателей, отражающих экономические и социальные аспекты. Наряду с понятием «уровень жизни населения» рассматриваются такие понятия, как «образ жизни людей», «качество жизни», «стиль жизни» и т.д.

Под уровнем жизни населения понимается обеспеченность населения необходимыми материальными и духовными благами и услугами, достигнутый уровень их потребления и накопления, а также степень удовлетворения общественно признанных потребностей, соответствующих данному социально-экономическому развитию страны.

В категории «уровень жизни населения» можно выделить следующие составляющие:

1. натурально-вещественное содержание (классификация потребляемых благ на материальные и духовные);

2. отражение достигнутого уровня обеспеченности и потребления благ и услуг;

3. характеристика уровня удовлетворения потребностей людей в благах и услугах.

Структура основных составляющих уровня жизни позволяет отождествлять его с уровнем благосостояния. Денежная же оценка благ и услуг, фактически потребляемых в среднем домашнем хозяйстве в течение известного промежутка времени и соответствующих определённом уровню удовлетворения потребностей, представляет собой стоимость жизни.

Можно выделить четыре уровня жизни населения: достаток (пользование благами, обеспечивающими всестороннее развитие человека); нормальный уровень (рациональное потребление по научно обоснованным нормам, обеспечивающее человеку восстановление его физических и интеллектуальных сил); бедность (потребление благ на уровне сохранения работоспособности как низшей границы воспроизводства рабочей силы); нищета (минимально допустимый по биологическим критериям набор благ и услуг, потребление которых позволяет лишь поддерживать жизнедеятельность человека).

XXI век выдвигает новый подход к определению места и роли человека в научно-техническом и социально-экономическом прогрессе. При таком подходе во главу угла поставлен человек. Всестороннее развитие человека – цель, экономический рост – средство её достижения. В центре внимания социально-экономической политики государства должен находиться весь круг человеческих потребностей, играющих важнейшую роль для прогрессивного развития всего общества.

Если исходить из понимания уровня жизни населения «как уровня развития и степени удовлетворения потребностей людей», то основой изучения уровня жизни насе-

ления являются разнообразные человеческие потребности, возникающие и реализующиеся в сфере потребления.

Личные потребности отражают объективную необходимость в определённом наборе и количестве материальных благ и услуг и социальных условий, обеспечивающих всестороннюю деятельность конкретного человека. Личные потребности подразделяются на физиологические (физические), интеллектуальные (духовные) и социальные.

Физиологические потребности являются определяющими первого порядка, поскольку выражают потребности человека как биологического существа. В их составе первичными потребностями являются потребности в пище, одежде, обуви, жилище, отдыхе, сне, двигательной активности и т.д. Интеллектуальные потребности касаются образования, повышения квалификации, культурного развития, творческой деятельности. Социальные потребности связаны с функционированием человека в обществе – социально-политическая деятельность, обеспечение социальных прав и т.д.

Интеллектуальные и социальные потребности прямой оценки не имеют, хотя во многом зависят от состояния культуры в обществе, общего уровня и качества жизни населения. Условия для их удовлетворения характеризуются бюджетом времени населения. По величине рабочего, нерабочего и свободного времени можно оценить эффективность рабочего времени и возможности удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей человека.

В соответствии с системой потребностей можно выделить основные компоненты уровня жизни населения: денежные доходы и расходы населения, оплата труда; социальная защита населения, включая пенсионное обеспечение и социальные выплаты; здоровье; питание; потребление непродовольственных товаров и услуг; жилище; труд и занятость; домашнее имущество; условия образовательного и культурного развития, включая образование и культуру; использование свободного времени, включая физическую культуру и спорт, туризм и отдых; социально-бытовая обстановка (антиобщественные явления, уровень преступности); обобщающие индикаторы уровня жизни.

Каждый из компонентов имеет собственные показатели и обеспечивается потреблением товаров и услуг. Потребление населением определяется ресурсами (доходами и имуществом). Поэтому уровень жизни населения чаще всего рассматривается в экономической системе «ресурсы – потребление».

Важную роль для повышения уровня жизни населения играют социальные нормы и нормативы как научно обоснованные ориентиры направленности социальных процессов в обществе. Они являются основой для выработки мер государственного воздействия на повышение уровня жизни населения и развитие социальной сферы.

Для определения уровня жизни фактическое потребление необходимо сравнивать с социальными нормами и нормативами потребления, определяя степень удовлетворения потребностей.

Важная роль среди социальных нормативов принадлежит системе потребительских бюджетов: прожиточному минимуму, минимальному потребительскому бюджету и бюджету высокого достатка.

Таким образом, в зависимости от соотношения фактического потребления и обеспечивающих его текущих денежных доходов с потребительскими бюджетами могут быть выявлены слои с разным уровнем материального достатка: бедные - с доходами и потреблением ниже прожиточного минимума; низкообеспеченные – с доходами ниже минимального потребительского бюджета, но выше прожиточного минимума; средние – с доходами выше минимального потребительского бюджета, но ниже бюджета высокого достатка, а также относительно обеспеченные (состоятельные) и богатые, у которых текущее потребление и доходы выше бюджета высокого достатка.

Качество жизни – это показатель общего благополучия человека, который является более широким, чем материальная обеспеченность. Качество жизни может зави-

сеть, например, от состояния здоровья, содержания решаемых проблем, свободы от стрессов и чрезмерной озабоченности, организованности досуга, уровня образования, доступа к культурному наследию.

Качество жизни нетождественно уровню жизни, так как экономические показатели дохода населения выступают только одним из критериев качества жизни. Качество жизни необходимо рассматривать как комплексные характеристики важнейших сфер жизнедеятельности населения, отражающие как количественные (уровень жизни, условия жизни), так и качественные (степень удовлетворенности жизнью, состояние здоровья, качество окружающей среды) параметры. Государственная работа по определению и реализации заданного качества жизни ведется через законодательное введение индексов качества жизни, которые обычно включают три блока комплексных индикаторов.

Первый блок индикаторов качества жизни характеризует здоровье населения и демографическое благополучие, которые оцениваются по уровням рождаемости, продолжительности жизни, естественного воспроизводства.

Второй блок отражает удовлетворенность населения индивидуальными условиями жизни (достаток, жилище, питание, работа и др.), а также социальная удовлетворенность положением дел в государстве (справедливость власти, доступность образования и здравоохранения, безопасность существования, экологическое благополучие). Для их оценки используются социологические опросы представительных выборок из населения. Объективным индикатором крайней неудовлетворенности служит уровень самоубийств.

Третий блок индикаторов оценивает духовное состояние общества. Уровень духовности определяется по характеру, спектру и числу творческих инициатив, инновационных проектов, а также по частоте нарушений общечеловеческих нравственных заповедей. В качестве единиц измерения используются данные официальной статистики о социальных аномалиях и различных формах девиантного поведения.

Таким образом, исследование качества и уровня жизни предполагает получение целостного знания о различных аспектах жизнедеятельности людей, об уровне их удовлетворенности условиями современной жизни.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Седнина М.А., Кандричина И.Н.

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

Молодежь на современном этапе представляет собой постсоветское поколение людей, рост и социализация которых происходила в эпоху трансформационных процессов, затронувших все сферы общественной жизни. В этот период ценности и идеалы предыдущих поколений находились в противоречии с меняющейся политической и социально-экономической ситуацией в стране, что способствовало выработке новой системы ценностей, позволяющей наиболее успешно адаптироваться к возникающим условиям общественной реальности.

Современный мир в условиях глобализации предъявляет свои требования к любой национальной экономике. Критерий разделения развитой и развивающейся экономики лежит в сфере труда и занятости. Характерной чертой нашей реальности стала приоритетность умственного труда, что приводит к неравенству в оплате труда даже средне- и высококвалифицированных специалистов, последствия которого выходят за рамки национальных экономик. Общемировое разделение труда изменяется, значительная доля обрабатывающей промышленности переносится из развитых стран в

развивающиеся с дешевой рабочей силой. Эта тенденция приводит к тому, что развитые страны сосредотачиваются на производстве высококачественных «знание-интенсивных» товаров и услуг [1, с. 54].

В Беларуси доля инвестиций в науку и образование не сравнима со странами Западной Европы и США, относительно низкая заработная плата работников умственного труда не позволяет в полной мере сформироваться отношению к знаниям как важнейшему ресурсу и ценности современного производства.

В современных условиях для экономически развитых стран характерно появление новых базовых ценностей, связанных с повышением качества жизни. Главной целью развития общества ставится развитие человеческого потенциала, выражающееся в возможности самореализации, проявляющейся в приоритете интересной, творческой работы [1, с. 55].

В общем плане о системе ценностей можно судить по иерархии приоритетных сфер жизнедеятельности человека. Анализ результатов исследования, проведенного в 2008 г., позволяет выявить следующую иерархию ценностей молодежи Республики Беларусь (в порядке уменьшения их значимости): семья, работа и друзья, свободное время, религия, политика.

В период социальных трансформаций вопрос о том, что происходит с институтом семьи, становится одним из самых актуальных. Это связано с тем, что любое общество обеспокоено возможностью деформации института семьи, которая может привести к непредсказуемым последствиям в будущем. Семья проявляет себя как функциональная система, обладающая высокой способностью к адаптации [2, с. 85]. Кроме того, семья выступает для человека одной из ячеек идентичности, кризис традиционных форм которой сопровождается активным поиском новых форм семейной жизни. По данным социологических исследований, ценности семьи занимают лидирующую позицию в структуре ценностных ориентаций молодого поколения Беларуси. При этом белорусская молодежь ориентируется на мотивацию в отношении реализации ценностей прочной полноценной семьи.

В мотивационной структуре трудовой деятельности белорусская молодежь старается сочетать материальную и творческую ориентации. Однако в современной социально-экономической ситуации преобладает материальная ориентация, когда работа рассматривается как источник доходов, а не средство самореализации.

Особый интерес представляет отношение белорусской молодежи к образованию и повышению квалификации. Образование как социальный институт выполняет важнейшие функции подготовки и включения человека в различные сферы деятельности, приобщения его к культуре общества. Существенным принципом современного образования является непрерывность, обеспечивающая возможность обновления и пополнение знаний, умений и навыков на протяжении всей жизни человека. В нашей стране более половины молодых людей являются сторонниками постоянного повышения своего уровня образования и квалификации и отмечают его ценность, а большинство из них готовы продолжить образование за свой счет, если в перспективе это будет выгодно.

Таким образом, для белорусской молодежи ценность работы является одной из важнейших, несмотря на то, что выступает средством достижения материального благополучия. Современная молодежь рассчитывает на свои силы, так как в основном полагает, что материальное положение человека зависит, прежде всего, от самого человека.

Одной из важных сфер повседневной жизни является сфера досуга и отдыха. На современном этапе существенно расширяются возможности организации досуга для большинства населения страны. Молодежь же обнаруживает наибольшую активность в освоении новых возможностей и форм проведения свободного времени. Повсе-

дневное общение, множество социальных контактов, досуговые предпочтения, формирующие тип социальной жизни различных групп современной молодежи, являются важнейшими характеристиками стиля жизни, одними из главных критериев самоидентификации молодого человека с определенной группой или средой [2, с. 78].

В основе досуговой активности определенной доли современной молодежи заложен гедонистический компонент, направленный на сиюминутные удовольствия и развлечения. При рассмотрении развития форм молодежного досуга в динамике, можно отметить, что с течением времени интересы молодого поколения не заключались в одних лишь развлечениях. Такие формы заполнения свободного времени, как чтение, хобби, различные дополнительные занятия, сохраняют свою значимость и сегодня. В последние годы наблюдаются позитивные изменения, касающиеся смещения досуговых интересов молодежи в сторону стремления к получению информации, возрастает интерес к телевидению и компьютеру как средству обучения и развлекательного заполнения досуга. В настоящее время молодые люди в свободное время увлечены компьютером, программированием, Интернетом, компьютерными играми [2, с. 79].

Посещение кино, театров, музеев, концертов, клубов, ресторанов, кафе и т. п., включенность в деятельность различных образовательных, оздоровительных, общественно-политических или гражданских институтов; любая другая социальная активность вне дома требуют заметных дополнительных затрат. Активный тип досуга вне дома наиболее богат, разнообразен и привлекателен для образованной и социализированной молодежи [2, с. 79].

Одним из характерных признаков социодинамики духовной жизни в современной Беларуси является произошедший на протяжении последних двух десятилетий рост религиозности, который вовлек в свою орбиту различные поколения, в том числе и молодежь [3, с. 102]. Данная тенденция воплощается в увеличении численности религиозных объединений, а также в росте значимости религии и ее роли в жизни молодежи. Носителями православной культуры в целом является подавляющее большинство молодых людей нашей страны, этот религиозный психологический фактор лежит в основе самосознания белорусов.

Улучшение нравственного состояния нашего общества многими связывается с возвращением к традиционным ценностям белорусского народа. Однако следует иметь в виду, что установки, составлявшие сердцевину традиционной нравственности, зачастую получают в наше время не традиционную, а модерную, а то и постмодерную интерпретацию, что может привести к пересмотру традиционных ценностей внутри принципиально новых способов нравственной регуляции. Мораль современной молодежи может рассматриваться как модель, позволяющая изучать природу этих инноваций при сохранении преемственности в развитии нравственной культуры нашего общества [4, с. 76].

Процесс перехода к демократическим принципам и гражданскому обществу, согласно данным социологических исследований, не сделал молодежь более политизированной, ее мало интересует политическая деятельность, степень политической и общественной активности молодежи сравнительно невысока. Молодежь не привлекает и такая форма общения с властью, как подписание всевозможных петиций, участие в легальных демонстрациях. Существует сложившийся стереотип, согласно которому молодежь всегда и везде гораздо радикальнее в политическом отношении представителей старших возрастных групп, в том числе и в плане предрасположенности к протестным формам участия [2, с. 51]. Однако большинство белорусской молодежи никогда бы не участвовало не только в законных формах политических акций, но и тем более в запрещенных.

Сравнительно невысокий интерес молодежи к политике обусловлен тем, что спектр жизненных интересов, особенно подростков и юношества, локализован на про-

блеме вхождения во взрослую жизнь, а социальный опыт ограничивается пока межличностными и внутрисемейными коммуникациями. Однако по мере увеличения социальных связей (институт, армия, работа) происходит перераспределение жизненных интересов в сторону общественного и политического участия [2, с. 46].

Молодежь в основном получает информацию из Интернета, поэтому она может следить за тем, что происходит в стране и мире. Следует учесть, что у современной молодежи помимо политики есть множество других сфер и областей приложения своей энергии и активности: учеба, создание семьи, выбор профессии и многое другое, что, безусловно, в молодом возрасте представляется важным и необходимым. Снижение интереса к политике сопровождается отчетливо выраженной тенденцией деидеологизации как населения в целом, так и молодежи [2, с. 47].

Таким образом, идеологические позиции молодежи нельзя признать сформировавшимися. В молодом возрасте многие юноши и девушки колеблются в своих идеологических позициях, довольно свободно меняют идеологические воззрения на противоположные. Основными факторами формирования идеологических позиций являются культурные факторы (воспитание, тип образования, предпочитаемый вид досуга, хобби, группа общения, информационные предпочтения, культурные стереотипы и т.п.). Зачастую идеологический выбор определяется модой на определенную позицию в конкретной молодежной среде и может быстро меняться при переходе молодого человека из одной коммуникационной группы в другую [2, с. 50].

Происходящие изменения в сознании молодежи и ее базовых ценностях в последние десятилетия, связанные с переходом общества от одной модели жизнедеятельности к другой, не разрушили стремление к достижению социально-значимых положительных идеалов и ценностей. В молодежной среде постепенно утверждаются ценности, характерные для демократического общества с рыночной экономикой, проявляющиеся в индивидуализме и рациональности сознания. Основными характеристиками современной молодежи являются принятие ответственности за свою жизнь, наличие выстроенной системы ценностей и жизненных целей. При этом молодежи свойственны как духовно-нравственные, так и сугубо прагматичные материальные жизненные цели и ценностные ориентации.

Список цитированных источников

1. Лисовский, В.Т. О молодежи и молодежной политике / Под общей ред. А.А. Козлова. – СПб.: ХИМИЗДАТ, 2005. – Т.1. – 312 с.
2. Боечко, Н.И. Экономические реформы, ценности и российская полиментальность / Н.И. Боечко // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества / Под ред. В.Е. Семенова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. – С. 48–68.
3. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 95 с.
4. Беляева, Е.В. Метаморфозы нравственности: динамика исторических систем нравственности / Е.В. Беляева. – Мн.: Экономпресс, 2007. – 464 с.

ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Семенченко Ф.Г.

Херсонский национальный технический университет, г. Херсон, Украина

Актуальность поставленной темы обусловлена теми процессами, которые происходят сегодня в Украине, изменениями в функционировании политической системы, несинхронностью развития институциональной и ценностной подсистем в процессе

политической трансформации общества. Каждый этап общественного развития формирует структуру и способы обеспечения стабильности властных институтов, механизмы их реагирования на трансформации в социокультурной сфере общества. При этом каждая политическая система стремится не только сохранить свою целостность и системные признаки, но направлена на создание условий, определяющих динамику ее развития. В обществе, переживающем системные трансформации, происходят качественные преобразования базовых институтов, неизбежными последствиями которых выступают изменения в социальной и культурной сферах.

Опираясь на сложившиеся в политической науке представления о структурно-функциональных особенностях политической системы, можно предположить, что модель переходного политического режима во многом предопределяется взаимообусловленностью внутрисистемных процедурных (политические субъекты и институты, формы и правила их деятельности) и внесистемных структурных (социальные факторы политического развития) потоков преобразований, от скорости и направленности которых зависит смена устоявшейся социальной практики (изменение типа политической деятельности индивидов).

Согласно пониманию представительского типа политической системы (Д. Истон) ценностные факторы развития легитимируют требования, которые могут совпадать или не совпадать с возможностями существующих институциональных, нормативных, идеологических и других параметров ее функционирования. Модернизационная парадигма (А. Турен, М. Крозье), напротив, рассматривает гражданское общество (внешнее окружение политической системы) как сферу, реагирующую на инновационные проекты, иницируемые разного рода политическими институтами. Интеграция обозначенных подходов позволяет выделить в качестве субъектов политических трансформационных процессов, действия которых влекут за собой как преобразование наличествующих, так и формирование новых политических институтов, элиту, непосредственно участвующую в целевом изменении институциональной системы общества; представителей политической инфраструктуры – посредников в отношениях между элитой и массовыми группами; рядовых граждан – носителей ценностно-нормативного комплекса и опыта определенной социально-политической практики. Их деятельность наполняет содержание взаимосвязей политической системы и среды. Последние, взаимодействуя между собой, приходят к состоянию, которое можно охарактеризовать как адаптацию (двусторонний приспособительный процесс). Это состояние постоянно нарушается вследствие развития как самой системы, так и окружающей ее среды. Анализируя динамику политических процессов переходного периода, российский исследователь Володенков С.В. выделял следующие моменты:

- во-первых, переходные процессы – это естественное, закономерное явление общественной жизни, отражающее процесс развития;
- во-вторых, переходные процессы связаны не только и не столько с линейным, плавным ростом, соседством старого и нового, с постепенным вытеснением изначальных характеристик по мере набора нового качества, сколько с отрицанием сложившихся ранее структур и связей, количественных параметров и элементов системы, выражающемся в потере устойчивости;
- в-третьих, потеря системной устойчивости в условиях переходного периода всегда сопровождается снижением степени управляемости;
- в-четвертых, любая социальная система, будучи открытой, нелинейной и неравновесной, при своем развитии проходит переходные этапы нестабильности, и успешный опыт применения тех или иных подходов к становлению новой системы общественных отношений не может гарантировать устойчивое функционирование такой общественно-политической системы в дальнейшем;

- в-пятых, степень равновесия в общественно-политических системах определяется темпами и направленностью перемен (при невысоких темпах и синхронности изменений равновесие внутри системы остается прочным, и, напротив, быстрая не-синхронная модификация элементов при разнонаправленности происходящих в них процессов может сделать нестабильность системы перманентной) [1, с.36-38].

Таким образом, реализация инноваций в политической сфере в целом и формирование новых политических институтов, в частности, сопряжены с неравномерной циклической динамикой общественного развития. Разрыв между институциональной и социокультурной составляющими политической трансформации, обусловленный доминированием неформальных отношений над формальными регуляторами, задает параметры инновационно-реформаторского потенциала общества. Готовность населения принять политические нововведения зависит поэтому от соизмеримости средовых и процедурных факторов политической трансформации. При этом состояние среды политического реформирования является критерием формирования и функционирования новых политических институтов.

Так, все составляющие компоненты политической системы общества участвуют в процессе образования ценностей (государство – через нормотворчество, политические партии и движения, через закрепление норм и правил в программных документах, СМИ в способах трансляции информации). Институциональная подсистема концентрированно выражает ценностные принципы, лежащие в основе отдельной культуры, заложенные в подсознательной сфере ее носителей. Нормативная подсистема регулирует политические отношения, придавая им упорядоченность. Через продукты ее функционирования (нормы) получают официальное признание определенные социальные интересы и политические устои, воплощающие предметные (значимые свойства реальных объектов) и нормативные (требования к поведению людей) ценности тех или иных групп. С помощью норм властные структуры доводят до сведения общества свои цели (терминальные ценности), обосновывают принимаемые решения и определяют сообразную им модель поведения (инструментальные ценности), ожидаемую от участников политического процесса.

Можно сказать, что ценностная система одновременно интегрирует и дифференцирует людей, способствуя возникновению социальных общностей. Особенно ярко эти процессы отражены в функционировании идеологической подсистемы, где осознание и консолидация ценностей групп теми или иными политическими субъектами приводит к созданию политических доктрин (систематизированных, относительно непротиворечивых наборов политических ценностей), конкурирующих между собой.

Составляя ядро культурной подсистемы, ценности придают значимость, смысл поступкам субъектов политической деятельности, тем самым обеспечивают эффективную обратную связь в обществе. Детерминируя степень социальной гомогенности и консолидированности социума, ценностная система обуславливает интегрирующий потенциал культурной подсистемы. Поэтому устойчивость и жизнеспособность любой политической системы в определенной мере зависит от соотношения ее ценностно-нормативных составляющих с базовыми ценностями политической культуры или ценностной системой ее носителей. Превалирующая неформальная ценностная система, наполняющая формальные установки и нормы иным, отличным от первоначально вкладываемого в них, содержанием, активно влияет на результативность политических реформ.

Экономические, социальные и политические кризисы ведут к утрате людьми ощущения идентичности с традиционной системой ценностей и переориентации на ценности, соответствующие изменившейся социальной ситуации. Процесс радикального преобразования ценностей сформировавшейся политической культуры (ресоциали-

зация), как правило, сопровождается внутриличностными конфликтами, ценностной дифференциацией общества в целом, распространением среди его членов абсентеизма и аномии.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что ценностная система не только оказывает воздействие на изменения в политической жизни общества, но и сама периодически изменяется, отражая глубину и значимость тех или иных преобразований. Следовательно, политическим реформам сопутствует аксиологическая трансформация общества. Выступая своеобразным катализатором развития, ценностная система общества испытывает на себе влияние функционирования всех структурных компонентов политической системы.

Ценностный подход сегодня сопряжен не только с анализом функционирования ценностной системы общества в целом и ее способности изменять направленность и динамику политического процесса, но и с изучением конкретных форм аксиологической трансформации. Всякое изменение целей и структуры общества ведет за собой переоценку ценностей, благодаря чему человек получает возможность действовать в новых социально-политических условиях. Смена ценностей в разных обществах и на разных этапах развития идет непрерывно в эволюционном режиме, но на переломных этапах развития общества трансформационные процессы радикализируются [2, с.53].

Между отрицанием прежней и кристаллизацией новой системы ценностей лежит период ценностной дезинтеграции общества. Он отражает не только распад прежнего ценностного видения мира, но также активный поиск, столкновения вновь возникающих ценностных систем. Резкое изменение социально-политических условий, смена общественных ценностных ориентаций ведут к тому, что механизм воспроизводства ценностной системы перестает быть ведущим, уступая место адаптационным механизмам. Влияние ценностной среды на формирование и функционирование новых политических институтов проявляется через открытость ценностной системы к восприятию тех или иных нововведений. Так, российские исследователи В.В.Гаврилюк и Н.А.Трикоз [3, с.96] указывают на основные модификации индивидуальной ценностной системы, складывающиеся в обществе, переживающем трансформацию:

- *сохранение прежней ценностной системы субъекта, несмотря на происходящие общественные перемены* (сформированная в процессе прошлого опыта индивидуальная система ценностных ориентаций служит своеобразным фильтром для поступающей извне ценностной информации);
- *расстройство индивидуальной ценностной системы* (состояние, которое означает индивидуальный ценностный вакуум, состояние отчуждения);
- *развитие* (такое изменение в ценностно-ориентационной системе личности, когда обогащается внутреннее содержание ценностных ориентаций с помощью механизма адаптации к изменившимся социокультурной и институциональной сферам).

При анализе динамики ценностных ориентаций в условиях политической трансформации общества необходимо учитывать действия двух механизмов – преемственности и изменчивости. Искусственная смена общественной модели, при которой процесс формирования новых институтов, ценностей и норм идет сверху, приводит к несовпадению общественных и индивидуальных изменений. В конкретных ситуациях перед индивидом или группой может встать проблема несовместимости его поведения с одной или несколькими противоречащими ценностями. Возникающий конфликт ценностей вызывает ценностный стресс, дезориентацию в принятии решения и в осуществлении поведенческого выбора [4, с.98].

Необходимо обратить внимание на то, что в условиях быстрых социальных изменений новые специфические стрессы оказывают воздействие на интеграцию ценностей. Когда возникает острый конфликт в отношении базовых ценностей, его подав-

ление или примирение ценностей невозможно. Наибольшее изменение в системе ценностей происходит тогда, когда в конфликт вступают две или более из числа терминальных ценностей. Как правило, это происходит по ряду причин: людей заставляют делать то, что несовместимо с разделяемой ими ценностью; люди усваивают новую информацию, в том числе и оценки от "значимых других", что подрывает центральное положение разделяемой ценности; люди осознают несоответствие двух или более терминальных ценностей между собой.

Другими словами, возникает ценностный конфликт, а противоречия между коренными интересами и основными ценностями крупных социальных групп приводят к радикализации конфликта и, наоборот, несоответствия между временными, второстепенными ценностями конфликтующих сторон производят так называемый частичный конфликт. Можно предположить, что ценностный конфликт может оказывать как негативное (аксиологический хаос), так и позитивное (переоценка ценностей) влияние на развитие общества.

Исходным является положение, согласно которому радикальные изменения в экономике, политике, системе государственного управления, преобразование существующих и формирование новых политических институтов нуждаются в ценностном обосновании [4, с. 102]. Обладая значительным инерционным "зарядом", массовое сознание тем не менее способно изменяться. Эта способность актуализируется в периоды кардинальных перемен и отражается в замещении одних ценностных доминант другими. Институциональные преобразования становятся действительно необратимыми только тогда, когда они восприняты обществом и закреплены в системе ценностей, на которые это общество ориентируется. Поэтому изменения в ценностном сознании населения служат значимым индикатором реальности политической трансформации общества в целом. Кроме этого, можно сказать, что применение того или иного подхода, в том числе и ценностного, к анализу процессов, происходящих в конкретной стране, должно сочетаться с учетом особенностей ее развития, как в историческом, так и актуальном аспектах.

Таким образом, анализ институциональных и ценностных аспектов переходных политических режимов во многом предопределен взаимообусловленностью внутрисистемных "процедурных" (политические акты и институты, формы и правила их деятельности) и внесистемных "ценностных" (социальные факторы политического развития, одним из которых является ценностная система) потоков преобразований, от скорости и направленности которых зависит "процессуальный" (смена моделей политической деятельности индивидов) компонент политической трансформации. Так как эти потоки эволюционируют не синхронно, "ценностное" отставание значительно влияет на результативность институциональных, процедурных и процессуальных перемен в силу того, что преобладающая неформальная ценностная система наполняет формальные установки и нормы иным, отличным от первоначально вкладываемого в них содержанием.

Итогом политической трансформации переходного режима должны стать новые организационные формы и типы политического взаимодействия, функционирующие политические институты, становление индивида как субъекта политики. Результатом же аксиологической трансформации выступает завершающее этап институционализации ценностное и функционально-целевое согласие (состояние, признак и процесс взаимодействия между находящимися в единстве социальными субъектами, имеющими общие потребности, интересы и цели, а также общие представления о способах их достижения) [5, с. 7].

Использование ценностного подхода к исследованию политической трансформации современной Украины предполагает изучение особенностей основных этапов аксио-

логической трансформации (имеются в виду аксиологический вакуум и переоценка ценностей). Признаками первого из них являются снижение уровня интеграции, стабильности и жизнеспособности политической системы; ценностная дифференциация общества; ценностная дезориентация личности. Преодоление этого состояния выражается в переоценке ценностей. В современной Украине данный этап сопряжен с девальвацией новых неукоренившихся ценностных иерархий, что обусловлено радикальным характером реформ и, как следствие, их "генерационным" отторжением.

Список цитированных источников

1. Володенков, С.В. Модели динамики политических процессов в условиях переходного периода // Вестник Московского Университета. – Сер. 12. – Политические науки. – 1999. – № 6. – С. 36-47.
2. Семенченко, Ф.Г. Політичні цінності в системі політичних відносин: формування, зміст і функції політичних цінностей // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка. – 2010. – №98. – С.53-57.
3. Гаврилюк, В.В. Динамика ценностных ориентации в период социальной трансформации (поколенный подход) / В.В. Гаврилюк, Н.А. Трикоз // Социс. – 2002. – №1. – С.96-105.
4. Семенченко, Ф.Г. Визначальні фактори трансформації політичних цінностей сучасного українського суспільства // Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Т.130. Вип. 117. Державне управління. Політологія. – Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2010. – С. 97-103.
5. Акулич, М.М. Функционально-целевое согласие: становление и развитие // Социс. – 2002. – № 1. – С. 3-8.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЭТНОСА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Смоляк С.Г.

Белорусский государственный аграрный технический университет, г. Минск, Беларусь

XX столетие ознаменовано величайшими достижениями и событиями: человечество открыло для себя удивительный во всех отношениях микромир и бесконечный в пространстве и многообразии свойств космос, сформировало новые цели социального бытия, предприняв попытки построить идеальный мир социума, в котором человек был бы истинно свободным, самодостаточным и самореализовавшимся. Это столетие подвигло человечество, в попытке разгадать тайны Бытия, на масштабное и универсальное освоение не только колыбели своего рождения – планеты Земля, но и её окружения – солнечной системы, галактики и метagalaktiki.

Однако наряду с этими и другими, не упомянутыми нами достижениями, цивилизация столкнулась с рядом проблем, порожденных – увь! – самим человеком – мировыми войнами, социальными революциями, другими явлениями, представляющими угрозу для жизни человека. Для их разрешения человечество попыталось объединить силы и средства, породив тем самым глобализацию как явление второй половины XX ст., под которой мы понимаем процесс образования единого и целостного мирового информационного пространства, рынка товаров, услуг, финансов; процесс взаимопроникновения и взаимодействия культур народов мира; гомогенизации, унификации, взаимозависимости и взаимодополнения субъектов мировой политики (государств) во всех сферах их жизнедеятельности.

Этот процесс объективного единения людей в начале XXI ст. приобрел перманентный и универсальный характер, превращая человечество в единый организм. Но превратится ли этот организм в целостный и динамично развивающийся? Отвечая на этот вопрос, целесообразно подчеркнуть, что и сама идея глобализации, и идея возможности превращения человечества с его расовыми, культурными и иными особенностями в единый, целостный и динамично развивающийся организм нашли глубокое теоретическое обоснование за десятки и сотни лет до проявления её первых симпто-

мов. В частности родоначальник немецкой классической философии И. Кант в своей работе «К вечному миру» отмечал, что человечество обязательно будет единым. Осуществление этого единства он видел в форме свободного федерализма государств, федерализма, который приведет все народы к вечному миру [1, с. 21]. Форму же гражданского устройства в виде федерализма он выводил из всеобщих гражданских прав и свобод личности, её устремленности быть свободной личностью на основе построения гражданского общества и установления права всемирного гражданства [1, с. 32; 34; 35; 54; 56]. В этом контексте И. Кант дифференцирует гражданско-правовое устройство государства на три типа:

- 1) Устройство людей... по *государственно-гражданскому праву* (*ius civitatis*);
- 2) Устройство государств в их отношении друг к другу согласно *международному праву* (*ius gentium*);
- 3) Устройство согласно *всемирно-гражданскому праву* (*ius cosmopoliticum*), поскольку люди и государства, находясь между собой во внешних взаимоотношениях, должны рассматриваться как граждане общечеловеческого государства [1, с. 13].

Идею глобализации очерчивал и великий русский философ В.С. Соловьёв, обосновывая её религиозно-родовыми свойствами людей, стремящихся к Всеединству. В частности он подчеркивал, что «великое человеческое единство ... должно воплотиться в видимом социальном теле, явная и непрестанная центростремительная сила которого могла бы противодействовать множеству центробежных сил, раздирающих человечество» [2, с. 15; 28]. И в продолжение тезиса, в его обоснование он пишет: «...если история национальная есть основа единства народного, то история всеобщая или всемирная есть основание для ... единства всечеловеческого» [3, с. 851]. Как человечество немислимо отдельно от народов его составляющих, народ немислим отдельно от семей, а семья от единичных личностей, точно так же и наоборот – жизнь народа немислима вне человечества [3, с. 853-854].

В современных условиях вышеназванные основания процесса глобализации дополняются новыми: обоснованием необходимости интеграции в силу экономических процессов, принимающих всемирные и универсальные масштабы; в силу проблем, порожденных предыдущими эпохами, но явно обострившимися и принявшими статус эйкуменовских, носящих наднациональный характер, а потому решаемых человечеством во благо всех стран и народов мира с учетом исторически сложившихся философско-культурологических парадигм. К этим глобальным проблемам относятся экологическая проблема, войны и мира, терроризма, народонаселения и другие.

Угрозы человечеству в результате глобальных проблем требуют совместных усилий, скоординированных действий всех государств. Последние полтора десятилетия свидетельствуют о том, что эти усилия мирового содружества приносят положительные результаты в решении глобальных проблем, одновременно углубляя сам процесс глобализации. И в первую очередь посредством торгово-экономических механизмов (ВТО, МВФ, др. институты), содействующих совершенствованию производственно-финансовых отношений, росту производительности труда, внедрению инноваций, а в конечном счёте новому уровню и качеству жизни широких слоев населения. То есть трансформации государств в социально ориентированные, в которых научное знание становится их движущей силой. Ибо научное знание стало «основным ресурсом производства, управления, культуры в... современных... исторических условиях» [4, с.25].

Процессу глобализации и разрешению глобальных проблем способствует сформировавшийся к концу XX века многополярный мир, полагающий окончание доминирования во всех сферах одной страны. В этом контексте важно не допустить абсолютизацию какой-либо державой или группой стран своих политических и экономических интересов, навязыванию их всему мировому сообществу, идеологически пропаганди-

руя и презентирова как единственно истинных. Ибо проводя политику насильственного вмешательства в политическое устройство и управление других государств, данное государств тем самым де-факто и де-юре нарушает международное право о независимости этого другого государства, порождая новые глобальные проблемы

Интенсификация политико-культурных обменов, диалога, информационная открытость, инновационные методы и средства коммуникации способствуют демократизации форм жизнедеятельности во всех странах. Глобализационные процессы оказывают действенное воздействие на совершенствование правовой системы. Данный факт вытекает из общей тенденции к установлению и расширению демократических форм государственного устройства и правления, расширению и защите ценностей, в первую очередь в виде прав и свобод личности. Однако динамично протекающие совершенствования демократических форм правления, либерализации форм жизни и деятельности не дают однозначного ответа на вопрос о сроках воплощения мирового Всеединства. Ибо те же процессы глобализации обнажили ряд проблем в области экономики, культуры, иных сферах, в которых ряд стран и регионов в результате глобализации теряют свою автономию. В частности в сфере культуры наблюдается процесс её американизации, особенно в киноискусстве, и европеизации на основе сложившегося тезиса о европоцентризме. В экономике рост производства породил не только экологическую проблему, но и проблему отношений между богатым Севером и бедным Югом, ряд других проблем.

Одной из важнейших проблем, порожденных процессом глобализации, является проблема идентификации личности и этноса, определение маркеров этой идентификации. Дефиниция идентификации заключает в себе глубокий смысл, раскрывающийся в событии личности с миром себе подобных, объединенных единым ментальным полем и пространством культуры. Или события этноса с миром, различающимся по ментальному и культурному пространству. Как в первом (личность), так и во втором (этнос) случае под идентичностью понимается *«высшая форма социализации, способ связи человека с коллективными сущностями своей истории, акт отождествления себя с главными ценностями и святынями ядра своей культуры»*. Идентификация – это акт становления собственной сущности через сущность того, с кем я себя идентифицирую. Это главное событие в социализации личности, благодаря которому устанавливаются связи с коллективными сущностями истории культуры, духовности своей страны» [5, с. 40]. Из определения сущности идентификации можно заключить, что её маркерами являются в первую очередь духовные ценности: история этноса, его фольклор, традиции, обычаи, язык, высокая культура души и духа и др. Но как сохранить эту идентичность при глобализации, требующей интеграции и синтеза культур, выработки общих правил, норм и принципов общежития? То есть их стандартизации, ведущей к самоограничению и «умиранию» фундаментальных основ культуры этносов; в первую очередь малочисленных; исчезновению автономности и уникальности личности и нации, разрушению того маркера идентификации, который называется «принадлежность к конкретной культуре и конкретному этносу». Что противоречит сущностной цели глобализации с точки зрения И. Канта с его всемирно-гражданским правом. Тем более, что бинарность «глобализация – идентификация» приводит к существенным изменениям в психике восприятия личности себя в социальной среде и среды, в которой протекает её бытие. Складывавшийся веками процесс самоутверждения с целью достижения уважительного отношения к себе со стороны окружающих, той социальной среды, в которой человек воспитывался и стал личностью, перестал быть смыслообразующим. Но и Всемирное кантовское гражданство, действительно способствуя человеку проявить и реализовать свои способности на основе предоставленных прав и свобод, не дает оснований считать, что граждани-

на со Всемирными правами и свободами будут чтить везде ровно так, как в той стране; в которой он родился и стал личностью.

Противоречие между всемирным сообществом и отдельно взятым сообществом (обществом) было замечено еще А. Тойнби, который его сущность раскрыл в своей концепции цивилизационного развития истории в соответствии с законом Вызова-и-Ответа. В частности он отмечал, что между цивилизациями существует различие, в основе которого лежит «различие национальных традиций» [6, с. 25]. В этом аспекте возникает закономерный вопрос: как возможна глобализация, если есть грань, разделяющая цивилизации? Представляется, что ответ на данный вопрос находится в поле закона Вызова – и – Ответа того же А. Тойнби. Сущность данного ответа можно свети к следующему выводу:

во-первых, процесс глобализации неотвратим и необратим, а будущее человечества – в его единстве на основе цивилизационных ценностей. То есть ценностей всего человечества как унифицированного субъекта с сохранением каждой социальной подсистемой данного унифицированного субъекта своих фундаментальных атрибутов идентичности. Что позволит нам иметь ясное понимание того факта, что человечество представляет собою сложную социокультурную систему, многие элементы которой сущностно различаются друг от друга; во-вторых, в контексте проблемы глобализации особенность данного закона в том, что он является определяющим в реализации тех задач, которые очерчены этим процессом и от решения которых зависит динамичное развитие цивилизации. Вызов современной цивилизации требует не только нахождения путей, методов, технологий, иных средств решения проблем экологических, демографических, политических, других, но в первую очередь нахождения ответа на вызов цивилизационного противостояния. Достойный ответ на этот вызов заключается в преодолении различий и противоречий между локальными цивилизациями – разными культурами народов, и на этом фундаменте приумножить силы и средства человечества для динамичного развития по пути мира и прогресса.

Список цитированных источников

1. Кант, И. К вечному миру / И. Кант // Сочинения: в 8 т. – М., 1994. – Т. 7. – С. 6-56.
2. Соловьев, В.С. Русская идея / В.С. Соловьев; пер. с фр.: Г.А. Рачинский; – Брюссель: Жизнь с Богом, 1987. – 32 с.
3. Соловьев, В.С. Оправдание добра (нравственная философия) / В.С. Соловьев // Чтения о богочеловеке. Духовные основы жизни. Оправдание добра. – Минск, 1999. – С. 336-908.
4. Кочетов, В.В. К вопросу о генезисе постиндустриального общества / В.В. Кочетов, Л.Н. Кочетова // Вопр. философии. – 2010. – № 2. – С. 23-33.
5. Козин, Н.Г. Идентификация. История. Человек / Н.Г. Козин // Вопр. философии. – 2011. – № 1. – С. 37-48.
6. Тойнби, А.Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник / А.Дж. Тойнби; пер. с англ. Е.И. Киселева, М.Ф. Носова. – М.: Прогресс; СПб.: Культура, 1996. – 478 с.

PRZESTRZEŃ GEOGRAFICZNA I KRAJOBRAZY KRESOWE WE WSPOMNIENIACH WOŁYNIA, POLESIA I LITWY JÓZEFA IGNACEGO KRASZEWSKIEGO

Smolarczyk Andrzej
Politechnika Białostocka

Józef Ignacy Kraszewski był człowiekiem kresów wschodnich, człowiekiem pogranicza polsko-litewsko-białoruskiego. Bardzo dobrze rozumiał subtelności relacji międzyludzkich występujące na terenach przemieszanych narodowościowo i religijnie. Starał się być obiektywny w kształtowaniu swych sądów i ocen, powściągliwy i zdystansowany wobec opisywanej rzeczywistości. W przeciągu lat 1834-1838 Kraszewski odbył po Polesiu sześć

podróży, których kwintesencją było dzieło *Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy* (1839). Dzieło to jest podsumowaniem wszystkich tych podróży.

W epoce romantyzmu podróż po „ziemi własnej” miała do wypełnienia specjalną misję narodową. Podróżnik musiał opisać polski inwentarz kulturowy pozostały na terenach pozostających pod zaborami. Wędrowano po ziemiach polskich chcąc wypracować mechanizm obronny, chroniący polskość i przeciwdziałający wynarodowieniu.

Autor niniejszego tekstu potraktował *Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy* Józefa Ignacego Kraszewskiego głównie jako źródło historyczne, którego autor znał świetnie realia epoki i stosunków panujących na terenach kresowych dawnej I Rzeczypospolitej. Do opisu Polesia i Wołynia, zwłaszcza do przedstawienia dziejów tych terenów Kraszewski wykorzystał źródła historyczne, których często nie jesteśmy dziś w stanie odtworzyć. Jego *Wspomnienia* pełnią rolę materiału źródłowego, którego żaden współczesny badacz Polesia nie może ignorować. Polesie w swym poziomie rozwoju społecznego, narodowego, kulturowego niewiele różniło się w wieku XIX i XX (do końca lat 30). Obserwacje Kraszewskiego dotyczące Polesia i Wołynia wielokrotnie wykorzystywali w swych badaniach Oskar Kolberg i Józef Obrębki.

Józef Ignacy Kraszewski nie należał do grona najwybitniejszych podróżników XIX stulecia. Nie odbywał tak fascynujących i egzotycznych podróży jak David Livingstone i Henry Stanley czy choćby Polacy, Maurycy Mann i Jakub Gordon. Bez wątpienia natomiast był jednym z najwybitniejszych podróżopisarzy dziewiętnastowiecznych. Swą przygodę z podróżami rozpoczął od wędrówek po kresach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej, pozostających ówczesnie pod zaborem rosyjskim. Sporo podróżował po kraju rodzinnym. Wędrował po ziemiach zaboru pruskiego i austriackiego. Zwiedził Europę Zachodnią.

W Kraszewskim tkwiło głębokie przekonanie o przeznaczonej mu przez los konieczności wędrówki [4, s. 166-167]. Po przybyciu do Krakowa w 1858 roku twierdził, że był już w tym mieście w dzieciństwie, że jako dziecko w pieluchach uczył się tułactwa od najwcześniejszych chwil swego życia. W *Kartkach z Podróży 1858 - 1864* pisał: *Urodziłem się w ucieczce, wędrowałem z kolebką, przenosić się musiałem w życiu niezliczoną liczbę razy po własnej ziemi* [5, s. 10].

To wydarzenie stało się fundamentem budowy prywatnego mitu romantycznego pisarza. Artysta urodził się w hotelu i był głęboko przekonany, że umrze w hotelu. Odczuwana bezdomność, tułactwo, niechęć do osiadłego trybu życia, niespokojny duch oraz nienasycona pasja poznawcza czyniły go „człowiekiem podróży”.

Pierwszą świadomą podróżą Kraszewskiego był wyjazd latem 1834 r. z rodzinnej posiadłości w Dolhem do należącego do Antoniego Urbankowskiego Horodźca oraz do Ossowej, majątku Alojzego Felińskiego. Celem nadrzędnym tej wyprawy była chęć zobaczenia bogatych zbiorów bibliotecznych i malarskich Antoniego Urbankowskiego. W roku 1835 Kraszewski wyruszył w tę samą podróż, ale ze zgoła odmienną motywacją. Poznał w Horodźcu Zofię Weroniczównę, która została później jego żoną. Do swej narzeczonej jeździł jeszcze w latach 1835 - 1836. We wrześniu 1836 r. odbył swą czwartą wyprawę, która oprócz wizyty w Horodźcu objęła Prawutynę i Kisiel. Piątą podróż odbyła się na początku 1837 r. Podróż szóstą z czerwca 1838 odbywała się już z bardzo konkretną intencją. Pisarz jechał na własny ślub [4, s. 167].

Liczącą około 200 km trasę Dołhe - Horodziec powtarzał Kraszewski łącznie sześć razy. Przy prymitywnym stanie dróg poleskich i wołyńskich podróż taka trwała od 4 do 7 dni. Wbrew pozorom podróż zimą po tych terenach była szybsza i łatwiejsza do przebycia. Saniami po zamrzniętych poleskich bagnach, rozlewiskach i rzekach można było przemierzać ją do 50 kilometrów dziennie. Podróżny nie musiał trzymać się wyznaczonych dróg lądowych, lecz mknąć po zamrzniętych wodach wprost do celu. Latem trudno było przebyć więcej niż 30 kilometrów w ciągu dnia. Podróżowanie po Polesiu można porównać do

podróży średniowiecznych, gdzie system rozlokowanych co 30 kilometrów grodów lub zamków miał zapewnić podróżującym bezpieczny nocleg. Fizycznie nie można było bez dróg bitych przekroczyć trzydziestu kilometrów. Przez Polesie najwygodniej latem było pływać łodzią. Polesie do lat 50. XX wieku było największym terenem wodno-bagiennym w Europie. Poleskie rzeki toczą swe wody do Morza Bałtyckiego i Czarnego. Równina poleska czyni wody poleskich rzek powolnymi i głębokimi. Rdzenny Poleszok częściej posługiwał się czółnem pływając po rzekach, niż wozem konnym.

Wrażenia z sześciu podróży odbytych przez Kraszewskiego w latach 1834 -1838 stały się materiałem do powstania ważnego tekstu – *Wspomnień Wołynia, Polesia i Litwy*. Autor poszerzył je o studia i szkice historyczne.

Wspomnienia są zbiorczym podsumowaniem wielokrotnego wędrowania przez Polesie. Fakt ten uczynił sam motyw podróży czymś drugoplanowym. Doświadczenia podróżowania zmieniło się we wspomnienia. Dzięki tej zamianie autor przewartościował założenia gatunkowe, podporządkowując je swym celom. Przerwy w podróży, postoje, opisy miejsc wybranych, komentarze i refleksje autora na ściśle określony temat stały się ważniejsze od samej podróży. Kraszewski stworzył nową odmianę podróży, która należąc do tegoż gatunku, przełamwała jednocześnie jego kategorie [3, s.11].

Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy są jak staropolskie *silva rerum*, jawią się jako zbiłek niejednorodnych form i porządków gatunkowych. W sensie stylistycznym istnieją tu obok siebie obrazyki obyczajowe, publicystyka społeczna, analityczny opis naukowy, emocjonalne i subiektywne wyznania.

We *Wspomnieniach Wołynia, Polesia i Litwy* podróże były odbyte „rzemiennym dyszlem” – klasycznym zaprzęgiem konnym przemierzającym trudne do przebycia szlaki kresowe. Całodzienny kres podróży wyznaczał nocleg w karczmie. Podróżnik boleśnie znosił trudy podróży. Miał jednak podczas wędrowki czas na wnikliwe obserwacje i refleksje. Klasyczne podróżowanie pozwalało doświadczać mijanej przestrzeni, napotkanych ludzi, zjawisk natury i twórców kultury.

Polesie rozumiane jako kraina geograficzna stanowi liczącą około stu tysięcy kilometrów kwadratowych nieckowatą, wydłużoną kotlinę rozciągającą się od Bugu na zachodzie (Brześć stanowi przysłowiową bramę zachodnią), wzdłuż biegu Prypeci do jej ujścia do Dniepru na wschodzie. Obrazowo Polesie można porównać z trójkątem lub klinem, którego podstawę stanowi Dniepr, wysokość Prypeć, a wierzchołek znajduje się w Brześciu [15, s. 9].

Kraszewski definiuje Polesie w ujęciu historycznym, które jest znacznie szersze od geograficznego: *Obszerniejsze jest daleko Polesie, niżeli ta część kraju, którą pod jego imieniem opisujemy. Jest raczej kilka jeśli nie więcej Polesiów, a historia śledząc w nich dawne posady Jaćwieżów, Jazygów, Metanastów, Getów, nie wie nawet dla rozciągłości kraju zwanego Polesiem, gdzie ich właściwie szukać. Kraj pod imieniem Polesia zwany rozciągał się od Rusi i Wołynia ku Prusom, Mazowszu i Litwie, zajmując dawne województwa podlaskie, brzeskie, nowogródzkie i ziemię Chełmską* [8, s. 105].

Słowo *polesie* pochodzi od starosłowiańskiego wyrazu *les* i oznacza „niewysokopienny las”, „błotnisty lasek”, „miejsce po wyciętym lesie”, „kraj leżący pod wielkimi lasami”, „brzegi, krańce lasów”, „leśne legowisko zwierząt”, „leśną miejscowość wśród błot”. W znaczeniu geograficznym Polesie oznacza „część dawnych województw brzesko-litewskiego, wołyńskiego i kijowskiego, obfite w lasy” [2, s. 290]. Polesie było zatem krainą wywodzącą swą nazwę od błot i lasów.

Do końca lat pięćdziesiątych XX wieku Polesie było największą w Europie krainą bagien, rozlewisk, mokradel, jezior, rzek i lasów. We wrześniu 1939 roku tereny Polesia weszły w skład Związku Radzieckiego. Władze komunistyczne postanowiły wbrew zdrowemu rozsądkowi przeprowadzić zakrojony na ogromną skalę eksperyment polegający na osuszeniu bagien poleskich. Uzyskano ogromne tereny pod uprawy rolne, ale skutkiem ubocz-

nym było odwodnienie Polesia, które przyniosło prawdziwą klęskę ekologiczną. Teren Polesia przecięły ogromne rowy melioracyjne, które zostały połączone z pogłębionymi rzekami poleskimi. Poziom wód gruntowych znacznie się obniżył. Wyschły pozbawione wody ogromne lasy dębowe, bory, olsy, łągi, bagienna roślinność. Zastąpienie łąk torfowych polami uprawnymi spowodowało erozję gleby. Bezkrzesne niegdyś błota, nie osłaniane lasami, rozwiewane przez wiatry, stają się pustynią [14, s. 7].

Do połowy minionego stulecia Polesie pozostawało „samowystarczalną bagienną wyspą”, o bardzo ograniczonych kontaktach ze światem zewnętrznym. Jego izolację utrwaliły bardzo złe drogi. Wiodły one przez liczne brody, groble, kładki, a wiosną z powodów roztopów i rozlewisk były nieprzejezdne.

Przemierzając Polesie Pińskie Kraszewski zapisuje swoje wrażenia: *Nie mogę opisywać podróży mojej z Prużanej do Pińska, boby to była najnudniejsza frazomachia, jakąście w życiu czytali, a ja pisałem. Cóż – kraj lasu, pisaków, błota, ubogiego ludu; Żydzi brudni, odarci i odzierający, karczmy śmierdzące, mosty drżące i pogruchotane, groble, po których jadąc trzeba zębami dzwonić ze strachu, żeby się wszystkie kości nie potrzaskały, lasy smutne sosnowe, sosny nawet rachityczne, garbate, kulawe, pełno korzeni na drodze, czasem krzyż na rozstaju, cerkiewka stara, podparta na kulach. A wsi! Chaty na pół w ziemi, psy chude, lud chudy i pół nagi, uwędzony w dymie, żółty; dzieci z rozczochranymi włosami nareszcie – nic doprawdy ciekawego?* [8, s. 103-104].

Faktycznie nic ciekawego? Pozorna niechęć do opisywania podróży przez jądro Polesia była świadomym zabiegiem artystycznym Kraszewskiego. Podkreślana brzydota opisywanego pejzażu, wręcz antypoetyckość zbliżająca się do malarstwa rodzajowego przyniosła percepcji *Wspomnień Wołynia, Polesia i Litwy* ogromny sukces.

Podróż po stronach rodzinnych, podróż, którą możemy nazwać wędrówką „swojąką po swojszczyźnie”, musiała eksponować treści całkowicie nowe. Kraszewski odkrywał Polesie jako teren zapomniany i nieznan. Z kart *Wspomnień Wołynia, Polesia i Litwy* wylania się wstrząsający obraz Polesia, regionu zagubionego w czasoprzestrzeni, pierwotnego, dzikiego, pozbawionego dróg, ukrytego między bagnami i spowitego mgłą. Kraszewski ukazał Polesie jako terytorium zasługujące na eksplorację w takim samym stopniu, w jakim godne są jej amerykańskie preie [13, s. 55-56].

We wstępie do *Wspomnień* pisał: *Dziki lasy Ameryki Coopera, stare zamczyska Szkocji Waltera Scotta czymże są wyższe od obrazów, jakie nastreczyć może nasz kraj słowiański? A historie naszych zamków, miast i horodyszcz ileż to poezji ukrywają w sobie! Niestety, zawsze szukamy obrazów daleko za sobą, przed sobą, nigdy koło siebie... Chcemy się tylko zastanowić nad swoim krajem, a znajdziemy w nim tysiąc wdzięków, tysiąc pamiątek, tysiąc godnych zastanowienia przedmiotów* [8, s. 22].

Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy stanowią serię luźnych obrazów, scen i refleksji związanych z terytorium Polesia i Wołynia. Teren ten został starannie wybrany. Z *Przygodami Sokolego Oka* Jamesa Fenimore'a Coopera łączy je malowniczość świata przyrody i egzotyka ludności poleskiej – ich strojów, mowy, obyczajów. Nawiązując do Waltera Scotta, nobilituje autor terytorium kresów jako źródło refleksji historycznej; wydobywa koloryt obyczajowości przeszłości [13, s. 55].

Kraszewski ukazując metaforycznie Polesie jako dzieło sztuki, podaje, że Bóg stworzył go z trzech głównych pierwiastków: pisaku, błota i sosen. *Z tego materiału żaden geniusz w świecie nic prócz pustyni nie utworzy. Ożyw ją, czym chcesz, budowami, ludźmi, zwierzęty, będzie to zawsze smutna tylko pustynia. Ale daj mi brzozy, dęby, doliny, wzgórza, staw lub rzeczulkę czystą, choćby tam ludzi, choćby tam muchy nie było, już to pustynia nie będzie. Na nieszczęście w głuchym Polesiu rzadko ujrzeć innego składu obraz, wszędzie piasek, błoto i sosny zajmują na przemian przestrzenie i szpecą* [8, s. 41]. Geo-

graficzne Polesie możemy podzielić na przestrzeń lasu, bagien, rzek i rozlewisk oraz terenów piaszczystych.

We Wspomnieniach Wołynia, Polesia i Litwy niebagatelną funkcję spełniają motywy przyrodnicze. Szata roślinna należy do niezwykłych składników kolorytu lokalnego, prawdziwej „fizjonomii miejscowej” i do znaków „ducha miejsca” [1, s. 97]. Tematem przyrodniczym, do którego wracał Kraszewski wielokrotnie, były lasy i drzewa. Dendrologia wydają się być pasją Kraszewskiego. Swą miłość do drzew oddał słowami, które włożył w usta Władysława Jagiełły na kartach *Nocy bezsennych*: *Po człowieku, nie wiem, czy co tak kocham jak roślinę – wyznawał – Stare drzewo jest dla mnie, niemal jak dla pogan, przedmiotem czci i uwielbienia. Co za majestat i powaga! Jaka fantazja linii! Co za wdzięk! ...Odwieczny dąb to karta z historii przeszłości. Bujna roślinność lasów zdaje się wlewać życie, gdy się na nią patrzy i nią otoczy. Ogołocony z niej kraj nie może być pięknym... Do lasów coś ciągnie człowieka – może nie każdego, ale kto się pod ich cieniem urodził, wychował, temu bez nich nago wszędzie i smutno* [7, s. 312].

Jeden z obrazków cyklu nosi nazwę *Lasy poleskie*. Kraszewski poświęcił w nim wiele uwagi stanowi lasów na Polesiu: *Większą część lasów poleskich składają sosny i choiny bajrakowate, jedne proste, wysmukłe i zdadne do wyrobu i handlu, drugie pochyle, skrzywione, skurczone i na nic oprócz opał u nie zdadne. Puszcze poleskie, w których głębiach kryje się jeszcze wiele zwierza, są już jednak dziś z lepszego drzewa wyniszczone prawie zupełnie przez ciągle wyrabianie balów i potaszu. Oprócz sosen, rośnie tu jodła i świerk nad wodami, brzozy w wielkiej ilości, osina, dąb po lepszych gruntach itd. Ku Wołyniowi tamina i szypszyna lasy podszywa. Ponad drogami smutny jest pozór lasów, gdyż bliżej ludzi są zniszczone i niegodziwie popsute, większa część sosen popodcinana, inne powalone przez podpalenie, pokaleczone niemilosiermiem. Smutno jest patrzeć na mnóstwo niezliczone leżących i gnijących kłoców, których nikt nie bierze na opał nawet, bo wieśniacy zawsze z pnia rąbią. Często spotkasz wielkie przestrzenie lasu przez niedozór i niedbalstwo wygorzałe i żółtkie, bo podłożony suchej porze przez pastuchów ogień straszliwie się roznosi i niczym potem ugasić nie daje. Ta jedna kłeska wiele lasów poniszczyła. W głębi, gdzie lasy lepiej są podszyte, piękniejsza ich fizjognomia, wznoszące się ponad gęstymi zaroślami drzewa żywszy pozór mają, otoczone krzakami i kwiaty dzikimi. Czasem zdarzające się łąki wśród lasów przypominają kawałek parku. Lecz wśród sosnowych zarośli, gdy napadniesz na kępiaste błoto, trzeba oczy zamykać!* [8, s. 75].

W szkicu *Styr i Horyń* rozczulał się Kraszewski nad malowniczym splotem sosenek, dębów, brzoź i gęstej leszczyny nad urwiskiem rzeczonym Horynia [8, s. 37]. W obrazku *Ossowa Felińskiego* opisał przepiękną dąbrowę, należącą dawnymi czasy do autora Barbary Radziwiłłówny. *Ossowa położona jest pięknie nad inne okolice poleskie, dwór stoi na wzgórku nad przepływającą w dolinie rzeczką Bereżanką, nad którą rozrzucone są stare olchy. Na lewo gaj z dębów, klonów i lip starych cudnie zastania widok na sosnowe lasy... Wszystko to opiera się na tle oddalonym lasów. W tyle domu widać wśród trzebieży wieś Kidry, wzgórze, lasy, pola, a wreszcie las opasujący każdy widok poleski* [8, s. 42]. W opowiadaniu *Na Wołyń!* opisał urzeczenie malowniczym gajem położonym w okolicach Horodyszcz. Fascynował się też ogromnymi sosnami porastającymi kurhan nad Horyniem [8, s. 36-37].

Jedynak na skarlałe sosny patrzył Kraszewski z niechęcią i politowaniem. Podczas wędrówki przez Wołyń w kierunku Ostroga opisywał otaczający go krajobraz: *Częściej się tu trafia na odczarowującą sośninę, której tak nienawidzę, i na piasek nawet, przypominający boleśnie pustynie Polesia* [8, s. 261]. Wydaje się, że autorowi trudno było pogodzić się z ułomnością karłowatych drzew. *Sosny, które otaczają błoto, nie są to owe drzewa proste, bez gałęzi od spodu, z wierzchu uwieńczone koroną gęsto splecionych gałęzi, lecz krzywe, chore, mdłe najczęściej podsmalone pożarem od spodu, pół czarne, pół blade zielone, wynędzniałe jak ludzie na złym karmie i złej doli* [8, s. 41].

Malowniczość lasów poleskich wzbogacają opisy runa leśnego – żurawin, malin, czernic, łochaczy, brusznic, ożynów, grzybów [8, s. 80]. Kraszewski przytacza związane z życiem lasu historie myśliwskie i ukazuje przykłady polowań. W relacjach tych czytelnik odnajduje „podskórny” smutek autora, zatrwożonego wręcz dewastacją lasów poleskich. Kraszewski nie mógł pogodzić się z bezmyślną polityką gospodarczą Poleszuków, całkowicie nie uwzględniającej szacunku do lasu, a nawet racjonalnej polityki leśnej. Wypalanie łąk niszczyło tysiące hektarów lasu. Drzewa przydrożne były do połowy nadpalone, okaleczone, poranione. Następował proces degradacji lasów, które pochłaniały tereny bagienne. W dalszym procesie przemian świata przyrodniczego pojawiał się etap pustynnienia. Polesie pokrywało się coraz większymi płacami obszarów piaszkowych. Kraszewskiego bolało zwłaszcza to, że proces ten przyspieszali sami ludzie.

Poleskie rozlewiska i bagna zawdzięczały swoje istnienie nizinnemu terenowi, na który przenikały wody gruntowe z wyżej położonych terenów sąsiednich, niewielkiemu spadkowi rzek i słabo przepuszczalnemu podłożu; ale także porohom na Dnieprze, które utrudniały odpływ wód do Morza Czarnego. W okresie intensywnych opadów i wiosennych wylewów siła spiętrzonych wód Dniepru wstrzymywała, a nawet zmieniała bieg Prypeci, która występując z brzegów zalewała poleskie niziny [14, s. 21].

Krajinę tę przecinają liczne rzeki, tworzące gęstą sieć dopływów Prypeci. Kraszewski notował we *Wspomnieniach: Mnóstwo rzek, rzeczulek, odnóg, strumyków, kanałów przeżyła ten kraik, Naliczysz tu, że inne ominę, Styr, Pinę, Prypeć, Stubło, Słucz, Stochów, Strumień. Do Piny pod Pińsk zbiegają się od wschodu Jasiolda, Horyń, Wetlica, Turia, od Zachodu Styr, Stochod, Łukowicz, Lany, Horodecka. Te wszystkie połączone zowią się Prypecią. Prócz żółwi i wiunów, stolica to raków także* [8, s. 115]. Próbował też odnaleźć etymologię ich nazw: *Małe rzeczulki i odnogi, choć nie wszystkie, mają swe nazwiska. Od Sernik do Pińska płynąc Stubnem i Styrem, przepływałem Medweż Bereh, gdzie dawno nie ma niedźwiedzi. Dubieniec, bez jednego dębu, Podmostnik, gdzie ani śladu mostu żadnego* [8, s. 118].

Nieodłącznym elementem poleskiego krajobrazu były groble, mosty, mostki, kładki ułatwiające przeprawę przez tereny bagienne i wodne. Dróg bitych na Polesiu było bardzo mało. Między osadami i wsiami biegły drogi polne. Polesie pokrywała za to rozgałęziona sieć grobli, mostów i kładek. Najprostsze, prowizoryczne groble robiono z faszyny, kawałków drewna i wszelkiego materiału, który mógłby ułatwić przeprawę przez płytkie błota. Na głębokich bagnach musiano zakładać trwalsze i solidniejsze groble. Pracę nad nimi zaczynało zimą, gdy bagna zamarzały. Po bokach budowanej grogi rozkładano wielkie kłody olchowe, a na nich, w poprzek, cieńsze okrągłaki szerokości drogi. Całość przykrywano wiązkami chrustu. W pewnych odstępach budowano poprzeczne kanały, nad którymi umieszczano mostki oparte na palach wbitych w ziemię. Po rozmarznieniu bagien kładka osiadała w mokradłach. Wzdłuż grobli kopano kanały, z których ziemię sypano na groble. Mieszkańcy wsi mieli obowiązek wysypywania na przydzielony im wcześniej odcinek grobli wszelkich odpadków z gospodarstwa, głównie łądy i konopi [14, s. 50]. Gdy wieśniacy nie wywiązywali się ze swych obowiązków, fatalny stan grobli czynił podróż po niej rzeczą karkołomną. *Droga wtedy stawała się piekielną, (nawet po najuczciwlejszej jeździe poprzednio); wóz z kupy śmiecia spada na gołe okrągłaki i po kilku mniejszych podskokach wspina się na następną, z której też zlatuje gwałtownie. Tu Poleszuk wydobywa resztę odpowiednich wymyślań i przekleństw, zwąc taką jazdę... igrzyskiem czarownic („wiedźmino ihryszcze”), diabelską hustawką („czartawa arela”). Zwalając winę na wójta gminy i sołtysa, życzą, by ich po śmierci diabli wozili tagroblą („sztab was styłych czerci wazili po jetaj hrebli”) [12, s. 316-317; 11, s. 275]. We wsi grobla przemieniała się w główną ulicę.*

Blisko połowę powierzchni Polesia zajmowały bagna. Te mokre i grząskie obszary porastała roślinność bagienna: trawy, łózowiska, sitowie, trzciny, pałki wodne, karłowate sosny, wierzby, olchy, dęby. Kwitły wśród nich powoje, lilie wodne, kaczeńce, orzech wodny.

[14, s. 21-22]. Magię błot poleskich osiemdziesiąt lat po Kraszewskim malowniczo oddał Sergiusz Piasecki: *Dziwny to kraj! Kraj czarnych, posępnych, wilgotnych lasów, nieprzebranych, ponurych bagien... Jak oko sięgało, po prawej i lewej stronie, na olbrzymiej przestrzeni ciągnęły się bagna. Wokoło: zieleń we wszystkich odcieniach. Całą tę olbrzymią, kilkadziesiąt tysięcy kilometrów kwadratowych mającą przestrzeń stanowiły bagna, zamaskowana z wierzchu zielonym kobiercem... Miejscami zieleniły się piękne łąki, o subtelnym zielonym kolorze, zamaskowane krótką, aksamitną trawą, pod którą czaiła się – śmierć. Jeden krok na tę piękną łączkę i człowiek ginął niechybnie, wessany przez chciwe żeru bagno. Gdzieś tam rzuciły się lśniące jak stal jeziora... Martwo i cicho wokoło. Nie widać to żerującego ptaka; nie ma na tych nagich, bezdrzewnych przestrzeniach zwierza... Bo gładko tu, bo państwo to jest państwem śmierci... Czas tu odmierza rozpalona złota kula słońca i zimna martwa tarcza księżycy, leniwie przelewające się po niebie. Człowiek tu wygląda dziwnie mały, nędzny i szczególnie niezaradny...* [10, s. 365-366].

Jednym z najbardziej osobliwych przeżyć estetycznych i egzystencjalnych podczas podróży było przemierzanie zamarznętych błot poleskich zimą, podczas zamieci śnieżnej. Kraszewski tak to relacjonuje: *Trzeba mi było widzieć jeszcze pustynie Zarzecza, te błota ogromne, zimą, kiedy je śnieg biały pokryje, kiedy w górze białe śniegi nad nim zawisną, kiedy fale śnieżyste otaczają podróżnego i człowiek jadący lub idący, według tutejszego wyrażenia, znajduje się wśród tej jednostajnej białości, jak w jajku. Jest coś osobliwego w położeniu i uczuciach podróżnego, który dookoła siebie, nad sobą, przed sobą nic, prócz tej jednostajnej białości nie widzi... ta nieskończona jednostajność, wiatr i śnieg wionące na niego, dziwnie go cieszą...* [8, s. 123].

Typowa wieś poleska posiadała chaty rozmieszczone po obu stronach jednej ulicy. Chaty stały bokiem do ulicy, drzwiami do podwórka. Budowane były bezpośrednio przy ulicy, tak że przechodnie mogli zaglądać w okna. Podwórka miały kształt wydłużonych prostokątów. *Podwórko otoczone jest chlewkami różnego kształtu i wielkości, błotniste, ścieżką wydeptaną przedzielone, prowadzącą do sieni, w których duży wieprz karmny chodzi i mruży, znając, że jest faworytem domu. Kilka kur sadowi się na belce do snu i trzepioce układając skrzydła* [8, s. 32].

Chaty poleskie były niewielkie, oryginalne, pierwotnej budowy, które na pierwszy rzut oka wydawała się stosowniejszym mieszkaniem dla bydła niż ludzi. Wnętrze chaty dzieliło się na trzy nierówne części: najmniejsza sień (siń), po prawej stronie izba mieszkalna (chata), zajmująca najmniej połowę całej budowli, po stronie lewej – spiżarnia (kleć). W rodzinach wielodzietnych spiżarnię zamieniano na drugą izbę mieszkalną, zwaną świetlicą. Do sieni wchodziło się przez bardzo niskie drzwi, co wymagało przykucnięcia lub zgięcia się w pół. Sień służyła do różnych prac gospodarczych. W kleci chłopci składali wszystkie drogocenne zapasy. W części mieszkalnej, po prawej jej stronie znajdował się ogromny, ciężki piec. Po lewej zaś stronie ciągnęły się dwie półki (pality), na których mieściły się gamki, miski, szklanki, talerze. Ściana od podwórka ma dwa okna, trzecie okno umieszczano od ulicy naprzeciwko drzwi. Podłogi w chatach poleskich prawie nigdy nie było. Zastępowano ją zwykłą ziemią, ubitą gliną, które zazwyczaj były nierówne i pełne dziur. [9, s. 143-144]. Wnętrze chaty janowskiej Kraszewski opisał następująco: *Przez wysoki prób wchodzi się do białej izby, izby paradnej, gdzie jest piec, na którego przedzie palą się skałki smolne, koło pieca ława, w głębi poczęte krośna; kołyska dziecka i stół także otoczony ławami. Ściany dookoła opasują ławy. Ku drzwiom stoi ceber, rażka, gamki na półkach kwarta stara. W głębi, w kątku pod obrazem dzieża chlebna szanowana, poważne zajmuje miejsce pod opieką błyszczącej N. Panny, roztaczającej nad nią swój płaszcz gwiazdzisty. Nade drzwiami i oknami krzyże i symboliczne słowiańskie charaktery wejścia wszelkiemu złemu bronią... Próżno by tu kto szukał śladu podłogi, nie ma jej, tylko ubita ziemia. Okna maleńkie, w części z okrągłych szybek złożone...* [8, s. 32].

W dogodnym układzie terenowym wsie poleskie były ulicówkami, wytyczanymi wokół jednej ulicy. Od tego układu odchodzono we wsiach i miasteczkach położonych w terenie podmokłym. Stawiano wtedy zagrody nieregularne na suchych ostrowach. Także w wioskach przeludnionych zabudowa rozciągała się wzdłuż dwu lub więcej ulic. Kraszewskiego nie zachwycało zupełnie położenie Janówki; *trudno, aby w nim najbardziej uprzedzone oko znalazło piękność jaką... Kilkanaście chat na piaszczystym polu rozrzuconych, jedna karczma pusta, pusty także dość obszerny kościół z klasztorem bernardynów, rynek szeroki, który rok cały trawą zarasta nim go w październiku wydeptać. Kramiki drewniane raz w rok tylko zajęte, młynek mały nareszcie – wszystko to nie jest malowniczym na równinie i piasku wśród bajrakowatych i pokrzywionych sosen, lecz dzień jarmarku, dzień wielki i uroczysty dla arendarza, nadaje tej pustyni poleskiej pozór ożywiony i charakterystyczny* [8, s. 25].

Małe i senne poleskie miasta oraz miasteczka ożywały raz do roku za sprawą odbywających się tam jarmarków. Największy poleski jarmark miał miejsce w Pińsku, ale sławne były też te w Janówce i Berdyczowie [8, s. 25-32, 84, 112-115].

Nieodłącznym elementem krajobrazu Poleskiego były karczmy. Z jednej strony centra życia towarzyskiego, z drugiej miejsce wytchnienia dla podróżnych. Poleskie groble i karczmy, były to dwie najstraszniejsze rzeczy, jakie mogły przytrafić się podróżnemu w jego wędrówce przez Polesie. Wycieńczony podróżnik wędrowiec marzący o spokojnym i komfortowym noclegu w karczmie srodze się rozczarowywał wchodząc w progi którejsz z nich: *Rad nierad, ciemno, późno, słońce, wchodzisz do jednej! Ach! Pod nogami twymi płaczą się bachury, gęsi, kury, błoto; głowa twoja zawadza o lichwiarza siedmioramiennego, wiszącego z pułapu i kapiącego łojem, w nos twój zapach gorzałki, dymu fajek, swędo właściwego Żydom, kwasu, czadu, łaju, dziegciu, błota wpada i uderza; o uszy twoje gwar pomieszany beku dzieci, krzyku kur, kaczek, gęsi, Żydówek, brzęku kwart i pieśni chłopskich. Na dobitkę, w jednym kącie Żydzi rzną kozę wśród izby, w drugim spektator uczy dziecko ponuro powtarzając – Gecher! Uciekasz do alkierza! W alkierzu na betach i piernatach Żydzi mieszają bułki i tokszyn, wisi kołyska, stoi stół kulawy, wólczy się kotka z kocieciami, skaczą kozy po ławach, zawala drogę worek z owsem, w kącie śmierdzi rzepa i brukiew, a w drugim – leży kupa kartofli. Ani sposobu! – Gdzież ja będę nocował! – myśli biedny podróżny... Nic obrzydliwszego na świecie nad karczmę poleską, nic podobniejszego do czyściska nad nocleg w niej... [8, s. 128-129].*

Karczmy na Wołyniu niewiele różniły się od tych poleskich. Pobyt w karczmie w okolicach Międzyrzecza Koreckiego Kraszewski przedstawił następująco: *zatrzymałem się w karczmie dość brudnej i wioniejącej jak zwyczajnie, bo wszystkie karczmy jak kwiaty (przepraszam za porównanie) mają swój wrodzony i wyłączny zapach* [8, s. 168]. Podczas noclegu szczury tak utrudniały pisarzowi sen, że resztę nocy spędził w karcie, którą podróżował [8, s. 169].

Jednym z pierwszych spostrzeżeń po przekroczeniu granicy Polesia i Wołynia był brak drzew w krajobrazie wołyńskim. *Od Horodyszcz do Hrycowa samym prawie stepem droga. Tu mocno dał mi się uczuć brak drzew, które tak ożywiają najmniej znaczące widoki. Jak zajrzyć okiem przez góry i doliny, tylko zieloność runi jesiennej lub czarne widać ugory, czasem tylko w parowie nad strumykiem kilka wierzb pochylonych. Lecz za to, jeśli się Wołyń uśmiechnie, o jakże bywa piękny!* [8, s. 152]. Polesie było smutne, melancholijne i biedne. Wołyń uśmiechał się do Kraszewskiego. Był radosny, słoneczny, jasny. Wspomina, że cieszył się wjeżdżając w ten kraj, któremu natura nie skąpiła darów, do których brak tylko jeszcze ruchu, handlu i powszechniejszej cywilizacji [8, s. 149].

Jakże odmienna od poleskiej była wieś wołyńska: *Chaty na Wołyniu są czyste i porządne, chociaż po większej części budowane z drobnych drzewa kawałków i gliną polepione, lecz wybielone czysto, z przyzbą, otoczone drzewkami i płotem z ziemi i gnoju. Ten ostatni materiał wcale nie zdobi, lecz w braku drzewa, z którego gdzie indziej stawiają dębowy*

tyń, muszą go używać. W chatach słomą, a dalej w bezlesiu lodygami chwastów, kukurydzy i suszonym gnojem palą [8, s. 239].

Kraszewski opisywał krajobrazy Wołynia, często kontrastując je z krajobrazami poleskimi. Bogatemu, żyznemu, porośniętemu bodiakami Wołyniowi, przeciwstawił lesiste, piaszczyste i biedne Polesie. *Wołyn z Ukrainą i Podolem za najżyźniejszy w dawnych posiadłościach Polski obwołany i nie bez przyczyny. Wielkie jego stępy, okryte kłosami, nie tylko żywiło łatwo małą w proporcję ludność, która je obrabiała, nie tylko zasilaty zabiegających się Poleszuków, zbierających za siódmy i ósmy snop, lecz ożywiały jeszcze handel zbożowy na Morzu Czarnym i Bałtyckim. Żyzność Podola, Ukrainy i Wołynia z dawna jest sławną... obcy pisarze wiele o niej bajek napletli... że raz ledwie tchnięta pługiem ziemia pięćdziesiąt ziaren daje. ... o dwóch z jednego posiewu zbiorach... Inni opisując cudowną żyzność Wołynia wspominają o rosnących w stępach trawach tak wysokich, że w nich się dorosły może ukryć mężczyzna, że w nich ledwie rogi widać ogromnym wołom tutejszym. Nie są to wprawdzie trawy, lecz bodiaki, chwasty grubej lodygi, różowo kwitnące, rodzaj ostu. Inni tak żywą wymyśliłi tu wegetację, że według nich pług na parę dni zostawiony w polu trawą się pokrywał...* [8, s. 228].

Przestrzeń geograficzna Wołynia nie była tak intrygująca i ciekawa przyrodniczo jak Polesie. Wołyn miał inne walory, które przykuwały uwagę Kraszewskiego. Były to głównie pozostałości po świetlanej przeszłości tych ziem. W opisach krajobrazu wołyńskiego dominują ruiny zamków, pałace, dwory szlacheckie. Cywilizacja ma tu przewagę nad naturą.

Zachwycając się zamkami wołyńskimi pisał: *wszystkie znane mi gruzy zamków litewskich w Nowogródku, w Trokach na jeziorze, w Lidzie aleksandrowski zachował ledwie szczęły murów, ledwie ślady dawnej swej postaci. W lidzie nic prócz okólnego muru, jednego bastionu i rysów zatartych dawnych ozdób na gzymsach. W Trokach zastanawiają tylko wypłowiałe resztki malowideł... Wołyńskie zamki są dotąd najdalej, bo najdłużej były potrzebne. Ostrogski, dubiński, czartoryski, łucki, ołycki, w Koniuchach; świadczą o liczbie swojej, i zachowaniem, jak ten kraj długo opierał się najazdom i wojny długie przecierpiał. Łucki i ołycki dotąd najlepsze mogą dać wyobrażenie dawnego obronnego zamczyska. Widok łuckiego z mostu niedaleko kościoła Bazylianów jest najpiękniejszy* [8, s. 179].

Nic piękniejszego nad wysoko wzniesione ruiny na górze zamkowej, panującej nad miasteczkiem, oblanej wodą. Widać na tej górze reszty cerkwi, zamku, bram i pięknych murów, pokruszone łuki sklepień i nic nie trzymające już słupy. W jednym miejscu ściana murowanej jakiejś budowy na szczycie góry stojącej schodzi aż do dołu, tworząc rodzaj fosy. Nic bardziej malowniczego nad ten widok w naszym kraju znaleźć można [8, s. 169].

Budowlami odzwierciedlającymi nierówności społeczne na Wołyniu były pałace książęce. Kraszewski opisuje te w Sławucie i Hrycowie. *Wjeżdżając do Hrycowa spuszczać się z góry. Piękny, choć mało upiękniiony widok, na lewo ogród i stary pałac z dziedzińcem i bramą senioralną w starym smaku, z cyfrą i koroną na fontannie. Obyczaj wołyński. Pałac pański jednym słowem: niżej staw, nad nim garść rzuconych topoli, których tu nie szczędzą parkomani...* [8, s. 154, 160].

Józef Ignacy Kraszewski w artykule krytycznym „Krajobrazy” z 1856 r. przedstawił swój stosunek do wartościowania artystycznego i estetycznego pejzażu ziemi ojczystej. *Trzeba być trochę ślepym lub bardzo uprzedzonym, żeby nie widzieć piękności, w jakie nasz kraj obfituje. Mówię tu szczególnie o krasie, jaką go Bóg obdarzył... Dotąd tak mało się poznano na kraju naszym, że pewno tylko uprzywilejowane niejako strony jego miały artystów chętnych, co je odwzorowywali... Nad to nic prawie nie widzieli pejzażyści nasi...* [6, s. 113]. Największym zarzutem wobec twórców krajowych jest naśladownictwo wzorców zachodnich oraz bagatelizowanie walorów estetycznych terenów krajowych. Istotą opisu krajobrazów krajowych i piękna pejzażu ojczystego winno być ukazanie ich cech indywidualnych i charakterologicznych, oryginalnych i swojskich. Artysta powinien był odzwierciedlić *to, co istotnie piękne, znaczące, charakterystyczne, własne, nasze* [6, s. 115].

Największym atutem krajobrazu ojczystego była jego nowość i nieznanomość. Kraj nasz posiada tysiące nowych elementów, nie zużytych, nie tkniętych, które by cudownie użytkować się dały. Nie ma tu zresztą wydziedziczonej prowincji, nie ma opuszczonego od Boga kątk... Każda kraina ma swoją fizjonomię rodzimą, swój wdzięk, swoje piękno, dające się tłumaczyć w jednych więcej linią, w drugich więcej kolorem i światłem. Znam wiele stron kraju naszego, a nie widziałem jeszcze kątk, który by nie mógł się stać malowniczym pod ołówkiem lub pędzlem artysty [6, s. 116].

Szukając w pejzażu ojczystym tego co oddaje nasz charakter narodowy, zwrócił się Kraszewski do wioski, jako nie tkniętego materiału, a najistotniejszej części kraju, który zawsze najglówniej żył żywotem wiejskim, bo miasta nasze pachły niemiecką i obczyzną. Choć budowy nasze wiejskie nie są ani szaletami szwajcarskimi, ani angielskimi kottedżami, mają przecie żywioły i oryginalności, których tylko użyć trzeba umiejętnie. Z natury materiału, jakiego nas używać zmusza po większej części niedostatek kamienia i przyzwyczajenie do drzewa, budowom wiejskim brakuje kolorytu... Chaty poleskie często bywają bardzo malownicze, ze swym dachem granicznym okopconym od dymu i słomianymi strzechami, kominami drewnianymi, dymnikiem, drabinkami, węglami zębiastymi itp. Wołyńskie lepianki już wcale są inne i odrębny mają charakter... [6, s. 120].

Pierwsza Rzeczypospolita była krajem szlacheckim, w którym 10 procent „narodu szlacheckiego” narzucało reszcie ludności kraju swą wolę polityczną i ekonomiczną. Miasta były słabe i pozbawione znaczenia politycznego. Bogate mieszczaństwo to głównie Niemcy i Żydzi, którym tożsamość polska była obca. Szlachta mieszkała na wsiach i ceniła sobie wiejskie życie. Większość społeczności kraju to chłopci, którzy z wiadomych względów byli skazani na wiejską egzystencję. Najbardziej typowym wariantem krajobrazu krajowego zamieszkanego przez chłopów były wsie, przez szlachtę zaś dworki i dwory szlacheckie. Kraszewski dążył więc do oddania tego, co ukazywało statystyczną prawdę o naszej ojczyźnie.

Kraszewski twierdził, że rzeczy same w sobie nie są nacechowane estetycznie, nie niosą też ze sobą znaczenia emocjonalnego. Artysta swą mocą twórczą potrafi tchnąć w nie życie, uczynić z niczego dzieło sztuki. *Natura sama przez się jest martwą lub żywą w miarę tego, jak przeciw niej stoi człowiek, co w nią wzrokiem i duszą wlewa śmierć lub życie... Dla istotnego poeety-artysty z niczego wyrasta arcydzieło, miernemu nic nie pomoże najpiękniejsze zdanie. Ducha w nie tchnąć potrzeba, bo go nic nie zastąpi* [6, s. 116]. W podróży przez Polesie i Wołyń Kraszewskim kierowała zasada, że wszystko pięknym być może, co tylko dusza artysty podnieść zechce do ideału [6, s. 117].

Literatura

1. Bachórz, J. „Olbrymie jodły szumią nad moją głową...” Kraszewski o lasach i drzewach, [w:] *Zbliżenia historycznoliterackie: Prace ofiarowane Profesorowi Stanisławowi Burkotowi* / red. T. Budrewicz, M. Buś, A. Gurbiel, Kraków, 2003.
2. Bruckner, A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. – Warszawa, 1970.
3. Burkot, S. *Podróż po stronach rodzinnych*, [w:] Kraszewski J.I., *Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy* – Warszawa, 1985.
4. Burkot, S. *Podróż Józefa Ignacego Kraszewskiego*, „Ruch literacki” XXVIII, zeszyt 3. – Kraków, 1987.
5. Kraszewski, J.I. *Kartki z Podróży 1858-1864* – Warszawa, 1977.
6. Kraszewski, J.I. *Krajobrazy*, [w:] *Z dziejów polskiej krytyki i teorii sztuki* / oprac. E. Grabska, S. Morawski, Warszawa, 1961. – T.1: *Mysli o sztuce w okresie romantyzmu*.
7. Kraszewski, J.I. *Noce bezsenne*, [w:] J.I. Kraszewski, *Pamiętniki* / oprac. W. Danek. – Ossolineum, 1972.
8. Kraszewski, J.I. *Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy*. – Warszawa, 1985.
9. Obrębki, J. *Studia etnosocjologiczne* / red. A. Engelking. – Warszawa, 2007. – T.1: Polesie.
10. Piasecki, S. *Piąty etap*. – Warszawa, 1938.
11. Pietkiewicz, C. *Drogi na Polesiu Rzeczyckim w drugiej połowie XIX st. // Ziemia XI*. – 1926. – № 18.
12. Pietkiewicz, C. *Polesie Rzeczyckie. Materiały etnograficzne*. – Kraków, 1928. – Cz. 1: *Kultura materialna*.

13. Płaszczewska, O. *Józef Ignacy Kraszewski wobec tradycji europejskiej podróży literackiej*, [w:] *Europejskość i rodzimność. Horyzonty twórczości Józefa Ignacego Kraszewskiego* / red. W. Ratajczak, T. Sobieraj. – Poznań, 2006.

14. Ruszczyk, G. *Polesie. Fotografie z lat dwudziestych i trzydziestych* / G. Ruszczyk, A. Engelking. – Warszawa, 1997.

15. Tomaszewski, J.Z. *dziejów Polesia 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych*. – Warszawa, 1963.

ВИЗУАЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВА

Сребалюс Й.

Вильнюсский технический университет им. Гедимина, г. Вильнюс, Литва

Понятие визуальности

Моделирование системных сил отечества – семьи, структур производства и государства – происходит субъективно, на основе визуально пережитых нравственных ценностей исторической памяти культуры народа ради воспроизводства ценностей культуры в будущем. Визуальность проявляется как неинформационный, духовный способ субъективации ценностей исторической памяти, принципов творчества, синергетических отношений в отечестве. Визуальность – это духовная связь человека с исторически сформировавшимися ценностями культуры – нравственностью, философией, искусством. Отражая ценности культуры народа в прошлом, функция визуальности проявляется как категория диалектики, открывающая законы и принципы созидания будущей жизни человека и народа. Визуальность в этом плане может быть рассмотрена как общее понятие философии, раскрывающее духовную связь визуального переживания исторической памяти народа и единство ценностей культуры в памяти индивида.

Визуальные представления о ценностях исторической памяти – это духовный способ перевода ценностей культуры прошлого в сознание и память человека в будущем. Духовное переживание (присвоение) ценностей культуры народа в сознании индивида настоящего времени представляется существенной функцией визуальности. Визуальность, как писал Константинас Райчинскис, первооткрыватель математического моделирования в Литве, отражает логику творческих отношений в сознании субъекта материального и духовного производства [1, с. 224].

Функция визуальности, ее системное предназначение стали объектом исследования философов-профессионалов довоенной Литвы – Йонаса Вабаласа-Гудайтиса, Константинаса Райчинкиса, Валентинаса Густайниса [2, с. 69], Антанаса Мацейны. Доктор философии Антанас Мацейна писал, что воспроизводство культуры – это воспроизводство отношений творчества [3, с. 23]. Моделирование отечества – это визуальный способ перехода ценностей исторической памяти народа в сознание и мотивы субъекта, творца будущей жизни народа в отечестве. Объектом визуального переживания является историческая память о ценностях бытия человека и народа в рамках национальной культуры. Родной язык матери, обычаи отцовского дома, инфраструктура родины – силы неинформационного способа визуального перехода исторической памяти в сознание субъекта культуры в семье, в структурах экономики и государства.

Визуальность притягивает внимание и современных исследователей, в частности, интерес преподавателей кафедры философии и политологии Вильнюсского технического университета им. Гедимина. В поисках объекта сущностных сил творческой экзистенции профессор Томас Качераускас пришел к обоснованному выводу: *творческие устремления субъекта существования определены визуальностью, освещены све-*

том воспоминаний [4, с.10.]. В поисках сущности визуальности, ее структурных функций философы ВГТУ достигли определенных результатов. Результаты исследований отражены в материалах двух научных конференций: республиканской (2009) и международной (2011).

Историческая память как визуализация гармонии интересов.

Творческая личность достигает гармонии интересов, обогащая свою память ценностями культуры. Философ и теолог раннего средневековья Аврелий Августин в книге „Исповеди“ писал, что память представляется духовным сокровищем, сила которого велика, пугающе велика, глубока и бесконечно разнообразна. И в этом проявление духовности, и в этом является сам человек [5, с. 271]. Историческая память и ее структура являются элементом конструктивных отношений в культурном пространстве отечества. Так, в 1929 г. функцию памяти в системе представлений определил литовский педагог и психолог Ионас Гудайтис-Вабалас [6, с. 5]. Функция исторической памяти – это функция гармонии интересов в отечестве, поэтому есть основание определять ее как проявление визуальности, духовности субъекта культуры.

Духовная сила визуальности моделирует культуру, как основу воспроизводства отношений в семье, в структурах экономики и политики, в всей системе воспроизводства ценностей культуры. Однако визуальность исторической памяти – это не только воспроизводство ценностей культуры – она обеспечивает стабильность интересов, вечность отношений бытия человека и народа в отечестве. Историческая память является источником нравственности, философских знаний, духовности. Историческая память – это неинформационный способ визуальной ретрансляции духовности, нравственности человека, субъекта системного порядка и структурного устройства бытия народа в прошлом. *Продукт визуализации исторической памяти – возрастание моральности интересов.* Согласно Аристотелю, нравственность человека является основой каждой прогрессивной политической системы [7, с. 51].

Визуальность – это неинформационная форма проявления духовности творческого индивида. Ценностями культуры она не только обогащает память индивида, но и способствует развитию нравственного отношения к творчеству, в то время как творчество обуславливает синергию всех отношений внутри определенной культуры [8, с. 310-311]. Визуальность исторической памяти определяет мотивы чувственно-патриотических отношений творческого индивида к формам культуры родины и к развитию нравственного бытия человека и народа в родной стране. Визуально пережитая историческая память открывает индивиду смысл устремлений в будущее на основе духовности исторической памяти, отражающей принципы моделирования гармонии интересов.

Ценности культуры, сохраняющиеся в исторической памяти, этнические формы духовной, экономической и политической жизни народа передаются родным языком матери, обычаями отцовского дома, традиционной инфраструктурой родной земли. Жизнь в отечестве – это непрерывное построение нравственного бытия на основе визуальности исторической памяти народа членов семьи, производства и структур государственной политики [9, с. 192].

Визуальность – источник единства памяти.

Память субъекта духовной, экономической и политической жизни народа в отечестве обладает единством как продуктом визуальной индивидуализации ценностей культуры народа в сознании творческого индивида. Единство памяти индивида является основой культуры общественно-этнического бытия человека и ценностей культуры народа в творческой среде. Жизнь – это постоянное подпитывание памяти индивида на основе единства исторической памяти народа в семье, на производстве и в государственной политике [9, с. 192].

В начале жизни каждый индивид не знает, как вести себя в непосредственно окружающей среде и поэтому руководствуется инстинктами. Такой инстинктивный опыт жизни индивида не является источником единства ценностей в сознании. Этот источник можно обнаружить в семье, которая является основой гармоничного бытия интересов человека в системе духовного воспроизводства. Отечество выступает как субъект и как объект единой исторической памяти человека и народа. Функцию объекта отечество проявляет духовной силой визуального моделирования нравственных ценностей (истин) личности в семье, в структурах экономики и государства, то есть всеми формами бытия человека и народа. Без духовного, экономического и политического воздействия со стороны отечества человек может утратить способность субъективировать ценности культуры и чувствовать радость от единства своих интересов и ценностей с исторической памятью народа.

Заключение

Визуальность как способ духовной коммуникации творческих индивидов способствует образованию системы воспроизводства духовных, экономических и политических структур отечества. Понятие визуальности характеризует отечество и как объект и как субъект продуктивных синергетических отношений семье, на производстве, в политике государства. Жизнь отечества как системы духовного, экономического и политического бытия человека и народа составляет смысл синергетического творчества в пространстве исторического времени. Смысл жизни в отечестве, законы и принципы бытия человека и народа становятся достоянием личности в процессе усвоения ею культурных ценностей своего народа. Единство ценностей в памяти индивида формируется на родине, на родном языке матери, под воздействием обычаев отцовского дома, на основе традиций. Это единство превращает индивида в субъекта культурной жизни. Родная страна как взаимодействие субъектов культуры создает оптимальные условия для сотрудничества людей, народов и государств [10. 60].

Визуальность и единство памяти – это общий фактор продуктивной коммуникации как в отдельной стране, так и на европейском и глобальном уровнях. Визуальность как тождество ценностей культуры – мотив продуктивного добрососедства между Беларуссией и Литвой. Визуальность является знаком открытости, указывает на положительное отношение к действительности. Справедливо отметить, что визуальность и в особенности единство ценностей культуры может быть использованы как фактор решения существующих конфликтов.

В личностном отношении визуальное тождество ценностей культуры может стать творческой основой решения проблем одиночества человека и тревожного состояния его экзистенции.

Список цитированных источников

1. Raičinskis, K. 1933-1992. Ieškojimai ir atradimai po Majos skraistė. – Kaunas-Alytus:Austėja.
2. Gústainis, V. Materialinis ir abstrakščios vertybė žmonių sąmonėje. – Vilnius: Mintis. – 1991.
3. Maceina, A. Kultūra kaip žmogiškoji kūryba, R., T. I. – Vilnius: Mintis. – 1991.
4. Kačėrauskas, T. Tikrovė ir išmonė kalbinės egzistencijos perspektyvoje. Santalka. Filosofija, 16(1) 10. – 2008.
5. Augustinas, A. Išpažintys. Dešimtoji knyga. – Vilnius: Ardor. – 1998.
6. Vabalas-Gudaitis, J. Konstruktyvines sąveikos. – Klaipėda: Pedagogika. – 1929.
7. Jonas Paulius II. Atmintis ir tapatybė. – Vilnius: Katalikų pasaulio leidiniai. – 2005.
8. Kalinauskas, R. Energoentropiniai žmoniškumo pagrindai. – Vilnius: Technika. – 2008.
9. Kačėrauskas, T. Tikrovė ir kūryba: kultūros fenomenologijos metmenys. – Vilnius: Technika. – 2008.
10. Per Christensen, A. Harmonija ir produktyvumas / A. Per Christensen, J. Lund Hansen. – Vilnius: Enciklopedija. – 1996.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПОСЛЕДСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Стариков В.И.

Институт парламентаризма и предпринимательства, г. Минск, Беларусь

В конце XX и начале XXI вв. многими учеными мира все активнее стала обсуждаться проблема изменения, «размыwania», «исчезновения» государственного суверенитета. В последнее время всё громче говорится об усилении взаимных связей и взаимозависимости между государствами, что ведёт, с одной стороны, к усилению роли наднациональных органов, которым государства частично делегируют свои суверенные права (пример – Европейский Союз. Беспрецедентному прогрессу интеграции здесь содействовало уникальное совпадение специфических факторов: близость политических и культурных традиций европейских народов, истощение сил в результате двух мировых войн, послевоенный идеологический раскол континента и «холодная война», резкое ослабление мировых позиций европейских держав и т.д.), с другой – к признанию ряда проблем (например, экологическая проблема, проблемы сырьевых ресурсов, прав человека и т.п.), выходящими за рамки исключительного ведения отдельных государств и подлежащими международному регулированию (принцип «нарушения прав человека не являются внутренним делом»).

В современной политической науке в определенной мере осознается, что сегодня необходимы комплексное переосмысление и переоценка понятия «суверенитет» как в связи с возникновением мирового политического сообщества, так и в связи с уточнением пределов частных суверенитетов, принципов их сочетания друг с другом и построения их иерархии.

Говоря о причинах пересмотра принципа суверенитета, следует, прежде всего, обратить внимание на комплекс процессов, который традиционно обозначается как «глобализация». В основе феномена глобализации лежат процессы в сфере экономики и финансов, в настоящее время служащие фундаментом для глобальной политической и культурной «надстройки». Это дает основание полагать, что практически ни одна сфера человеческой деятельности не избежит определенной трансформации. При этом «наступление» на принцип суверенитета государства происходит сразу по нескольким направлениям, а существующая концепция государственного суверенитета ставится под сомнение в отношении практически всех ее основных составляющих. Глобализация в целом способствует изменению и сокращению суверенных полномочий государств, и при этом процесс является двусторонним: с одной стороны, усиливаются факторы, объективно уменьшающие суверенитет стран, а с другой – большинство государств добровольно и сознательно идет на его ограничение.

В целом же понимание глобализации различается в зависимости от теоретических позиций авторов. Реалисты, признавая наличие существенных изменений в современном мире, рассматривают глобализацию, скорее, как процесс эволюционного развития мира, а не как качественный скачок в его преобразовании. Неомарксисты видят в современных процессах заключительную стадию развития капитализма, порождающую все большую поляризацию мира по экономическому параметру, а как следствие – и политическую нестабильность. Для большинства исследователей, придерживающихся нелиберальной традиции, глобализация – это качественно новый этап развития политической структуры и мира, а также человеческой цивилизации в целом.

В то же время процесс глобализации неоднозначно воспринимается и в мировом общественном мнении. Противников рассматриваемого мирового процесса называют антиглобалистами. Основные требования антиглобалистов связаны с ликвидацией нищеты и бедности в мире, обеспечением сохранения окружающей среды, соблюде-

нием прав человека во всем мире. Однако следует отметить, что приверженцы глобализации заявляют, что преследуют те же цели. Таким образом, речь идет прежде всего, во-первых, о различном понимании указанных целей, во-вторых, о расхождении в методах и способах решения актуальных глобальных проблем современности.

Такое разнообразие мнений и позиций относительно глобализации обусловлено сложностью, комплексностью процессов, широтой охвата сфер человеческой деятельности и взаимоотношений. Очевидно, что политическая глобалистика, основанная на объективных научных подходах, может и должна сыграть значительную роль в сближении позиций сторонников и противников глобализации.

Мы считаем, что важнейшим аспектом глобализации является, пожалуй, аспект «размывания» национальных границ, который отражает ее в наибольшей степени. Это проявляется в интенсификации и увеличении объемов различного рода обменов и взаимодействия за пределами государственных границ, причем во всех областях. Как следствие, один из наиболее важных результатов – формирование мирового рынка товаров и услуг, финансовой системы, мировой сети коммуникации.

В последней четверти прошлого века резко расширился доступ к новым технологиям. Важнейшим показателем прогресса стало число компьютеров на тысячу жителей страны. На передовых позициях находятся Китай, Бразилия, Индия, Израиль, вся западная Европа (кроме Франции), Япония, Тайвань. Добавим сюда телефон и интернет. Вложенные в индустрию глобальных телекоммуникаций 600 млрд. долл. служат материальной основой глобального распространения идей, образов, информации в самом широком смысле. Как результат, человечество уже не может обработать тот объем информации, который способно создать.

Транспарентность («размывание») межгосударственных границ, вызванная глобализацией, «перевернула» прежние представления о безопасности; конфликтах, их урегулировании; дипломатии и других базовых проблемах классических исследований по международным отношениям. Но главное, везде она стерла существовавшие ранее жесткие барьеры между внешней и внутренней политикой. Так, в области безопасности непосредственная угроза одного или группы государств в отношении другого или других стала уходить на второй план, уступая место проблемам терроризма, сепаратизма, национализма и т.п. То же можно сказать и о конфликтах, которые из межгосударственных превратились во внутригосударственные. И эти новые конфликты требуют иных подходов к их анализу и урегулированию.

Открыв межгосударственные границы, глобализация облегчила и деятельность новых, негосударственных акторов на мировой арене: транснациональных корпораций, внутригосударственных регионов, неправительственных организаций, тем самым стимулируя их активность и количественный рост. Но здесь есть и обратное влияние: сами негосударственные акторы стимулируют развитие глобализации и прозрачность границ. Причем глобальные факторы становятся все более значимыми и для мира в целом, а не только для отдельных государств. Парадокс в том, что властные функции государств не уменьшаются или даже усиливаются (благодаря совершенствованию техники и аппаратов власти), а контроль над социально-экономическими процессами от них ускользает. Ответом на это стало образование региональных объединений (к примеру, тот же Европейский союз). По мере нарастания глобализации все большая часть государственного суверенитета перераспределяется между локальными, региональными и всемирными регулирующими институтами. Особо важен тот факт, что возрастает международная роль неправительственных организаций. Формируется глобальная политическая система, в которой национальные государства являются лишь одной из составляющих. Им приходится все больше как бы делить власть с другими акторами на мировой арене. Время абсолютного и исключительного суверенитета прошло.

Международные институты облегчают обмен информацией между государствами и предоставляют им дополнительные каналы для взаимодействия. Само развитие таких институтов и режимов, происходящая в них координация позиций и разработка решений составляют обширную область новых функций национальных государств, объем и значение которой увеличиваются. Поскольку так называемые надгосударственные структуры формируются и функционируют преимущественно на основе государственного представительства, они являются не альтернативой институту государства, а специфической, коллективной формой его проявления и взаимодействия, в том числе с субъектами иных уровней.

Глобализация – довольно противоречивый процесс, имеющий множество различных последствий. Глобальная безопасность, глобализация политики, глобализация торговли, глобализация бизнеса, финансовая, культурная глобализация, глобализация окружающей среды, глобализация миграционных потоков и т.д. – все эти естественные процессы имеют как позитивные тенденции, которые свидетельствуют о расширении, углублении и ускорении мирового сотрудничества, так и негативные, которые, если ими не управлять, могут привести к всеобъемлющему кризису современной цивилизации.

Два параметра: неравномерность глобализации и ее плохая управляемость – вызывают в настоящее время наибольшее беспокойство. Первый в значительной степени связан с происходящими в мире объективными процессами и определенным этапом мирового социально-экономического развития. Второй параметр определяется во многом субъективными факторами. От того, насколько человечество сможет взять под свой контроль глобализационные процессы, зависит будущее его развития.

Вопрос о суверенитете государств в эпоху глобализации, видимо, не имеет однозначного решения, т.к. зачастую воспринимается весьма болезненно гражданами любого государства. Однако следует на основании положительного опыта сотрудничества государств в разных сферах общественной и политической жизни расширять и углублять подобное взаимодействие.

В связи с этим особую значимость приобретает политическое регулирование современной глобализацией, институционализация этого регулирования на всех уровнях. Глобализация провоцирует потребность в общеобязательных международных регламентациях, международных конвенциях и институтах для трансакций, перешагивающих границы. Глобальное управление может стать той формой социального регулирования, которая способна обеспечить относительно справедливое распределение благ в современном, все более глобализирующемся мире.

Несмотря на все сложности, в настоящее время все-таки довольно отчетливо проявляются следующие параметры глобального управления: участие разных акторов; отсутствие иерархичности связей между ними; множественность форм и методов взаимодействия; использование переговоров для согласований. В то же время, активно развивающаяся в последнее время глобализация ставит под сомнение абсолютность суверенитета государств. Экономические и другие процессы взаимоотношений людей, органов, организаций, государств в современном глобализованном мире, решение глобальных проблем человечества в целом невозможны без четкого и развернутого правового регулирования, без детального законодательства, обеспечивающего цивилизованные отношения между людьми, организациями, государствами, без прочного режима контроля за исполнением юридических предписаний. Роль права, и в первую очередь международного права, в современном мире существенно возрастает, и это представляет собой объективную закономерность глобального миропорядка.

Таким образом, динамика глобализации вовлекает в себя все без исключения государства наравне с такими новыми акторами, как ТНК, финансовые группы и т.п.,

подрывающими роль государства в политике безопасности, в сферах экономики и коммуникаций и тем самым трансформирующими государственный суверенитет.

Однако в настоящее время государство, которое традиционно являлось главным или даже единственным субъектом политики в сфере международных отношений (в чем были убеждены сторонники политического реализма), теперь уже не представляет собой самостоятельное политическое или экономическое образование. Оно становится лишь фрагментом, частью более широкого образования – всемирной политической системы, мировой экономики, мирового сообщества.

Ныне достаточно очевидно, что взятие на себя международно-правовых обязательств является осуществлением государствами своего суверенитета, а не умалением или ограничением его, разумеется, при условии, что такие обязательства не противоречат основным принципам международного права, имеющим императивный характер.

Совершенно очевидно, что глобализация – это процесс, определяемый рыночными, а не государственными силами, сбалансированным бюджетом, приватизацией, открытостью инвестициям и рыночным потокам, стабильностью валюты. Глобализация означает гомогенизацию жизни: цены, продукты, уровень и качество здравоохранения, уровень доходов, процентные банковские ставки приобретают тенденции к выравниванию на мировом уровне. Глобализация изменяет не только процессы мировой экономики, но и ее структуру – создает глобальную по масштабу взаимозависимость, достигающую степени интеграции в практически единое целое. При этом различие между взаимозависимой экономикой и экономикой глобализированной – качественное. Речь идет не только о возросших объемах торговых потоков, но и о мировом рынке, подобном рынку единого государства.

Вне всякого сомнения, глобализация заставит правительства всех стран согласовывать национальную экономическую политику с потребностями соседей и пожеланиями потенциальных конкурентов. В обстановке интенсивной конкуренции, подталкиваемой ускоренным движением капитала, лишь немногие государства смогут позволить себе независимую валютную политику и обеспечить экономическую самостоятельность. Прежняя система международного разделения труда, основанная на взаимоотношениях между «развитой индустриальной основой мира», полупериферией индустриализирующихся экономик и периферией неразвитых стран, изменяется в сторону создания единой глобальной экономики, в которой доминирует «глобальная триада» – Северная Америка, Европейский Союз и Восточная/Западная Азия. Здесь размещены главные производительные силы мира и мегарынки глобальной экономики, в которой центральную роль играют глобализированные транснациональные корпорации.

Государства теряют свою национальную идентичность по нескольким причинам. Четыре силы крушат прежнюю систему: транснациональные корпорации, негосударственные организации, самоопределение новых наций, резко увеличившаяся мобильность населения.

В XX в. спокойствие в международных отношениях зависело от мирного сосуществования суверенных государств, каждое из которых по-своему оправдывало свою легитимность. В XXI в. речь идет уже и о мирном сосуществовании между нациями одного и того же государства, которые обосновывают различные принципы определения суверенитета.

Проблема глобализации обещает быть главной в мировой эволюции в целом и в развитии отдельных стран еще многие годы и десятилетия. С одной стороны, глобализация может открыть новые горизонты и высвободить огромные творческие силы. С другой стороны, цена приобщения к глобализационным процессам может оказаться непосильной.

Является ли глобализация парадигмой будущего или иные исторические модели выйдут на историческую поверхность? Ответ на эти вопросы, очевидно, будет дан уже в ближайшие годы.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

Степанович В.А., Климович А.В.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Данная статья представляет собой своего рода авторские рефлексии над проблемами, поднятыми в книге известного итальянского писателя и публициста Умберто Эко «полный Назад», речь в которой идет о современности – о её политике, о культуре, о нравах. Книга содержит выступления и статьи У. Эко за 2000-2005 гг. Во вступлении к книге автор отмечает, что конец XX - начало XXI века – это особый период в жизни мирового сообщества. Переход в новое тысячелетие породил у людей определённый страх, который подогревался многочисленными публикациями о предстоящих сбоях в различных областях человеческой жизнедеятельности: в информационной, банковской сфере и т.п. К числу самых заметных событий этого времени относятся террористические акты в США, произошедшие 11 сентября 2001 г., начало войны США и союзников в Афганистане и Ираке. Анализируя эти и другие события, Умберто Эко значительное внимание уделяет медийным реакциям этих лет и анализирует изменение их функций в современном обществе.

Для рассмотрения названных проблем У. Эко вводит понятие «пра-пра-война», обозначая им традиционные войны. Такая война должна была приводить к победе над противником таким образом, чтобы его поражение было выгодно победителю. Враждующие стороны в таких войнах разрабатывали свои стратегии, захватывали врасплох противника, мешая ему реализовывать собственные стратегии. Каждая сторона соглашалась нести урон, вплоть до людских потерь, только бы противник нес еще большие потери. Ради этого предпринимались любые усилия. В «пра-пра-войнах» предполагался нейтралитет третьих сил, которые извлекали из войны даже определённую выгоду. Невмешательство третьих сил обеспечивало воюющим сторонам определённую свободу действий. Этот тип войны характеризовался ещё и тем, что полагалось чётко и однозначно понимать, кто твой враг и где он находится. Как правило, эти войны характеризовались наличием фронтов и охватывали две (или более) опознаваемые конкретные территории.

Иное дело война в наше время. Она затрагивает многие стороны жизни не только участников, но и других стран, при этом невозможно отличить воюющие стороны от нейтральных. Учитывая наличие ядерного оружия, можно полагать, что кто бы ни воевал, ни участвовал в конфликте, – в результате пострадает вся наша планета. Старая «пра-пра-война», таким образом, переродилась в «нео-войну», которой предшествовали несколько десятилетий «холодной войны». Этот последний тип войны У. Эко называет ещё «мирной воинственностью» или «воинственным миром». «Холодная война» – это равновесие, которое поддерживалось всеобщим страхом. Но это равновесие гарантировало определённую стабильность в мире, хотя и в это время происходили «пра-пра-войны», например, такие как война во Вьетнаме, арабо-израильские военные конфликты, войны на африканском континенте и др. «Холодная война» обеспечила относительную безопасность двум мирам: первому (капиталистическому) миру и второму (социалистическому) миру за счёт войн, происходящих в третьем мире.

«Нео-война» имеет ряд собственных отличительных признаков:

1. В «Нео-войне» трудно понять, кто является врагом. Анализируя конкретные военные конфликты, У. Эко задает вопросы: «Кто враг в этой войне?», «Все иракцы?», «Все сербы?», определенного ответа на которые не существует.

2. «Нео-война» не фронтальна. Она не может иметь фронтов, по мнению У. Эко, уже в силу самой природы надгосударственного (глобального) капитализма. Так, например, Ирану поставляли оружие не только бывший Советский Союз, но и западные страны, в том числе и США, а в наши дни преимущественно западная сторона поставляет оружие талибам в Афганистане.

Умберто Эко приводит в одной из своих статей парадоксальный пример «нео-войны». Западные самолеты в начальный период войны с режимом Саддама Хусейна долгое время бомбили военную базу Ирака и разрушили её полностью, однако потом было установлено, что это не база, а её макет, который отвлекал вооруженные силы союзников, а, главное – этот макет произвели и продали Ираку предприниматели одной из западных стран – Италии.

3. Еще одно отличие «нео-войны» заключается в том, что в «пра-пра-войнах» наживались на войне национальные компании воюющих сторон, а в «нео-войне» – межнациональные корпорации, имеющие интересы в каждой из воюющих сторон. У. Эко считает, что «нео-война» не может по этой причине не быть многосторонней и кратковременной, так как в затяжном варианте она приносит вред всем сторонам.

«Нео-война» породила новую логику и новую позицию средств массовой информации, а также существенно изменила функции СМИ. Так, во время войны в Персидском заливе западные масс-медиа, казалось бы, неожиданно стали рупорами антивоенной пропаганды. Можно понять, когда против войны выступили пацифисты, церковь или журналисты арабских стран, симпатизирующих С. Хусейну. Однако и деятели ведущих западных СМИ вместо того, чтобы противодействовать военной пропаганде противника, как это было всегда в «пра-пра-войнах», стали предоставлять на своих страницах место для выступлений его представителей. Следствием этого стала утрата гражданами воюющих стран лояльности по отношению к своим правительствам, рост антивоенного движения и расширение массовых антивоенных выступлений населения против своего же правительства, виновного, по их мнению, в развязывании войны и гибели молодых людей, которых это правительство заставило воевать. Между тем, один из теоретиков военного дела Карл фон Клаузевиц считал необходимым условием военной победы моральное единство воюющих, а оно в «нео-войне», как правило, отсутствует.

СМИ в современных условиях подрывают веру в цели войны, вызывают сострадание к гибнущему неприятелю, в то время как в прежних войнах ситуация была прямо противоположной: с помощью СМИ воспитывалась ненависть к неприятелю, а смерть его считалась справедливым возмездием. Уже во время войны во Вьетнаме в США началось движение против военных действий собственной армии, массовые антивоенные выступления на международной арене. Можно вспомнить, в частности, роль Нобелевского лауреата Бертрана Рассела в этом движении, включая инициированное им создание Международного суда против военных преступлений, в котором, кстати, заседал и известный представитель французского экзистенциализма Ж.-П. Сартр.

Современные СМИ вольно или невольно способствуют тому, что противник попадает в собственные тылы воюющей страны. Новые информационные технологии невозможно заглушить. Ныне поток информации выполняет, как считает У. Эко, ту же функцию, что раньше предназначалась секретным службам. Неприятель получает через информационные каналы такие сведения, которые помогают ему упредить действия противной стороны.

Изменилось и отношение СМИ к количеству и к самому факту гибели неприятеля, особенно среди мирного населения. В «нео-войне» сформировалось по этому поводу два новых принципа: не допустима смерть ни одного из своих; желательно уничтожать как можно меньше врагов. В старых войнах гибель собственных солдат считалась героизмом, им воздавались определённые почести, они отмечались наградами. Уничтожение как можно большего количества врагов было основной целью военных сражений. В «нео-войне» гибель противника, особенно жертвы среди мирного населения, вызывает неодобрительную реакцию не только международных, но собственных СМИ воюющей стороны.

В качестве примера У. Эко приводит «нео-войну» в Косово. Страны НАТО, направляющие свои самолеты бомбардировать Белград, тем не менее, сохраняли дипломатические отношения с Югославией. В телепередачах европейских телевизионных каналов постоянно шла открытая информация о количестве самолетов, летевших выполнять задания по бомбардировке «военных» объектов Югославии, хотя, как известно, количество погибших среди мирного населения в несколько раз превышает количество погибших среди военных Югославии. Однако, с другой стороны, СМИ и ТВ Югославии свободно могли излагать позицию своего правительства практически в любой стране-участнице НАТО.

У. Эко отмечает и нетипичную реакцию СМИ на события 11 сентября 2001 г. в США. Это событие ознаменовало начало конфронтации между западным миром и исламским терроризмом. Это ярко выраженная война, не имеющая строго очерченных территорий. Терроризм не имеет ни конкретных территорий, ни строго очерченных границ. К тому же оказалось, что врагами отдельных западных стран являются не только представители этнически и религиозно инородных обществ, но и некоторые граждане этих же государств – сектанты, неонацисты и т.п.

У. Эко выделяет еще одну особенность, характеризующую «нео-войну» после событий 11 сентября: «Всякий террористический акт преследует главную цель: запустить сообщение, сеющее в массах ужас (terror) или как минимум беспокойство. Терракт дестабилизирует порядок жизни, даже когда ущерб от теракта не очень страшен, и тем более серьезно он дестабилизирует весь уклад жизни, когда атакуется какой-нибудь важный символ. Какова же была, с этой точки зрения, цель Усамы Бен Ладена при атаке на башни-близнецы? Развернуть самый величественный спектакль на свете, невиданный даже в фильмах катастроф. Наглядно продемонстрировать крах главных символов западной власти. Показать, что эта власть уязвима в самых сокровенных своих святынях [1, с.33].

В этой ситуации посеять всеобщий страх среди населения помогли Бен Ладену именно средства массовой информации США и Запада, которые в деталях показывали сам террористический акт, многократно демонстрировали: как самолеты, управляемые террористами, разрушают башни; повторяли «картинки», запечатлевшие ужас на лицах свидетелей этого акта. Публикация многочисленных фото этого трагического события увеличила тиражи бумажных СМИ, поднялись и рейтинги телекомпаний, транслировавших катастрофу. У. Эко справедливо замечает, что этим самым была обеспечена бесплатная реклама Усаме Бен Ладену, его стремлению посеять страх, растерянность, с одной стороны, у западных (и не только) обывателей, а с другой стороны, утвердить уверенность, гордость за содеянное «возмездие» у своих сторонников – представителей террористических организаций. Создалась парадоксальная ситуация: СМИ, порицая терроризм и его предводителя Бен Ладена, одновременно стали его союзниками, работая «на него». Более того, мировые коммуникации обеспечивали видеотрансляцию многочисленных обращений Бен Ладена и способствовали тому, что «враг заговорил с тобой в собственном доме» [1, с.34].

Анализируя переход от старых войн, которые У. Эко называет «пра-пра-войнами» к новым войнам («нео-войнам»), автор выделяет следующие особенности изменений от одних к другим и рассматривает промежуточный вид войн, к которому он относит «холодную» войну: во-первых, «пра-пра-войны» создавали положение временной двусторонней нестабильности, затрагивавшей, как правило, двух участников конфликта, без нарушения общего равновесия на нейтральной периферии; во-вторых, «холодная война» привела к вынужденной долговременной стабильности в отношениях первых двух миров ценой многих временных нестабильностей на перифериях; периферии сотрясались множественными мелкими «пра-пра-войнами»: «Нео-война»... обещает постоянную нестабильность даже и в центрах. Центры становятся территорией ежедневного беспокойства, ареной постоянных террористических атак. Эта нестабильность будет сдерживаться перманентным кровопусканием на перифериях и большим количеством «Пра-пра-войн» [1, с.51-52].

Таким образом, 11 сентября 2001 г. символизирует утрату той стабильности, которую давала «холодная» война центрам Первого и Второго миров – капитализму и социализму. События начала 2011 года, которые произошли в государствах Северной Африки и Ближнего Востока (Тунисе, Египте и особенно в Ливии и др.) вновь поставили вопросы, которые часто возникают у людей в период социальных потрясений и перемен: о народном суверенитете; о том, имеет ли народ право на восстание или даже революцию против негодной власти, если эта власть не устраивает народ; о границах человеческой свободы; о взаимодействии государства, власти и гражданина; об ответственности верховной власти перед гражданами; о праве вмешательства других государств и международных организаций в ситуации, когда существующая власть применяет против восставших преступные меры, которые граничат с преступлениями против человечности и пр. и пр.

Эти проблемы в наше время снова находятся в центре внимания мировых СМИ. События, происходящие в Ливии, вначале вызвали недоумение и даже негодование многих СМИ по поводу невмешательства мирового сообщества и непринятия мер по пресечению преступлений лидера Ливийской Джамахирии против собственного народа. После принятия резолюции Совета Безопасности ООН по проблемам в Ливии реакция СМИ развивается почти в полном соответствии со сценарием, описанным Умберто Эко в анализируемой книге.

Список цитированных источников

1. Эко, Умберто. Полный Иназад: «Горячие войны» и популизм в СМИ. – М.: Эксмо, 2007. – 584 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Степанович В.А.; Перевалова Л.В.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Появление электронных СМИ, телевидения, затем Интернета существенно изменило понятие границы неприкосновенности частной жизни индивидуума. Вспомним ставшее классикой утверждение Дж. Ст. Милля о том, что граница моей индивидуальной свободы заканчивается там, где начинается свобода другого. Этого утверждения английского мыслителя более-менее придерживались средства массовой информации еще в недалеком прошлом. Многие идеи, касающиеся проблем индивидуальной свободы личности, а также наличия некоторых границ человеческой экзистенции, вмешательство в пределы которых недопустимо ни для государства, ни для власти, ни для так называемого «большинства», описаны в одном ещё недавно не очень дос-

тупном для многих читателей эссе «О свободе» английского мыслителя XIX века Дж. Ст. Милля, которое было написано им совместно с супругой Гарриет Тэйлор в 1839 г. В начале этого эссе подчёркивается, что речь в нём будет идти не о так называемой «свободе воли», которая, по их мнению, не очень удачно противопоставляется философской категории необходимости, а о гражданской или социальной свободе. Обращение к этой сравнительно небольшой работе Дж. Ст. Милля позволяет нам сравнить мысли автора, которые касаются свободы личности, её автономии, независимости, некоторых границ суверенности по отношению к государству и власти с современным положением дел в системе «СМИ – личность». Рассуждая о проблеме взаимоотношения власти и свободы личности, Дж. Ст. Милль отмечает, что борьба свободы с властью – это одна из наиболее заметных особенностей современной истории, заключающейся в том, что большинство правителей состояли в антагонистической позиции по отношению к своему же народу. Поэтому автор эссе делает вывод о необходимости ограничить власть правительства над обществом. Заметим, что эти мысли были высказаны Дж. Ст. Миллем ещё в XIX в. Мыслитель сформулировал предложение о двух возможных путях достижения свободы в обществе: во-первых, признание некоторых прав граждан, во-вторых, установление конституционных ограничений в отношении правительства [1, с.10].

Дж. Ст. Милль пишет, что власть можно доверить только тому правительству, которому народ доверяет, которое подотчётно народу и которое он, при необходимости, может сместить. Однако ограничивать свободу личности, частную жизнь этой личности может не только власть, но и общество большинства, проявляя тиранию. Как писал Дж. Ст. Милль, общество «само по себе тирания, тирания коллектива над отдельными личностями, и возможность угнетать не ограничивается действиями чиновников. Общество выводит свои законы, если они неверны или вообще касаются вещей, в которые обществу вообще нечего вмешиваться, то возникает тирания куда сильнее политических репрессий» [1, с.12].

Очень актуально звучит ещё одна мысль Дж. Ст. Милля: мораль страны исходит из интересов класса, «который находится в настоящее время у власти, зато, когда прежде господствующий класс теряет свою власть, мораль общества часто преисполняется нетерпеливым отвращением к нему. Другой решающий принцип правил поведения, навязанный законом или общественным мнением, – рабское преклонение перед предполагаемым превосходом господ» [1, с.12]. Здесь же Дж. Ст. Милль подчёркивает, что цель его рефлексий о свободе в названном эссе – «заявить принцип, который должен управлять *всеми отношениями общества к личности* – независимо от того, используются ли точно установленные законы или моральное принуждение общественного мнения». При этом он заявляет, что «принцип этот прост: единственное оправдание вмешательства в свободу любого человека – самозащита, предотвращение вреда, который может быть нанесён другим. Собственное благо человека, физическое или моральное, не может быть поводом для вмешательства, коллективного или индивидуального» [1, с.12].

Размышляя о границах человеческой свободы и экзистенции, Дж. Ст. Милль отмечает, что «есть область человеческой экзистенции, которая касается исключительно только его, а если и задевает прочих, то лишь с их добровольного и добытого без обмана согласия» [1, с.12]. К таким областям он относит внутреннее царство сознания, свободу мыслей и чувств, абсолютную свободу мнений по всем вопросам, свободу вкусов и занятий, возможность строить жизнь в соответствии со своим характером; делать то, что нравится, лишь бы не вредить остальным [1, с.13].

В эссе «О свободе» Дж. Ст. Милля прозвучала также мысль о потенциальной агрессии большинства по отношению к меньшинству, которая актуализировалась в пе-

риод системной трансформации государств, их политических структур последних двух десятилетий. О своих правах заявляют, с одной стороны, различные сектантские, псевдорелигиозные организации, которые наносят вред психическому и соматическому здоровью людей. Например, в современной России широко распространились псевдопророки, которые обещали, ни много ни мало, воскресить жертвы терроризма в Чечне и других горячих точках этой страны и т.д. А с другой стороны, современные правящие элиты, используя подвластные молодёжные структуры и организации, ведут борьбу с движениями, которые не согласны с политикой, проводимой представителями действующей власти. Чтобы затушить возникающие в обществе противоречия, власть очень широко пользуется этой «агрессией большинства» через его формирование с помощью электронных и бумажных СМИ. На экранах ТВ, в газетах и журналах часто торжествует пошлость, культивируются низкие культурные интересы населения через засилье низкопробной масс-культуры, «попсы», культура «лёгких» денег, «культуры» так называемого «гламура» и пр. Если раньше задачей СМИ было всё же воспитание молодежи, то сейчас, пожалуй, многие из них больше направлены на её развращение. В связи с этим можно согласиться с мыслями итальянского публициста и писателя У. Эко об изменении функций СМИ по отношению к частной жизни человека и о проникновении их за пределы определённых границ, которые ранее считались неприступными для вмешательства извне как со стороны властей, так и кого бы ни было. Эти мысли, как видим, созвучны идеям Дж. Ст. Милля.

Граница в жизни каждого человека – это его естественное право. Оно гарантирует каждому человеку неприкосновенность и невмешательство в самые сокровенные стороны его экзистенции. Более того, граница присуща не только каждому человеку, но и животному. Животное (или группа животных) отводит определённую, обозначенную, например, соответствующими запахами, территорию, внутри которой они чувствуют себя уверенно и считают врагом всякого, кто нарушит их территориальную безопасность. У. Эко, продолжая рассуждение Дж. Ст. Милля о границах свободы личности, пишет: «Культурная антропология продемонстрировала, как... буферное пространство (жизненное пространство человека, в которое не может проникать иной человек – В.С.) от культуры к культуре меняется, у одних народов расстояние между собеседниками должно быть как можно меньше, и это знак доверия; а другие соблюдают дистанцию – у них в культурах чрезмерная близость говорящего воспринимается как знак агрессивности» [2, с. 149].

Следует отметить, что в теории и практике международных отношений за последние десятилетия произошли весьма значительные изменения в осмыслении роли политических границ между различными государствами. Если Юлий Цезарь, перейдя Рубикон, чётко осознавал, что тем самым он пересёк установленную границу, совершил вооружённое нападение на римскую территорию, то в современном мире политические границы часто носят условный характер. Например, такими являются сейчас границы между странами-участниками ЕС. Более того, современные информационные технологии, по существу, разрушают традиционное понимание границы для развития международного общения. Как отмечает У. Эко, «ни одно национальное образование не в состоянии запретить своим членам знать, что происходит в других странах, и скоро ни одна диктатура не сможет отгородить своих подданных от мира. С другой стороны, централизованный надзор за деятельностью граждан с некоторых пор отошёл к иным могущественным инстанциям, которые технически оснащены... и всегда умудряются знать, кому мы писали, что купили, где побывали, чем интересуемся и даже какой вид секса предпочитаем» [2, с. 151].

По мнению У. Эко, в современном обществе есть люди, которые заботятся о конфиденциальности своей приватной жизни, оберегают внешние границы своей экзи-

стенции от посторонних, внешних вмешательств. К ним относятся те, кто стремится сохранить свою коммерческую тайну, тайну переписки, тайну результатов научных исследований до их опубликования и пр. Однако парадокс и даже абсурд массового общества, которое основано на засилье прессы, телевидения, Интернета, заключается в добровольном отказе от того, что называется приватной жизнью. У. Эко отождествляет этот отказ с потерей стыда и утверждает, что это граничит с патологией, с эксгибиционизмом. Так, на страницах Интернет-изданий, журналов и газет, на экранах ТВ распространяются сплетни, домыслы, клевета. Высокооплачиваемой, хотя и опасной, стала в наше время работа так называемых «папарацци». Приватная жизнь актрис и актёров, представителей шоу-бизнеса, олигархов и их детей, плейбоев; внимание к проблемам и сплетням из их личной жизни, к очеркам нравов, так называемой светской хронике, гороскопам и пр. захватила не только «желтую прессу», но, в погоне за тиражами, за заказами на рекламу, эта практика распространилась и на в прошлом серьёзные издания, которые следуют принципу «когда сенсаций нет, их нужно выдумать». Таким образом, в современных СМИ сплетня становится материалом тотальной информации, и она не обходит теперь стороной ни правящие элиты, ни политических и религиозных деятелей и т.д.

Как ни странно, но иногда сами «герои» сплетен распускают о себе новые и новые сплетни, при этом, совершенно не стесняясь их содержания, своих сексуальных пристрастий, очередных любовниц или любовников (значительно моложе или, наоборот, значительно старше их по возрасту); информируют о покупке очередных особняков в Лондоне, на Лазурном берегу, в Калифорнии; а также о покупке дорогих яхт и т.д. Быть субъектом сплетни — это сегодня особый шик, это признак принадлежности к кругу особых личностей, это значит быть почти знаменитостью. Такие стандарты жизненного успеха сегодня внедряются и в массовое сознание людей.

У. Эко обращает внимание на тот факт, что сами бывшие жертвы сплетен со стороны других людей теперь оскверняют сами себя, демонстрируют свое «грязное бельё», намекают, а иногда и сами говорят о своей нетрадиционной сексуальной ориентации и об однополых браках: «ни о ком не перешептываются за глаза, за спиной». Далее У. Эко отмечает: «Тайны нет... Если в прошедшие времена частная жизнь была... тайной, а тайное тайных, по общему мнению, сообщалось одним лишь исповедникам, ныне «исповедниками» называют телеведущих...» [2, с. 159-160].

Следует признать, что мы почти постоянно являемся свидетелями и вынужденными слушателями телефонных разговоров на улице, в поездах, в общественном транспорте. По мобильному телефону, громко, не прикрывая его рукой, говорят о частной жизни, о самых деликатных личных делах. Заметим, что никто при этом не нарушает границы личной экзистенции говорящего преднамеренно, он сам отказывается от частной обособленности, делая частную информацию доступной окружающим. В этой связи можно согласиться с оценкой, которая дается У. Эко этим фактам и картинкам из современной жизни. Он называет их «уродствами, моральными и физическими» [2, с. 165]. Поэтому данная проблема становится не только нравственной, антропологически-культурной, но и юридической. Обществу «следует учиться вырабатывать, распространять, воспитывать у людей новое представление о сдержанности по отношению к себе и другим» [2, с. 166].

К сожалению, средства массовой информации являются ответственными и за агрессию и насилие, которые в последние годы широко распространились в обществе. Как это случилось? Рассуждая об этом явлении, главный редактор популярного и наиболее массового по тиражу в СНГ еженедельника «Аргументы и факты» Николай Зятьков в одном из последних номеров пишет: «... раньше, несмотря на небогатую и идеологически зажатую жизнь, мы как-то умудрялись привить детям уважение к стар-

шим, добросердечие, отсутствие агрессии...». В настоящее время из процесса формирования личности исключены вечно занятые родители и даже школа, которая озабочена реформами и попытками заработать деньги. А телевидение осуществляет не созидательную, а разрушительную роль в этом процессе. Автор отмечает, что в среднем за 1 час телепоказа в России приходится 4,2 сцены насилия (намеренного причинения вреда), а российский подросток до 18 лет может увидеть по телевидению 18 тыс. убийств и 200 тыс. насильственных сцен. По мнению американского военного психолога Д. Гроссмана, показ насилия по ТВ запускает у детей механизмы, с помощью которых солдаты учат убивать [3, с.4]. Автор этой статьи пишет: «...кровь льется с экрана без ограничений. Убивают, калечат, терзают, вспарывают животы и выдавливают глаза не только в новостях, сериалах или фильмах, но даже в детских мультиках». По данным европейских исследователей, до 20% реальных актов насилия спровоцировано увиденным по телевидению. А в США 61% преступников нарушают закон, копируя телегероев» [3, с.4].

Все эти и другие явления общественной жизни последних десятилетий XX века и начала XXI века – это проявление кризиса либерализма, кризиса нравственных устоев общества. Не выдержали проверки временем многие ценности, провозглашенные либерализмом, а также и его основополагающие принципы – правовое равенство граждан, равноправие профессиональных, религиозных, экономических и политических организаций; абсолютизация рыночной экономики. Требуется пересмотра и заложенное классиками либерализма критическое отношение к государству. Несостоятельным оказался принцип плюрализма. А признание морали абсолютно автономным делом гражданина, полный отказ государства от поддержания определённого уровня нравственности, защиты подлинных нравственных ценностей, а также так называемая «индивидуализация» религии (с отказом от признания любой из конфессий в качестве государственной или хотя бы традиционной) свидетельствуют о том, что современные общественные системы не способны эффективно выполнять воспитательные и социально-регулятивные функции.

Список цитированных источников

1. Милль, Дж.С. Два трактата о правлении // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10–26.
2. Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. – М.: «Эксмо», 2007. – 584 с.
3. Зятков, Николай. Ответная реакция главного редактора. Кровь – ТВ. Аргументы и факты, 2001. – № 13 (169) от 30.03. – С. 6.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Степанюк В.К.

Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины, г. Гомель, Беларусь

В разные исторические эпохи в отдельных странах формировалась и утверждалась определенная система ценностей, которая в большей или меньшей степени давала представление о своеобразии общества, мировоззрении его народа, содержании и уровне развития культуры.

В процессе поэтапного развития общества система его ценностей изменялась, обновлялась, становилась разнообразней. Вместе с тем неизменно сохранялись, оставались незыблемыми, переходили из эпохи в эпоху, из поколения в поколение вечные высшие ценности человечества – гуманизм, справедливость, свобода, демократия, патриотизм. В современный период, когда обоснованно говорят о процессах, свидетельствующих о переходном состоянии, проблема ценностей практически во всех

странах стала особенно значимой. В Беларуси, других государствах, входивших в состав СССР, в результате известных событий в этой сфере произошли существенные изменения: многие ценности советского периода, определявшие мировоззрение советского народа, оказались невостребованными, отвергнутыми, а новые ценности в большинстве своем не определились, не получили отражения в общественном сознании. Образовался своеобразный "ценностный вакуум", и в таких условиях появилась реальная возможность для широкого распространения антиценностей, представляющих собой серьезную угрозу для человека и человечества.

В систему ценностей каждой страны в современных условиях включаются наряду с другими политические ценности. В современной общественной жизни роль политики в целом возрастает. Политика, как известно, это не только проблемы государственной власти, это еще искусство людей жить вместе, действовать сообща, координировать усилия, добиваясь определенной цели. Роль политики возрастает по той причине, что во всем мире усиливаются разнообразные интеграционные процессы, и политика призвана способствовать развитию и позитивным результатам этих процессов.

Разработка и эффективная реализация в каждой отдельной стране внутри- и внешнеполитического курса не может состояться вне формирования, распространения, анализа политических ценностей, носителями которых выступают различные социальные общности; без выявления предпочтений в этом вопросе тех или иных групп людей; без определения тенденции развития всей системы политических ценностей. Составными элементами этой системы являются: позитивные политические идеи, идеалы, осознанные и принятые большинством общества; развивающаяся демократия; реальные права и свободы граждан, их безусловная гарантия; политическая активность личности и общества; патриотизм; активное участие граждан в политических выборах всех уровней; высокий уровень политического сознания и политической культуры личности и общества; политическая стабильность в стране.

Цель общественного воспитания в конечном итоге заключается в формировании гражданской позиции личности, в освоении и усвоении каждым отдельным человеком господствующих в обществе политических и других ценностей.

Своеобразие и значимость политических ценностей заключается в том, что они непосредственно определяют все остальные ценности личности и общества: экономические, духовные, нравственные и т.д. Именно поэтому их следует рассматривать как условие формирования мировоззрения, идеологических установок, ценностных ориентаций индивида.

Осмысление, усвоение политических ценностей, формирование активного, заинтересованного отношения к ним – важный фактор становления гражданина, один из каналов социализации, воспитания личности.

Политика – целостная система действий. Ее структура включает в себя такие моменты, как потребность, цель, мотив, деятельность в виде ее отдельных актов, предмет, на который направлена эта деятельность, с помощью которых достигается цель, и, наконец, результат деятельности.

Политика, обусловленная экономическим развитием общества, отражающая назревшие потребности его развития, выступает мощным ускорителем, силой, способной сознательно и эффективно реализовать возможности, заложенные в ходе вещей. Подлинно научная политика сочетает строгую объективность в подходе к действительности с признанием активности и инициативы масс и отдельных личностей, что служит гарантией против любых форм политического субъективизма.

Политика, отрицающая объективные закономерности развития общества, игнорирующая объективный подход к действительности, строящаяся на произвольных установках, субъективна, иррациональна, непредсказуема.

Ни одна система не может достичь уровня интеграции и стабильности, если ей не удастся выработать у своих членов определенную систему общепринятых в обществе политических знаний, ценностей и установок. Цель политической социализации – формирование политической культуры личности; ее политическая идентификация. "Идентификация – понимание индивидом своей общности, включенности в социальную (национальную, политическую и др.) группу. Выступает как средство осознания социального (политического) статуса индивида и его адаптация к общественной политической системе" [1, с. 45].

Политическая социализация в переходных общественных системах имеет свои особенности. Переходные общества znamenют собой социальные изменения, затрагивающие все стороны общественной жизни, принципы и условия функционирования социальных институтов и политических структур. Эти изменения ломают устоявшиеся стереотипы, требуют социальной гибкости личности, большого адаптивного потенциала к нарождающейся политической системе, которая, как правило, существует изначально нормативно, как образец.

В переходных общественных системах зачастую не учитываются внутренние источники изменений; существуют собственные тенденции, менталитет народа. Реформы, проводимые на чужих идеях, никогда не могут привести к успеху, так как абстрактно угадать тенденции эволюции общества в подобном варианте невозможно. Актуально звучит предупреждение лауреата Нобелевской премии И. Пригожина: "Если природе в качестве сущностной характеристики присуща нестабильность, то человек просто обязан более осторожно и деликатно относиться к окружающему миру – хотя бы из-за неспособности однозначно предсказать, что произойдет в будущем" [2, с. 46]. Когда в качестве концепта для преобразований привлекается чужая идея, то она обязана отвечать максимально потребностям общества, встраиваться в его убеждения и понятия.

Беларусь в качестве национального государства стала артикулироваться с 1991 г. Наша страна на постсоветском пространстве является идеальным примером политического вектора самоидентификации. Политические ориентиры и предпочтения Беларуси делают возможным говорить о белорусах как о нации, утверждающей свою идентичность политическими средствами.

В целях обеспечения национальной безопасности Беларуси необходимо не только учитывать глобальные по своему характеру тенденции социокультурного развития, но и согласовывать с ними политические решения и экономические действия. В социально-политическом отношении наибольшую опасность представляет простая замена одних социально-групповых интересов и ценностей на другие. Сегодня важно не копирование, повторение, воспроизведение духовных ценностей прошлого, а их действительное возрождение, т.е. переосмысление с учетом новых социальных и индивидуальных потребностей и интересов, выявление и последовательное развитие в них общечеловеческого нравственного содержания, преобразование в современные формы.

Следует отметить, что в настоящее время содержательно изменилось понятие "национальное". "Национальное" как специфическая черта социально-политических отношений сегодня все чаще употребляется в понятии "нация – государство". Это соответствует реальной действительности, в которой происходит формирование именно таких субъектов внутриполитических и международных отношений. Во внутриполитической жизни понятие "нация" уже не увязывается напрямую с определенной этнической принадлежностью человека, а выражает его гражданство, принадлежность к определенному государству, в котором проживают люди различных национальностей. Во внешнеполитическом плане "национальное" в названии государства подчеркивает прежде всего его отличительные свойства геополитического, социально-культурного характера.

В условиях процесса социальной трансформации общества особое внимание к себе привлекает проблема адаптации молодого поколения к изменяющейся действитель-

ности. Среди различных социальных групп и слоев общества молодежи первой приходится делать самостоятельный выбор нравственных, политических, профессиональных и духовных ориентиров своего личностного становления. Демократизация общественной жизни создает возможности для включения человека в процессы преобразований и, соответственно, требует формирования социально активного гражданина.

Современная система образования является важнейшим институтом социализации личности, который должен обеспечить ее эффективную адаптацию в социуме. В условиях переживаемых нашей республикой социально-экономических и политических преобразований актуальной является задача формирования личности, осознающей свои социально-политические интересы и права и занимающей активную социальную позицию, обладающей высокой политической культурой.

Что же касается современной белорусской молодежи, то, как отмечают многие политологи, большинство молодых людей не определило своего специфического места в политике, не нашло конкретных форм участия в ней. Они занимают либо выжидательную, либо безразличную позицию. Вместе с тем, борьба за молодежь со стороны различных партий и движений, не прекращается. И в этой связи процесс политического самоопределения молодежи становится особенно актуальным.

Особая роль в этом процессе принадлежит таким образовательным учреждениям, как университеты, институты с гуманитарной направленностью, где молодые люди расширяют свой политический кругозор, изучая общественные науки. Очевидно, что в качестве важнейшего приоритета развитие современного общества выдвигает человеческую индивидуальность. Исходя из этого, университетское образование должно быть направлено на развитие личности студента, обладающего, в том числе, развитой политической культурой.

Политическая культура способствует включению индивида в политическую систему и в этом смысле она – универсальное средство его политической социализации. Процесс политической социализации представляет собой, с одной стороны, усвоение индивидом политических норм и ценностей общества, к которому он принадлежит, с другой, приобретение им политического опыта и политических ориентаций, требуемых для участия в политической жизни.

В объективном смысле политическая культура – это исторический опыт, память общества в политической сфере, которая определяет политическое сознание и поведение политических субъектов. И в этой связи процесс политического самоопределения молодежи становится особенно актуальным.

Список цитированных источников

1. Основы политологии. Краткий словарь терминов и понятий. – М., 1993.
2. Пригожин, И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6.

КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ИНТЕРЬЕРЕ РЕАЛИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Стрелец М.В.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Термин «консерватизм», как и «либерализм», имеет иностранное происхождение. Во французском языке *conservatisme*, а в латинском *conservare* означает охранять, сохранять. Что же охраняют и сохраняют консерваторы?

«Консерватизм как политическая идеология являет собой не только систему охранительного сознания, предпочитающую прежнюю систему правления (независимо от ее целей и содержания) новой, но и весьма определенные ориентиры и принципы

политического участия, отношения к государству, социальному порядку и т.д.» [1]. Из самого определения консерватизма вытекает, что он мог появиться там и тогда, где и когда либерализм переставал выполнять социальный заказ. Известно, например, что Великая Французская революция 1789 г. происходила под знаменем либеральных идей. В первые постреволюционные годы французские реалии никак не работали на либерализм. Альтернативу последнему весьма активно стал предлагать Э. Берк, к которому затем присоединились Ж. де Местор, Л. де Бональд. Все трое были едины в следующих убеждениях:

Во-первых, общественное развитие цементируется преемственностью и, естественно, именно преемственность представляется высшим приоритетом в этом развитии. Все другие приоритеты, включая инновацию, занимают в соответствующей шкале более низкое место. Во-вторых, не может быть альтернативы для того status quo, которое является результатом естественных процессов. В-третьих, иерархия в социуме – это данность, исходящая от надсоциальных; надприродных сил. В свете настоящей данности следует рассматривать наличие в социуме двух сегментов: 1) привилегированного сообщества; 2) непривилегированного сообщества. В-четвёртых, считая ключевыми опорами общественного бытия семью, религию, собственность, Э. Берк, Ж. де Местор, Л. де Бональд одновременно рассматривали их как объект действия незыблемых моральных регуляторов. В-пятых, охраняя, сохраняя перечисленные выше позиции, консерватизм консолидирует общество, делает его по-настоящему стабильным, детерминирует передачу новым поколениям именно стабильного, консолидированного общества. Безусловно, вопрос о том, какое общество передаёт одно поколение другому, – это вопрос, имеющий прежде всего моральную природу. Это – вопрос о выполнении морального долга. Консерваторы считают, что настоящий долг невозможно выполнить, делая акцент на индивидуальную свободу, придерживаясь твёрдой веры в общественный прогресс.

«На основе этих фундаментальных подходов сформировались и окрепли характерные для консервативной идеологии политические ориентиры, в частности отношение к конституции как к проявлению высших принципов (которые не могут произвольно изменяться человеком), воплощающих неписаное божественное право, убежденность в необходимости правления закона и обязательности моральных оснований в деятельности независимого суда, понимание гражданского законопослушания как формы индивидуальной свободы и т.д. И это заставляло консерваторов сомневаться в ценностях эгалитаризма, препятствовало отождествлению демократии со свободой и эффективным управлением обществом» [1].

Следует иметь в виду, что первоначально консерватизм отвечал на вызовы индустриальной цивилизации. У неё, как и у любой цивилизации? были своя логика, свои ценности, свои институты. Среди её несущих конструкций ключевой была бизнес-элита, которую удовлетворял тот вариант взаимоотношений между государством и народнохозяйственным комплексом, который исключал вмешательство властных структур в этот комплекс. Не видя альтернативы свободному рынку, конкуренции, анализируемая идеология, выполняя социальный заказ бизнес-элиты, отвергла тот вариант подобных взаимоотношений, который по определению был несовместим с этими ключевыми моментами индустриальной цивилизации. Кстати, убеждение в подобной несовместимости присутствовало и у либералов.

При ретроспективном обращении к консерватизму оказывается, что и его идеологическая платформа точно так же не оставалась абсолютно неизменной, как и у либерализма. В этом несложно убедиться, предприняв анализ идейного ландшафта начала и второй половины XX в. И в первом, и во втором случаях речь шла о дифференциации внутри консерватизма.

В первом случае консерватизм отвечал на тупики индустриальной цивилизации. В процессе поисков соответствующих ответов консервативный сегмент идейного ландшафта стали заполнять антисемитизм, расизм, иррационализм, национализм. В этих принципиально новых течениях прослеживались однозначное, исключение народовластия как модели функционирования политической системы, умаление прав субъектов социума в силу их социального происхождения, этнической принадлежности. Содержание данных течений никак не стыковалось с тем обстоятельством, что до нач. XX в. консерватизм постоянно позиционировал себя предложением политических по своей природе инструментариев для снижения социальной напряжённости. Основоположники указанных течений считали, что настало время заменить настоящие инструментарии силовыми. Несомненно, динамика общественного прогресса совпала с появлением консервативных течений, которые никак не назовёшь прогрессивными.

Консерватизм не мог оставаться неизменным и после Второй мировой войны. Ему было необходимо оперативно и адекватно реагировать на рост притягательности либеральных и социалистических идей. По вопросу об оптимальной модели общественного развития позиционировали как традиционный консерватизм, так и его новые модификации. Новое поколение идеологов консерватизма стремилось убедить субъектов социума в том, что предлагаемый им вектор общественного развития по своему характеру не является ни либеральным, ни социалистическим. К этому поколению относились А. Гелен, Х. Шельски, Г. Фрейер, с именами которых отождествлялся технократический консерватизм. У анализируемого течения всё чаще появлялись национальные формы. Впервые заполнилась ниша для христианско-католического консерватизма. Заявили также о себе приверженцы «реформаторского» консерватизма. Идейный багаж консерваторов обновился по следующим позициям.

Во-первых, произошли очевидные подвижки во взглядах на отношения между властными структурами и народнохозяйственным комплексом. Было согласие с тем, что в этих отношениях должен присутствовать момент государственного вмешательства. Консерваторы впервые перестали противиться тому, чтобы корпус субъектов управления производством пополнялся за счёт работников. Вместе с тем перечисленные «идейные течения решительно ставили вопрос об укреплении законности, государственной дисциплины и порядка, не признавали инициированных реформ» [1].

Во-вторых, участвуя в поисках оптимальной модели функционирования политической системы, «консерваторы... предлагали... дополнить выборность народных представителей выдвижением в органы управления наиболее «достойных» (с точки зрения властей) граждан» [1].

Следующий этап в истории консерватизма связан с постиндустриальной цивилизацией. Эта цивилизация принесла с собой целый круг вызовов, на которые чрезвычайно сложно было оперативно дать рационально осмысленные ответы. Не удивительно, что часть идеологов консерватизма пошла по линии наименьшего сопротивления и стала объяснять новые реалии с иррациональных позиций, предлагая при этом явно неконструктивную платформу действий. Типичный образец такого подхода – идейные воззрения французских «новых правых».

Другая часть консерваторов пошла по принципиально иному пути. Эта часть, названная неоконсерваторами, убедительно профилировала себя в связи с извлечением уроков из мирового экономического кризиса 1973–1974 гг. Они первыми заявили о том, что жёсткая ориентация на теоретическое наследие Д. Кейнса, которая была характерна для Западной Европы до начала 1970-х гг., в посткризисный период была бы контрпродуктивной. Заимствуя всё больше идей у либералов и сохраняя при этом базовые ценности консерватизма, неоконсерваторы выработали эффективную линию в отношении протестных настроений молодёжи Старого Света, беспрецедентный размах которых стал ключевым источником социальной напряжённости в ряде стран.

Идеологи неоконсерватизма своевременно попытались дать ответ на вопрос: «Есть или нет равновесие в системах, в которые вовлечён человек?» Оказалось, что человек не ощущает такого равновесия ни как субъект природы, ни как субъект социума. Его непосредственно затрагивают беспрецедентные по своей динамике изменения, которые никак не могут иметь в качестве своего логического продолжения равновесие духовных, экологических систем. Именно такой динамике подвержены стили жизни, жизненные стандарты, материальные и духовные потребности людей. В условиях научно-технической революции кардинально изменились субъектно-объектные отношения по линии человек – техника. Нет уже ни одной сферы бытия, в которой человек не являлся бы заложником технической среды.

«В этих условиях неоконсерватизм и предложил обществу духовные приоритеты семьи и религии, социальной стабильности, базирующейся на моральной взаимответственности гражданина и государства и их взаимопомощи, уважении права и недоверии к чрезмерной демократизации, крепком государственном порядке и стабильности. Сохраняя внешнюю приверженность рыночному хозяйствованию, привилегированности отдельных страт и слоев, эти ориентиры были четко направлены на сохранение в обществе и гражданине чисто человеческих качеств, универсальных нравственных законов, без которых никакое экономическое и техническое развитие общества не заполнит образовавшегося в людских душах духовного вакуума.

Основная ответственность за сохранение в этих условиях человеческого начала возлагалась на самого индивида, который должен прежде всего рассчитывать на собственные силы и локальную солидарность сограждан» [1]. В этой связи принципиально важно подчеркнуть, что неоконсерватизм чётко определился на предмет возможной причастности властных структур к удовлетворению потребностей индивида. Изложенная «позиция должна была поддерживать в нем жизнестойкость и инициативу и одновременно препятствовать превращению государства в «дойную корову», развращающую человека своей помощью. Эта модель отличалась от либеральной, сориентированной на предоставленного самому себе индивида, которому надлежит самостоятельно отыскивать смысл бытия, «договариваться» с государством и т.д. Государство неоконсерваторов должно было основываться на моральных принципах и сохранении целостности общества, обеспечивать необходимые индивиду жизненные условия на основе законности и правопорядка, предоставляя возможность образовывать политические ассоциации, развивая институты гражданского общества, сохраняя сбалансированность отношений общества с природой и т.д. И хотя предпочтительным политическим устройством для такой модели взаимоотношений гражданина и государства становилась демократия, все же основные усилия теоретики неоконсерватизма (Д. Белл, З. Бжезинский, Н. Кристолл и др.) тратили на разработку программ, преодолевающих дефицит управляемости обществом (из-за чрезмерного вовлечения в политику населения), защищающих государство от социальных «перегрузок», модернизирующих механизмы защиты элитизма, совершенствующих средства урегулирования конфликтов и проч.» [1]. Важно иметь в виду, что в соответствующей группе теоретиков чётко прослеживалась градация, зависящая от региональной принадлежности. «В американских версиях неоконсерватизма акценты, как правило, делались на определении путей эволюции государственности и организации власти, в то время как в западноевропейских течениях предпочтение отдавалось сохранению социокультурной среды; усовершенствованию нравственных традиций общества и стимулированию социальной активности индивида» [1].

Известно, что ключевыми экономико-политическими вопросами постиндустриальной эры были следующие: 1) как обеспечить экономический рост? 2) что следует сделать для того, чтобы политическая стабильность стала нормой? Отвечая на них, тео-

ретики неоконсерватизма вынуждены были решать уравнение со многими неизвестными. Важно было оперативно определиться с местом планирования в шкале приоритетов государственной экономической политики, предложить оптимальный вариант минимизации безработицы, своевременно оценить плюсы и минусы позитивной динамики благосостояния. К сожалению, в соответствующих программах не прописывалась жизнеспособная рецептура по противодействию значительному увеличению денежной массы сверх потребностей товарного обращения, снижению уровня жизни среднестатистического гражданина. «Однако по сравнению со способностью (неоконсерватизма. – М.С.) дать человеку относительно целостную картину мира, отвечающую его основным нуждам и запросам, все эти частности отходили на второй план. Главное, что неоконсерватизм, согласовав рациональное отношение к действительности с моральными принципами, дал людям ясную формулу взаимоотношений между социально ответственным индивидом и политически стабильным государством:

Неоконсерватизм обнажил те черты консервативной идеологии и образа мысли, которые сегодня оказались способными защитить человека на новом технологическом витке индустриальной системы, определить приоритеты индивидуальной и общественной программ жизнедеятельности, очертить облик политики, способной вывести общество из кризиса. Более того, на такой идейной основе неоконсерватизм синтезировал многие гуманистические представления не только либерализма, но и социализма, а также ряда других учений» [1]. Неоконсервативный сегмент в современном идейном ландшафте в целом является значительным. Можно однозначно прогнозировать увеличение его удельного веса. Вместе с тем неолиберальные по своему идеологическому профилю субъекты политического процесса имеют более широкую электоральную базу, чем неоконсервативные. Из этого вытекает гораздо более частая представленность неолибералов во властных структурах. Для показа полноты картины важно также иметь в виду и мощные позиции неоконсерваторов в отдельных странах, которые играют чрезвычайно важную роль в мировой политике. Так, республиканская партия много раз была правящей в США, либерально-демократическая партия на протяжении полувека имела такой же статус в Японии, консервативная партия является главной в нынешнем британском правительстве.

Список цитированных источников

1. Основные идеологические течения в современном мире //Vuzlib: экономико-правовая библиотека [Электронный ресурс].– 2010. – Режим доступа: www.vuzlib.net/beta3f.../26063/. – Дата доступа: 14 марта 2010 года.

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сытник А.И.

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

Способность к модернизации является условием успешного развития общества, что подтверждается как историей, так и современной практикой. Но дискуссионным остаётся вопрос о сущности модернизации, её универсальности и многообразии форм.

Сложности в понимании понятия «модернизация» связаны с разными сферами его использования. Данный термин употребляется и в быту и в конкретных узких ситуациях (модернизация дороги, предприятия, издания и пр.).

Широко употребляется это понятие относительно публичной администрации или её отдельных частей. В сочетании с понятиями инновация, технологизация, информатизация и другими, слово «модернизация» употребляется для обозначения «осовременивания» публичной администрации.

В наиболее общем терминологическом плане модернизация объясняется современной наукой как процесс приобретения менее развитыми обществами черт, характерных для более развитых обществ; наиболее важное направление в политической деятельности ряда стран; одна из глобальных проблем и необходимое условие реализации нового мирового порядка.

Наиболее плодотворная разработка концепций модернизации в их приближении к современной трактовке представлена в аспектах «социологии развития» (Т. Парнсонс, Ш. Эйзенштат, Д. Лернер, У. Ростоу и др.) и «политологии развития» (Г. Алмонд, С. Верба, Л. Бандер, С. Хантингтон и др.).

Современная социология развития исходит из того, что модернизация – это своеобразный комплекс совокупных общественно-исторических, государственно-правовых, морально-психологических и культурологических изменений.

Представители политологической трактовки модернизации рассматривают её как часть общего процесса модернизации, когда изменения происходят во всех основных компонентах социальной системы, но выбор модернизационного развития начинается и происходит именно в сфере политики. Считается, что процесс модернизации включает именно усовершенствование политических структур и механизмов общественно-политического развития.

Термин «модернизация» в переводе с английского означает осовременивание и обозначается наличием ряда характеристик, свойственных современному обществу.

В современной литературе отмечаются следующие факторы, способствовавшие возникновению теории модернизации: социополитический, связанный с необходимостью изучения третьего мира, представленного странами бывших колоний и полуколоний мира. Второй фактор отмечается как информационно-политический, включающий в себя не только сбор информации о странах третьего мира, но и выработку практических рекомендаций для соответствующих ведомств США и их союзников. Третий фактор – идеологический, т.е. создание теории модернизации в качестве альтернативы социализму. Четвёртый фактор – теоретический, который состоял в том, чтобы выработать для западной общественной науки оптимистическую парадигму исторического развития, отличную от той, что была популярна между двумя мировыми войнами – от концепции кризиса и «заката» западного мира, представленных именами О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина, К. Ясперса и других. Все эти концепции были далеки от оптимистического взгляда на исторический процесс и отрицали прогресс как таковой. Необходима была альтернатива данному, которая могла бы преодолеть социальный пессимизм, дать оптимистическое видение будущего не только в чисто прагматическом, но и в общетеоретическом плане.

Существуют различные интерпретации понятия модернизация. В первом, общем смысле, модернизация – это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперёд. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, распространения индивидуализма и мотивация успеха, утверждение разума и науки и т.д. Модернизация в этом смысле означает достижение современности, процесс превращения традиционного, или дотехнологического общества, по мере его трансформации, в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры.

Во втором смысле термин «модернизация» относится к отсталым или слабо развитым обществам и описывает их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества. В самом общем виде модернизация характеризуется как общественно-исторический процесс, в ходе которого традиционные общества становятся прогрессивными, индустриально развитыми.

С момента возникновения теории модернизации её создатели взяли на вооружение междисциплинарный подход к объяснению и обоснованию общественного развития. Именно такой союз позволил этой теории стать весьма влиятельным направлением общественно-теоретической мысли.

Модернизация предполагает социальные, экономические, политические, экологические, демократические, психологические изменения, претерпеваемые обществом традиционного типа в процессе его трансформации в общество современного типа.

Можно выделить ряд критериев модернизации в различных отраслях общественной жизни. В социальной сфере базовой социальной единицей во все большей степени становится индивид, а не группа; происходят дифференциация – передача отдельных функций, ранее принадлежавших семье, специализированным социальным институтам; формализация – подход к социальным институтам как действующим на основе абстрактных и универсальных законов и правил, предполагающий доминирующую позицию науки и экспертов. В экономической сфере – технологическое развитие, основанное на использовании научного (рационального) знания, появления вторичного (индустрия, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйства, углубление общественного и технологического разделения труда, развитие рынков, товаров, денег и труда; в политической – образование централизованных государств; разделение властей; возрастание политической активности масс, формирование, развитие и распространение современных институтов и практик, а также современной политической структуры.

В духовной области происходят изменения в ценностных ориентациях социальных групп, возникает необходимость освоения новых ценностей, соответствующих современным реалиям, секуляризация образования и распространение грамотности, многообразие течений в философии и науке, религиозный плюрализм, развитие средств распространения информации.

Культура – один из важных моментов изучения процессов модернизации. Она пронизывает любой аспект общественной жизни. В процессе модернизации не менее важным является замена устаревших культурных привычек и обычаев новыми и продуктивными системами культурных ценностей. Одним из широко исследуемых проблем модернизации является проблема конфликта ценностей. Признаётся, что многие ценности западной культуры не подходят и потому не уживаются в некоторых культурных сферах. Индивидуализм в некоторых случаях признаётся как чисто западный продукт. В связи с этим представляет интерес изучение западными учёными проблемы «современной личности».

Определим общие характеристики модернизации. Среди них важное место занимает рационализация и обеспечение эффективности власти. С ними связаны результативность власти и степень исполнения её функций.

Характерной особенностью политической модернизации есть также дифференциация политической структуры, или институализация, которая предполагает формирование разветвлённой сети социально-экономических, политических и других институтов современного общества, направленных на обеспечение стабильности и социального порядка.

Существенным признаком процесса модернизации считается структурно-смысловое превращение политической системы, направленное на раскрытие всех её потенциальных возможностей, формирование политической структуры социального действия. К наиболее важным составляющим этого процесса относится политическая стратегия, которая предполагает реализацию обеспеченных ресурсами долгосрочных программ, а также политическая тактика как инструмент осуществления преобразований в конкретно-исторических условиях, реального состояния массового сознания.

Существенным признаком структурно-смыслового превращения политической системы и модернизации всего общества есть обеспечение широкого участия граждан в политической жизни. Последняя в большинстве современных демократических государств обеспечивает готовность власти к мобилизации человеческих и материальных ресурсов для решения важных общественных задач.

Ещё одной составляющей превращения политической системы из традиционной в модернизированную есть построение целостной системы политической социализации. Она должна быть направлена на обеспечение обратной связи личности с политической системой.

Существует различная типология модернизации. В самом общем виде специалисты различают две основные разновидности модернизации: органическая и неорганическая. Органическая модернизация относится к тем странам, где модернизация происходила в силу эндогенных факторов. Такой вид модернизации присущ Англии, где модернизация была естественной, как долго вызревавший продукт развития общества. В отличие от этого, вторичная, неорганическая модернизация является собой ответ на внешний вызов со стороны более развитых стран и совершается путём заимствования чужой технологии, приглашения специалистов, обучения за рубежом, инвестиций. Соответствующие изменения происходят в социальной и политической сферах: меняется система управления, вводятся новые социальные институты, меняется система ценностей и т.д. Неорганическая модернизация начинается не с культуры, а с экономики и политики.

В политическом плане различаются либеральная и консервативная модернизация. Для либералов успешное развитие и модернизация связаны со степенью вовлечённости рядовых граждан в систему представителей демократии и возможностями для открытой и безопасной конкуренции внутри правящей элиты за голоса избирателей, а по мнению консерваторов, модернизация требует высокоцентрализованных, политических институтов, жёсткого режима, способного обеспечить стабильность, порядок, интеграцию общества.

В первоначальных теориях модернизации отмечалась целостность характера модернизации, который предполагал изменения во всех без исключения областях общества.

Но критика теории модернизации выявила такие её черты, как сплошной и частичный. Суть частичной модернизации сводится к тому, что формирование новых институтов и современных организационных принципов не обязательно приводит к целостному обновлению общества, а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем через влияние новых форм организации.

Появление различных вариантов модернизации свидетельствует о невозможности механического воспроизведения опыта развитых государств. Здесь немалую роль играет внутренний потенциал модернизируемого общества.

Развивающиеся общества не стремятся к обретению гомогенности на основе заимствования новых ценностей и институтов, но является сложной гетерогенной структурой, в рамках которой эндогенные и заимствованные ценности находятся в состоянии сложных взаимодействий. Успех модернизаций зависит, таким образом, не от интенсивности реформ или заимствований, которые порой пересаживаются на традиционную почву, ещё не готовую их воспринять, а от формирования структурированного синтеза смыслов, ценностей, норм и институтов, в котором возможно конструктивное взаимодействие традиционных и современных, эндогенных и заимствуемых ценностей.

Таким образом, модернизация – принятие ценностей, институтов и культурных моделей «современности», стремление полностью уподобиться лидеру в значимых для его культурной модели характеристиках. При этом могут сохраняться значительная культурная вариативность и многочисленные традиционные элементы.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАК ИННОВАЦИОННОЕ ЗВЕНО ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ БЕЛОРУСОВ

Титаренко Л.Г.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Чтобы не только выжить в современных условиях глобального кризиса, но и успешно развиваться дальше, нашему обществу нужны инновационные сдвиги. В отношении образа жизни населения надо срочно менять его приоритеты: умерить экономические потребности, подчинить их императиву выживания человека и человечества. Несмотря на то, что Беларусь не входит в число самых богатых и расточительных стран мира, в эпоху глобализации все страны взаимосвязаны, и чрезмерное потребительство одних заставляет всех других быть экономными. Как утверждает Нобелевский лауреат в области химии профессор Ли, сегодня для человечества чрезвычайно важно немедленно пробудиться и осознать тот факт, что общество в целом уже живет за пределами природных возможностей. Поэтому если не изменить этот расточительный модус существования, то глобальная катастрофа станет лишь вопросом времени [1, с.29].

Хотя экологически ориентированные призывы к «перестройке сознания и поведения», брошенные представителями Римского клуба полвека назад и неоднократно повторенные позднее множеством авторов, не возымели адекватной реакции и не получили должной политической поддержки, они достигли важного пропагандистского результата: пробудили глобальный интерес к проблеме экологии, подчеркнули ее важность для выживания человечества. Как считают С. Гроф, Э. Ласло и П. Рассел, для того чтобы выжить и продолжить развитие, человечество должно «пересмотреть свои представления о вселенной, человеке и самих идеях прогресса и развития», т.е. совершить экологизацию сознания и образа жизни. По мнению С. Грофа, Э. Ласло и П. Рассела, это изменение по своей значимости можно назвать «революционной трансформацией», т.е. переменной не менее важной, чем ранее была компьютеризация, или компьютерная революция [2]. Именно такая революционная трансформация, т.е. экологизация сознания и поведения, может стать той сущностной инновацией, которая сделает возможным переход общества на качественно новый, более близкий к природе, уровень развития.

Сегодня – ввиду возрастающих глобальных угроз – проблемы экологии звучат актуальнее прежнего. Применительно к Беларуси, пережившей Чернобыльскую катастрофу, экологизация образа жизни может и должна стать той важной нитью, ухватившись за которую, можно распутать весь клубок проблем, связанных с изменением образа жизни современного общества – отказом от сверхпотребления невозобновимых природных ресурсов, уменьшением уровня загрязнения среды обитания, преодолением гиподинамии, изменением рациона питания и пр.

Упомянутые авторы доклада Римскому клубу рассматривают проблему изменения образа жизни и мысли современного человека как радикальное условие выживания всего человечества. Поэтому рано или поздно пересмотр представлений о вселенной, о человеке и об идеях прогресса и развития должен быть осуществлен и в Беларуси, которая не может избежать вызовов, стоящих сегодня перед всем человечеством.

Очевидно, что такая экологическая трансформация образа жизни объективно уже вполне назрела, хотя субъективно еще не получила широкого признания и даже понимания в массовом сознании. Большинство населения, несмотря на важность экологической составляющей образа жизни, не готово ради него отказаться от части материальных благ, комфорта, привычного благополучия. Задачей ученых становится выявление и анализ причин, мешающих не только признать необходимость перемен, но и широко внедрить их в сознание и деятельность масс. Иначе говоря, данные научных

исследований должны помочь усилению мотивации населения на осуществление экологической инновации образа жизни и мышления. Подчеркнем: эта инновация предполагает активную практическую включенность широких масс населения, а не только правительства или элиты, поскольку ее невыполнение не может наказываться санкциями: экологизация образа жизни должна быть осознанной каждым гражданином общества и реально мотивировать поступки.

В проведенном нами в 2010 - 11 гг. эмпирическом социологическом исследовании экологической составляющей образа жизни минчан в основные задачи входило изучение информированности горожан об экологически ориентированном образе жизни и степень их готовности следовать ему на практике (т.е. выполнять определенные действия) [3]. В качестве респондентов были отобраны представители разных поколений (от 18 и старше), что дало возможность проследить различия в уровне экологических знаний и типах поведения разных возрастных групп населения. Было опрошено на двух этапах исследования более 700 чел. Параллельно был проведен опрос экспертов, который помог профессионально оценить результаты массового опроса, а также контент-анализ ряда СМИ. Исследование позволило получить представление о самооценке экологичности сознания и ориентации практического поведения горожан, уровня их экологической информированности, их понимания зависимости качества жизни от экологической составляющей.

Прежде всего, изучалась экологическая информированность населения. Для изменения отношения к проблемам экологии людям необходимы знания, данные о реальном состоянии дел. Поэтому население должно обладать достаточным уровнем информированности по проблеме. Как показало исследование, самооценка уровня знаний о проблемах окружающей среды растет вместе с уровнем образования: у людей с высшим образованием она несколько выше, чем у лиц со средним образованием (в нашем исследовании не было лиц без среднего образования, т.к. их доля среди минчан весьма незначительна). Возраст не оказывает существенного влияния на самооценку. Однако для старшего поколения была выявлена взаимосвязь между знаниями о проблемах окружающей среды и общим уровнем их тревожности: чем выше знания респондента, тем более высокий уровень тревожности он демонстрирует. У молодого поколения общий уровень тревожности не зависит от имеющихся знаний. У женщин в целом, независимо от уровня образования, уровень экологической тревожности оказался выше, чем у мужчин.

Значительные различия были выявлены в отношении источников информации по проблемам экологии и образа жизни. Самым популярным источником был назван Интернет: в целом, на него указало около половины опрошенных, причем если в средних и старших возрастных группах таких людей было около трети, то среди молодежи до 30 лет – три четверти. Видимо, высокий уровень интернетизации жизни минчан обусловил этот результат: многие используют этот источник информации дома, еще больше людей имеют доступ к Интернету на работе. С одной стороны, это свидетельствует о широком использовании ИТ в жизни минчан и дает возможность быстрого получения острой информации по самым разным проблемам, с другой, – делает потенциально возможным столь же быстрое распространение недостоверной информации. Последнее особо актуально в среде молодежи, которая доверяет Интернет-информации больше других групп, а зачастую вообще не пользуется иными источниками информации (действительно, на такие традиционные источники информации, как телевидение, газеты и журналы, указало всего около трети респондентов, причем значительно меньше в возрасте до 30 лет, чем в других возрастных группах). Поскольку большинство авторов информации (и на Интернете, и в других СМИ) – журналисты, а не эксперты, постольку еще больше возрастает угроза того, что полученная

от них информация не будет опираться на научные данные, или не будет всесторонне взвешенной, достаточно надежной.

Ввиду того что контролировать Интернет затруднительно, для повышения уровня научного информирования населения можно предложить лишь актуализацию других источников, привлечение к сотрудничеству в СМИ специалистов в области экологии. Другим важным путем повышения научной информированности масс по проблемам окружающей среды остаются институты образования: на этот источник активнее всего ссылалась молодежь. Видимо, обязательные курсы по экологии, введенные в школьное и высшее образование, оказывают позитивный эффект. Этот факт (упоминание институтов образования среди основных источников информации по проблемам экологии) дает обществу хороший шанс на повышение уровня научных знаний у молодого поколения, поэтому использование системы образования было и остается важным средством и роста экологизации сознания, и поведения молодых людей, и противостояния распространению недостоверной информации через другие источники. Наконец, система образования является средством пропаганды и проведения в жизнь государственной политики в области защиты окружающей среды.

Индикатором и стимулом мотивированности на реальные изменения в образе жизни населения является уровень осознания актуальности экологических проблем. В целом этот уровень оказался не очень высок, что может означать либо адаптацию людей к существующим проблемам, «привыкание» к ним, либо просто их недостаточное знание. Тем не менее многие проблемы были названы населением серьезными. В иерархии проблем, которые беспокоят население, на первом месте находится радиационное загрязнение территории Беларуси; далее следует загрязнение воздуха выхлопными газами (в Минске оно, действительно, выше нормы), загрязнение воздуха и загрязнение города промышленными отходами. Все эти проблемы получили среднюю оценку от 3.45 до 3.67 по пятибалльной шкале. Другие проблемы экологии были определены как менее серьезные, хотя и их оценка была выше трех баллов. Уровень тревожности, связанный с этими проблемами, у поколений не отличается, зато он зависит от пола: у женщин он выше, чем у мужчин.

Было выявлено интересное противоречие в оценке уровня экологически ориентированного поведения минчан, т.е. реального «инновационного поворота» в их образе жизни. Сами респонденты оценивали свой образ жизни в той или иной мере экологически ориентированным (в четырех из пяти случаев были получены такие ответы); тогда как экспертные оценки уровня экологичности образа жизни горожан были прямо противоположными. Общая оценка экспертами доминирующего типа поведения граждан Беларуси (вопрос ставился не только о минчанах) резко разошлась с его самооценкой: по мнению большинства экспертов, это потребительский, экологически не ориентированный тип поведения. Главной причиной тому назывался низкий уровень культуры населения. Здесь выявляется еще одно противоречие между ответами населения и экспертов: лишь по мнению 2% минчан, гражданам не хватает экологической культуры, и лишь 24% считают, что им не хватает для ведения экологического образа жизни научной информации и знаний. Видимо, завышенная самооценка гражданами своих знаний становится препятствием на пути к качественным изменениям в образе жизни, которые реально могут сделать жизнь минчан (да и всего населения страны) более «дружественной» и окружающей среде, и каждому человеку.

Несмотря на умеренную («среднюю») самооценку экологических знаний и завышенную оценку экологической ориентации их нынешнего образа жизни, большинство опрошенных сказали, что их знаний бывает недостаточно для перестройки образа жизни на более экологический лад. Им нужны практические знания и навыки. Главными препятствиями, однако, были названы нехватка собственной инициативы (две тре-

ти опрошенных) и недостаточная поддержка со стороны государства (немного менее половины опрошенных), а не плохие знания. Лишь четверть указала, что у них «нет условий для реализации желаний на практике», и столько же пожаловались на недостаток научных знаний. При этом три четверти опрошенных высказали желание изменить свой образ жизни на более дружественный к окружающей среде.

Как свидетельствуют эти данные, население видит препятствия на пути экологизации своего образа жизни не столько в объективных условиях, сколько в нехватке личных усилий для реализации экологических знаний на практике. Столь же очевиден патерналистский настрой респондентов: почти половине опрошенных необходимы «руководящие указания» и стимулы государства, чтобы изменить свой собственный образ жизни.

Слабая личностная мотивация, выявленная в опросе, заставляет вновь и вновь задумываться, насколько глубоки знания населения о проблемах экологии и откуда они черпаются. Как правило, научные знания лежат в основе формирования убеждений, а поверхностные знания создают лишь видимость информированности, не меняя структуры знаний в целом. Поэтому недостаток научных знаний не компенсируется информацией СМИ, напротив, засилие такой информации негативно сказывается на формировании убеждений и плохо мотивирует минчан на инновационные перемены в образе жизни. Видимо, традиции потребительского по отношению к природе образа жизни у населения очень сильны, а наличных стимулов и мотивации к их изменению недостаточно. Ведь это требует дополнительных усилий, материальных и временных затрат и не сулит никаких материальных выгод. Если не осознавать ценности самого «инвайронменталистского» образа жизни, ценности сохранения природы для каждого человека и общества в целом, то переход к экологически ориентированному образу жизни навсегда может остаться в сфере мечтаний и желаний, а не реальности.

Результаты нашего исследования показали, что одной из наиболее важных экологических (впрочем, не только экологических) проблем для Беларуси по-прежнему остается Чернобыль. Если сравнить оценку проблемы разными поколениями, то оказывается, что она значительно более остро воспринимается теми, кто непосредственно пережил аварию, будучи уже взрослым. Именно эта группа респондентов указала на радиационное загрязнение как главную экологическую проблему страны. Современная же молодежь, выросшая в пост-чернобыльскую эпоху, относится к радиации как к привычному фактору риска и потому не проявляет такой высокой тревожности по ее поводу, как поколения «отцов и дедов». Вместе с тем, респонденты отметили, что авария на Чернобыльской АЭС в той или иной мере оказала влияние на здоровье населения Беларуси. По опросным данным, около 85% респондентов отметили отрицательное воздействие аварии на ЧАЭС на экологию страны, и 68% — на семью и близких. Только единицы сказали, что последствия аварии на ЧАЭС не оказали влияния на их здоровье или здоровье членов их семей.

Судя по самооценкам, свой образ жизни в той или иной мере экологически ориентированным считают чуть менее 80% респондентов. Большинство отметило, что за последние пять лет их образ жизни изменился в этом отношении к лучшему. Молодежь проявляет несколько больше мобильности и открытости к переменам, изменения в образе жизни ей даются проще, чем старшему поколению, чьи жизненные позиции устоялись, а образ жизни давно сложился. Тем более что для старшего поколения изменить свой образ жизни — значит изменить образ жизни всей семьи, что намного сложнее.

Для более объективной оценки экологической составляющей поведения респондентам было предложено ответить на несколько конкретных вопросов о действиях, характерных для экологически ориентированного образа жизни. Речь шла о разделъ-

ном сборе мусора; привычке использовать урны, покупке ГМО; использовании энергосберегающих лампочек и т.п.

Результаты замеров экологически ориентированного поведения разных возрастных групп оказались сходными. Общими оказались: недостаточная популярность энергосберегающих лампочек (лишь половина опрошенных пользуется ими), недостаточное использование бачков для раздельного сбора мусора (около половины опрошенных), нежелание задумываться, из чего сделан товар (имеются ли в нем ГМО) и его упаковка (пластик или бумага). Выявленный уровень экологической активности населения можно характеризовать как средний: около половины совершают экологически ориентированные действия (постоянно или иногда), тогда как вторая половина практически их не совершает или совершает очень редко. Была выявлена статистическая взаимосвязь между экологическим поведением и уровнем знаний о проблемах окружающей среды: чем выше уровень знаний респондента, тем более экологичным является его поведение.

В первом из двух проведенных нами опросов имел место вопрос, где предлагался выбор между защитой окружающей среды и развитием экономики. Предполагалось, что гипотетически выбирая экологически ориентированный образ жизни, человек демонстрирует свою готовность сознательно жертвовать какими-то привычными благами, удобствами ради более дружественного отношения к окружающей среде. Две трети респондентов выразили готовность жертвовать развитием экономики, чтобы защитить окружающую среду. В то же время почти четверть опрошенных не увидели взаимосвязи между экономикой и состоянием экологии, а восьмая часть предпочла развитие экономики качеству окружающей среды. Женщины демонстрируют ориентацию на более экологическое поведение по сравнению с мужчинами, а люди с высшим образованием – по сравнению с теми, кто имеет среднее и среднее специальное образование.

В отношении экспертной оценки результатов опроса была продемонстрирована высокая критичность. В целом эксперты во всех случаях охарактеризовали серьезность экологических проблем в Минске и Беларуси выше, чем их оценило население. Как уже отмечалось, разошлись мнения экспертов и респондентов в определении препятствий на пути переориентации образа жизни населения на более экологический лад. Эксперты акцентировали нехватку научных знаний и недостаточную эффективность государственного вмешательства в решение экологических проблем. Степень экологической осведомленности населения оценивается экспертами как низкая и недостаточная, по причине низкого качества информации, предоставляемой СМИ. Однако меры, предложенные экспертами для экологизации повседневной жизни минчан, не расходятся с тем, что уже делает более половины опрошенных: экономят ресурсы (воду, электричество), сортируют отходы, внедряют в быт сберегающие технологии и т.п.

Проведенное исследование информированности населения Минска по проблемам экологии, осознания белорусскими гражданами актуальности экологических проблем выявило недостаточно высокий уровень и знаний, и понимания важности экологических проблем для того, чтобы надеяться на стихийный «инновационный прорыв» в экологизации образа жизни горожан. Необходима серьезная работа на всех уровнях по повышению уровня знаний, а также укрепления мотивации населения на то, чтобы сделать свой образ жизни более экологичным.

Список цитированных источников

1. Lee, Y-T. Challenges Facing Human Society in the 21st Century // Facing an Unequal World: Challenges for Global Sociology. – Taiwan, 2010. – Vol.1. – P. 28-34.
2. Гроф, С. Революция сознания. Трансатлантический диалог / С. Гроф, Э. Ласло, П. Рассел. – М.: АСТ, 2004.
3. Титаренко, Л.Г. Экологический образ жизни минчан // Соц. иссл. – 2011. – № 3. – С. 32-37.

ФИНАНСОВЫЕ МЕТОДЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ

Фомина И.Н.

Международный институт трудовых и социальных отношений, г. Минск, Беларусь

Экономическая интеграция – высшая ступень международного разделения труда, процесс развития глубоких и устойчивых взаимосвязей групп стран, основанный на проведении ими согласованной межгосударственной экономики и политики. В ходе экономической интеграции происходит сращивание процессов воспроизводства, научное сотрудничество, образование тесных хозяйственных, научно-производственных и торговых связей [1]. Республика Беларусь в настоящее время стоит перед необходимостью решать комплекс задач не только по завершению формирования основ конкурентоспособной рыночной экономики, но и вопросы по ее скорейшей интеграции в мировое хозяйство и наращиванию экспортного потенциала.

Экспортный потенциал – способность государства экспортировать имеющиеся или производимые им ресурсы, продукты, или возможности производства необходимого количества товаров с целью экспортной реализации, соответствующих по своему качеству и конкурентоспособности потребностям международного рынка [1]. Его стратегическая роль для нашего государства заключается в том, что он должен стать толчком к развитию конкурентных преимуществ белорусской экономики в международном разделении труда, развитии интеграционных процессов и средством содействия выходу нашей страны на путь стабильного и устойчивого экономического роста.

Главными целями государственной финансовой поддержки экспорта продукции отечественных производителей являются усиление конкурентных позиций белорусских экспортеров на внешнем рынке и увеличение в структуре экспорта доли изделий с высокой степенью переработки. Для достижения указанных целей в мировой практике применяются следующие финансовые механизмы:

- создание системы государственного гарантирования политических и долгосрочных коммерческих рисков при проведении экспортных операций;
- расширение долгосрочного экспортного кредитования;
- создание механизма возмещения части процентных ставок по экспортным кредитам белорусских кредитных организаций;
- упрощение процедуры подготовки, согласования и утверждения документации по экспортным проектам и сокращение отчетности по ним;
- создание единой базы данных по государственной поддержке экспорта продукции;
- создание эффективной системы торгового финансирования экспортеров;
- создание и стимулирование деятельности экспортно-кредитных агентств и др.

Изучая опыт зарубежных стран, необходимо отметить, что эффективным механизмом стимулирования внешнеэкономической деятельности является создание сети экспортно-кредитных агентств. Экспортно-кредитное агентство – государственное или частное учреждение, осуществляющее поддержку экспорта в стране экспортере, которое предоставляет широкий набор услуг, к которым относятся: кредитование внешнеторговых операций; предоставление государственных гарантий по экспортным кредитам, страхование экспортных кредитов и сделок от политических и других видов рисков [2].

В системе государственной финансовой поддержки экспорта промышленной продукции одним из приоритетных направлений является экспортное кредитование, и во многих странах оно осуществляется с участием средств государственного бюджета. В мировой практике экспортные кредиты за счет бюджетных средств предоставляются импортерам отечественной продукции или их банкам через банк-агент под государственные гарантии иностранных государств. В общем виде экспортные кредиты подраз-

деляются на: коммерческие, банковские и государственные. Коммерческие экспортные кредиты предоставляются предприятием-экспортером, предприятию-импортеру на уровне фирмы. Банковские экспортные кредиты предоставляются иностранным покупателям банками-экспортерами. Государственные экспортные кредиты предоставляются под закупку определенных товаров какой-либо стране, при этом гарантируются государством от кредитных и валютных рисков.

В системе экспортного кредитования в РБ основополагающим является Указ Президента РБ № 534 от 25 августа 2006 г. «О содействии развитию экспорта товаров (работ, услуг)». Экспортный кредит в нашей стране может выдать любой банк Беларуси и получить компенсацию из средств государственного бюджета части процентов по льготным кредитам при условии страхования кредита в Республиканском предприятии экспортно-импортного страхования «Белэксимгарант». Решения о выплате банкам компенсаций принимаются Советом Министров РБ. В 2010 г. белорусские экспортеры значительно активизировали использование созданных механизмов. Приняты решения Правительства о компенсации банкам части процентов по льготным кредитам на сумму более 127 млн. долларов, это в 1,6 раза больше, чем в 2009 г. [3].

23.05.2001 года в рамках постановления Совета Министров РБ №752 "О некоторых вопросах совершенствования страхования во внешнеэкономической деятельности" было создано Белорусское республиканское унитарное предприятие экспортно – импортного страхования "Белэксимгарант" путем передачи Белорусской организации по страхованию рисков, связанных с внешнеэкономической деятельностью (Белгосвнешстрах) – дочерней Белгосстраха – в ведение Совета Министров РБ. Стратегическим направлением деятельности Белэксимгаранта является создание и дальнейшее эффективное функционирование национальной системы стимулирования роста объемов экспорта РБ.

В ряде стран в системе мер по стимулированию экспорта важное значение уделяется такому методу, как предоставление средств государственного бюджета на возмещение части процентных ставок по кредитам банков правительствам иностранных государств и импортерам продукции под государственные гарантии. В РБ совместно с российскими банками продолжает реализовываться механизм стимулирования российских потребителей белорусской продукции через Указ Президента РБ № 466 «О некоторых мерах по реализации товаров, произведенных в Республике Беларусь». Созданный механизм предусматривает возмещение белорусской стороной части процентов по кредитам, выданным российским предприятиям для приобретения товаров, произведенных в РБ [3].

Одним из эффективных финансовых методов продвижения отечественного оборудования и техники на зарубежные рынки является экспортный лизинг, и в данной сфере деятельности Республика Беларусь одна из первых стран на постсоветском пространстве, которая стала осваивать и весьма успешно продвигать данный механизм. Экспортный лизинг – это долгосрочная аренда машин, оборудования, технических и транспортных средств, предоставляемых в пользование иностранным физическим и юридическим лицам через посредника, которым выступает лизинговая компания или лизингодатель, который покупает у отечественной фирмы оборудование и предоставляет его в аренду на определенный срок иностранному пользователю или лизингополучателю за определенную плату. При этом на протяжении всего срока действия лизинговой сделки лизингодатель является полным собственником, объекта лизинга, а лизингополучатель имеет исключительное право пользования объектом лизинга. В мировой практике различают три вида международной аренды: факторинг – рейтинг – краткосрочная аренда имущества без права его выкупа (от нескольких часов до 1 года);

- хайринг – среднесрочная аренда (от 1 года до 5 лет);
- лизинг – долгосрочная аренда (от 5 до 20 лет) с правом выкупа имущества.

Однако в нашей стране экспортный лизинг только начал развиваться; в РБ данный вид операций осуществляет компания ОАО «Промагролизинг». И хотя создана она была еще в 2001 г., по программам поставки техники белорусских производителей по договорам международного лизинга в страны СНГ, ЕС, Африку она начала работать только с февраля 2010 г. Но с этого времени ОАО «Промагролизинг» уже создало 4 дочерние лизинговые компании (3 организации в России и 1 совместное предприятие в Чехии). Поставлены на экспорт 424 единицы белорусской техники на сумму 15,4 млн. долларов [4]. В ближайшем будущем в планах у лизингового оператора через совместное чешское предприятие выйти на рынки Австрии, Франции, Словакии, Болгарии, Нидерландов и создание совместного предприятия в Грузии; что позволит реализовывать белорусскую технику на условиях лизинга на рынках Армении, Азербайджана, Ирана, Турции. Существенным преимуществом ОАО «Промагролизинг» является наличие собственной товаропроводящей сети на зарубежных рынках.

В условиях преодоления последствий мирового финансового кризиса и резкого замедления экономических процессов все более актуальными становятся вопросы стимулирования внешнеэкономической деятельности экспортно-ориентированных предприятий. И центральное место в этих процессах занимает международная торговля и в первую очередь ее наиболее значимая для нашей страны составляющая – экспорт товаров и услуг.

Создание финансовой системы поддержки экспорта белорусской продукции, учитывающей нормы и правила Всемирной торговой организации и Организации экономического сотрудничества и развития, является важным направлением экономической политики Республики Беларусь на современном этапе.

Список цитированных источников

1. Словарь бизнес-терминов [Электронный ресурс] / Интернет-словари и энциклопедии. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/10289>. – Дата доступа 05.04.11 г.
2. Экспортно-кредитные агентства [Электронный ресурс] / Википедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%BE>. – Дата доступа 05.04.11 г.
3. Система поддержки экспорта [Элек. ресурс] / Официальный сайт Министерства иностранных дел РБ – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/export/export/support/> – Дата доступа 05.04.11 г.
4. Сведения о компании ОАО «Промагролизинг» / Официальный сайт ОАО «Промагролизинг» – Режим доступа: <http://www.pal.by/about/> – Дата доступа 05.04.11 г.

ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Шебанова И.А.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Одним из важнейших глобальных процессов, влияющих на человеческую цивилизацию, является информатизация человечества. Как важнейшая часть – присоединение к глобальной компьютерной сети.

Общей задачей, стоящей в настоящее время перед философией, социологией, политологией и по большому счету перед всем человечеством является признание формирования новой цивилизации, которая влияет не только на жизнедеятельность отдельных личностей, но и на функционирование всего человечества в планетарном масштабе. Что же является движущей силой такого развития и как должно отреагировать человечество – вопрос сложный, требующий комплексного осмысления и откры-

того обсуждения. Но стратегической задачей человечества становится осмысленный и целенаправленный переход от техногенного мышления и техногенной (пусть даже информационной) цивилизации к антропогенной, где главной ценностью является человек и человечество, руководимое экологическим и нравственным императивами.

Идея рассмотрения формирующегося общества как постиндустриального впервые детально была проанализирована в работе Д.Белла «Грядущее постиндустриальное общество» [1]. В 60-е и 70-е годы эта концепция о радикально изменяющемся характере общества на базе повышения роли науки и беспрецедентных технологических сдвигах исследовалась в работах Г.Кана, К.Томинаги, Р.Дарендорфа. В 80-е годы в центре внимания находились вопросы классового конфликта и анализ экологических проблем как последствий постиндустриализма. В 90-е годы появилось множество работ, посвященных организации корпорации в постиндустриальном обществе, инвестиционным процессам и взаимодействию развитых стран с «третьим миром». В настоящее время в многочисленных экономических, социологических, философских изысканиях расширяется спектр рассматриваемых проблем в рамках осмысления постиндустриального общества.

Одно из наиболее развернутых определений постиндустриального общества дано Д. Беллом: «Постиндустриальное общество, – пишет он, – это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни, в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во всё большей степени зависит от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение интеллектуального класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов» [2, с. 102].

В.Л. Иноземцев, один из ведущих теоретиков постиндустриализма в России, выделяет 3 стадии перехода к постиндустриальному обществу, основываясь на производственном ресурсе и характере базовых технологий:

- доиндустриальное общество базируется на взаимодействии человека с природой, где основным ресурсом является природное сырье – это трудоемкие технологии;
- индустриальное общество основано на использовании преобразованной человеческой энергии и на капиталоемких технологиях;
- в постиндустриальном обществе используются наукоемкие технологии, и основным ресурсом является информация [3].

До сих пор в науке не сложилось четкого разделения понятий постиндустриальное и информационное общество. Если первые аналитики нового состояния общества, такие как Белл, Тофлер, взяв за основу производственную составляющую, использовали термин «постиндустриальное», то в дальнейшем и настоящее время все чаще звучит «информационное общество» и больше внимания обращается на анализ появления, распространения и влияния информации на функционирование всех сфер общества.

Близкими по значению являются также используемые в научных концепциях термины «постэкономическое общество», «постмодернизм», «третья волна», «общества четвертой формации», «научно-информационный этап принципа производства».

Одним из первых ученых в России, который для анализа новых тенденций в функционировании современного человечества обобщил все написанное социологами и футурологами в 60-90-х годах XX века по поводу информационного общества, является Д.В. Иванов. Он дает следующие базовые черты последнего:

- определяющим фактором общественной жизни становится научное знание, экономические и социальные функции капитала переходят к информации;

- уровень знаний, а не собственность, становится определяющим фактором социальной дифференциации;

- инфраструктурой такого общества является интеллектуальная, а не механическая техника [4].

Признаками информационного общества проф. А.Д. Еляков считает следующие: включенность любого региона в глобальную информационную сеть; возможность получить бесплатно любую информацию по личному или общественно значимому вопросу; функционирование информационных технологий, позволяющих создавать, поддерживать и развивать гигантский комплекс информационных ресурсов, обеспечивающих развитие общества; формирование высокой информационной культуры; интенсивное накопление и концентрация теоретического знания; формирование новой интеллектуальной технологии, позволяющей осуществлять математическое моделирование, применять системный анализ, осуществлять управление в экономической и социальной сферах; генерация новой социальной группы – производителей знания и превращение ее в научно-техническую элиту; обучение на протяжении всей жизни; новые формы обучения посредством новых обучающих технологий с использованием электронных средств коммуникации и Интернета [5].

В Беларуси принята стратегия развития информационного общества до 2015 г. Согласно документу должны развиваться следующие направления:

- обеспечение Интернетом всех высших учебных заведений;
- доступ к высокоскоростному мобильному Интернету около половины населения страны (на 100 жителей 38, а в 2010 г. составляло 18,3);
- доля исследований и разработок в сфере информационно-коммуникационных технологий в общем объеме научно-исследовательских бюджет не менее 20%;
- доля электронной торговли товарами и услугами в Беларуси к 2015 г. должна достигнуть 30%;
- создание единой защищенной системы электронного документооборота госорганов;
- до 2015 г. половина медицинской документации будет предоставляться в электронном виде.

Если остановиться на показателе «включенность в глобальную информационную сеть», то стоит обратиться к цифрам, которые регулярно приводят авторитетные источники.

Американская компания comScore Networks запустила новую систему подсчета пользователей сети Интернет – проект comScore World Metrix. При подсчете учитывались граждане старше 15 лет, присутствовавшие в сети в марте 2006 г., и не учитывался доступ из Интернет-кафе и с мобильных телефонов. Были определены 15 лидеров, среди которых оказалась и Россия, правда, на предпоследнем месте [6].

Международный союз электросвязи пользуется 11 показателями для проведения сопоставительного анализа на глобальном, региональном и национальном уровнях и для определения рейтинга развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В их числе общая грамотность населения, количество пользователей мобильной связи на 100 жителей страны, количество компьютеризованных и подключенных к интернету домашних хозяйств, количество стационарных телефонов, число абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет и так далее. Таким образом, параметры условно можно разделить на две части:

- 1) наличие доступа к средствам связи;
- 2) желание и умение жителями той или иной страны ими воспользоваться [7].

Как правило, индексация производится каждые 5 лет. В период с 2002 по 2007 год рейтинг 154 стран мира выглядел следующим образом. Возглавили рейтинг страны

Северной Европы: Швеция, Дания, Нидерланды и т.д. Далее расположились другие высокоразвитые страны преимущественно из Европы и Северной Америки. Не сложно проследить зависимость показателей ВВП и ИКТ – чем богаче страна, тем больше населения вовлекается в использование новейших средств коммуникаций. Нижние строчки рейтинга занимали страны Африки.

23 февраля 2010 г. в Женеве Международный союз электросвязи в своем отчете «Измерение информационного общества, 2010 год» проиндексировал 159 стран в зависимости от уровня развития их ИКТ и сравнил количественные показатели за 2007 и 2008 годы. Регион СНГ занимает 5 место из 6, а Республика Беларусь заняла второе место после Российской Федерации.

Количественный показатель пользователей компьютера является только одним из показателей динамики развития технологий информационного общества. Согласно методике Центра Международного развития Гарвардского университета «Готовность к сетевому миру. Путеводитель для развивающихся стран», выделяется 19 параметров готовности, сгруппированных в пять блоков: информационная инфраструктура, обучение с использованием ИКТ, сетевая экономика, сетевое общество, государственная политика информатизации.

По каждой из 19 категорий индикаторов сформулированы критерии для определения 4 степеней готовности.

Согласно результатам опроса Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), проведенного в декабре 2009 г. в Беларуси, Интернетом пользуются 41,4% жителей страны (3,99 млн жителей). Год назад этот показатель составлял 34,4% (-7%), а десять лет назад лишь 4,2% белорусов имели доступ в Сеть [9].

По результатам исследования НИСЭПИ, 24,7% белорусов выходят в Сеть ежедневно или несколько раз в неделю. В сентябре 2009 г. почти 49% белорусов с разной степенью регулярности пользовались компьютерами (основная часть – дома), 30,2% – электронной почтой.

Согласно данным исследовательской компании "Акавита", в сентябре 2009 г. порядка 3,3 млн белорусов пользовались Интернетом. Согласно демографическим данным (ноябрь 2009), самой активной возрастной категорией остается группа пользователей от 18 до 24 лет (39,62%). Пользователями являются:

«учащиеся» – более 30%, «специалисты» – 25%, «рабочие» – 12%, «служащие и руководители» – 6%.

Ежедневная аудитория Байнета составляет 83,8% согласно данным компании «Акавита».

По официальной информации Министерства связи и информатизации Беларуси (апрель 2009), в стране насчитывается более 470 000 пользователей широкополосного Интернет-доступа из более чем 3,3 млн пользователей Интернета. Однако некоторые эксперты считают столь значительные показатели сильно завышенными [8]⁴⁹.

По данным Internet World Stats, в прошедшем 2010 г. из 6,8 миллиардов землян Интернетом пользовались 1,9 миллиардов человек. Беларусь оказалась на 64 позиции по уровню проникновения Интернета с процентным показателем 46,2%. Количество интернет-пользователей здесь исчисляется 4 436 800. При этом в стране проживает 9 612 632 человек. Исторически это обусловлено еще развитием информационных технологий в Советском союзе в начале 50-х годов, когда было принято решение о строительстве завода по производству электронных вычислительных машин в Мин-

⁴⁹ [Электронный документ] Режим доступа: <http://www.volk.by/content/v-belarusi-uvlichivaetsya-kolichestvo-internet-polzovatelei-i-menyetsya-ikh-struktura> Опубликовано admin в 14 Октябрь, 2009 - 11:37.

ске и на этой основе позже были созданы НИИЭВМ; академические подразделения, конструкторские бюро. Поэтому, несмотря на то, что число жителей БССР составляло 5% от жителей СССР, роль республики в покрытии потребностей в информационных технологиях была определяющей и составляла до 50% [9].

По мнению генерального директора альянса компаний «Группы ИВА» С. Левтеева, потенциал ИТ-индустрии в Беларуси изначально превосходил внутренние потребности республики, поэтому она стала в основном экспортоориентированная. Это означает, что созданный белорусскими специалистами программный продукт является зарубежным, т.к. авторские права законодательно не закреплены и не могут быть проданы в виде лицензий, патентов либо других объектов интеллектуальной собственности.

За рубежом существуют специализированные крупные корпорации, существующие на огромные дивиденды, которые исчисляются в миллиардах долларов, от продаж лицензий, патентов и пр. Белорусские ИТ-компании ориентируются на практическое внедрение и на сервис клиентов, оставляя прерогативу разработки фундаментальных вопросов академическим вузам и отраслевым научным учреждениям. Стратегической задачей развития информационного общества в Республике Беларусь является создание необходимой инфраструктуры, объединяющей потребителей, бизнес, науку и законодательство на уровне правительства. И хотя главные вехи, указывающие направление показателей инфраструктур уже ясны, говорить о совершенном информационном обществе в Республике Беларусь еще преждевременно.

Список цитированных источников

1. См.: Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. – N.Y., 1973.
2. Bell, D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. – 1967. – № 7. – P. 102.
3. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – Режим доступа: <http://lib.ru/ECONOMY/inozemcew.txt> – Дата доступа: 17.03.2011 г.
4. Иванов, Д.В. Виртуализация общества. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 96 с.
5. Еляков, А.Д. Информационный тип социального неравенства // СОЦИС. – 2003. – № 10. – С. 95–101.
6. [Электрон. документ] – Режим доступа: http://www.comscore.com/Press_Events/Press_Releases – Дата доступа: 10.03.2011 г.
7. Измерение информационного общества, 2010 год. – Режим доступа: www.un.org/ru/ecosoc/itu/di.shtml – Дата доступа: 10.03.2011 г.
8. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.volk.by/content/v-belarusi-uvlichivaetsya-kolichestvo-internet-polzovatelei-i-menyatsya-ikh-struktura> – Дата доступа: 14.10.2009 г. Опубликовано admin в 14 Октябрь, 2009 – 11:37.
9. [Электрон. документ] – Режим доступа: <http://www.belinter.net/> – Дата доступа: 09.02. 2011 г.
10. Internet World Stats, 2010. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.belinter.net/story2/belarus-po-urovnyu-proniknoveniya-interneta-obognala-rossiyu-kitai-ukrainu-i-gruziyu> – Дата доступа: 10.03.2011 г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ «ОБЩЕСТВА РИСКА» И СОВРЕМЕННОЕ БЕЛОРУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Широканов Д.А.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Многие социологи определяют современное состояние, в котором пребывает глобальный социум, как «общество риска» [1; 2; 3; 5]. Согласно теориям, получившим известность в конце XX в., эпоха позднего модерна и постмодерна в корне порывает с предшествующей эпохой: она безвозвратно разрушает былую стабильность и устойчивость существования, будь то в экономике или политической сфере, в результате

чего ни одна страна, ни одно поколение, ни один человек больше не застрахованы от неожиданностей и неопределенностей, таящихся в новейшей технологии, в состоянии экологии, сфере труда, современных международных отношениях.

К создателям данной концепции относят таких известных ученых, как немецкие социологи У. Бек и Н. Луман, английский социолог Э. Гидденс, российский автор О. Яницкий и др. Ключевым аспектом концепции является тезис, что современное общество, которое в других теориях называют информационным, постиндустриальным, постмодерном и т.д., является одновременно и обществом риска.

В признании рискогенности современного общества заключается исходная позиция для понимания вызовов и угроз, возникающих перед человеком и человечеством в начале XXI в., и их существенного воздействия на сложные системы взаимосвязи человека, техники и окружающей среды.

Современный человек неизбежно обречен на постоянное столкновение с различными индивидуальными угрозами и рисками на протяжении своей жизни. То же самое применимо к социальным институтам, общностям, включая современное государство, которое сталкивается с рисками и угрозами на международном уровне. По мнению У. Бека [1, с. 9], мы живем в «обществе риска», находящемся в стадии перехода от первой фазы эпохи модерна ко второй его фазе. Иными словами, мы переживаем трансформацию индустриального общества в постиндустриальное, для объяснения которой нужны новые теоретические схемы объяснения социальных изменений. Общество нуждается в новом научном языке для понимания того, что произошло, почему риск стал неизбежной частью нашей жизни. По мнению Гидденса, Лумана, Бека, нужна также новая парадигма развития общества как парадигмы риска: только использование парадигмы риска в качестве фрейма (рамки анализа), мы не будем ошибочно считать, что обществу удастся избежать тех или иных радикальных преобразований как на региональном, так и глобальном уровнях.

Проблемы общества риска связаны с необходимостью предотвращения систематически возникающих в процессе модернизации разнообразных опасностей для «нормального» функционирования общества, с ограничением разрушительных последствий уже реализованных в практике рисков. Так, У. Бек озабочен тем, чтобы в условиях научно-технических инноваций и глобализации общество сохранило экологические, медицинские, социальные нормы своего развития. Он подчеркивает, что опасности и риски стали неизбежными: это неотъемлемая часть современного развития, результат конфликтогенности современной социально-политической структуры, а также особенность научно-технического развития. Обществу ничего не остается, кроме как признать рискогенный характер своего развития и попытаться не только своевременно обнаруживать новые риски и угрозы, но и управлять рисками, минимизировать их, отыскивать способы их разрешения [1, с. 23].

Анализируя рискогенность современного общества, авторы выделяют несколько аспектов, которые, по нашему мнению, в полной мере применимы и к системе взаимодействия человека с окружающей его средой (и первой, природной, и второй, техногенной): (1) риски, продуцируемые высоким уровнем развития производства (радиоактивные отходы производства, вредные вещества, загрязняющие среду обитания; генномодифицированные продукты). Эти риски зачастую остаются неизвестны широкому слою населения, а иногда и общественности: о них знают те эксперты, которые связаны с этими производствами и которые поэтому не заинтересованы в обнародовании информации о данных рисках; (2) риски модернизации (они зачастую непредсказуемы, а потому их нельзя считать). От этих рисков никто не защищен: богатство не спасает от экологических и технических катастроф; (3) цивилизационные риски, связанные с экономическим и техническим развитием современного общества

и желанием масс больше потреблять, не задумываясь об ограничениях, обусловленных необходимостью бережного отношения к природным богатствам; (4) риски, связанные с неразвитым сознанием, с малой степенью осознанности рискогенной ситуации и незнанием путей решения проблем; (5) рост антиглобализма как потенциальной угрозы политических рисков. Акцент лишь на научно-технических решениях накопившихся проблем может привести к политическим катастрофам, реорганизации власти. Все это, вместе взятое, означает у Бека, что общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение [1, с. 27], а безопасность – главной ценностью.

Н. Луман рассматривает риски сквозь призму бедствий и опасностей. Он акцентирует внимание на восприятии рисков, что, по его мнению, является не психологической, а социальной проблемой. Поскольку в современном обществе на первый план выдвигаются вопросы о том, кто принимает решения и каким образом риск можно принимать в расчет, постольку к вопросам о восприятии риска и его оценке добавляется проблема «выбора рисков», детерминированная социальными факторами [3, с. 211]. По мнению Лумана, современное общество способно понять, какие изменения вызываются его собственными структурами и каких последствий можно ожидать от этого в будущем. В таких случаях минимизация рисков зависит от того, какие мы примем решения. Будущее – это форма вероятности, поэтому современное общество переживает свое будущее, беря на себя риск принимаемых сегодня решений.

В теории общества риска английского социолога Э. Гидденса риск выступает «ключом к пониманию базовых характеристик современного мира» [2, с. 17]. Гидденс выделяет два вида риска: (1) внешний по отношению к обществу, который связан с объективными законами природы, (2) производный, который создается деятельностью человека. В сложных системах, где взаимодействует человек и техника, могут иметь место риски обоих видов, слияние которых резко усложняет возможность их понимания и регулирования.

Гидденс назвал современное общество «поздним модерном» и в качестве его основных характеристик указал на неопределенность, непостоянство, нестабильность. Для выживания в таких условиях каждый человек должен стать более динамичным, а социальная политика государства – более гибкой [2]. Гидденс подчеркнул, что развитие современного общества может привести к непредсказуемым последствиям.

Сегодня не все ученые согласны с утверждением, что человечество не может достоверно и в полном масштабе предвидеть и тем более предотвращать новые «риски». Однако и трагические события 11 сентября 2001 г. в США, и недавняя катастрофа на атомной электростанции Фукусима в Японии, последовавшая вслед за цунами 11 марта 2011 г., и многочисленные (и непредсказуемые) вооруженные конфликты в Африке и Азии подтверждают правоту теории Гидденса. Угрозы разного рода и вызовы современной эпохи предельно обострились, более того, они вселяют панику и ужас в сознание многих людей во всем мире.

Риски существуют в любом обществе, поэтому системы взаимодействия человека и техники всегда несли потенциальную угрозу социуму (наряду с возможностями технического совершенствования среды обитания). В традиционном обществе риски были преимущественно связаны с факторами природного характера (природные катаклизмы, неурожай, эпидемии). В эпоху индустриализации к ним добавились новые риски, создаваемые активностью человека в сфере производства (главным образом, ее ошибками). В любом индустриально развитом обществе социальное производство богатства также приводит к возрастанию рисков (в том числе в функционировании человеко-машинных систем), которые могут вести к росту неравенства и новым социальным конфликтам, подрыву демократии и т.д. [4]. В конечном счете, серьезные про-

счеты в функционировании современных социально-технических систем расшатывают общественный порядок. Пример тому – Чернобыльская катастрофа. Начавшись как чисто «техническая проблема», спровоцированная «человеческим фактором» (ошибками в работе персонала, обслуживающего атомную станцию), эта авария внесла немалый вклад в развал всей советской социально-политической системы, т.к. обнажила многие ее слабые места и продемонстрировала неспособность системы к саморазвитию в условиях нового этапа НТР, роста глобальной конкуренции и т.д.

Остается актуальной и военная угроза, напрямую связанная с управлением сложными техническими системами. Хотя холодная война ушла в прошлое, противостояние блоков, стран сохранилось, военные арсеналы не исчезли. Ввиду огромного прогресса военной техники, чрезмерно усилилась ответственность политиков, принимающих решения о войне и мире на государственном уровне. Крах социализма не сделал обстановку в мире намного более безопасной. Уровень глобального риска не снизился: уже после развала СССР были развязаны войны в Ираке, Афганистане, где не только продолжают гибнуть люди, но и постоянно проверяется слаженность функционирования военной техники и человека.

Современные риски периода постсоветской модернизации связаны с историческими особенностями прежних этапов развития нашего общества (тоталитаризм), а также нынешней необходимостью одновременного решения разноплановых задач (демократизация, построение правового государства, борьба с финансовыми кризисами, социальная защищенность граждан в условиях глобальной нестабильности), которые потенциально способны усиливать технические, экономические и социальные риски [5].

Теории общества риска блестяще показали, что современное общество по своей природе рискогенно и потому не дает возможности избежать всевозможных рисков. Развитие человека и общества позволит лишь заранее предвидеть сложности современных рисков, оно может внести вклад в минимизацию рисков, но не элиминировать риски – ни собственно технические, ни собственно человеческие и экологические. Человечество обречено на постоянное существование в рамках риска. Остается понять эту закономерность и строить человеческую деятельность с ее учетом.

Неотъемлемой чертой общества риска является рефлексивность, т.е. способность осознать складывающуюся ситуацию, видеть ее как бы со стороны, осмысливать появляющиеся возможности развития и условия, необходимые для следования тем или иным путем. Без развития рефлексивной способности общества было бы очень трудно отыскивать, определять пути дальнейшего существования человечества. Именно данная способность к рефлексии делает возможным сохранение человечества на базе признания и упрочения таких базовых экологических ценностей, как признание самоценности природы, бережное отношение к ее многообразию, умеренность в потреблении природных богатств и т.п. Отказ от этих базовых экологических ценностей был бы равносителен самоубийству. Однако их глубокое осознание, тем более принятие практических шагов по укреплению данных ценностей, пока еще представляются скорее желаемым, нежели осуществленным действием. Человечество достигло пределов использования природных ресурсов, оно подвластно множеству рисков, и главное теперь – не потерять время, чтобы трансформировать модус существования в рамках парадигмы рисков.

Последнее в полной мере приложимо и к Беларуси, которая отвечает критериям общества риска и по сему должна сознательно сберегать базовые ценности, которые позволяют сохранять баланс общества и природы, а, следовательно, выживать и развиваться дальше.

Список цитированных источников

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004.
3. Луман, Н. Теория общества // Теория общества. Сборник. / Под общ. ред. А.Ф. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999. – С. 196 – 235.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: Издательство АСТ, 2002.
5. Яницкий, О.Н. Россия: риски и опасности «переходного общества». – М.: Институт социологии РАН, 1998.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Эйдуkene Даля

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Трудно не согласиться с наблюдениями известного американского финансиста Джорджа Сороса, что в современном мире все больше людей руководствуются корыстными мотивами в качестве морального принципа и признают за деньгами значение самодовлеющей ценности. Это коррумпирует политику и служит аргументом в пользу «предоставления рынкам еще больше свободы». Система мирового капитализма позволила рыночному механизму и мотиву получения прибыли проникнуть и в те сферы деятельности, «которые раньше не считались экономическими, такие как культура, политика и профессиональные знания», и претендовать на удовлетворение даже общественных потребностей, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам [8, с. С. XVII, XXIII, 93, 115, 127, 225-226, 256].

Происходит стремительное расширение зоны товарно-денежных отношений. В результате приватизации в рыночный оборот вовлекается общечеловеческое и национальное достояние. «Научно-технический прогресс, – считает В. М. Колонтай, – привел к самостоятельному юридическому оформлению интеллектуальной собственности (патенты, лицензии и т. п.), которые все чаще становятся предметами купли-продажи. Аналогичный процесс (хотя в меньших масштабах) наблюдается с правами на загрязнение окружающей природной среды». Причем к началу XXI в. развитые страны владели 97% патентов в мире, и на их долю приходилось свыше 90% трансграничных доходов от патентов и лицензий» [5, 12].

Функционирующая в глобальных масштабах, экономика упраздняет «инвестиционные препоны» в виде экологического, социального и налогового регулирования. В дебрях глобального производства транснациональные предприятия способны самостоятельно определять место для инвестиций, для производства, для уплаты налогов и для жительства, противопоставляя их друг другу [1, с. 13]. Возникают мощные экзогенные связи и зависимости, интегрирующие отдельные элементы общества в глобальные сетевые структуры, представляющие собой комплексы взаимосвязанных узлов. В результате подрываются основы национальной экономики и национального государства, которое все меньше контролирует валютные курсы, денежные, информационные или товарные потоки и т. д.

В результате возрастающей «проницаемости» межгосударственных границ и ослабления традиционных функций государства (особенно в сфере безопасности и социальной защиты населения) происходит эрозия его суверенитета. «Свободный рынок, – отмечает Генри Киссинджер, – восторжествовал почти повсюду, а Интернет связывает воедино различные части глобальной экономики в режиме реального времени. <...> правительства ограничивают свои полномочия, направляя их на облегчение деятельности рынка, а не на его регулирование. Экономический рост и создание новых рабочих мест в беспрецедентной мере отдаются на откуп свободному предпринима-

тельству и свободной торговле» [4, с.236]. Правительства, порой отказываясь от проведения самостоятельной бюджетной политики, соглашаются следовать логике, совершенно чуждой социальным интересам граждан, государство теряет свою идентичность.

Характеризуя систему современного мирового капитализма, многие авторы обращают внимание на факты ухода глобальных фирм от налогов, повсеместно уменьшение их удельного веса в совокупных налоговых сборах национальных государств: По меткому замечанию Ульриха Бека, «приведение в действие механизма глобализации позволяет предпринимателям и их объединениям отвоевывать у демократически организованного капитализма свободу действий, сдерживаемую политикой социального государства» [1, с.10]. Но «налоги на капитал и взносы в фонд страхования по безработице уменьшились, в то время как другие формы налогообложения, особенно налоги на потребление, продолжают увеличиваться. Другими словами, бремя налогообложения было переложено с капитала на граждан» [8, с.123]. Более того, «на вопрос о том, кто же именно где и сколько заработал, точного ответа не существует» [7, 514].

Хозяйничанье глобальных фирм и власть финансовых рынков повсеместно ведут к расширению безработицы и неполной (частичной) занятости, негарантированности трудовых отношений, замораживанию зарплаты, резкому сокращению расходов на социальные цели, и все это во имя «пресвятой» конкурентоспособности. Все это глубоко травмирует развитое демократическое общество, вымывает средний класс. Как выразился У. Бек, «что хорошо для «Дойче банк», давно нехорошо для Германии» [1, с.19].

По мнению Джона Гэлбрейта, «импульс к конкуренции, либерализации, приватизации и открытому рынку капиталов на деле подорвал экономические перспективы для многих миллионов из наиболее обездоленных людей мира. И это была не просто наивная или неверная кампания. В этой степени, в которой она наносит урон ежедневному обеспечению людей хлебом насущным, такая политика очень опасна для безопасности мира, включая и западный мир» [3, с.72].

Можно смело сказать, что глобализация привела к ухудшению условий жизни большинства граждан, а также к разрыву исторического социального контракта между капиталом, трудом и государством, к значительной утрате социальной защищенности, обеспечение которой в глазах рядового человека составляло саму суть существования правительства. В перспективе все меньше представителей среднего класса «смогут обзавестись собственными домами. Им придется жить в мире, где растет неравенство и где у большинства падает реальная заработная плата. Эпоха ежегодных прибавок к зарплате осталась позади; людям не приходится ждать повышения уровня жизни даже для своих детей. Средний класс напуган. У него нет унаследованных состояний, в поисках экономической стабильности он вынужден полагаться на общество, но именно здесь ему не на что рассчитывать. Правительство отказывается от политики обеспечения экономической стабильности, а корпорации относятся к ним как «наемникам», которым положено все меньше и меньше дополнительных льгот, гарантирующих благополучие.

Такая активная дезинтеграция среднего класса означает ослабление одной из важнейших опор современной миросистемы. Политические последствия такой политики будут очень серьезными, так как «образованные, привыкшие к комфорту, средние слои, сталкиваясь с угрозой стать *declassé*, не будут пассивно принимать этот регресс в своем статусе и доходах» [2, с. 358-359].

Словно подтверждая данный прогноз, 24 марта 2011 г. более 100 тыс. человек вышли на улицы Лондона на демонстрацию британских профсоюзов в знак протеста против программы сокращения государственных расходов, объявленной в 2010 г. коалиционным правительством Великобритании [9]. Наиболее ощутимым социальным последствием данной программы может стать сокращение около 500 тыс. рабочих

мест в бюджетном секторе экономики. Именно тогда британский конгресс профсоюзов TUC объявил о планах провести самую масштабную за 20 лет общенациональную демонстрацию протеста в Лондоне. 12 сентября 2009 г. в Вашингтоне демонстрация собрала 1 700 000 человек. В основном это были представители среднего класса, протестовавшие против проводимых реформ и экономической политики Обамы [10].

Во многих странах постсоветского пространства представители среднего класса свой протест выражают эмиграцией.

Список цитированных источников

1. Бек, У. Что такое глобализация? – Москва, 2001.
2. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб., 2001.
3. Гильбо, Е. Крах неоконсерватизма и неоглобализма. – Москва, 2004.
4. Киссинджер, Г. Нужна ли Америке внешняя политика? – Москва, 2002.
5. Колонтай, В.М. Мировое хозяйство или глобальная экономика? // Экономическая теория на пороге XXI в. – 7: Глобальная экономика. – Москва, 2003.
6. Кувалдин, В.Б. Глобализация: рождение мегаобщества. Москва, 2001.
7. Райх, Р. Труд наций. Готовься к капитализму XXI века // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – Москва, 1999.
8. Сорос, Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. – Москва, 1999.
9. <http://mirnovostey.net.ua/view/46936>
10. <http://bulochnikov.livejournal.com/124899.html>

ЭТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Яскевич Я.С.

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

Социально-гуманитарные науки в современных условиях радикальной трансформации общества демонстрируют антропологический поворот, формируя новый тип *глобальной философско-методологической рефлексии*, связанной с включением в их арсенал идеалов гуманизма, плюрализма, холизма, толерантности, диалога, синтеза и взаимообогащения. Реальный процесс демократизации государственной, правовой и политической систем постсоциалистических и постсоветских стран сопровождается качественными изменениями целей, задач и функций отдельных социально-гуманитарных наук, изучающих эти процессы, с одной стороны, обновлением ранее существовавших органов власти и управления, реформированием избирательной системы, сочетанием гражданских и политических отношений, плюрализма и гласности, преодолением бюрократических установок, развитием новых форм гражданского общества, местного управления и самоуправления, с другой стороны.

Задачи социально-гуманитарных наук и соответствующих социально-гуманитарных технологий (СГТ) состоят не только в том, чтобы обосновывать необходимость перемен, но и определять возможные варианты и векторы изменений, на что и направлены используемые технологии. Если люди не готовы признать, что мир может быть иным, дальнейший социально-гуманистический прогресс невозможен, в то же время изменения в обществе происходят быстрее в случае соответствующей «настройки», резонанса общественного сознания на них, ибо жизнь не продолжается автоматически, её возобновление в новых условиях предполагает работу мысли и действенные поступки.

Ретроспективный взгляд на технологию и технологическую революцию позволяет вести разговор об этом феномене чуть ли не с эпохи цивилизационного становления человечества. Методологическое же осмысление технологии как специфического яв-

ления формируется в конце XIX – начале XX в. В современных условиях методологический ракурс исследования технологии важен с точки зрения выявления возможностей *управления технологией и обретения свободы в условиях массированной технологической детерминированности человеческого бытия*; целенаправленного воздействия на технологические процессы, человеческую деятельность, социальные институты, ориентируясь на моральные ценности, ибо в современных условиях социально-гуманитарные технологии СГТ, как подчеркивает Б.Г. Юдин, используются для манипуляции, «промывания мозгов», порою подавления, насилия и в то же время расширения пространства свободы. Наряду с проблемами выживаемости человечества, экологической выживаемости и безопасности, сегодня проблема сохранения целостности личности, ее самодостаточности и самоидентификации становится одной из глобальных проблем современности.

В современных условиях объектом естественнонаучных и СГТ становится человек в трех своих измерениях – тела, души, духа. Феномен человека, выражающий *природные основы человека*, жизненно необходимую связь человека и природы, его особенности как биологического вида, вместе с такими исключительно человеческими чувствами и состояниями, как стыд, страх, плач, страдание, эрос требует радикального переосмысления в контексте динамично развивающихся биотехнологий, трансплантации органов, изучения генома человека. Биомедицинские исследования, как отмечает Б.Г. Юдин, актуализируя проблему природы человека в контексте высоких биотехнологий, создают предпосылки открытости, инновационной модальности человеческого существования, непредсказуемости онтологической модели личности человека, придадут гуманистический ракурс моделям проектирования альтернативного будущего человека и человечества, «этике предвидения», ибо речь идет о нравственном исчислении нового горизонта футурологического существования человеческого рода. Фантастический модульный принцип в прогнозе Э. Тоффлера частично реализуется уже сегодня, не нарушая целостности тела при систематической замене некоторых частей – модулей. Тело освобождается от предопределенности, идентичность может меняться в зависимости от контекста и ситуации, молодость сохраняется, благодаря возможностям современной медицины, т.е. происходит *реальная трансформация биологических оснований человека, «метафизики тела»*. Неизменность человеческой природы уступает место принципу выхода из естественности, когда можно продлить жизнь, изменить пол, родить ребенка при отсутствии природных предпосылок и т.п.

Экзистенциальная проекция бытия человека, акцентирующая уникальные, индивидуально-личностные свойства и характеристики, связанные в философской традиции с пониманием *души* человека, в современных условиях маркетизации духовных ценностей, унификации социальных, экономических и межличностных отношений, экспансии потребительских интересов претерпевает мощное воздействие социально-гуманитарных технологий, социальных матриц и программ по формированию соответствующих императивов технократического общества.

Сегодня и *царство духа как система высших ценностей*, сфера культуры с ее нормами, идеалами, смыслами акцентируя объективную значимость своего содержания, разумность, социальность, общезначимость, также не остается безучастным к современным социальным манипуляциям, порою далеким от нравственных идеалов. Понижение уровня общечеловеческих ценностей к началу XXI в., глобализация эгоистических и потребительских интенций на самых высоких государственных и международных уровнях выводит человечество на качественно новый этап развития. Безграничный эгоизм, подкрепленный экономическим и потребительским преимуществом, для удовлетворения своих устремлений и потребностей не останавливается перед категорическим императивом нравственности и, в конце концов, прибегает к са-

мой внушительной силе – силе принуждения. Столкновение же в социуме или отдельной общественной структуре эгоистических, не освященных нравственным светом желаний приводит к кризису, в том числе глобального масштаба, как это характерно для современной ситуации. В этих условиях при разработке современных СГТ необходимо опираться на нравственные ценности и национальные традиции с учетом глобальных процессов.

Современные СГТ, касающиеся проблемы взаимоотношения глобального и национального, направлены, с одной стороны, на сохранение национальных приоритетов, идентификацию граждан через национальное самосознание и культурную принадлежность к нации, с другой стороны, на формирование идеи «конституционного патриотизма», постнационального общества» (Ю. Хабермас) и «космополитического государства» (У. Бек).

Подобно концептуальной модели технократии, в рамках которой человек выступает как пассивный объект манипуляции, в социально-гуманитарных технологиях отдельный субъект или социальный организм также порою выступают как объекты манипулирования посредством использования научно-технического и иного знания, рационализации политики, власти знания и информации, предельно рассчитанных шагов и их точного «инженерного» исполнения, использования изощренных методов манипулирования, подобных НЛП. Социальные технологии нацелены на создание заведомо оптимальных социальных структур, запланированных и сконструированных методов социальной инженерии, проектирования новых социальных институтов, их рестройки и управления ими.

И естественнонаучные, и социальные технологии выносят конечные цели за «скобки» технологии, рассматривая отдельные социальные институты с функционально-инструменталистской позиции, как машины, а не как самодостаточные целостные организмы. Речь идет в данном случае о частичной социальной инженерии, направленной на реализацию определенных институциональных преобразований в обществе, а не на преобразование общества в целом, которое нельзя спланировать, как и ход истории. Лишь утопическая социальная инженерия, как отмечает К. Поппер, имеет не частичный, а тотальный, государственный характер, нацеливаясь на то, чтобы контролировать исторические силы, создающие будущее развивающегося общества.

На наш взгляд, *социально-гуманитарные технологии* – практико-ориентированное междисциплинарное социальное знание, направленное на создание и изменение организационных структур, управление социальным поведением людей, а также система методов и приемов решения задач по достижению целей в процессе социального планирования и социального проектирования. Как собирательный термин, в более широком смысле, социальные технологии включают в себя самые разнообразные, специализированные виды технологий, разрабатываемые в производственной, социально-экономической, политической, образовательной и других сферах.

Как правило, социальные технологии не претендуют на осуществление глобальных социальных проектов, а ограничиваются решением частных специализированных задач: *в производственной и социальной сферах* – в целях повышения производительности труда, совершенствования управления и руководства, оптимизации психологического климата в коллективе и т.д.; *в политической сфере* – при актуализации и повышении действенности политической рекламы, политического менеджмента, политического маркетинга и т.п.; *в избирательных технологиях* – разработка механизмов воздействия на сознание избирателей, работа над имиджем кандидатов, оптимизация воздействия средств массовой информации; *в образовательных технологиях* – механизмы формирования мировоззренческих ценностей, тренингов памяти; скорочтения, психологической адаптации; профессиональной ориентации и т.д.

В целом общество и историю невозможно спланировать и задать однозначный вектор проектирования, но планировать развитие отдельных социальных институтов, разрабатывать различные виды специальных технологий необходимо, ибо только *посредством рационально обоснованных, ценностно-ориентированных технологий и социальной инженерии* (деятельности по проектированию, конструированию, созданию и изменению организационных структур и социальных институтов), путем постепенных реформ и демократического воздействия на экономику, политику, образование можно достичь лучшего устройства мира.

В этом процессе теснейшим образом взаимосвязаны наука и политика, наука и власть, наука и психология, реализуется наряду с мировоззренческой, практическая функция науки, когда она, начиная с XIX в., становится убедительной производительной силой в широком смысле этого слова, внедряясь в производство, экономику, политику и другие сферы. В современном постиндустриальном, информационном обществе, особенно во второй половине XX и начале XXI в., роль научно-технического и иного знания резко возросла и глубоко повлияла на конфигурацию власти, политики, идеологии и процессы принятия решений, ибо знание изначально ассоциируется с властью. Поэтому так важно в различных областях при принятии рациональных, ценностно-ориентированных решений и использовании СГТ опираться на критерии научности, объективности, открытости, плюрализма мнений и гуманистические ориентиры, свойственные современной науке.

В начале XXI ст. направленность политических рисков и кризисов, конфликтов и противоречий, к сожалению, не становится меньшей, а порою их уровень становится настолько опасным и непредсказуемым по своим последствиям, что возникает реальная тревога за будущее человека и человечества в этом мире. Как показывает наша новейшая история, *и на уровне международных отношений используются определенные социально-политические технологии, инициирующие формирование механизмов по дестабилизации региональных и внутригосударственных процессов*, которые способны стать точкой бифуркации для глобальных по своему масштабу потрясений и кризисов.

Политический кризис – это состояние политической системы, которое отличается усилением социально-политической напряженности, углублением и обострением конфликтов. Фактически, политический кризис – это высшая бифуркационная точка развития политического конфликта, приводимая к тяжелым и непредсказуемым последствиям для участвующих сторон. Рассматривая политическую систему как систему принятия политических решений, совокупность механизмов, посредством которых осуществляется выявление социальных проблем, их постановка и разрешение, для современной глобальной политики важно вовремя выявлять причины, типы и механизмы разрешения политических конфликтов в контексте глобализационных и информационных процессов, *использовать гуманитарные технологии по разрешению возникающих противоречий*.

Глобальные трансформации, характерные для современной экономики, политики, социокультурного пространства увеличивают степень социально-политического риска, повышают вероятность непредвиденных событий, инициируют рост геополитического риска с такими его угрожающими компонентами и последствиями, как риск внешнего завоевания государства, риск распада государства под воздействием внешних сил, по крайней мере – риск снижения суверенитета государства как его способности отстаивать свои интересы на международной арене, запуская при этом механизмы внутреннего кризиса и использования соответствующих социально-политических и избирательных технологий, направленных, как правило, на изменение статуса и курса страны.

Наблюдающийся в современной культуре диалог дисциплинарного знания и жизненно реальной практики в сфере политики, экономики обеспечивает динамику СГТ, их творческий характер, особый тип «понимания» и трансинституционального взаимодействия бизнеса-правительства-университета. В современной политике, экономике, науке, культуре складывается интересная «двойная модель понимания», «двойная герменевтика», отражающая специфику коммуникативного трансинституционального взаимодействия и инновационного развития в рамках системы «университет-правительство-бизнес». Каждый из компонентов данной системы меняет свою роль за счет усвоения ролевых функций других субъектов производства знания, удерживая при этом свои консервативные механизмы самосохранения. *Современные университеты* усваивают («понимают») функции бизнеса, создавая динамичные меж- и трансдисциплинарно работающие компании, решающие конкретные проблемы. *Бизнес* активно использует не только ученых в качестве консультантов в развитии новых инновационных проектов, но и студентов, аспирантов как мобильную, высококвалифицированную рабочую силу для нового типа производств и технологий. *Правительство* выполняет при этом не только регулирующие функции, создавая наиболее благоприятные условия для инновационной деятельности, но и с помощью политики инвестиций обеспечивает ее необходимыми ресурсами. Такой тип трехстороннего взаимодействия: университет-правительство-бизнес передает процесс становления и динамики инновационной модели социально-гуманитарной технологии на современном этапе, формирующийся на уровне трансдисциплинарного производства знаний, сохраняя при этом традиционные механизмы самосохранения и самодостаточности, относительную независимость друг от друга и синергетическую кооперативность государства, науки и бизнеса.

В контексте этического измерения и междисциплинарных методологических подходов к современным СГТ можно выделить ряд их характеристик.

Междисциплинарность социально-гуманитарных технологий, объединяющая теоретические положения и прикладные разработки таких социальных наук, как политология, социология, психология, социальная психология, теория и практика социальной организации и управления и др.

Альтернативность и нелинейность СГТ проявляется в многовариантности и открытости возможных сценариев реализации политической, экономической и социальной ситуации на различных уровнях использования соответствующих технологий в условиях реального выбора.

Универсальность СГТ характерна при их трансляции для социальных, политических, управленческих и иных решений любого уровня – от избирательных кампаний при голосовании за отдельного кандидата до радикальных трансформаций национальных государств и принятия решений на глобальном уровне.

Иерархичность, которая характеризует СГТ с точки зрения их воздействия на процесс принятия решений на различных структурных уровнях: микро-, макро-, мега-технологий.

Системно-синергетический характер СГТ заключается в их способностях выступать как в качестве самостоятельного фактора политики, экономики, культуры, так и в то же время быть элементом системных СГТ различных видов – социальных, коммерческих, инвестиционных, экологических, образовательных и других технологий.

Противоречивость СГТ, которая проявляется в диалектическом взаимодействии *позитивного* и *негативного* векторов их реализации в конкретных социальных ситуациях, *коллективного* (направленность на реализацию групповых экономических и социально-политических интересов) и *индивидуального* (стремление субъектов к лидерству, использование различных технологий власти), *объективного* (реальная политическая и экономическая ситуация в стране, регионе) и *субъективного* (личност-

ное восприятие и интерпретация полученной информации о происходящих событиях, политиках и т.п.); *национального* (оценка социально-политического и экономического статуса отдельных государств) и *глобального* (геополитические модели устройства мира в контексте глобализационных процессов) и т.д.

Открытость СГТ проявляется в отсутствии четко и однозначно обозначенных процедур и общепринятых методов организации социально-политических действий и принятия решений в силу непредсказуемого характера объективно складывающейся ситуации в политике и экономике.

Вероятность СГТ (вероятность достижения желаемого результата с помощью СГТ; вероятность получения нежелательного исхода; вероятность корреляции используемых СГТ в случае трансформации цели).

Управляемость и оптимизация СГТ заключается в возможности и необходимости оптимального регулирования ими на основе синтеза и интеграции качественных и количественных экспертных подходов; гуманистической экспертизы СГТ; рациональной и психологической подготовки субъектов СГТ; разработки механизмов принятия управленческих решений на различных уровнях.

Практикоориентированность и действенность СГТ, поскольку благодаря им разрабатываются алгоритмы решения социальных задач и механизмы их практического внедрения и осуществления. Социальное знание при этом из описательного и объяснительного, анализирующего и прогнозирующего переходит в статус практикоориентированного, прагматически-действенного знания, становясь своего рода «производительной силой».

Трансдисциплинарность СГТ как особая форма производства технологий, выходящая при их разработке за рамки не только отдельных дисциплин, но и науки как особого рода института, и выступающая результатом совместного решения конкретных социальных задач при взаимодействии науки, государства (иногда негосударственных структур), бизнеса, гражданского общества и др.

Инновационность СГТ, поскольку социальные технологии обеспечивают цивилизационные прорывы в развитии общества, выступая механизмом продвижения новаций в самых различных областях – политике, управлении, экономике, науке.

Таким образом, динамика представлений о социально-гуманитарных технологиях приводит к тому, что в настоящее время под этим феноменом понимают сложную многогранную реальность, которая является *механизмом внедрения новаций и развития*, обеспечивает в функциональном отношении те или иные цивилизационные завоевания и фактически является *сферой целенаправленных действий в сферах управления, политики, экономики, информатизации, интеллектуального и ресурсного обеспечения модернизации общества*, детерминируемых социокультурной средой.

SOCIETAL TRANSFORMATION IN CEE COUNTRIES: CASE STUDIES FROM POLAND

Hines M.

Kozminski University, Warsaw, Poland

Abstract

This paper explores a concept of societal transformation following post-1989 transition. It questions whether neo-liberal values of the free market have been acquired in transition process. It argues that the experience of transition is perceived as negative and ideas of socialism deinstitutionalised, thus providing empirical evidence for societal transformation.

Key words: post-1989 transition, societal transformation, institutionalisation, de-institutionalisation, neo-liberal values

Introduction

In line with institutional theory of modernising, the assumption is being made in this paper that values change in social conditions. Following this assumption, the paper examines whether external pressures of transition would facilitate, or not, forming of neo-liberal values. Concern with values in post-transition Central and Eastern European countries is relevant to the EU project of workplace modernisation and societal transformation.

In this paper, neo-liberal values are values of market economy and learned via the media, educational system and/or management training, and/or experienced. They are the opposite of traditional values - inherited, transferred across generations and based on historical experience and old institutions. This paper is limited to exploring effect of experience of transition, and of memory of the pre-1989 system on forming of neo-liberal values. The effects of transition have been explored by researchers as shown in literature review next.

Experience of transition

Political and economic transition

The terms 'transition', and 'transformation' have been used to describe two similar concepts. 'Transition' is used in a sense of transition from socialism to capitalism. According to the IMF economic indicators [1] economic transition is over for some countries including Poland, Hungary and Czech Republic. 'Transformation' is used in a sense of societal transformation that embodies internalisation of ideas of the free market.

In 1989, two strategies were used for privatising state economies. 'Rapid' strategy involved dismantling of institutions and break-up of mono-bank structure, liberalisation of prices, and privatisation of state health, education, and pension system [2, p.205]. The alternative - gradual privatisation model, relied on institutional reforms, sale of large enterprises by initial public offering, direct sale to investors and employee buyout, with setting up of taxation system and development of commercial market sector [3, p.7]. Analysing these approaches, Stiglitz admits that gradual privatisation adopted by Hungary, Slovenia and Poland achieved better economic results than 'radical' approach [4, p.182]. The latter had negative effects in the Czech Republic, and caused a collapse of economy in Russia [ibid]. Both approaches applied as an experiment at great political and human cost, created unstable and difficult economic conditions.

Economic and political outcomes

The sale of state enterprises was found to be complex to implement, with small number of attractive companies being sold relatively quickly, and the majority remaining in the hands of state sector for the lack of buyers. The process was also accompanied by wide-spread corruption [3, p.7]. Income generated from privatisation by CEE countries' governments was rather low - 5% of GDP, with Hungary being an exception at 14% [ibid]. Also, it was directed towards paying debts of socialist governments to Western banks. Economic growth did not reach pre-1989 levels. Political dependency, in a sense of inability to act in national interest, was created as the result of economic dependency on international financial institutions and FDI companies [2]. Thus, economic and political outcomes were assessed by transitioning countries as 'pathological' [5, p.590]. The societal outcome was a 'transformation of societies' [6] in which new values were formed, as shown next. Core neo-liberal values are considered to be individualism, competitiveness, and materialism [9;10].

Societal outcomes

The liberalisation of prices used both in 'shock' and 'gradual' privatisation strategies destroyed individuals' savings leaving them without resources to face the transition [4, p.133]. Labour shedding was imposed on enterprises that formerly applied socialist full employment policies, thus creating wide-scale unemployment. In Poland in 2003, 59% of population lived

below poverty line [7; p.192]. On workplace level, decline in pay and drop in the living standards to pre-1989 levels, produced new type of poverty for workers in full-time employment, with wages set below-survival level [5, p.596].

Societal transformation – ‘a particular sociological experiment which has no comparator in history’, according to Kolankiewicz [8, p. 438] produced new in CEE countries phenomena, including: - development of social inequity with division to manual and non-manual workforce, commercialised state enterprises, and the emergence of social democratic model, [ibid, p.428]. For the new elite – mostly old socialist elite and old private-sector entrepreneurs, transformation meant large-scale material success, which facilitated forming of emerging neo-liberal values. For the majority, ‘survival mentality’ in Poland [ibid.], with ‘less initiative or self reliance’ in Hungary [9, p.436-437], and fatalism with ‘belief in fate and destiny’ in Russia [10], meant that subjective individual experience of transition both deinstitutionalised and reinforced traditional values for transition participants. This idea is being explored next by using empirical evidence from case study companies in Poland.

Research questions

In line with a concept of societal transformation in literature [8], the assumption is being made that legacy of socialism and transition affect this process. The questions being studied are:

How did experience of transition affect local managers?

Are local managers guided by traditional, and/or legacy-of-socialism based values?

To answer the research questions I use concepts of the deinstitutionalisation theory of Oliver [11], which states that in change process, external and/or internal pressures are met by moderating factors of entropy and inertia. Instability appears as new institutions are seen as hostile, and old institutions are in condition of erosion. Thus parallel processes take place – of institutionalisation of new, free market system, and of de-institutionalisation of old, socialist one [11, p.566]. In the environment of transition, external pressures of political and economic nature, according to Oliver [11], and internal pressures of multinational companies would encounter moderating factors of entropy and inertia, such as legacy of socialism and other historical experience, and of national culture that includes values. This paper is concerned with experience of post-1989 transition and legacy of socialism as affecting societal transformation.

Case study companies

The companies studied are a part of financial services industry in Poland and were selected for dynamism and work-related innovation, such as HRM, thus likely to show evidence of societal transformation. The sample comprises 2 FDI companies and 1 non-FDI with characteristics as shown below.

Table 1: Profile of sample companies

Case	Employees	Ownership	Initial JV date	E/sample	Fieldwork date
1	<6000	FDI – 80%	2001	12	6/06, 1/07, 7/07
2	7000>	FDI – 70%	1994	10	12/06
3	900>	non-FDI – 100%	1989	10	1/07, 7/07

Source: study data 2005-2007.

FDI – foreign direct investment; JV – joint venture; E/sample – employee sample. Source: [12]

Method and data

The data for this qualitative study had been collected between 2005 and 2008 as a part of PhD research project. Semi-structured interviews were conducted with 32 participants, based on interview guide, with questions focusing on three variables. This paper is con-

cerned with one variable - of local managers' values. The data is supported by unstructured opportunistic observations and external and internal documents.

Data & findings

The summary of analysis is presented in two category tables – Tables 2 and 3, illustrated by syntheses of interviewees' language. Quotations are used to illustrate concepts with managers' identities coded, for example 3/2 is interviewee 2 in Case 3. In Tables 2 and 3, a rating scale (weak, moderate, strong and very strong) [13, p.253] measures persistence of a variable of local managers' values in categories of experience of post-1989 transition and of pre-1989 system, as evidence for societal transformation.

Table 2: Experience of post-1989 transition

Descriptions	Language	FDI		Non-FDI
		Case 1 (i) (o)	Case 2 (i) (o)	Case 3 (i) (o)
Post-1989 experience of transition	'disillusionment', 'system merciless', 'lost heads', 'pressure to make money'	m (i)	s+ (i) m (o)	m (i) s (o)

Legend: (i) interviews-based evidence; (d) documents-based evidence; (o) observations-based evidence; s (strong evidence, >5) s+ (strong plus, >10), s++ (very strong, >15); m (moderate, <5); w (weak, 1-2). Source: [12]

Table 2 shows experience of post-1989 transition as reported by local managers in FDI (multinational) and non-FDI (local) companies. Disillusionment with transition is strongest in Case 2 - an FDI with well-established HRM innovations, and moderate in Cases 1 and 3 with negotiated HRM systems. Managers' personal reflections on post-1989 transition acknowledge the extreme model of the new system. Explanation is managers' feelings of instability and lack of control noted in the literature [10]. The significance of disillusionment with capitalism is that some new concepts will be rejected, thus moderating the pace of societal transformation.

Insecurity of past transition and present societal transformation is alluded to by managers: 'our reality is very mobile' (1/6), with interviewees' frequent job changes: 'some time ago I had 5 employers over 3 years' (3/4), or a change of profession: 'in 1997 from engineer to management' (3/10). In Case 2, a senior manager reflects on societal effects of transition:

Now we have good times, women have babies... picture before was less optimistic. 1990, in January – 70% interest rates, hyperinflation, people were shocked, desperate to repay. People see that governments were changing, but not able to deliver. Experience of transformation left people disillusioned... have no expectations as to the state, want to look after themselves (2/10).

The above story of past hardships provides explanation for present feelings of disillusionment with transition outcomes noted in the literature [3,4,8]. Current effects of transition, according to managers, are: 'government has no tool to provide protection for society' (1/8), and with future effects unknown: 'transformation in 89, we don't know how capitalism...the power of money...' (3/10). Some managers talk about inevitability of capitalism: 'cannot accept everything but it functions all over the world' (3/6). Explanation might be that the neo-liberal business model is diffused via business schools and management books, as shown in the literature.

An extreme model of the new system was created as the result of mismanaged privatisation, according to local managers: 'It happened because there was no vision...when the money was needed, a decision was taken... there was no long-term policy' (1/8). The reason for transition was economic constraints: 'the government was burdened, Polish debt' (3/6). The effect on national economy is negative: 'if I have no control [over] the banking

sector... foreign banks are not interested in helping companies to survive' (1/8). This view of mismanaged privatisation is confirmed in the literature [2; 3]. Next, the data on the category of pre-1989 system is presented.

In Table 3 below, there is weak, interview-based evidence of legacy of socialism in Case 2 (FDI) and Case 3 (non-FDI). There is also observations-based evidence that contradicts evidence from interviews. Explanation is that cultural memory of a deinstitutionalised socialism exists as a reference point for evaluating new concepts. The significance of existence of cultural memory of socialism is that some old concepts, or traditional values, will be retained.

Managers' personal reflections on socialism acknowledge the elements of social democracy in the former system: 'medical care was better' (3/6). The pre-1989 system is opaquely alluded to, or un-acknowledged and un-named and becomes cultural memory,. Socialism is termed as: 'a certain political system' (1/8), or: 'before 1989' (1/12), and: 'people grew up in a different culture' (2/5).

Two systems are compared as: 'conservatism and modernism' (1/2), or sceptically as: 'it was like that in Poland years ago, now in the opposite direction' (3/3). Local managers do not want to be associated with a discredited and deinstitutionalised socialism and perceived as old-fashioned. Thus, the system is evaded or denied: 'I don't know the system of the previous era,' (1/1), and: 'I am young, I don't know any other system' (1/6). These findings are preliminary and need to be studied further.

Table 3: Pre-1989 system

Descriptions	Language	FDI		Non-FDI
		Case 1 (i) (o)	Case 2 (i) (o)	Case 3 (i) (o)
Pre-1989 system	'certain political system', 'it was like that years ago'	m (i) w (o)	w (i)	w (i) s (o)

Legend: (i) interviews-based evidence; (d) documents-based evidence; (o) observations-based evidence; s (strong evidence, >5) s+ (strong plus, >10), s++ (very strong, >15); m (moderate, <5); w (weak, 1-2). Source: [12]

To sum up, the data shows that local managers have experienced external instability of transition, and internal instability of a dynamic workplace. The neo-liberal concepts learned contradict reality they experience, affecting retreat to cultural memory of socialism, thus reinforcing traditional values. In the light of the deinstitutionalisation theory [11], external pressures of later-phase transition are weaker, with lesser effect on values. External pressures of deinstitutionalised socialism are also weaker, or non-existent, thus suggesting a process of societal transformation.

Conclusions

This paper shows how the concepts of institutionalisation and deinstitutionalisation can be applied to a context of transition to further understanding of societal transformation. It highlights a role of two factors in this process – post-1989 transition and pre-1989 system. The important finding is that transition as external political and economic pressure [11] appears to reinforce traditional values - the effect opposite to the effect intended.

List of references

1. Steensma, H.K., Tihanyi, L., Lyles, M. A. and Dhanaraj, Ch. 2005. 'The evolving value of foreign partnerships in transitioning economies'. *Academy of Management Journal*, 48, 213-235.
2. Kozminski, A.K. 1998. *Odrabianie Zaleglosci*. (Making-up of arrears). Warsaw: WN-PAN. (in Polish).
3. Svejnar, J. 2002. 'Transition Economies: Performance and Challenges'. *Journal of Economic Perspectives*, 16, 3-28.
4. Stiglitz, J. 2002. *Globalisation and its Discontents*. London: Allen Lane.

5. Chojaj, H. 2004. *Ekonomia Polityczna Globalizacji*. (Political economy of globalisation). Warsaw: FI & WSSE. (in Polish).
6. Goralczyk, B. 1995. 'Post-communist challenges: an attempt of identification'. In B. Goralczyk, W. Kostecki, and K. Zukrowska, (eds.). 1995. *In Pursuit of Europe. Transformations of Post-Communist States 1989-1994*, 143-156. Warsaw: PAN IPS.
7. Klein, N. 2007. *The Shock Doctrine. The Rise of Disaster Capitalism*. London: Allen Lane.
8. Kolankiewicz, G. 1996. 'Social capital and social change'. *British Journal of Sociology*, 47, 441.
9. Danis, W.M. and Parkhe, A. 2002. 'Hungarian-Western partnerships: a grounded theoretical model of integration processes and outcomes'. *Journal of International Business Studies*, 33, 423-455.
10. Fey, C.F. & Denison, D.R. 2003. 'Organizational culture and effectiveness: can American theory be applied in Russia?'. *Organization Science*. 14. 686-706.
11. Oliver, C. 1992. 'The antecedents of deinstitutionalization'. *Organization Studies*, 13, 563-588.
12. Hines, M. 2009. Local managers' values-based reactions to transfer of Western HRM practices: case studies in FDI and non-FDI companies in Poland. Doctoral thesis. Nottingham University Business School. Department of Business and Management. Published online at www.theses.nottingham.ac.uk/15471/1/M._Hines.404352.pdf.
13. Miles, M.B. and Huberman, A. M. 1994. *Qualitative Data Analysis*. Thousand Oaks CA: Sage.

BEZPOŚREDNIE INWESTYCJE ZAGRANICZNE W POLSCE W LATACH 1990–2009

Zofia Tomczonek

Politechnika Białostocka Wydział Zarządzania

Wprowadzenie. Międzynarodowe transfery kapitału w postaci bezpośrednich inwestycji zagranicznych były znane od dawna. W średniowieczu dokonywały się między krajami Wschodu a Europą, Afryką, Azją. Kolejną falę przepływu kapitału przyniósł kolonializm. Wówczas decydujące znaczenie miało lokowanie kapitału w tych przedsięwzięciach, które umożliwiały eksploatację. Były to głównie: surowce i siła robocza. Po upadku kolonializmu nastąpiła trzecia faza w procesie przepływu kapitału w skali międzynarodowej. Trwa ona do dzisiaj. Jej cechą charakterystyczną jest fakt, że dominującą rolę odgrywają korporacje transnarodowe.

Pojęcie, rodzaje i charakterystyka bezpośrednich inwestycji zagranicznych (BIZ)

Definicje bezpośrednich inwestycji zagranicznych

W literaturze przedmiotu znajdujemy wiele definicji pojęcia inwestycje, świadczy to o trudnościach związanych z ich jednoznacznym postrzeganiem.

Jedną z definicji jest definicja J. Hirschleifera, która wydaje się najwierniej oddaje istotę zagadnienia. Pisze on, iż inwestycje to „teraźniejsze wyrzeczenie dla przyszłej korzyści. Teraźniejszość jest względnie pewna, podczas gdy przyszłość jest niewiadomą. Z tego powodu inwestycje są poświęceniem pewnego dla niepewnej korzyści” [1, s.509, 2, s.18]. Uprecyzniają definicję K. Jajuga i T. Jajuga [3, s.7] i wymieniają trzy aspekty pojęcia inwestowania:

- wyrzeczenie, czyli ograniczenie bieżącej konsumpcji na spodziewaną przyszłą korzyść,
- określenie czasu trwania wyrzeczenia, po upływie którego są spodziewane przyszłe korzyści,
- niepewność rynku, ryzyko, które w tym wypadku jest stałe.

Inwestycje zagraniczne są jedną z form przepływu kapitału w skali międzynarodowej [4, s.13].

Na poziomie mikroekonomicznym, cała uwaga skupia się na przedsiębiorstwie, które inwestuje [5, s.134]. Jest to więc podjęcie samodzielnych działań za granicą od podstaw [4, s.14].

Definicję terminu bezpośrednio inwestycje zagraniczne daje J.H. Dunning [6, s.22]. Według niego inwestycja zagraniczna to inwestycja dokonana przez przedsiębiorstwo poza granicami swojego kraju. Składają się na nią aktywa i czynniki produkcji. Zalicza do nich:

kapitał, umiejętności organizacyjne, menedżerskie, technologie i przedsiębiorczość [7, s.22]. Efekty inwestycji zagranicznych to nie tylko środki finansowe, ale również starania o stworzenie dobrych stosunków gospodarczych za granicą. Kuzel M. wyróżnia dwa motywy towarzyszące przepływowi kapitału w formie bezpośrednich inwestycji zagranicznych:

- motyw kontrolny,
- motyw dochodowy.

Motyw kontrolny jest to wywieranie wpływu przez inwestora na przedsiębiorstwo za granicą. Motyw dochodowy – to fakt, że bezpośrednia inwestycja zagraniczna jest zawsze inwestycją podejmowaną w celu osiągnięcia długotrwałych korzyści.

Międzynarodowy Fundusz Walutowy definiuje termin bezpośrednie inwestycje zagraniczne jako inwestycje podejmowane w celu osiągnięcia korzyści przez rezydenta (inwestora) jednej z gospodarek.

Organizacja Współpracy Gospodarczej i Rozwoju (OECD) bezpośrednie inwestycje zagraniczne określa jako „uzyskanie przez rezydenta (inwestora) trwałego wpływu na jednostkę gospodarczą w innym kraju” [8, s: 27]. Bezpośrednie inwestycje zagraniczne są to wszystkie kolejne transakcje między inwestorem a innymi jednostkami. Inwestor bezpośredni to osoba fizyczna z osobowością prawną lub bez, grupa osób fizycznych, rząd lub przedsiębiorstwo.

Formy bezpośrednich inwestycji zagranicznych

Międzynarodowe przepływy kapitału są dokonywane w różnych warunkach i sytuacjach. Stąd też przybierają różne formy. Zasadniczo rozróżnia się trzy formy migracji kapitału w skali międzynarodowej:

1. bezpośrednie inwestycje zagraniczne,
2. zagraniczne inwestycje portfelowe,
3. kredyty międzynarodowe.

Ad) 1 Bezpośrednie inwestycje zagraniczne

Transfer kapitału w postaci bezpośrednich inwestycji zagranicznych (BIZ) ma ogromne znaczenie dla gospodarki światowej. Jest to szczególny rodzaj inwestycji wyróżniony w/g kryterium miejsca inwestowania poza granicami kraju osiedlenia inwestora. Inwestorem zagranicznym może być osoba fizyczna, prywatna lub państwowe przedsiębiorstwo, rząd, grupa osób fizycznych, grupa przedsiębiorstw, które posiadają inwestycję zagraniczną. Bezpośrednia inwestycja zagraniczna to taka inwestycja, w której inwestor zagraniczny posiada tzw. trwały wpływ w przedsiębiorstwie zagranicznym. Jest to posiadanie co najmniej 10% akcji zwykłych lub uprawnienia do 10% prawa głosów na walnym zgromadzeniu akcjonariuszy.

Bezpośrednia inwestycja zagraniczna przybiera formy [4, s: 13]:

- oddziałów, przedstawicielstw (ang. branch),
- filii, przedsiębiorstw zależnych (ang. subsidiary),
- wspólnego przedsięwzięcia (ang. joint venture).

Oddziały są to jednostki bez osobowości prawnej. Są one placówkami, biurami, agencjami, ekspozyturami zagranicznymi inwestora i działają w jego imieniu. Są też one integralną częścią macierzystego przedsiębiorstwa. Podlegają wyłącznie regulacjom prawnym tego kraju, skąd pochodzi pierwotnie kapitał. Władze lokalne mają ograniczoną ingerencję w jego funkcjonowanie. Ta forma bezpośrednich inwestycji zagranicznych jest stosowana w początkowej fazie prowadzenia działalności gospodarczej, w okresie kiedy tworzone są kanały dystrybucji dla usług i dóbr eksportowych [7, s.30].

- Filie – posiadają osobowość prawną. Są to przedsiębiorstwa zależne. Są one pełną własnością podmiotu macierzystego [7, s.29]. Jest to najczęstsza forma prowadzenia działalności gospodarczej z udziałem zagranicznym.

Joint venture – wspólne przedsięwzięcie podejmowane poza granicami kraju macierzystego. Są to przedsięwzięcia podejmowane przez niezależnych kooperantów z różnych krajów, aby powołać i prowadzić wspólne przedsiębiorstwo (ang. joint creation); przejąć już istniejące (ang. joint acquisition); włączyć partnera do istniejącego przedsięwzięcia (ang. partial fusion) [7, s.29]. Inwestor zagraniczny obejmuje prawa własności wraz z innymi partnerami do części przedsiębiorstwa.

Istnieje wiele form joint venture. Biorąc pod uwagę kryteria [9, s.8] takie jak:

- podział władzy między partnerami,
- rola zajmowana przez partnerów w joint venture,
- kierunek joint venture,

możemy je sklasyfikować następująco:

W/g pierwszego kryterium wyróżnia się przedsięwzięcia:

- o dominującej roli jednego partnera (dominant partner joint venture),
- zrównoważony wpływ w obszarach zarządzania,
- kontrolę obu partnerów (shared management joint venture).

W drugim kryterium wyróżnia się:

- „rynek / technologia – joint venture” tj. wniesienie znajomości rynku lokalnego przez jednego partnera, a technologii przez drugiego,

- „komplementarna technologia – joint venture” czyli połączenie know-how obydwu stron,
- „sprzedaż – joint venture”; produkcja przeniesiona do zagranicznego przedsiębiorstwa, a zajmowanie się jedynie zbytem w lokalnej firmie,
- koncentracja – joint venture” – wspólne przedsięwzięcia,
- „B + R – joint venture” – rozłożenie kosztów i ryzyka prac między dwa przedsiębiorstwa.

W/g kierunku joint venture dzieli się na horyzontalne, wertykalne i diagonalne (konglomeratowe).

Inwestycje horyzontalne to takie, których produkcja wyrobów wcześniej produkowanych w kraju inwestora jest przenoszona za granicę w celu obniżenia kosztów transportu, korzyści skali lub przez wzgląd na bariery celne.

Inwestycje wertykalne obejmują co najmniej dwie sfery działalności przedsiębiorstwa: od zaopatrzenia do produkcji, od produkcji do zaopatrzenia.

Inwestycje zagraniczne konglomeratowe mają motyw dywersyfikacji działalności [9, s.19–20].

Joint venture może również przyjąć formy wspólnie kontrolowanych jednostek (jointly controlled entity), które polega na stworzeniu nowej jednostki przez dwa lub więcej przedsiębiorstw, aby rozpocząć nową działalność gospodarczą.

Może to być również forma wspólnie kontrolowanych zasobów (jointly controlled assets) czyli wykorzystanie części zasobów celem przedsięwzięcia wspólnego projektu bez stworzenia nowej jednostki, czy też wspólnie kontrolowanego działania (jointly controlled operations) czyli wniesienie po równo zasobów do projektu joint venture zarządzanego przez wspólne ciało zarządcze [10, s. 58–60].

Joint venture można również podzielić ze względu na udział partnerów w przedsięwzięciu:

- większościowe joint venture (ang. majority joint venture), to takie, gdzie partner zagraniczny jest udziałowcem w ponad 50%,
- mniejszościowe joint venture (ang. minority joint venture) nie przekracza 50% wartości kapitału akcyjnego spółki,
- parytetowe joint venture (ang. equity joint venture) gdzie każdy z partnerów posiada udziałów po równo [7, s. 30].

Ad) 2 Zagraniczne inwestycje portfelowe

Polegają one na zakupie papierów wartościowych emitowanych przez skarż państwa, czy też akcji przedsiębiorstw, ale bez chęci bezpośredniego angażowania się w zarządzanie nimi.

W XIX i na początku XX wieku inwestowanie w obligacje zagraniczne było najważniejszą formą importu kapitału. Obecnie inwestycje te odgrywają mniejszą rolę.

Główną różnicą między inwestycjami bezpośrednimi a portfelowymi jest dążenie lub nie do sprawowania kontroli [11, s.8].

Ad) 3 Kredyty międzynarodowe [9, s.23]

Odgrywają one ważną rolę w gospodarce światowej głównie z powodu kryzysów gospodarczych i dążenia do ich uniknięcia lub przezwyciężenia. Kredyty międzynarodowe przyspieszają także procesy wzrostu gospodarczego. Stosując różne kryteria można je podzielić na:

- w/g kryterium podmiotowego: - kredyty państwowe udzielane przez rządy rządów,
- kredyty instytucji międzynarodowych.

Zagraniczne kredyty handlowe można podzielić na:

- kupieckie,
- bankowe.

Kredyty kupieckie są to kredyty udzielane przez jedno przedsiębiorstwo drugiemu w związku z transakcją kupna/sprzedaży.

Kredyty bankowe – udzielają banki bankom krajowym lub przedsiębiorstwom zagranicznym.

Kredyty międzynarodowe można dzielić w/g okresu kredytowania:

- krótkookresowe,
- średniookresowe,
- długookresowe.

Teorie i motywy wyjaśniające podejmowanie przez przedsiębiorstwa bezpośrednich inwestycji zagranicznych (BIZ)

I. Teorie

Skala i prędkość wzrostu bezpośrednich inwestycji zagranicznych w świecie spowodowała, że nastąpił wzrost badań nad tym zjawiskiem i jego przyczynami. Powstało wiele teorii, które starają się wytłumaczyć to zjawisko. Autorzy, którzy je badają, szukają odpowiedzi na następujące główne pytania [9, s.23]:

- jakie czynniki powodują transformację krajowego przedsiębiorstwa w międzynarodowe,
- jakie czynniki wpływają na uzyskiwanie przewagi konkurencyjnej przedsiębiorstwa, które podejmuje zagraniczne inwestycje bezpośrednie, nad lokalnymi firmami kraju goszczącego,
- jakie czynniki determinują wybór kraju lokalizacji bezpośrednich inwestycji zagranicznych.

Wśród licznych teorii wyjaśniających bezpośrednio inwestycje zagraniczne istotne znaczenie wydają się mieć te, które za kryterium biorą motywy ich podejmowania. Są to [9, s.32]:

1. Teoria przewag własnościowych
2. Teoria oligopolistycznych zachowań równoległych
3. Teoria lokalizacji
4. Teoria internacjonalizacji
5. Teoria paradygmatu eklektycznego J.H. Dunninga

1. Teoria przewag własnościowych

Uznaje ona przewagę własnościową za główną przewagę konkurencyjną. Podstawą tej przewagi jest „zawłaszczanie” przez przedsiębiorstwo niektórych zasobów. Stają się one źródłem jego przewag w walce konkurencyjnej na niedoskonale funkcjonującym rynku. Są to np.: niższe koszty łączności, transportu, łatwiejszy dostęp do informacji o miejscowych warunkach rynkowych itp. Analiza owych przewag była przedmiotem prac S.H. Hymera [12] i C.P. Kindlebergera [13].

Ich zdaniem motywacją przedsiębiorstw do inwestowania poza granicami swojego kraju jest możliwość uzyskania tam korzyści z posiadanych przewag własnościowych. Zaliczają

do nich głównie: technologię, organizację i zarządzanie, marketing. Podkreślają, że wykorzystanie też przewag jest niemożliwe bez podejmowania działalności w formie BIZ.

Osiągnięcie wyższej rentowności przedsiębiorstwa zagranicznego wynika z posiadania szczególnych przewag nad istniejącymi lub potencjalnymi przedsiębiorstwami kraju lokaty. Zalicza się do nich [14, s.33]:

- przewaga technologiczna umożliwiająca podjęcie produkcji nowych wyrobów, produkcję produktów o korzystniejszych cenach, ponoszenie niższych kosztów wytwarzania,
- przewaga finansowa wynikająca z możliwości korzystania z własnych zasobów kapitałowych oraz ułatwionego dostępu do źródeł finansowego zasilania wewnętrznego tak w kraju lokaty, jak i na międzynarodowym rynku kredytowym i kapitałowym,
- przewagi w zakresie umiejętności zarządzania, możliwości wykorzystywania rozwiązań zastosowanych w przedsiębiorstwach macierzystych,
- przewagi marketingowej,
- przewagi związanej z możliwością korzystania z tańszych czynników produkcji, lepszej sieci informacyjnej, wszechstronniejszego wspomaganie decyzji kierowniczych.

Posiadanie tych przewag osiąga w pewnym stopniu siłę monopolu. Wykorzystują ją w dążeniu do maksymalizacji korzyści z ich posiadania.

Wg J.H. Dunninga [6, s.142-143, 148-153; 14, s.35] najważniejsze są przewagi własnościowe związane z technologią i tworzeniem technologicznej know-how, zdolnością kreowania marki oraz szeroko rozumianą znajomością marketingu i kreatywności w tej dziedzinie. Rola poszczególnych przewag i ich miejsce w hierarchii ważności są różne. Zależy to od kraju pochodzenia inwestora zagranicznego. Przewagi technologiczne i marketingowe większe znaczenie miały w przypadku przedsiębiorstwa amerykańskich niż japońskich.

W nurcie teorii przewag własnościowych mieści się także teoria zawłaszczalności.

Wiedza techniczna (innowacje) podlega upowszechnieniu wywołując konflikt z interesem przedsiębiorstwa innowatora, dążącego do uzyskania maksymalnego zysku z tytułu posiadania przewagi w tym zakresie. Przedsiębiorstwo innowator ponosi kosztą wytwarzania nowej technologii. Wobec tego chce jak najdłużej chronić innowacje przed upowszechnieniem. Będzie więc rozszerzało wykorzystanie innowacji w drodze stosowania ich w działalności podejmowanej za granicą, co skutecznie zapobiegnie upowszechnieniu.

Zawłaszczalność przedsiębiorstwa (zdolność ochrony przewagi) jest zależna od charakteru technologii; wyższa dla technologii skomplikowanych, niższa dla technologii prostych. Zawłaszczanie technologii wyższych dokonuje się w procesie rozwoju bezpośrednich inwestycji zagranicznych, przedsiębiorstwa innowatorzy tworzą filie zagraniczne. Technologie proste upowszechniają się przez rynek. Właściciele nie przywiązują większej wagi do ich ewentualnej utraty. Zjawisko to szczególnie występuje w wielkich korporacjach wielonarodowych, prowadzących na dużą skalę działalność badawczo-rozwojową wspierającą rozwój dziedzin w obszarze high-tech.

Wśród rozważań teoretycznych wyjaśniających zjawisko bezpośrednich inwestycji zagranicznych związanych z przewagami własnościowymi przedsiębiorstw szczególnie miejsce zajmuje teoria cyklu życia produktu R. Vernona [14, s. 36]. Wskazuje ona, że „cykl życia” produktu składa się z trzech faz.

W pierwszej fazie zwanej przez Vernona „fazą inwestycji wymagających badań” firma innowacyjna produkuje i sprzedaje wyłącznie na rynku krajowym. Koszty i ceny produktu są bardzo wysokie. Przedsiębiorstwo w tym okresie korzysta z roli monopolisty. Jeśli produkt odniesie sukces, następuje nagie rozszerzenie rynku zapewniające wzrost produkcji oraz niższe koszty jednostkowe. Sukces zachęca konkurencję do wejścia na rynek, w szczególności gdy proces produkcji uległ większej standaryzacji. W ten sposób rynek krajowy się nasyca, a zyski spadają.

Druga faza to okres dojrzewania produktu. Producent dążąc do osiągnięcia korzyści umasawia produkcję, obniża koszty, zmniejsza ceny, to powoduje zwiększenie popytu. Rynek zagraniczny w początkowym etapie jest zaspokajany przez eksport. W miarę standaryzacji produktu, zmniejsza się przewaga techniczna producenta, większego znaczenia nabierają przewagi wynikające ze skali produkcji i przewagi marketingowej. Powstaje niebezpieczeństwo wzrostu konkurencji krajowej, nałożenia barier importowych przez kraje, do których prowadzony jest eksport, a także podjęcia przez przedsiębiorstwo zagraniczne produkcji dotąd eksportowanej. Aby zapewnić sobie rynek za granicą, przedsiębiorstwo otwiera filię zagraniczną w drodze inwestycji bezpośredniej.

W fazie trzeciej następuje standaryzacja produktu, a z nią utrata przewagi technicznej. Przedsiębiorstwo innowator nie jest już wyłącznym posiadaczem technologii. Konkurencja cenowa zmusza przedsiębiorstwo do intensywnego poszukiwania rozwiązań, których efektem jest utrzymanie przewagi kosztowej. Jedną z dróg jest inwestowanie bezpośrednio w krajach rozwijających się, gdzie niższe są koszty pracy. Przeniesienie do tych krajów pracochłonnych faz produkcji może być istotnym czynnikiem utrzymania przewagi konkurencyjnej.

Teoria ta wyjaśnia proces internacjonalizacji produktu przez bezpośrednie inwestycje zagraniczne.

2. Teoria oligopolistycznych zachowań równoległych

Znana też jest w literaturze jako teoria reakcji oligopolistycznej, wyjaśnia intensywność bezpośrednich inwestycji zagranicznych podejmowanych przez przedsiębiorstwa tej samej branży w określonych krajach warunkach współzależności oligopolistycznej. Wiązana jest ta teoria z F.T. Knickerbockerem [14, s.40]. Dowiódł on, że oligopolisci stosują strategię defensywną tzn. wzajemnie podążają za sobą na rynki zagraniczne. Chcą bowiem zneutralizować przewagę konkurencyjną, którą mogłyby osiągnąć przedsiębiorstwa liderzy. Naśladowanie strategii lidera i w ten sposób zapobieganie uzyskaniu przez niego korzyści wynikających z wcześniejszego wejścia na nowy rynek i podniesienia barier wejściowych.

Prowadzenie przedsiębiorstwa drogą podobną do obronnej przez lidera jest dla kierownictwa bardziej bezpieczne.

3. Teoria lokalizacji

Opisuje ona czynniki decydujące o podjęciu w danym kraju zagranicznych inwestycji bezpośrednich i pozwala zrozumieć przestrzenną strukturę tych inwestycji. Wśród czynników determinujących podjęcie BIZ można wymienić:

- warunki instytucjonalne i polityczne tworzące klimat inwestycyjny w danym kraju,
- kosztowe,
- rynkowe,
- bariery handlowe [9, s.36].

Do grupy pierwszej można zaliczyć ustawowe regulacje, stabilność polityczną, bezpieczeństwo prawne, stosunek opinii publicznej do kapitału zagranicznego, decyzje fiskalne.

W grupie drugiej mieszczą się ceny, dostęp do czynników produkcji, a także płace. Ich niski poziom w krajach rozwijających się stanowi argument za ulokowaniem tam inwestycji.

Trzecia grupa obejmuje: wielkość rynku, jego dynamikę, poziom konkurencji, możliwość eksportu oraz fazy cyklu życia produktów.

W grupie czwartej znajdują się: cła, procedury celne, licencje, kontyngenty, normy, państwowe subwencje dla krajowych przedsiębiorstw.

Do grupy tych czynników sprzyjających lokalizacji BIZ J. Misala [15, s.37] dodaje jeszcze inne czynniki decydujące o atrakcyjności danej lokalizacji:

- przestrzenna struktura rozmieszczenia wytwórczych czynników,
- jakość zasobów produkcyjnych i ich wydajność,
- dystans psychologiczny i technologiczny,
- korzyści skali w zakresie prac badawczo-rozwojowych.

4. Teoria internacjonalizacji

W/g teorii internacjonalizacji rynek jest niekoniecznie odpowiednim mechanizmem zawierania transakcji. To właśnie niedoskonałości rynku są czynnikiem skłaniającym przedsiębiorstwa do podejmowania bezpośrednich inwestycji zagranicznych. Przedsiębiorstwa, aby obniżyć koszty transakcji wybierają proces internacjonalizacji w celu uzyskania korzyści i utrzymania posiadanych przewag, które opierają się na doświadczeniu produkcyjnym, kwalifikacjach pracowników, a przede wszystkim na przywództwie technologicznym [16, s.37].

W teorii tej podkreśla się znaczenie niematerialnych składników majątku przedsiębiorstwa charakteryzujące cechy właściwe dla dóbr publicznych, których wartość podwyższa się z poziomem skali wielkości rynku działania przedsiębiorstwa. Przedmiotem tej teorii są przede wszystkim nowe rozwiązania, kluczowe dla korporacji transnarodowej. Tym samym wiedza i umiejętności w kraju lokaty BIZ ogranicza się zatem do efektów naśladownictwa i przenikania [7, s.67-68].

5. Teoria paradygmatu eklektycznego

Twórcą teorii jest brytyjski ekonomista J.H. Dunning. Eklektyczny charakter teorii wynika z trzech przyczyn:

- teoria jest syntezą trzech teorii: teorii przewag monopolistycznych, teorii internalizacji i teorii czynników lokalnych,
- eklektyczny charakter teorii międzynarodowej produkcji wynika z faktu, że można ją wykorzystywać do interpretacji wszelkich rodzajów bezpośrednich inwestycji zagranicznych, a mianowicie inwestycji poszukujących nowych rynków zbytu, efektywności i zasobów,
- teoria ta uwzględnia trzy podstawowe formy internacjonalizacji przedsiębiorstwa, tzn. eksport, międzynarodowe kontrakty oraz BIZ, a także dokonuje wyboru najbardziej efektywnej formy z punktu widzenia przedsiębiorstwa [17, s. 78].

Teoria ta uważana jest za generalną teorię zagranicznych inwestycji bezpośrednich. Nazywana jest koncepcją produkcji międzynarodowej lub paradygmatem OLI (od skrótów grup czynników warunkujących podjęcie BIZ, tzn. ownership, location, internalization).

II. Motywy podejmowane przez przedsiębiorstwa BIZ

W literaturze przedmiotu [9, s.55] spotyka się wiele klasyfikacji ze względu na motywy (przyczyny) podejmowania przez przedsiębiorstwa BIZ. Jedną z nich jest podział na cztery formy inwestycji zagranicznych:

- zorientowane na zasoby,
- zorientowane na rynek,
- zorientowane na efektywność,
- zorientowane na aktywa strategiczne.

Pierwsza forma inwestycji zagranicznych – zorientowanych na zasoby – odnosi się do przedsiębiorstw, które zamierzają wykorzystać zasoby kraju goszczącego, dostępne po niższej cenie w stosunku do cen obowiązujących w kraju inwestora zagranicznego. Główne przyczyny to: podwyższenie swojej rentowności, wzmocnienie pozycji konkurencyjnej na rynku obecnym lub na rynkach, na które inwestor zamierza wejść. Forma ta odnosi się do przedsiębiorstw, które poszukują taniej siły roboczej. Są to najczęściej organizacje, które pochodzą z kraju o wysokim koszcie siły roboczej. Inwestor przejmuje przedsiębiorstwa lub buduje je od podstaw i wytwarza tam produkty na eksport. Kraje przyjmujące, które są zainteresowane tego rodzaju inwestycjami zagranicznymi tworzą często specjalne strefy ekonomiczne.

Inwestycje zagraniczne zorientowane na rynek tworzą przedsiębiorstwa, które inwestują na rynku kraju przyjmującego w celu sprzedaży tam swoich wyrobów lub usług. Najczęściej są to rynki obsługiwane wcześniej przez inwestora zagranicznego w formie eksportu. Podstawą takich inwestycji jest podążanie za głównymi dostawcami, którzy przenoszą swoją działalność za granicę.

Investycje zagraniczne zorientowane na efektywność podejmują przedsiębiorstwa, aby wykorzystać m.in. różnice podatkowe czy też współpracę z lokalnymi podmiotami. Przedsiębiorstwa inwestujące za granicą zorientowane na efektywność; to zazwyczaj duże i dobrze zdywersyfikowane organizacje gospodarcze.

Investycje zagraniczne zorientowane na aktywa strategiczne to w przeważającej mierze działalność transnarodowych korporacji. W warunkach coraz silniejszej konkurencji przedsiębiorstwa poszukują tzw. strategicznych aktywów. Oznacza to dążenie do przejęcia lub połączenia z inną firmą i wejście w posiadanie jej strategicznych aktywów, aby rozwinąć dynamiczną, długookresową przewagę konkurencyjną.

Wśród innych klasyfikacji BIZ spotykanych w literaturze można wymienić podział na pośrednie i bezpośrednie [18, s.9]. Do czynników pośrednich zalicza się warunki, które muszą być spełnione, aby nastąpił eksport kapitału. Możemy do nich zaliczyć: uwarunkowania instytucjonalne (zgoda na wywóz), ekonomiczne (wielkość przedsiębiorstwa) oraz tzw. klimat inwestycyjny.

Do czynników bezpośrednich, które decydują o podjęciu inwestycji za granicą możemy zaliczyć: różnice w stopach zysku, ceny czynników wytwórczych, dostęp do surowców, nowoczesnych technologii, niższe podatki, tanie kredyty, zwiększenie popytu na wytwarzane dobra itp.

W literaturze przedmiotu spotyka się także podział motywów inwestowania za granicą na [14, s.58]: rynkowe, kosztowe, zaopatrzeniowe i polityczne.

Bezpośrednie inwestycje zagraniczne (BIZ) na świecie w latach 1990-2009

Lata dziewięćdziesiąte XX wieku przyniosły wzrost światowych przepływów kapitału w formie bezpośrednich inwestycji zagranicznych. Średnioroczna wartość napływu BIZ wzrosła z 50mld USD w latach 1980-1984 i 119mld USD w latach 1985-1989 do blisko 203mld USD w latach 1990-1994 i do ponad 595mld USD w latach 1995-1999, przekraczając w 1999 r. wartość 1bln USD rocznego napływu [7, s.94]. Udział krajów wysoko rozwiniętych w światowym napływie BIZ wyniósł 68% w latach 1990-1994 i 64% w latach 1995-1999. Napływ BIZ charakteryzował się wyższą dynamiką w drugiej połowie lat 90-tych. Rekordowa wartość napływu BIZ do krajów świata została odnotowana w 2000 r. Wówczas wartość ich wyniosła 1,4bln USD [19, s.3]. Kraje wysoko rozwinięte partycypowały wówczas 80% tej wartości absorbując ponad 1,1bln USD kapitału w postaci bezpośrednich inwestycji zagranicznych. Rok ten był rekordowy dla krajów rozwijających się, które odnotowały napływ BIZ w wysokości 252mld USD. W tym do krajów Europy Środkowowschodniej wartość napływu BIZ w 2000 wyniosła 27,5mld USD. W tym też czasie wzrósł wyraźnie udział sektora usług w kształtowaniu BIZ, a przede wszystkim w usługach finansowych. Od roku 1997 globalny napływ BIZ rósł średnio o 40% w skali roku.

Kolejne lata były okresem spadku dynamiki światowych przepływów BIZ. Rok 2001 przyniósł osłabienie napływu BIZ do wszystkich regionów świata z wyjątkiem Afryki. Napływ BIZ do krajów świata ogółem był w 2001 r. niższy aż o 41% w stosunku do roku poprzedniego. Powodem było osłabienie koniunktury gospodarczej na świecie, które w największym stopniu dotknęły kraje wysoko rozwinięte. Zostało to spowodowane spadkiem wartości fuzji i przejść ponadnarodowych. To z kolei miało źródła w giełdowej bessie i wyhamowaniu procesów prywatyzacyjnych [20, s.134].

W 2002 r. doszło do pogorszenia sytuacji gospodarczej i odnotowano spadek inwestycji do około 700mld USD. Przyczynami takiego spadku były osłabienie działalności gospodarczej na świecie oraz spadek liczby fuzji oraz przejęć, które są jednym z podstawowych źródeł generowania przepływów kapitałowych na skalę globalną [19, s.3]. Poważny regres nastąpił w sferze usług finansowych, transportowych, komunikacji i obsłudze nieruchomości. Został odnotowany wzrost w sektorze surowców. Zdecydowany napływ inwestycji nastąpił przede wszystkim w krajach rozwiniętych [20, s.135].

Do 2005 r. inwestycje bezpośrednie przeżywały kryzys. Natomiast w 2006 r. wartość bezpośrednich inwestycji zagranicznych wzrosła do kwoty około 1,5bln USD. Najwięcej BIZ napłynęło do krajów wysoko rozwiniętych 857mld USD, a do krajów rozwijających się 379mld USD. Największe zainteresowanie zagranicznych inwestorów skupiło się na krajach Azji, a szczególnie Chinach. Również kraje członkowskie Unii Europejskiej odnotowały wzrost napływu BIZ. Szczególnie duży wzrost napływu BIZ odnotowała Polska. Największymi inwestorami zagranicznymi w 2006 były Stany Zjednoczone i rozwinięte kraje Europy. Coraz częściej inwestują kraje, które w przeszłości były wyłącznie biorcami inwestycji, np. Brazylia, Rosja i Chiny [21]. Inwestycje zagraniczne zostały ożywione w 2007 r. Z wartością prawie 2bln USD. Nie trwało to długo. W 2008 r. rozpoczął się kryzys finansowy. Szacowany napływ inwestycji zagranicznych w 2009 r. spadł z 1,7bln USD w 2008 do poniżej 1,2bln USD, czyli o około 30% [22]. Kryzys ekonomiczny wpłynął na globalny obraz BIZ. Został odnotowany rekordowy udział w napływie BIZ do krajów rozwijających się. W 2008 r. udział tych krajów w światowym przepływie BIZ wzrósł o 43%. Rekordową sumę 33mld USD przyciągnęły najstabilniej rozwijające się kraje. Stany Zjednoczone pozostały głównym odbiorcą BIZ. Na kolejnych miejscach uplasowały się: Francja, Chiny, Wielka Brytania i Rosja. Największym źródłem inwestycji zagranicznych na świecie, mimo 18% spadku, pozostają Stany Zjednoczone. Znaczącymi inwestorami są również Francja i nowa na liście Japonia, która odnotowała 74% wzrost BIZ za granicą [23].

W 2009 r. wszystkie regiony świata zostały dotknięte spadkiem napływu BIZ. Przede wszystkim gospodarki krajów rozwiniętych odczuły kryzys najsilniej i najwcześniej. Spowodowane to zostało stopniowym ograniczeniem liczby i wartości fuzji i przejęć, a w wyniku ograniczenia popytu, zwiększenia kosztów i ryzyka kredytowego i inwestycji typu greenfield [24].

Tabela 1 – Napływ bezpośrednich inwestycji zagranicznych do krajów świata w latach 1990-2010 (mln USD, %)

NAPŁYW	
Rok	Wartość rocznego napływu (mln USD) Zmiana w stosunku do roku poprzedniego (%)
1990	203 812 1,6
1991	158 936 -22,0
1992	175 841 10,6
1993	219 421 24,8
1994	255 988 16,7
1995	331 068 29,3
1996	386 140 16,6
1997	481 911 24,8
1998	690 905 43,4
1999	1 086 750 57,3
2000	1 387.953 27,2
2001	817 574 -41,1
2002	716 128 -12,4
2003	632 601 -11,7
2004	648 146 2,5
2005	916 000 -41,3
2006	1 461.072 59,5
2007	1 978 838 -35,4
2008	1 697 356 -14,2
2009	1 200 000 -29,3

Źródło: Państwowa Agencja Informacyjna..., op. cit.

Wzrost przepływu bezpośrednich inwestycji zagranicznych w gospodarce światowej w ostatnich dziesięcioleciach oraz perspektywy wzrostu wartości światowych strumieni kapitału w formie BIZ są bezprecedensowymi zjawiskami. Do głównych czynników M. Kuzel zalicza: szybki postęp technologiczny, liberalizację handlu i przepływów kapitałowych na poziomie gospodarek narodowych i regionów, jak również na poziomie globalnym, rozwój rynków kapitałowych i umożliwienie zagranicznym inwestorom zakup akcji przedsiębiorstw narodowych, a także procesy związane z prywatyzacją, deregulacją i demonopolizacją. W związku z powyższymi czynnikami nastąpił wzrost konkurencji w wymiarze globalnym. Wpłynęło to na odejście przedsiębiorstw od zasady dywersyfikacji, na rzecz działań prowadzących do bardziej równomiernego rozmieszczenia produkcji i sieci sprzedaży na różnych rynkach i w wielu krajach, czyli do internacjonalizacji działalności gospodarczej [25].

Bezpośrednie inwestycje zagraniczne w Polsce 1990-2004

Przedmiotem analizy są lata 90-te XX wieku i początek XXI wieku. Analizując napływ kapitału można wyodrębnić dwa etapy:

Etap otwierania gospodarki dla kapitału zagranicznego obejmujący lata 1990-2000. Jest to okres wstępny wyróżniający się występowaniem wielu barier ograniczających napływ kapitału zagranicznego. Trwająca od stycznia 1990 roku transformacja systemu gospodarczego Polski zaowocowała wieloma zmianami legislacyjnymi, instytucjonalnymi i gospodarczymi. Stworzyły one warunki do napływu kapitału zagranicznego. Za formalny początek etapu należy uznać rok 1991 (czerwiec), gdy została przyjęta ustawa o spółkach z udziałem zagranicznym [26]. Na jej podstawie inwestorzy zagraniczni mogli prowadzić działalność gospodarczą w różnych formach:

- spółek z pełnym udziałem kapitału zagranicznego,
- spółek joint-venture,
- uczestnictwa w procesie prywatyzacji przedsiębiorstw państwowych.

Dalszym krokiem dla liberalizacji napływu kapitału zagranicznego do Polski była Ustawa o zmianie ustawy o spółkach z udziałem zagranicznym oraz o zmianie niektórych ustaw [26]. Doprowadziła ona do zrównania warunków działalności gospodarczej podmiotów z udziałem zagranicznym i podmiotów krajowych [9, s.18].

Etap drugi to otwarcie gospodarki dla kapitału zagranicznego po 2001 r. Związany był on z wejściem w życie Ustawy z listopada 1999 roku o prawie działalności gospodarczej [27]. Jej wynikiem jest zasada wolności i równości prawa przedsiębiorców. Zrównywała ona warunki funkcjonowania podmiotów krajowych i zagranicznych.

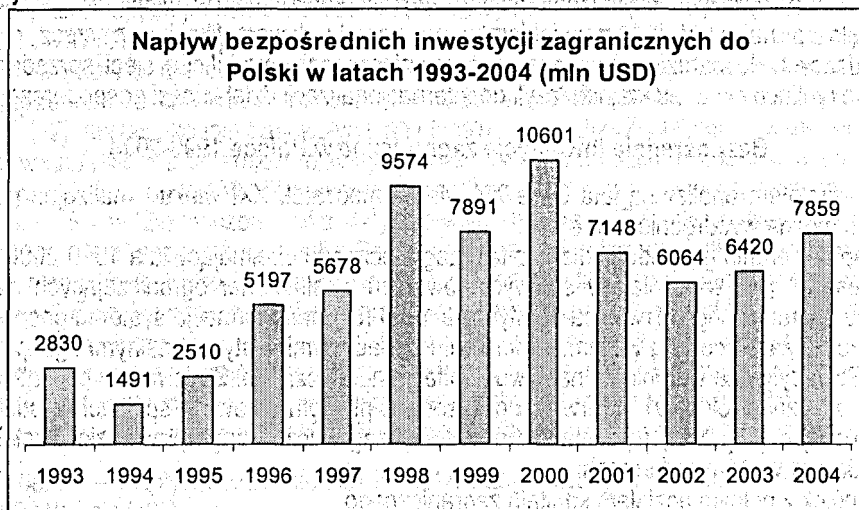
Istnieje wiele czynników wpływających na wzrost napływu BIZ do Polski. Do jednych z nich należy uzyskanie członkostwa z OECD (1966 r.). Stworzyło ono gwarancję wprowadzenia w Polsce uregulowanych procedur i przepisów wobec inwestorów zagranicznych. Atrakcyjność inwestycyjna Polski została spowodowana umocnieniem stabilności geopolitycznej kraju poprzez przystąpienie do NATO (1999) oraz nieodległe członkostwo Polski w Unii Europejskiej (2004) [19, s.3].

Bezpośrednie inwestycje zagraniczne spełniają ogromną rolę w unowocześnianiu gospodarki polskiej. Wprowadzają nowe technologie do przedsiębiorstw, nowe formy zarządzania i organizacji. Spółki z udziałem kapitału zagranicznego odgrywają dużą rolę w obrotach polskiego handlu zagranicznego.

Począwszy od 1991 do 2000 zmiany wartości bezpośrednich inwestycji zagranicznych miały tendencję rosnącą. Od 2001-2003 roku można zaobserwować tendencję spadkową napływu kapitału zagranicznego w formie BIZ do Polski. Rok 2003 był trzecim rokiem w którym napływ kapitału z tytułu bezpośrednich inwestycji zagranicznych obniżył się. W roku 2004 poziom BIZ w Polsce wyniósł 12 355mln USD, było to trzykrotnie więcej niż w 2003 r. W omawianym okresie największy wzrost napływu inwestycji miał miejsce w 2000 r. Wtedy

właśnie odbyła się prywatyzacja Telekomunikacji Polskiej S.A. Przyniosła ona Skarbowi Państwa wpłatę gotówki w wysokości 2,9mld USD [28, s.3]. Jednak już wcześniej, bo w 1996 roku, nastąpiło zdecydowane przyspieszenie tempa przyrostu bezpośrednich inwestycji zagranicznych. Wtedy to wartość zainwestowanego kapitału wzrosła dwukrotnie, a roczny napływ wyniósł 5,1mld USD. W roku 1998 odnotowano kolejny znaczący przyrost BIZ. Wtedy to inwestycje osiągnęły wartość 9,5mld USD.

Wykres nr.1



Źródło: Państwowa Agencja Informacji i Inwestycji Zagranicznych S.A., Warszawa, 23 marca 2004, s.5

Przyczyną spadku BIZ do Polski w latach 2001-2003 było przede wszystkim zahamowanie procesu prywatyzacji, konflikt polskiego rządu z koncernami Vattenfall, Eureka, a także spadek PKB i osłabienie światowej koniunktury gospodarczej. Inwestorzy narzekali także na biurokratyczne bariery, korupcję, słabą infrastrukturę, zmieniające się przepisy podatkowe oraz trudną współpracę z lokalnymi władzami. Za atuty Polski wymienia się: wielkość rynku, korzystne położenie, a także niskie koszty pracy [29, s.226-227].

Rok 2004 to rok dynamiki w BIZ. Ich wartość była trzykrotnie wyższa w porównaniu z rokiem poprzednim. Zostały inwestycje przede wszystkim zainwestowane w przemyśle. A to za sprawą wysokich dodatnich reinwestycji zysków, co było rezultatem poprawy wyników finansowych przedsiębiorstw bezpośredniego inwestowania. Na poprawę tych wyników ogromny wpływ miał wzrost eksportu spowodowany wejściem Polski do Unii Europejskiej, co było wynikiem rozluźnienia barier zewnętrznych popytu. Zwiększenie zdolności akumulacyjnej przedsiębiorstw zostało spowodowane obniżką podatku od osób prawnych. Natomiast wykorzystywane fundusze unijne sprzyjały akumulacji własnej firm. W roku 2004 najczęściej zainwestowały korporacje firm z Francji oraz Stanów Zjednoczonych, natomiast na trzecim miejscu znajdują się firmy, których pochodzenie określone jest jako międzynarodowe, zaś na czwartym miejscu znalazły się Niemcy [30].

W poszczególnych latach okresu 1996-2004 największy strumień bezpośrednich inwestycji zagranicznych napływał z Europy. Wśród inwestorów zagranicznych w Polsce dominowała Francja. Miejsce drugie i trzecie zajmowały Holandia lub Niemcy [9, s.146].

W Polsce występuje ogromne zróżnicowanie napływu bezpośrednich inwestycji zagranicznych w skali województw. Napływające zagraniczne inwestycje zamiast niwelować regionalne różnice, jeszcze bardziej je pogłębiały. Utrwał się podział na bogaty Zachód i ubogi Wschód. W okresie 1998-2004 inwestorzy zagraniczni najchętniej lokowali swoją

działalność w województwie mazowieckim. Na koniec 2004 roku w tym województwie swoją działalność prowadziło 31,8% ogółu spółek z całej Polski. Do obszarów, w których najchętniej inwestowano należało jeszcze województwo dolnośląskie (11,1% ogółu spółek), śląskie (10,3%), wielkopolskie (8,5%) oraz zachodniopomorskie (6,3%). Na pozostałe 11 województw przypadało ogółem 30% podmiotów tego rodzaju. W województwie podlaskim w 2004 r. zarejestrowanych było zaledwie 95 spółek z udziałem inwestorów zagranicznych. Województwo mazowieckie było także wiodące pod względem wielkości kapitału podstawowego spółek z udziałem kapitału zagranicznego. Na koniec 2004 roku wyniósł on w tym województwie 54,5% kapitału zainwestowanego w całą Polskę.

W Polsce do najczęściej wymienianych motywów podejmowania działalności gospodarczej przez inwestorów zagranicznych należą:

- motywy rynkowe – związane są one z chęcią uzyskania dostępu do dużych i chłonnych rynków zbytu. Inwestorom zależy na zdobyciu, utrzymaniu lub powiększeniu swego udziału w rynku sprzedaży. Jako drugi wymieniany jest motyw niskich kosztów pracy. Przykładem inwestycji ze względów rynkowych w Polsce jest Fiat, General Motors, w przemyśle tytoniowym Philip Morris, British American Tobacco, chemicznym – Unilever, w infrastrukturze telekomunikacyjnej – Alcatel, na rynku prasowym – Orkla Media,

- motywy kosztowe – mają znaczenie dla inwestorów poszukujących niedrogiej i wykwalifikowanej siły roboczej,

- motyw wykorzystania inwestycji jako platformy do eksportu. Polska jest atrakcyjnym miejscem dla inwestycji zorientowanych eksportowo ze względu na zasoby niedrogiej i wykwalifikowanej siły roboczej i geograficzną bliskość dużego rynku UE i byłego ZSRR,

- motyw strategiczny bezpośrednich inwestycji zagranicznych oznacza, że są one podejmowane w celu promowania długoterminowych strategicznych celów firmy, zwłaszcza z utrzymaniem jej międzynarodowej konkurencji,

- motyw omińnięcia barier handlowych jest charakterystyczny dla inwestycji, których celem jest wejście na rynek niedostępny. Inwestycje te występują tam, gdzie istnieją bariery w handlu,

- motyw minimalizowania kosztów transakcyjnych oznacza redukowanie kosztów prowadzenia interesów za granicą.

W/g badań Centrum Badań Marketingowych Indicator [32,s.8] za kluczowy czynnik decydujący o rozpoczęciu działalności w Polsce inwestorzy zagraniczni uznali perspektywę wzrostu gospodarczego. Na kolejnych miejscach znalazły się koszt siły roboczej, wielkość polskiego rynku, wysokie kwalifikacje polskiego personelu, poziom cen, duży podaż siły roboczej, możliwość redukcji kosztów produkcji, perspektywę wstąpienia Polski do Unii Europejskiej, korzystne warunki stworzone dla inwestorów zagranicznych oraz bezpieczeństwo prawne kraju.

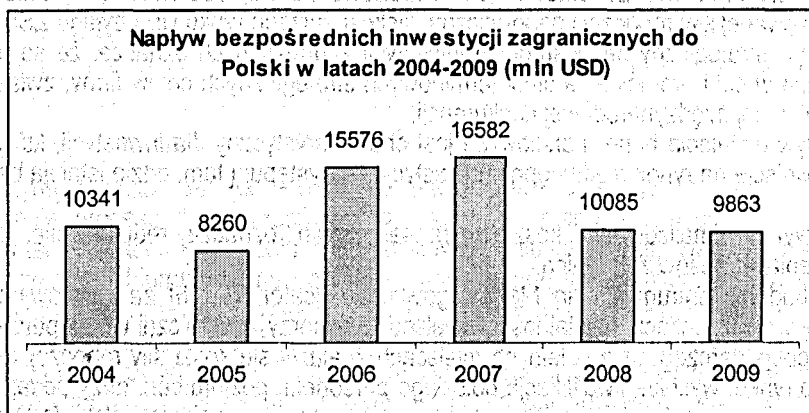
Inwestorzy zagraniczni wskazują na liczne bariery towarzyszące inwestowaniu w naszym kraju, które powodują rezygnację z Polski jako miejsca lokowania bezpośrednich inwestycji zagranicznych. Z badań przeprowadzonych przez Izbę Przemysłowo-Handlową Inwestorów Zagranicznych wynika, że głównymi barierami rozwoju inwestycji w naszym kraju jest nadmierna biurokracja oraz brak stabilności systemu prawnego (nieprzewidywalność zmian systemu regulacji prawnych). Na dalszych miejscach wymieniana jest korupcja, ryzyko związane z brakiem stabilności gospodarczej, brak odpowiedniej infrastruktury.

Bezpośrednie inwestycje zagraniczne w Polsce po 2004 roku

Europa Środkowowschodnia jest atrakcyjna dla inwestorów z wielu powodów. Bowiem kraje te łączą w sobie cechy gospodarek rozwiniętych, tzn. charakteryzują się przejrzystą strukturą prawną, znajomym środowiskiem transakcji, elastyczną i wykształconą siłą roboczą, natomiast niskie płace oraz gwałtowny wzrost gospodarczy stanowią cechy państw

rozwijających się [31, s.13]. Według danych UNCTAD w 2004 r. nastąpiło ogromne zainteresowanie inwestowaniem w Europie Środkowowschodniej, co wynikało głównie z faktu rozszerzenia Unii Europejskiej [32, s.8]. Nowe kraje członkowskie Unii stały się terenem bardziej atrakcyjnym dla zagranicznych inwestycji. Małe i średnie firmy z zachodniej Europy coraz częściej przenosiły w ten obszar swoją produkcję. Najważniejszymi inwestorami w regionie Europy Środkowowschodniej są kraje UE-15 [32, s.155].

W 2004 r. spośród krajów w Europie Środkowowschodniej najwięcej inwestycji zagranicznych napłynęło do Rosji (około 10mld USD), Polski oraz Czech. Prawie co czwarty dolar zainwestowany w tym regionie zasilił gospodarkę Rosji, co ósmy Polskę i co dziesiąty Rumunię. Białoruś jest krajem, gdzie zostało zainwestowanego kapitału zagranicznego najmniej [33, s.7]. Polska w 2004 r. była atrakcyjnym partnerem dla zagranicznych inwestorów. Choć o pozyskanie zagranicznych inwestorów coraz skuteczniej konkurują z Polską: Czechy, Słowacja, Węgry, a także Rosja. Wiele zagranicznych firm zdecydowało się zainwestować w innych krajach tego regionu, a nie w Polsce. Jednak pod względem skumulowanej wartości BIZ Polska jest liderem w Europie Środkowowschodniej [32, s.15]. Według danych Państwowej Agencji Informacji i Inwestycji Zagranicznych (PAIIIZ) w 2004 roku w formie bezpośrednich inwestycji zagranicznych napłynęło do Polski 7,86mld USD, co stanowi wzrost o 23% z rokiem poprzednim. Dane Narodowego Banku Polskiego podają wartość ponad 10,3mln EUR (wykres 3). W Polsce najwięcej kapitału lokują firmy z UE-15, przede wszystkim Francja, Niderlandy oraz Niemcy [32, s.3-4].



Wykres 3 Źródło: NBP

Co roku firma IBM opracowuje raport, który jest analizą bezpośrednich inwestycji zagranicznych w obszarze produkcji, usług oraz badań i rozwoju, zrealizowane przez IBM-Plant Location International (IBM-PLI), będący częścią IBM Global Business Services. Właśnie w tym badaniu w 2005 roku Polska zajęła drugie miejsce w Europie, w kategorii inwestycji produkcyjnych. Na pierwszym miejscu znalazła się Francja. Wśród krajów Europy Środkowowschodniej, które przyciągnęły około 50% inwestycji produkcyjnych z regionu, Polska plasuje się na czołowym miejscu z 148 projektami [34].

W tym samym roku według raportu prowadzonego przez Ernst & Young inwestorzy utworzyli w Polsce 37 745 nowych miejsc pracy, co daje wynik najlepszy w Europie. Raport ten wskazał Polskę jako jeden z najpopularniejszych krajów na świecie pod względem atrakcyjności inwestycji, zajmując piątą pozycję w rankingu, po Stanach Zjednoczonych, Niemczech i Chinach [31, s.4]. W raporcie stwierdzono, że Polska i Czechy jako kraje Europy Środkowowschodniej, są wśród najpopularniejszych państw europejskich pod

względem atrakcyjności lokowania kapitału. Ciekawym jest fakt, iż region ten jest alternatywą dla inwestowania w Chinach pod względem potencjalnego zwiększenia rentowności. Stąd też po Chinach zajmuje drugie miejsce. Choć Europa Środkowowschodnia straciła w 2005 roku na swojej popularności regionu produkcyjnego, to Polska nadal jest w czołówce z wynikiem 7% wszystkich inwestycji w tej branży [31, s.7]. Dobra pozycja tego regionu przekłada się również na liczbę dokonanych transakcji fuzji i przejęć, i tak też w Polsce, Czechach, na Węgrzech, Słowacji, Słowenii i Chorwacji stale rośnie, natomiast ich wartość w Polsce wyniosła 43,8% wszystkich transakcji [31, s.12].

Pod względem wielkości napływu BIZ do Polski rok 2006 był rekordowym. Według danych NBP wartość BIZ wyniosła 15.061mln euro, co stanowi wartość większą o 82% w porównaniu z rokiem poprzednim. Tak ogromny napływ BIZ do Polski dowodzi, iż zagraniczne przedsiębiorstwa pozytywnie oceniają sytuację gospodarczą w całym regionie Europy Środkowowschodniej oraz jej perspektywy wzrostu, a także klimat do inwestowania [35]. Najważniejszą pozycją w napływie BIZ był w 2006 roku wzrost kapitałów własnych tj. zakup akcji i udziałów, zwiększyła się także wartość zaciąganych kredytów i pożyczek, oraz reinwestowanych zysków. Koniunktura w Polsce, przyczyniająca się do wzrostu zysków z prowadzonej działalności gospodarczej, sprzyja coraz to nowszym inwestycjom i zwiększeniu zdolności produkcyjnej zagranicznych przedsiębiorstw. Największymi inwestorami w Polsce były firmy z: Luksemburga, Niemiec, Włoch oraz Niderlandów [35,s.7]. Większość kapitału zagranicznego lokowanego w Polsce w 2006 roku zostało zainwestowane w szeroko rozumiane usługi (np.: obsługa nieruchomości, informatyka, nauka i pozostałe usługi związane z prowadzeniem działalności gospodarczej) [36, s.50]. Ciekawym jest fakt, iż w Europie Środkowowschodniej to właśnie Warszawska Giełda Papierów Wartościowych jest liderem w debiutach spółek w 2006 roku. Tak wynika z raportu opublikowanego przez Federację Europejskich Giełd Papierów Wartościowych (FESE) [37].

Polska na tle takich państw Europy Środkowowschodniej tj. jak Czechy, Węgry czy Słowacja, z którymi w pewien sposób konkuruje o pozyskanie zagranicznych inwestorów, pozostaje po raz kolejny liderem. To właśnie wtedy do polski napłynęła największa wartość zagranicznych inwestycji. Według danych Narodowego Banku Polskiego wartość BIZ wyniosła 16.582mln euro (tab.2) i była wyższa o 6,4% w porównaniu z rokiem poprzednim. Wzrost napływu BIZ do Polski dowodzi tylko i wyłącznie o tym, iż w oczach zagranicznych firm polska sytuacja gospodarcza oraz jej perspektywy wzrostu oraz klimat do inwestowania wypadają pozytywnie. Również w porównaniu z innymi krajami europejskimi, Polska odnotowuje dobre rezultaty i tym samym uplasowała się na drugim miejscu pod względem utworzonych w wyniku napływu BIZ miejsc pracy (18.399), chociaż jest to rezultat o wiele gorszy w porównaniu z rokiem poprzednim. Struktura BIZ w 2007 roku w Polsce koncentrowała się przede wszystkim na reinwestowanych zyskach. Z jednej strony dowodzi to o dobrej kondycji finansowej inwestorów zagranicznych, a z drugiej, iż zagraniczne firmy decydują się na inwestowanie i poszerzenie zakresu swojej działalności w Polsce. Tworzone są także uruchamiane od podstaw nowe firmy. Polska w roku 2007 była oceniana przez zagranicznych inwestorów jako kraj atrakcyjny do inwestowania [38, s.11-13].

Rok 2008 pod względem napływu zagranicznego kapitału do Polski odzwierciedlał kryzysowe tendencje, które miały charakter globalny. Wartość BIZ w 2008 roku wyniosła 10,0mld EUR, wg danych Narodowego Banku Polskiego, co po rekordowym 2007 roku kiedy do Polski napłynęło ponad 17,2mld EUR, była niższa o 42% w porównaniu z rokiem poprzednim. Przyczyny tego spadku należy doszukiwać się w utrzymującej się ogólnej dekonunkturze w światowej gospodarce.

W 2008 roku według raportu Ernst & Young w Polsce ulokowano 176 nowych inwestycji zagranicznych, co dało 15 521 nowych miejsc pracy i plasuje nasz kraj na pierwszym w

Europie Środkowo-Wschodniej pod względem nowych inwestycji [40,s.16]. Za najbardziej atrakcyjny dla inwestycji region na świecie została tym razem uznana Europa Zachodnia oraz Europa Środkowo-Wschodnia wyprzedzając tym samym Chiny oraz Indie [40, s.24]. W 2008 roku zanotowano również spadek liczby nowych miejsc pracy w całej Europie, a także w Polsce. Tłumaczone jest to nie tylko globalnym osłabieniem gospodarczym, ale także zmianą charakteru inwestycji, bowiem zauważa się wzrost projektów z sektora nowoczesnych technologii, które nie potrzebują licznych miejsc pracy.

Napływ bezpośrednich inwestycji zagranicznych do Polski w 2009 roku wyniósł 9,9mld EUR, co oznaczało spadek w stosunku do poprzedniego roku o 8%. Wartość napływu BIZ stanowiły przede wszystkim reinwestowane zyski i inwestycje w kapitał własny polskich spółek. Najwięcej środków zostało ulokowanych w podmiotach zajmujących się przetwórstwem żywności, świadczeniem usług dla biznesu oraz pośrednictwem finansowym, które przekroczyły 1mld EUR. Kraje, które w 2009 roku zainwestowały najwięcej to kapitał pochodzenie niemieckiego, francuskiego oraz luksemburskiego [43]. Wśród krajów europejskich w napływie BIZ Polska znajduje się na 10 miejscu i nadal jest liderem w swoim regionie [42, s.167]. Jednak rok 2009 nie był najlepszy dla inwestycji zagranicznych w Polsce, jak twierdzi Sławomir Majman prezes zarządu PALiIZ, za sprawą niesprzyjających inwestowaniu przepisów prawnych [43].

Literatura:

1. Hirschleifer J., *Investment Decision under Uncertainty: Choice – Theoretic Approaches*, The Quarterly Journal of Economics 1965, vol. LXXIX, no. 4.
2. Kraszewski W., *Przedsiębiorstwa z udziałem kapitału zagranicznego w Polsce w latach 1990-1999*, Toruń 2001.
3. Jajuga K., T. Jajuga, *Inwestycje – instrumenty finansowe – inżynieria finansowa*, Warszawa 1997.
4. Golejewska A., *Bezpośrednie inwestycje a proces restrukturyzacji gospodarczej. Aspekt teoretyczny*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2008.
5. Budnikowski A., *Międzynarodowe stosunki gospodarcze*, PWE, Warszawa 2001.
6. Dunning J.H., *Multinational Enterprises and the Global Economy*, Wokingham 1993, s.5 [za:] Kuzel M., *Rola bezpośrednich inwestycji zagranicznych w dyfuzji wiedzy i umiejętności*, Wydawnictwo TNOiK „Dom Organizatora”, Toruń 2007.
7. Kuzel M., *Rola bezpośrednich ... op. cit.*
8. OECD, *Benchmark Definition of Foreign Direct Investment*, Third Edition, Paris 1996, s.78 [za:] Kuzel M., *Rola bezpośrednich ... op. cit.*
9. Jaworek M., *Bezpośrednie inwestycje zagraniczne w prywatyzacji polskiej gospodarki*, Wydawnictwo TNOiK „Dom Organizatora”, Toruń 2000.
10. Frąckowiak W., *Fuzje i przejście przedsiębiorstw*, PWE, Warszawa 1998, s.58-60.
11. Balcerowicz E., (red. naukowy), *Rola inwestycji zagranicznych w gospodarce*, Zeszyty BRE Bank – CASE, CASE Centrum. Analiz Społeczno-Ekonomicznych, Fundacja Naukowa, Warszawa 2002.
12. Hymer S.H., *The International Operations of National Firms: A Study of Direct Foreign Investment*, Cambridge 1976.
13. Kindleberger Ch.P., *American Business Abroad*, Yale University Press, New Haven 1969.
14. Kraszewski W., *Bezpośrednie inwestycje zagraniczne. Polska na tle świata*, Toruń 2004.
15. Misala J., *Teorie międzynarodowej wymiany zagranicznej*, PWN, Warszawa 1990.
16. Umiński S., *Znaczenie zagranicznych inwestycji bezpośrednich dla transferu technologii do Polski*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2002.
17. Przybylska K., *Proces internacjonalizacji przedsiębiorstwa w teorii ekonomicznej*, Zeszyty Naukowe nr3, Wyższa Szkoła Ekonomiczna w Bochni, Bochnia 2005.
18. Stępiak A., S. Umiński, *Możliwości wykorzystania transferu kapitału przez polskie firmy na obszarze Unii Europejskiej*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 1998.
19. Raport na temat wspierania inwestycji zagranicznych w Polsce, Departament Inwestycji Zagranicznych i Promocji Eksportu, MGPIPS, Polska Agencja Informacji i Inwestycji Zagranicznych S.A., Warszawa 23 marca 2004.

20. Kopec U., *Bezpośrednie inwestycje zagraniczne w gospodarce światowej i w krajach Europy Środkowej i Wschodniej* [w:] Krawczuk D., (red.), *Inwestycje zagraniczne w Polsce. Raport roczny*, Instytut Koniunktur i Cen Handlu Zagranicznego, Warszawa 2004.

21. Informacja na temat napływu bezpośrednich inwestycji zagranicznych do Polski w 2006 r., Ministerstwo Gospodarki, Departament Analiz i Prognoz, Warszawa 25.10.2007, s.3 <http://www.mg.gov.pl/NR/rdonlyres/F91B004A-083D-439F-87CB-A964981E4B5F/BIZPazdziernik08.pdf>, stan 11.02.2011.

22. Górska A., *Bezpośrednie inwestycje zagraniczne w dobie kryzysu na świecie w latach 2006-2009*, <http://www.konferencja.edu.pl/Files/ConfXV/Resports/PDF/Gorska%20Anna%20Bezposrednie%20Inwestycje%20Zagraniczne%20w%20dobie%20kryzysu%20na%20swiecie%20w%20latach%202006-2009.pdf>, stan 11.02.2011.

23. Prezentacja World Investment Report, Newsletter 17.09.2009, Nr 140, PAliIZ, <http://www.paiz.gov.pl/index.php?id=effffa8deef3c927fefc014850129bb6>, stan 11.02.2011.

24. Państwowa Agencja Informacji i Inwestycji Zagranicznych, Światowy Raport Inwestycyjny 2010, Warszawa 22.07.2010, http://www.paiz.gov.pl/20100722/swiatowy_raport_inwestycyjny_2010, stan 11.02.2011.

25. Dziennik Ustaw 1991, nr 60, poz. 253.

26. Dziennik Ustaw 1996, nr 45, poz. 199.

27. Dziennik Ustaw 1999, nr 101, poz. 1178.

28. Wołodkiewicz-Donimirski Z., *Bezpośrednie inwestycje w Polsce w latach 2001-2002*, Kancelaria Sejmu Biuro Studiów i Ekspertyz, Wydział Analiz Ekonomicznych i Społecznych, Warszawa, kwiecień 2003, nr 960.

29. Pilarska Cz., *Polityka państwa w zakresie bezpośrednich inwestycji zagranicznych w Polsce*, [w:] pod red. Kopycińska D., *Zakres i formy interwencjonizmu państwowego we współczesnych systemach gospodarczych*, Katedra Mikroekonomii Uniwersytetu Szczecińskiego, Szczecin 2006.

30. Bęben M., *Ponad 84mld USD bezpośrednich inwestycji zagranicznych*, <http://www.paiz.gov.pl/nowosci/?idnews=399>, stan 12.02.2011.

31. *Atrakcyjność inwestycyjna Europy. Badanie Ernst & Young*, Ernst & Young 2006.

32. *Bezpośrednie inwestycje zagraniczne w Polsce według stanu na koniec 2004 roku*, Ministerstwo Gospodarki i Pracy, Departament Analiz i Prognoz Ekonomicznych, Warszawa czerwiec 2005.

33. *Dlaczego Polska. Plusy i minusy prowadzenia działalności gospodarczej w ocenie inwestorów. Raport KPMG*, KPMG Sp.

34. Kujawa J., *Inwestycje zagraniczne w Europie 2005*, eGospodarka.pl, <http://www.egospodarka.pl/17392.inwestycje-zagraniczne-w-Europie-2005,1,39,1.html>, stan 13.02.2011.

35. Informacja na temat napływu bezpośrednich inwestycji zagranicznych do Polski w 2006 r., Ministerstwo Gospodarki, Departament Analiz i Prognoz, Warszawa 25.10.2007, s.3 <http://www.mg.gov.pl/NR/rdonlyres/F91B004A-083D-439F-87CB-A964981E4B5F/41341/BIZPazdziernik08.pdf>, stan 11.02.2011.

36. Stawicka M., Motyczka M., *Bezpośrednie inwestycje w Polsce w 2006 roku*, Zeszyty Naukowe WSOWL, nr 4/2007, Wrocław 2007.

37. Marszałek D., *Debiuty 2006 – GWP liderem w Europie Środkowej*, http://www.inwestycje.pl/ipo/debiuty_2006_gwp_liderem_w_europie_srodkowej;1851;0.html, stan 13.02.2011.

38. Ministerstwo Gospodarki Departament Analiz i Prognoz, *Bezpośrednie inwestycje zagraniczne w Polsce według stanu na koniec 2007*, Warszawa grudzień 2008, http://www.mg.gov.pl/NR/rdonlyres/F91B004A-083D-439F-87CB-A964981E4B5F/50463/BIZ_2007.pdf, stan 15.02.2011.

39. Pod kier. Piątkowska A., *Polska 2010 – Raport o stanie gospodarki*, Ministerstwo Gospodarki, Warszawa 2010.

40. *Reinventing European Growth. European attractiveness survey*, Ernst & Young 2009.

41. *Inwestycje zagraniczne*, Polska Agencja Informacji i Inwestycji Zagranicznych S.A., http://www.piz.gov.pl/polska_w_liczbach/inwestycje_zagraniczne, stan 13.02.2011.

42. UNCTD, *World Investment Report 2010, Investing in a low-carbon economy*, New-York and Geneva 2010.

43. *Inwestycje zagraniczne*, Polska Agencja Informacji i Inwestycji Zagranicznych S.A., http://www.paiz.gov.pl/polska_w_liczbach/inwestycje_zagraniczne, stan 13.02.2011.

СОДЕРЖАНИЕ

Абраменко Е.Г. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.....	3
Акинчиц И.И. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТИВНО-СУБЪЕКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	7
Андрияшко М.В. НОРМЫ МОРАЛИ В БРАЧНО-СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	11
Баранов А.М. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	14
Билевич О.И. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И СТРАНАМИ СНГ:УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ	18
Бодак М.С. ДИНАМИКА МЕНТАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ.....	23
Борсук Н.Н. АСЭНСАВАННЕ ЗРУХАЎ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТОРЫІ Ў МАСТАЦКІМ МЫСЛЕННІ	26
Вайнилович Э.Г., Фалевич М.К. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК МНОГОФАКТОРНЫЙ ПРОЦЕСС	30
Варич В.Н. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	34
Винокурова С.П. ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕНДЕРНЫХ ПРОБЛЕМ	38
Вишневецкий М.И. ПУТИ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ.....	42
Гарматны В.П. ПРАВЯДЗЕННЕ КАМАСАЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ КОСАЎСКАГА ПАВЕТА ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА ў 1921-1939 гг.	46
Домасевич И.В. РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	50
Жарикова А.А. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	53
Задружная И.В. РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ КАК ДИНАМИЧНО РАЗВИВАЮЩАЯСЯ СТРАНА В МИРОВОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	56
Dr Jarosław Zalejski KSZTAŁTOWANIE WIZERUNKU ORGANIZACJI	59

Калмыков В.Н. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВА КАК СПОСОБ ЕГО ПОЗНАНИЯ.....	71
Кандричина И.Н. О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ.....	75
Карлович О.В. НАСЕЛЕНИЕ ЛИДСКОГО УЕЗДА В ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ 1831 И 1863 гг.....	79
Касьяненко А.П. ТРАНСГРАНИЧНЫЙ КЛАСТЕР АГРОКОТУРИЗМА «ЕВРОРЕГИОН ДНЕПР» – ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОДУКТ НА ТУРИСТИЧЕСКОМ РЫНКЕ.....	84
Ковалёва Н.Н. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ.....	87
Ковальчук И.А. СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В УКРАИНЕ.....	91
Коновалов В.Т., Пачинин В.И. НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ – ВАЖНЫЙ ДУХОВНЫЙ РЕСУРС ОБЩЕСТВА.....	94
Константинов С.А., Приходько Ф.С. СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОЛЬ ГОСУДАРСТВА КАК ИНСТИТУТА ВЛАСТИ.....	97
Котляров И.В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ БЕЛАРУСИ КАК СУБЪЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	100
Кудин Н.В. САМООЦЕНКА ПАТРИОТИЗМА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	104
Куприянова Г.М. ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ В ТРАНС- ФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ.....	107
Кучмаева О.В., Петрякова О.Л. ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ.....	110
Лапина И.А. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ.....	114
Лапина С.В. СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-УПРАВ- ЛЕНЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	118
Лукашевич В.К. НАПРАВЛЕННАЯ ДИНАМИКА ИННОВАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА КАК МЕХАНИЗМ ОПТИМИЗАЦИИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	122
Мармашова С.П. ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	126

Мартинovich Н.В. ЭТАПЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ.....	129
Медиченко Л.Е. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.....	132
Мисиюк В.С. БЕЛОРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ И СОЦИАЛЬНОЙ УТОПИИ.....	136
Можаровская Я.В. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.....	140
Наумова В.И. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	143
Николаенко В.Л., Косак А.А., Щеголева М.Ю. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ АДАПТАЦИЮ ИНДИВИДУМА.....	147
Никончук Н.В. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА.....	150
Ольховик И.В. ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ.....	153
Plewa Alfred VERGLEICH ZWISCHEN JOHN RAWLS UND AMARTYA SEN.....	157
Попова Р.В. «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК» ГЛОБАЛИЗОВАННОГО МИРА: ПЕРСПЕКТИВЫ И АЛЬТЕРНАТИВЫ.....	160
Предко Т.И., Акинчиц И.И. ВНЕКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ.....	164
Прохореня А.И. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ.....	168
Седнина М.А., Комиссарова Е.А. КАЧЕСТВО И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ.....	172
Седнина М.А., Кандричина И.Н. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	175
Семенченко Ф.Г. ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ.....	178
Смоляк С.Г. ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЭТНОСА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	183

Smolarczyk Andrzej PRZESTRZEŃ GEOGRAFICZNA I KRAJOBRAZY KRESOWE WE WSPOMNIENIACH WOŁYNIA, POLESIA I LITWY JÓZEFA IGNACEGO KRASZEWSKIEGO	186
Сребалюс Й. ВИЗУАЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВА	196
Стариков В.И. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПОСЛЕДСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	199
Степанович В.А., Климович А.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.	203
Степанович В.А., Перевалова Л.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ	206
Степанюк В.К. ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА	210
Стрелец М.В. КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ИНТЕРЬЕРЕ РЕАЛИЙ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ	213
Сытник А.И. ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	217
Титаренко Л.Г. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАК ИННОВАЦИОННОЕ ЗВЕНО ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ БЕЛОРУССОВ	221
Фомина И.Н. ФИНАНСОВЫЕ МЕТОДЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ.....	226
Шебанова И.А. ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	228
Широканов Д.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ «ОБЩЕСТВА РИСКА» И СОВРЕМЕННОЕ БЕЛОРУССКОЕ ОБЩЕСТВО	232
Эйдукене Даля СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	236
Яскевич Я.С. ЭТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ	238
Hines M. SOCIETAL TRANSFORMATION IN CEE COUNTRIES: CASE STUDIES FROM POLAND.....	243
Zofia Tomczonek BEZPOŚREDNIE INWESTYCJE ZAGRANICZNE W POLSCE W LATACH 1990–2009.....	248

Научное издание

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Под общей редакцией доктора социологических наук,
профессора Титаренко Л.Г.

Основан в 2004 г.

Текст печатается в авторской редакции

Ответственный за выпуск **Варич В.М.**

Редактор **Строкач Т.В.**

Компьютерная верстка **Боровикова Е.А.**

Корректор **Никитчик Е.В.**

Дизайн обложки **Щербина Г.Л.**

Лицензия № 02330/0549435 от 8.04.2009 г.

Подписано в печать 06.05.2011 г.

Формат 70x90 1/16. Бумага «Снегурочка». Гарнитура Arial Narrow.

Усл. печ. л. 19,4. Уч.-изд. л. 16,75. Зак. № 500. Тираж 100 экз.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Брестский государственный технический университет».

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.